

Александр ВАСЬКИН

“Москва, спалённая пожаром”

Первопрестольная
в 1812 году

Москва

УДК 908(470-25):94(47).072.5
ББК 26.89(2-2М):63.3(2)521.1
В 19

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Васькин А.А.

В 19 “Москва, спалённая пожаром”. Первопрестольная в
1812 году/Предисл. В.Б. Муравьёва. – М.: Издательство
«Спутник+», 2012. – 320 с.: ил.; + Именн. указ. (3 с.)

ISBN 9973-5-978-1900-7

На обложке этой книги неслучайно помещен рисунок из серии «Русские казаки в Париже», передающий необыкновенно мирную атмосферу присутствия российской армии во французской столице в 1814 году. Это совершенно несравнимо с тем, как вели себя солдаты Наполеона в Москве в 1812 году, устроив в Первопрестольной сущий погром и ободрав древнюю русскую столицу как липку. Именно о жизни Москвы в том героическом году и повествуется в этой книге: подготовка города к войне, неожиданная его сдача Наполеону, а затем вынужденное самосожжение Первопрестольной, жизнь москвичей во время оккупации, сидение Наполеона на Москве и его безуспешные попытки заключить перемирие, грабежи и варварство вражеских солдат, разорение православных храмов и дворянских усадеб...

А еще психологический портрет московского генерал-губернатора Ростопчина, явившегося катализатором событий двухсотлетней давности, его отношения с Кутузовым и Александром I, подробности создания воздушного шара для борьбы с французами, шпионская сеть в Москве, дело Верещагина, история первого мэра Москвы, тяжелая участь русских раненых, попытка французов перед их бегством окончательно «добить» Москву... Об этом и многом другом рассказывает историк Москвы, писатель Александр Васькин.

Книга снабжена именным указателем.

УДК 908(470-25):94(47).072.5
ББК 26.89(2-2М):63.3(2)521.1

ISBN 9973-5-978-1900-7

© Васькин А.А., 2012

Память двенадцатого года

К двухсотлетию Отечественной войны 1812 года у нас, в России, издано и продолжает выходить множество все новых и новых книг. Среди них труды ученых-историков, в которых анализируются и объясняются причины войны, рассказывается о тайной стратегии сторон, сути военных планов и объективной закономерности развития событий; также переиздаются известные и публикуются вновь обнаруженные документы и воспоминания участников, свидетелей и жертв войны с той и с другой стороны.

Историки предлагают схему эпохи.

Документы и мемуары опрокидывают на читателя бурлящий поток шумной, перебивающей саму себя, сбивающей с мысли, путаной жизни. Но это и есть настоящая жизнь.

В ряду юбилейной литературы, посвященной Отечественной войне 1812 года, тема книги Александра Васькина «Москва, спаленная пожаром. Первопрестольная в 1812 году» на первый взгляд кажется сугубо традиционной: конечно, какой же рассказ о 1812 годе может обойтись без московского пожара.

Книга насыщена историческим материалом, в ней много цитат. Названия глав обещают подробное и — главное — разностороннее по-

вестование. Тут и размышления о природе военного нападения на Россию: «Крестовый поход на Россию?», и хроника событий: «Война началась», «Приезд Александра I», и сложнейшая проблема взаимоотношений Кутузова и московского генерал-губернатора Ростопчина: «Ростопчин и Кутузов: двое в одной лодке», и различные стороны жизни прифронтной Москвы: «Москва в шпионской сети», «Московские купцы: «кому война, а кому мать родна!», «Эвакуация раненых и казенного имущества», и пребывание французов в Москве: «Французы хозяйничают в Москве», «Пожар начался», «Горящая Москва глазами Стендаля», «Как французы Москву тушили», «Наполеон создает муниципальный совет», «Глумление над православными святынями», «Октябрь: последние дни французов в Москве». Я перечислил лишь некоторые главы, но и по ним читатель может представить, насколько широк и детален рассказ автора о Москве, спаленной пожаром 1812 года.

Кое у кого может возникнуть впечатление, что обо всем этом мы читали и читали.

Действительно, читали и читали, и, что скрывать, порой страницы, на которых рассказывалось о том или ином уже знакомом эпизоде, просто пропускали.

А вот в книге Александра Васькина страницу, вроде бы и про уже

читанное прежде, так не перевернешь. Автор нашел свою форму повествования, или, вернее, она сама его нашла и заставила вести повествование именно в таком ключе.

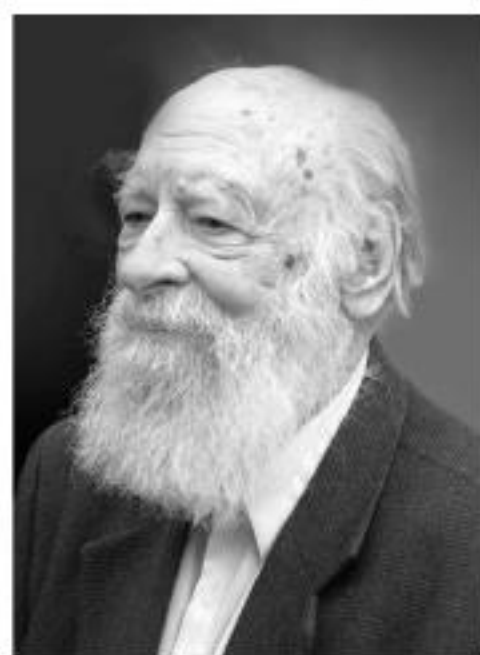
Вчитываясь в документы и воспоминания об эпохе 1812 года, причем не только хорошо знакомые и часто встречаемые в других книгах, но и мало известные, как, например, высказывания генерал-губернатора Москвы графа Ростопчина из его сочинения «Правда о пожаре Москвы», автор увидел, что в них полно деталей, бытовых мелочей, случаев повседневной жизни, которыми пренебрегают историки, ошибочно полагая, что они не имеют важного исторического значения. Но именно эти мелочи воскрешают живой дух эпохи.

Известен литературный прием: герой из своего времени перемещается в прошлое и включается в тогдашнюю жизнь. Это и произошло с Васькиным: занявшись

Отечественной войной 1812 года, он очутился в этой эпохе и в окружении и самом близком человеческом общении с теми, чьи воспоминания читал. Васькин цитирует мемуариста, а потом вдруг начинает разговаривать с ним, спорить, одобрять или порицать. Особенно интересно это получается с мемуарами французов: автор, по неистребимой русской привычке верить человеку, сочувствует им, иногда даже становится на их сторону – ведь они тоже люди.

А в общем получилась не книга научно-популярного жанра, а скорее художественное произведение. К обширной галерее исторических лиц, которые рассказывают о своей эпохе и о себе, следует присоединить и образ автора, который выступает из текста не менее определенно, нежели они. Автор размышляет, переживает, судит: то его осеняет догадка, то он ошибается. И его присутствие делает книгу живой и увлекательной.

Вл. Муравьев

Владимир Муравьев,
Председатель Комиссии
«Старая Москва»

Крестовый поход на Россию?

«Какой ужасный пожар! Посмотрите, что он натворил! Этот проклятый римлянин... Кем он вообразил себя? Нероном? Тогда где тот холм, на котором он должен отдать приказ своим слугам резать себя? За что он так ненавидит этот древний город? Даже русский император не мог бы отдать приказ о сожжении Москвы! А он отдал! Что будет с этим несчастными русскими, оставшимися здесь? Теперь вся Европа вообразит меня средневековым варваром, запалившим город вместе с его народом. Но ведь я не варвар, чтобы заживо жечь людей! Боже мой, зачем все это, для чего?» — все эти слова извергались Наполеоном в начале сентября 1812 года в бурном потоке проклятий, направленном против всего лишь одного человека — генерал-губернатора Москвы Федора Ростопчина. Сам Ростопчин ответить Наполеону не мог, поскольку выехал из вверенного ему города еще 2 сентября. Начавшийся в тот же день пожар Москвы и явился тем своеобразным ответом, что дан был Ростопчиным прославленному и не встречавшему доселе серьезного сопротивления завоевателю Европы.

Ни один другой город не проявил таких «горячих» и «пламенных» чувств к Наполеону, как Москва. Сгорели в огромном море огня не только древние московские хра-

мы и палаты, сгорело ожидавшееся Наполеоном скорое и победное завершение русской кампании, навсегда утрачена была его непоколебимая уверенность в многолетней прочности созданной им империи. К июню 1812 года он подмял под себя не только Францию, но и Австрию, Пруссию, Голландию, германские княжества, итальянские королевства и прочие земли. С большим трудом сдерживал Наполеон сопротивление испанцев, отчаянно боровшихся с французской оккупацией.

Он долго раздумывал: какую страну избрать в качестве следующей жертвы своей агрессии: Англию, с ее непотопляемым флотом и богатейшими колониями, или Россию, с ее огромной территорией, и, как он считал, рабским народом и бездарными генералами. В конце концов, Россия показалась ему куда более слабой и уязвимой. К тому же, второй польский поход, как вначале он назвал эту авантюру, должен был закончиться в крайнем случае в октябре. Ведь он перечитал все книги о России, какие только стояли в его обширной библиотеке, и нигде не нашел указаний на то, что в октябре на бескрайних русских просторах уже выпадает снег. А потому и затрат на кампанию не требовалось слишком много — зимнее обмундирование его солдатам было

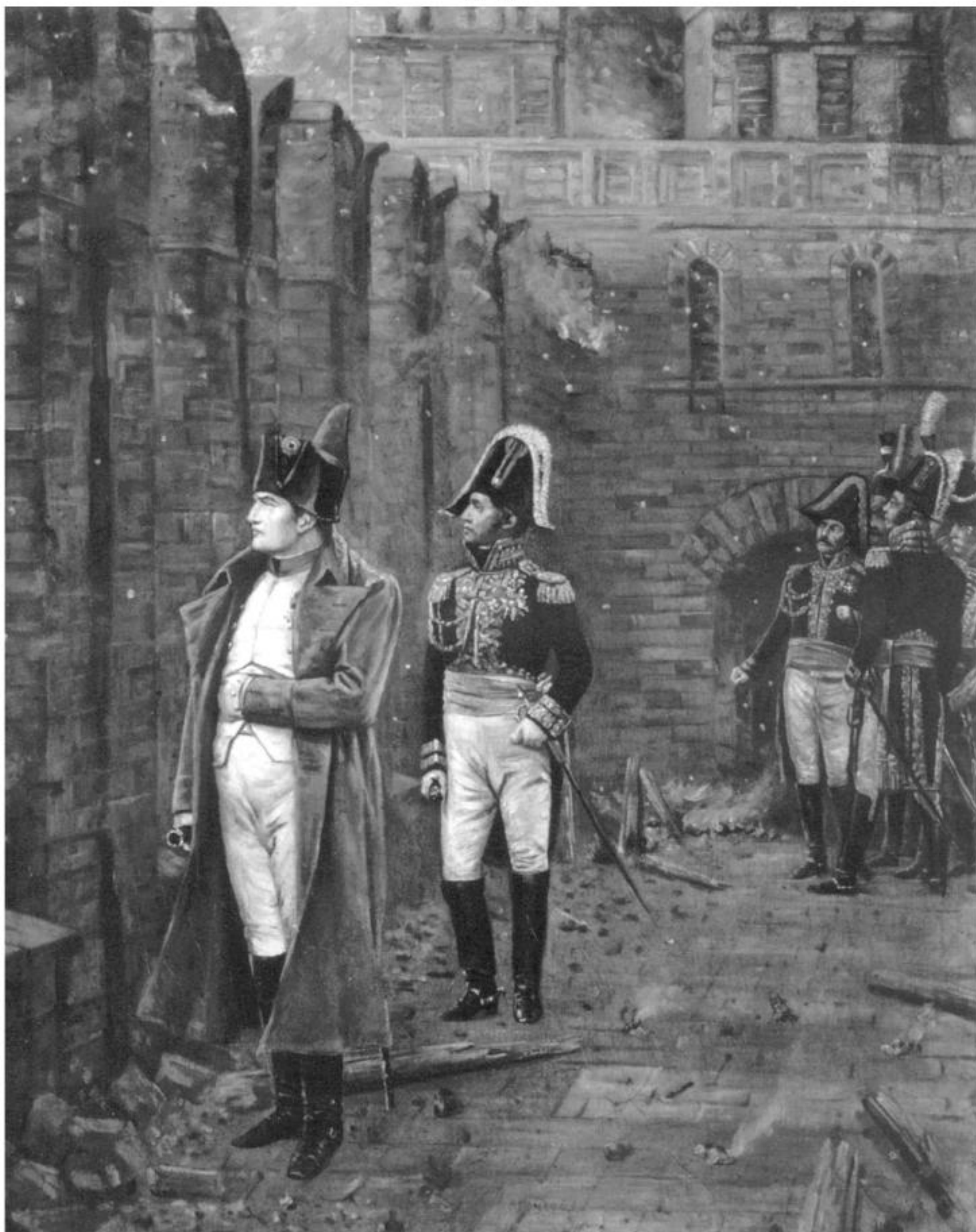
Пожар Москвы в сентябре 1812 года. 1810–1820-е гг.

ни к чему, ведь к зиме они должны были уже вернуться на родную землю.

Вспоминал ли французский император в эти дни, как просился когда-то на военную службу в Россию? Было это в 1788 году, в преддверии очередной русско-турецкой войны. Тогда императрица Екатерина II повелела: зачислять в русскую армию иностранных офицеров, но с одним условием — понижением в чине. Честолюбивого Наполеона это никак не могло устроить, а русские генералы не имели полномочий сделать для него одного исключение.

А вот граф Ростопчин, служивший при Павле главой военного департамента, будь его воля, взял бы Наполеона в русскую армию: «До 1806 г. я не имел против Наполеона ненависти более, как и послед-

ний из Русских; я избегал говорить о нем, сколько мог, ибо находил, что писали на его счет слишком и слишком рано. Народы Европы будут долго помнить то зло, которое причинил он им войною, и в классе просвещенном два существующих поколения разделятся между энтузиазмом к завоевателю и ненавистью к похитителю. Я даже объявлю здесь откровенно мое верование в отношении к нему: Наполеон был в глазах моих великим Генералом после Итальянского и Египетского похода; благодетелем Франции, когда прекратил он революцию во время своего Консульства; опасным деспотом, когда сделался Императором; ненасытным завоевателем до 1812 года; человеком, упоенным славою и ослепленным счастьем, когда предпринял завоевание России; униженным гени-

«В Кремле – пожар!» Худ. В.В. Верещагин. 1887–1898 гг.

ем в Фонтенбло и после Ватерлоского сражения, а на острове Св. Елены плачущим прорицателем. Наконец, я думаю, что умер он с печали, не имея уже возможности возмущать более свет и видя себя заточенным на голых скалах, чтобы быть терзаемым воспоминанием прошедшего и мучениями настоящего, не имея права обви-

нять никого другого, кроме самого себя, будучи сам причиною и своего возвышения, и своего падения. Я очень часто сожалел, что Генерал Тамара, имевший препоручение в 1789 году, во время войны с Турками, устроить флотилию в Средиземном море, не принял предложения Наполеона о приеме его в Русскую службу; но чин Майора,

которого он требовал, как Подполковник Корсиканской Национальной Гвардии, был причиной отказа. Я имел это письмо много раз в своих руках».¹

Стоя у окна в своем временном пристанище в Петровском путевом дворце, в котором обычно останавливались русские цари, приехав на коронацию, Наполеон наблюдал и за тем, как гибнут в огне нарисованные им блестящие перспективы его империи. Ведь он рассчитывал через Россию совершить поход на Индию, крупнейшую британскую колонию. Только достигнув Индии, Наполеон надеялся окончательно подорвать экономическую мощь Великобритании, для борьбы с которой он устроил колониальную блокаду. Но блокада эта оказалась слишком непрочной: то тут, то там проникали через нее колониальные товары, сводя на нет все усилия Наполеона. Главной пособницей Англии по подрыву этой блокады император считал Россию, через которую контрабанда потоком текла в Европу.

Есть и еще одно неожиданное предположение: Наполеон рассчитывал объявить себя в Москве не иначе как... императором всей Европы, нового огромного государства от Ла-Манша до Урала. А для этого уже заранее задумал приехать в Первопрестольную самого папу Римского Пия VII, который и должен был благословить его как будущего верховного правителя европейского континента. Захотел бы приехать папа? А куда бы

он делся! Наполеон уже однажды выписывал его себе из Парижа в 1804 году, когда возжелал, чтобы тот лично возложил на его золотую голову большую императорскую корону, подобно своему далекому предшественнику, короновавшему за десять столетий до того Карла Великого. А чем Наполеон хуже легендарного короля франков и императора Запада? Этот эпизод многократно описан историками и еще более красочно художниками – ведь Наполеон в самый кульминационный момент коронации, проходившей в Соборе Парижской Богоматери, вырвал из рук папы корону, чтобы самому увенчать себя, а затем и свою коленопреклоненную супругу.²

Так вот, папа Римский должен был приехать в Москву и не только помазать Наполеона на новое царство, но и выступить объединителем и унификатором православной и католической церквей. Благо, что католических священников, иезуитов было в Москве и России достаточно, да и паства их была велика – немало французов бежало от своей Великой революции в Россию и неплохо прижилось здесь. А уж о том, что детей русских дворян с детства учили всему французскому (за это французов и не любил тот же Ростопчин), и говорить не приходится (см. «Евгений Онегин»). Иными словами, Отечественная война 1812 года была еще и крестовым походом против России. Что же тогда удивляться жестокости на-

¹ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. – М., 1823. – С. 56.

² Ratchinski A. Napoleon et Alexander I: La guerre des idées. Paris, 2002.

полеоновских солдат, проявленной к московским священникам, и варварству оккупантов в православных соборах и храмах, но об этом подробный разговор еще впереди.

Все возможные санкции к побежденной России Наполеон продумал заранее: это и непосильные контрибуции, и обязанность содержания французских гарнизонов, которые он непременно бы посадил на шею российскому народу, и французские таможни в крупнейших портах, и отторжение Украины, Белоруссии, Прибалтики, а главное – потеря независимости, за которую так часто и с кровоп-

ролитными потерями сражались наши предки...

Через призму столь ужасных последствий сожжение Москвы не выглядит таким уж катастрофичным, когда оно является единственно возможным средством остановить вражескую армию, деморализовать ее и вынудить убраться восвояси. Так думал и московский генерал-губернатор Федор Ростопчин, ставший в сентябре 1812 года главным врагом Наполеона и его войска. Именно Ростопчин сыграл главную роль в трагических и в то же время великих событиях, развернувшихся в древней русской столице двести лет назад.

**Иллюминация на Соборной площади в Кремле
по случаю коронации Александра I. Худ. Ф.Я. Алексеев. 1801 г.**

Граф Ростопчин как предвестник войны

Граф Ростопчин Ф.В.

Худ. С. Тончи. 1800 г.

Отечественная война для Москвы началась раньше, чем для всей остальной России – не в июне 1812 года, когда наполеоновы войска переправились через Неман, а в мае, после назначения в Первопрестольную генерал-губернатором графа Федора Васильевича Ростопчина. 5 мая 1812 года государь Александр I скрепя сердце подписал рескрипт о новом московском градоначальнике, коим и стал весьма авторитетный и популярный граф. Известность Ростопчину принесла агрессивная антифранцузская риторика, нашедшая хорошо удобренную почву в самых разных слоях российского общества. Сам-

то Александр Ростопчина терпеть не мог.

Откуда взялась неприязнь к Ростопчину? Корни ее лежат глубоко и тянутся еще со времен павловского царствования. Ведь Федор Васильевич был убежденным сторонником и правой рукой Павла I и противником его отстранения от власти (это еще мягко сказано – отстранение). При нем он и графом-то стал. Павлу Ростопчин был обязан всем, он буквально поднял его «из грязи в князи».

Но сначала попытаемся составить психологический портрет самого графа, назначение которого градоначальником Москвы во многом предопределило роль и место Первопрестольной в истории Отечественной войны 1812 года.

Споры относительно личности Ростопчина не утихают и по сей день. Одни его считают настоящим патриотом и основоположником российского консерватизма, другие – крикливым болтуном-провокатором, третьи – неудачным генерал-губернатором, четвертые – даровитым литератором...

К противоречивым оценкам своей личности граф Ростопчин был готов еще при жизни: «Что ж касается именно до меня, то и конца бы не было, если бы я хотел говорить о всех глупостях, сказан-

ных на мой счет: то иногда я безызвестного происхождения; то из подлого звания, употребленный к низким должностям при Дворе; то шут Императора Павла; то назначенный в духовное состояние, воспитанник Митрополита Платона, обучавшийся во всех городах Европы; толст и худощав, высок и мал, любезен и груб. Нимало не огорчаясь вздорами, столь щедро на счет мой расточенными кропателями историй, я представляю здесь мою службу. Я был Офицером Гвардии и Каммер-Юнкером в царствование Императрицы Екатерины II; Генерал-Адъютантом, Министром Иностранных дел и Главным Директором Почты в царствование Императора Павла I; Обер-Каммергером и Главнокомандующим Москвы и ее Губернии при нынешнем Императоре. Что же касается до моего происхождения, то, не во гнев господам, рассуждающим под красным колпаком, я скажу, что родоначальник нашей фамилии, поселившейся в России назад тому более трех столетий, происходил по прямой линии от одно из сыновей Чингис-Хана...»³

Своего татарского происхождения граф не скрывал и даже гордился им. Как-то император Павел спросил его:

– Ведь Ростопчины татарского происхождения?

– Точно так, государь, – ответил Ростопчин.

– Как же вы не князья? – уточнил он свой вопрос.

³ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. – С. 24.

– А потому, что предок мой переселился в Россию зимою. Именитым татарам-пришельцам, летним цари жаловали княжеское достоинство, а зимним жаловали шубы.⁴

В своих не лишенных остроумия мемуарах Ростопчин так описывает собственное рождение, случившееся 12 марта 1765 года: «Я вышел из тьмы и появился на Божий свет. Меня смерили, взвесили, окрестили. Я родился, не ведая зачем, а мои родители благодарили Бога, не зная за что». Правда, биографы графа считают по-иному, ссылаясь на то, что год рождения Ростопчина, выбитый на его надгробном камне на Пятницком кладбище в Москве, указан как 1763.

Родился будущий генерал-губернатор Москвы в селе Косьмодемьянском Ливенского уезда Орловской (тогда Воронежской) губернии. Сам же Ростопчин на одном из своих портретов написал о себе: «Он в Москве родился и ей он пригодился». Вот и думай после этого что хочешь. Впрочем, как мы увидим в дальнейшем, Ростопчину на протяжении всей его яркой жизни было присуще такое качество, как изобретательность, ради которого он мог пойти очень далеко, не оглядываясь на сложившиеся в общественном мнении стереотипы. Пожар Москвы, судя по имеющимся у нас сегодня сведениям, есть главное изобретение графа,

⁴ Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине // Русский архив, 1877. – Кн. 2. – Вып. 5. – С. 69–78.

его самая известная режиссерская постановка.

Кажется, что сама судьба готовила Ростопчина к осуществлению такого грандиозного замысла, каким являлся поджог Москвы. Недаром одна из версий происхождения его фамилии гласит, что в основе ее лежит название одной из самых древних профессий – растопник, растопщик, т.е. тот, кто зажигает огонь. Вот и не верь после этого в предначертания! Хотя свой вариант толкования слова «растопча» приводит Владимир Даль в толковом словаре, объясняя его значение как «олух», «разиня». Хотя и здесь могут найтись такие, кто обвинит графа в том, что он «проворонил» Москву. Но об этом позже...

А ведь недаром авторитетный лингвист Б. Унбегаун, автор словаря русских фамилий, отмечает, что русские фамилии обычно образуются от «прозвищ, даваемых человеку по его профессии, месту проживания или каким-либо другим признакам». Правда, фамилии Ростопчин в этом словаре нет, что неудивительно, ведь Ростопчин был тем русским, которого не надо долго скрести, чтобы отмыть в нем татарина.

Отец Ростопчина, зажиточный помещик, отставной майор, Василий Федорович Ростопчин, широко известен был разве что в пределах своего уезда. Жена его, урожденная Крюкова, скончалась вскоре после рождения младшего сына Петра. На руках у Василия Федоровича осталось двое детей, которых воспитывал конгломерат воспитателей: нянька, священник, учивший

словесности и гувернер-иностранец (по всей видимости, француз, т.к. ненависть к галлам Ростопчин пронес через всю жизнь).

Подрастающего Феденьку воспитатели учили «всевозможным вещам и языкам». Описывая свое детство, Ростопчин довольно безжалостен к себе, отрекомендовав себя «нахалом и шарлатаном», которому «удавалось иногда прослыть за ученого»: «Моя голова обратилась в разрозненную библиотеку, от которой у меня сохранился ключ». Как мы убедимся в дальнейшем, это одно из самых редких, нехарактерных для Ростопчина проявлений самокритичности.

В десять лет началась его военная служба – он был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк, в 1776 году произведен в фурыеры, в 1777 году – в сержанты, в 1779 году – в прапорщики, в 1785 году – в подпоручики, в 1787 году – в поручики, а в 1789 году получил чин капитан-поручика лейб-гвардии Преображенского полка.⁵

Свой «домашний» запас знаний он серьезно пополнил во время пребывания за границей в 1786–1788 годах. Он побывал в Германии, Франции, Англии. Слушал лекции в университетах Лейпцига и Геттингена (кстати, последнее учебное заведение было весьма популярно среди либеральной дворянской молодежи Европы).

Эти два года сформировали Ростопчина, образовали его как

⁵ Федорченко В.И. Императорский дом: Выдающиеся сановники: [Энциклопедия биограф.] В 2 т. – Красноярск, М., 2003.

весьма просвещенного представителя своего поколения. Надо отдать ему должное – он проявил отличные способности к самоорганизации, поставив себе цель получить максимально возможный объем знаний. Он занимался не только гуманитарными науками, изучением иностранных языков, но и посвящал время математике, постижению военного искусства. Учился Ростопчин целыми днями, по десять часов кряду, делая перерыв лишь на обед.

Из дневника, который Ростопчин вел в Берлине в 1786–1787 годах, мы узнаем о том, что его часто принимали в доме у российского посла С.Р. Румянцева, который ввел его в высшие слои местного общества. А в ноябре 1786 года Ростопчин сделал дневниковую запись о своем посвящении в масоны – факт малоизвестный, его Федор Васильевич предпочел вычеркнуть из своей биографии, в которой борьба с масонами займет ведущее положение, хотя дальнейший карьерный рост Ростопчина связывают именно с его принятием в масоны и дружбой с С.Р. Воронцовым, русским послом в Лондоне и влиятельным представителем общества вольных каменщиков.

После возвращения на родину, пребывавшую в ожидании очередной войны, для Ростопчина наступило время «неудач, гонений и неприятностей», так он назвал военную службу. До начала русско-шведской войны 1788–1790 годов он пребывал в главной квартире русских войск в Фридрихсгаме, за-

Ростопчин Ф.В. Худ. С. Тончи. 1800 г.

тем под командованием Суворова волонтером участвовал в русско-турецкой войне 1788–1791 годов, штурмовал Очаков, сражался у Фокшана, на реке Рымник.

Любопытно, что Ростопчин сетовал на невнимание к нему со стороны начальства, выразившееся в «отсутствии почестей, которые раздавались так щедро». Но разве не большой честью для него, молодого офицера, был подарок Суворова – походная палатка прославленного военачальника. Такое отличие дорогого стоит, тем более что весьма разборчивый Суворов Ростопчина заметил и приблизил к себе. В дальнейшем пути их не раз пересекались. Только ролями они поменялись – теперь уже Суворов удостоивался особого расположения Ростопчина, ставшего главой военного департамента во время заграничных походов русской армии. Александр Василье-

вич отзывался о Ростопчине как о «покровителе», «милостивом благодетеле». ⁶

По иронии судьбы именно Ростопчин в 1797 году и сообщил Суворову о его отставке: «Государь император, получа донесения вашего сиятельства от 3 февраля, соизволил указать мне доставить к сведению вашему, что желание ваше предупреждено и что вы отставлены еще 6 числа сего месяца». ⁷

А во время русско-шведской войны Ростопчин, командуя гренадерским батальоном, был представлен к Георгиевскому кресту, но не получил и его. Потерял он и единственного младшего брата Петра, геройски погибшего в бою со шведами.

Звездный час Ростопчина наступил в декабре 1791 года, именно ему поручено доставить в Петербург, т.е. самой Екатерине II, известие о заключении исторического Ясского мирного договора с турками, по которому Черное море в значительной мере стало российским.

Об этом эпизоде из своей жизни Ростопчин рассказывал с удовольствием, не в пример истории, связанной с его посвящением в масоны. Виднейший масон С.Р. Воронцов рекомендовал Ростопчина своему другу канцлеру А.А. Безбородко, тот и взял молодого офицера на Яскую мирную конференцию на бумажную, но очень ответствен-

ную работу – ведение журналов и протоколов заседаний.

Гонца, прибывшего с дурной вестью, в иное время могли и убить, а вот тот, кто приносил радостную новость, имел все шансы удостоиться монаршего благоволения, хотя мог и не иметь прямого отношения к содержанию известия. Счастливый случай произошел первый раз в жизни Ростопчина. Именно на нем остановил свой выбор Безбородко, послав его в столицу с донесением к императрице. И кто знает, сколько времени бы еще Ростопчину предстояло прозябать в армии, если бы не выпавшая ему удача.

В феврале 1792 года Ростопчин, по представлению Безбородко, по приезде в Петербург получил звание камер-юнкера в ранге бригадира. Его оставили при дворе. Екатерине молодой и образованный офицер понравился, она оценила его остроумие. Не зря в мемуарной литературе закрепилось прозвище, якобы данное ему императрицей – «сумасшедший Федька». Подобная характеристика, скорее, говорит об оценке личных качеств Ростопчина, а не его способностей к государственной службе, проявить которые ему удалось, служа уже не императрице, а ее сыну, засидевшемуся в наследниках, – Павлу Петровичу. Именно к его малому дворцу в Гатчине в 1793 году и был прикомандирован камер-юнкер Ростопчин, в обязанности которого входило дежурство при дворе.

Насколько почетной была служба у будущего императора? Ведь Павел как раз в то время

⁶ Мещерякова А.О. Федор Васильевич Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. – Воронеж, 2007.

⁷ Осипов К. Суворов. – Рига: Литгосиздат, 1949.

Ростопчин Ф.В. Худ. О.А. Кипренский. 1809 г.

сильно сомневался в своих шансах на престол, подозревая, что Екатерина передаст его своему внуку — Александру Павловичу. Сомневались и придворные интриганы. Да и сама Гатчина являлась в каком-то роде ссылкой, куда мать, желая отодвинуть сына подальше от трона, удалила его в 1873 году, «подарив» ему это имение.

Павел жил в Гатчине, как в золотой клетке, хорошо помня о судьбе своего несчастного отца. Совершенно одинокий, повсюду чувствующий негласный надзор, обиженный матерью, оскорбленный и униженный поведением ее придворных, обделенный властью — он даже не жил, а терпел. И вот в его окружении появляется доселе

Ростопчин Ф.В.*Гравюра А.А. Осипова. 1810-е гг.*

неизвестный, мало знатный, но амбициозный, молодой офицер. Поначалу Павел воспринял его, как и остальных придворных матери, с опаской. Но постепенно Ростопчин начинает завоевывать расположение наследника.

Дело в том, что свои обязанности при дворе дежурные офицеры исполняли небрежно, демонстрируя этим атмосферу отчужденности и неприятия, царившую вокруг Павла, убивавшего время в Гатчине то перестройкой дворца, то военной муштрой (даже собственных детей у него отобрали). Ростопчин же удивил всех своей усердностью и старательностью, не в пример другим. Вероятно, у него вновь появился тот «пламенный порыв», с которым он уже однажды поступал на военное поприще.

Ему удалось внушить окружающим весомость своей службы. Однажды его порыв даже стал причиной сразу двух дуэлей. Вызов он получил от других камер-юнкеров,

которых он назвал негодьями за неисполнение ими своей службы: «Трое камер-юнкеров, кн. Барятинский, Ростопчин и кн. Голицын, поссорясь за дежурство, вызвали друг друга на поединок», — писал современник.⁸ Дуэли не состоялись — скандал докатился до государыни, летом 1794 года наказавшей Ростопчина ссылкой в Орловскую губернию, в имение отца.

Ссылка имела показательный характер и во многом способствовала формированию авторитета Ростопчина как сторонника Павла. При дворе даже поползли слухи, что наследник прятал Ростопчина у себя в Гатчине, впрочем, слухи не нашли подтверждения.

В том же году Ростопчин женился на Екатерине Петровне Протасовой (1775–1859), дочери генерал-поручика П.С. Протасова и А.И. Протасовой, племяннице камер-фрейлины императрицы Екатерины II, графини А.С. Протасовой. В дальнейшем супруга доставит Ростопчину немало хлопот. Виноваты в этом окажутся опять же французы. Начнется семейный разлад в 1806 году, когда графиня перейдет в католичество, а затем попытается обратить в чужую веру детей: трех дочерей, Наталью, Софью и Елизавету и двух сыновей, Андрея и Сергея.

Но до этого было еще далеко. А пока в августе 1795 года Ростопчин вернулся в столицу, окончательно утвердившись в глазах придворных как фаворит Павла Петровича. «Нас мало избран-

⁸ Русский архив. — М., 1876. — № 12. — С. 393.

ных!» — мог бы вслед за поэтом вымолвить Ростопчин. Да, близких Павлу людей было крайне мало, вот почему в недалеком будущем карьера Ростопчина разовьется так стремительно.

А в ноябре 1796 года скончалась Екатерина II, освободив своему сыну дорогу к долгожданному престолу. Но вот что интересно: и в этот раз Ростопчин явился вестником важнейшей новости, но уже не для императрицы, а для будущего императора. Когда 5 ноября 1796 года с Екатериной II случился удар, именно Ростопчин стал первым, кто сообщил об этом Павлу. Все последующие сутки находился он неотлучно от него, присутствуя при последних минутах государыни в числе немногих избранных.

Все, что произошло в тот день, Ростопчин описал в своем очерке «Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I». Как быстро, на протяжении суток, выросла роль Ростопчина в государстве, как при этом преобразались лица придворных, с мольбой устремлявших свои взгляды на главного фаворита нового императора! Вот уже и влиятельный канцлер Безбородко, вытащивший когда-то Ростопчина из неизвестности, умильным голосом просит его об одном: отпустить его в отставку «без посрамления». Лишь бы не сослали!

Павел, призвав Ростопчина, вопрошает: «Я тебя совершенно знаю таковым, каков ты есть, и хочу, чтобы ты откровенно мне сказал, чем ты при мне быть жела-

ешь?» В ответ Ростопчин выказал благородное желание быть при государе «секретарем для принятия просьб об истреблении неправосудия». Но, во-первых, поначалу следовало исправить самое главное «неправосудие», столько лет длившееся по отношению к самому Павлу; а во-вторых, у нового государя было не так много преданных людей, чтобы ими разбрасываться на пустяковые должности, и он назначил Ростопчина генерал-адъютантом, «но не таким, чтобы гулять только по дворцу с тростью, а для того, чтобы ты правил военной частью». И хотя Ростопчин не желал возвращаться на военную службу, возразить на волеизъявление императора он не посмел (должность генерал-адъютанта была важнейшей при дворе — занимающий ее чиновник должен был рассылать поручения и рескрипты государя и доклады-

Супруга графа, Ростопчина Е.П.

Худ. О.А. Кипренский. 1809 г.

вать ему поступающие рапорты). Тем более что одно не исключало другого — Ростопчин мог исполнять должность генерал-адъютанта и одновременно помогать просящим, которых вскоре появилось превеликое множество.

Но все же главная должность Ростопчина не была прописана ни в каких табелях о рангах — ее можно выразить фразой, сказанной про него Павлом: «Вот человек, от которого я не намерен ничего скрывать». Он отдал Ростопчину свою печать, чтобы тот опечатал кабинет Екатерины, передал ему несколько распоряжений относительно «бывших», а после принятия присяги, состоявшегося тут же, в придворной церкви, попросил (а не приказал) об одном деле весьма тонкого свойства. «Ты устал, и мне совестно, — сказал государь, — но потрудись, пожалуйста, съезди... к

графу Орлову и приведи его к присяге. Его не было во дворце, а я не хочу, чтобы он забывал 28 июня». (28 июня 1862 года — день, когда свершился государственный переворот, итогом которого стало воцарение Екатерины II. Отец Павла, Петр III, вскоре после этого был убит, по всей видимости, Алексеем Орловым).

Ростопчин приехал к Алексею Орлову, разбудив его и предложив немедленно принять присягу новому государю, что тот и сделал. А когда Павел во время похорон Екатерины решил перенести еще и прах своего отца в Петропавловский собор, то Алексея Орлова он заставил возглавлять траурную процессию.

Влияние Ростопчина росло как на дрожжах. Он стал правой рукой императора. И надо отдать ему должное: своими широкими полномочиями он не злоупотреблял, за прошлые обиды не мстил.

Надо ли говорить, что знаки отличия стали появляться на мундире Ростопчина, как грибы после дождя: уже 7 ноября 1796 года он получил чин бригадира и орден Св. Анны 2-й степени, 8 ноября — чин генерал-майора и звание генерал-адъютанта, 12 ноября — орден Св. Анны 1-й степени, 18 декабря — дом в Петербурге, а 1 апреля 1797 года по случаю коронации Павла — орден св. Александра Невского. В ноябре 1798 года он был произведен в действительные тайные советники.

За столь короткий срок царствования Павла Ростопчин успел поруководить несколькими ве-

*Портрет Павла I.
Худ. С. Щукин. 1797 г.*

домствами: военным, дипломатическим и почтовым. Где бы он ни работал, ему всегда удавалось доказывать значительность занимаемой должности. Многие современники, даже его противники, отмечали завидную работоспособность Ростопчина, его хорошие организационные способности. В этом он был под стать императору, встававшему спозаранку и день-деньской занимавшемуся насущными государственными делами. Павел задумал за несколько лет сделать то, на что обычно требуются десятилетия. Особую заботу нового императора и вдохновляемых им приближенных составляло наведение порядка в распутившейся, по его мнению, стране: укрепление и централизация царской власти, введение строгой дисциплины в обществе, ограничение прав дворянства (например, он приказал всем дворянам, записанным на службу, явиться в свои полки, а служили тогда с младенчества).

Смысл жизни подданного — служение государю, а всякая свобода личности ведет к революции. Этот постулат павловского времени Ростопчин принял на всю оставшуюся жизнь. Именно Павел «сделал» Ростопчину прививку от либерализма. Ростопчин хорошо усвоил, что совсем немного времени требуется, чтобы «закрутить гайки»: ужесточить цензуру, запретить выезд молодежи на учебу за границу.

Неслучайно Ростопчин в 1799 году отмечал, что работает он «до изнеможения»: вставал в по-

Ростопчин Ф.В. С гравированного портрета И.С. Клаубера. 1800-1801 гг.

ловине шестого утра, через сорок пять минут он был уже у государя, при котором пребывал до часу дня, занимаясь рассылкой приказов и чтением поступающих документов. Ложился спать он в десять часов.

Управляя Военным департаментом и военно-походной канцелярией императора (с мая 1797 года), Ростопчин написал новую редакцию Военного устава по прусскому образцу. Целью нового устава было превращение армии в слаженный механизм с помощью повседневных смотров и парадов. Как глава почтового ведомства (с мая 1799 года) он имел возможность читать проходящую через него почту. Факт немаловажный, особенно для того, кто знает толк в интригах.

ROSTOPCHIN.
Gouverneur de Moscou.

Ростопчин Ф.В.

Худ. Г. Рейнхольд. 1812 г.

Но наиболее бурную деятельность Ростопчин развил, занимаясь внешнеполитическими делами Российской империи. В сентябре 1799 года государь назначил его первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел, т.е. фактически канцлером (занимавший эту должность Безбородко умер еще в апреле 1799 года). Ростопчин планировал развернуть внешнюю политику России на 180 градусов, избрав в качестве союзника Францию, а не Англию с Австрией. Таким образом, он двигался в русле политики Павла, который «перевернул все вверх дном», как выразился его старший сын Александр.

Ростопчин даже планировал тайно отправиться в Париж для ведения переговоров с Бонапартом. Теперь даже трудно предположить, что могло бы получиться, если бы Наполеон и Ростопчин встретились. Возможно, что судьба Москвы сложилась бы по-другому. А тогда государь никак не мог его отпустить во Францию – ведь на дворе стояла уже осень 1800 года, тучи над Михайловским замком сгущались. Из затеи Ростопчина ничего не вышло.

Еще одно важное открытие Ростопчина – то, что у России не может быть политических союзников в принципе, а есть лишь завистники, которые так и норовят сплотиться против нее. Недаром ему приписывают фразу: «Россия – это бык, которого поедают и из которого для прочих стран делают бульонные кубики». Как напишет Ростопчин впоследствии в своей «Записке... о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования», «России с прочими державами не должно иметь иных связей, кроме торговых».

Но пропорционально его влиянию увеличивалось и число завистников, надеявшихся, что царствование Павла будет коротким. Ростопчин должен был быть готов, что в любое время он также быстро сойдет с пьедестала, как и очутился на нем. Первая отставка последовала в марте 1798 года, когда в результате происков фаворитки Павла Е.И. Нелидовой он был снят со всех постов и выслан в свое имение. Правда, уже через полгода Ростоп-

чин вновь понадобился государю (у Павла вместо Нелидовой появилась новая любимица – А.П. Лопухина). Новые «знаки благоволения», как называл их Ростопчин, не заставили себя ждать – графский титул «с нисходящим его потомством» в феврале 1799 года, а еще 3000 крепостных и 33 тысячи десятин земли в Воронежской губернии. В марте 1800 он назначен членом Совета императора.

Награждали не только Ростопчина, но и его родственников. Так, в апреле 1799 года вышел следующий приказ: «За верность и преданность нашего действительного тайного советника графа Ростопчина, еще в знак нашего к нему благоволения всемиловейше жалуюм отца его, отставного майора Ростопчина, в наши действительные статские советники, увольняя его от всех дел».⁹ Федор Васильевич сам настоял на таком благоволении.

Причиной следующей опалы явилась интрига представителей противоборствующего лагеря – графа Панина и графа Палена, но, по большому счету, она была вызвана грядущей сменой власти. Недовольство павловским царствованием достигло критической массы. Даже родной сын Александр жаловался, что «сделался теперь самым несчастным человеком на свете». Ненависть вызывали даже награды, раздаваемые Павлом. Стремясь предать забвению учрежденные Екатериной ордена, он учредил орден св. Иоанна Иерусалимского, которым он удостоил

и Ростопчина в декабре 1798 года. А в марте 1799 года Павел сделал его великим канцлером Мальтийского ордена, великим командором которого он сам являлся.

Но не древний рыцарский орден был подспорьем Павлу в осуществлении его преобразований. Опорой ему были ближайшие сподвижники, в числе которых наибольшее влияние имели Ростопчин и Аракчеев. А потому главной задачей заговорщиков во главе с тем же графом Паленом, генерал-губернатором Петербурга, было устранение преданных императору людей. Аракчеева удалось скомпрометировать в глазах Павла осенью 1799 года, а Ростопчин протянул до февраля 1801 года.

Чувствовал ли Ростопчин, что кольцо заговора сужается, и развязка вот-вот наступит? Судя по письму, написанному им незадолго до отставки, – да: «Я не в силах более бороться против каверз и клеветы и оставаться в обществе негодяев, которым я неугоден и которые, видя мою неподкупность, подозревают, и – не без основания, что я противодействую их видам», – писал он. Ростопчин считал, что больше всего в смене власти в России заинтересована Англия, куда, по его мнению, и вели основные нити заговора.

Как и в прошлый раз, Ростопчину было велено выехать в подмосковное имение Вороново. Император даже отказался с ним переговорить напоследок, а жить Павлу оставалось всего три недели. Почувствовав неладное, он написал было Ростопчину, что-

⁹ Чичагов П.В. Записки. – М., 2002.

бы тот немедля возвращался. Но было слишком поздно. Ростопчин узнал о смерти любимого императора в дороге и в Петербург уже не поехал.

Как пошли бы дела, если бы Ростопчин успел вернуться в Петербург? История не знает сослагательных наклонений. Но ясно, что он ни при каких условиях не мог бы оказаться в рядах заговорщиков, потому как предан был государю лично. Преданность эта была следствием того доверия, что оказывал ему Павел. Именно в его окружении он был на своем месте. А его видение государственных интересов полностью соответствовало взглядам Павла. Со своей стороны, он имел влияние на императора и использовал всякую возможность воздействовать на принятие им важнейших решений. Как показала вся дальнейшая его жизнь, Ростопчин как государственный деятель сумел максимально реализоваться именно в павловское царствование.

Итог службе Ростопчина подвел Петр Вяземский: «Служба Ростопчина при Императоре Павле неопровержимо убеждает, что она не заключалась в одном раболепном повиновении. Известно, что он в важных случаях оспаривал с смелостью и самоотвержением, доведенными до последней крайности, мнения и предположения Императора, которого оспаривать было дело нелегкое и небезопасное».

Если Аракчеева Александр вернул и приблизил к себе, то о возвращении Ростопчина не мог-

ло быть и речи. Отношения между новым государем и бывшим фаворитом его отца были крайне испорченными. Как выражался сам Федор Васильевич, наследник «его терпеть не мог». И если про Павла и Ростопчина можно было сказать, что у них было много общего, то с Александром в начальную пору его царствования графа мало что связывало. Потому-то он и повернул обратно к себе в Вороново, узнав о смерти Павла. Девизом нового царствования стало «Все будет, как при бабушке», и потому Ростопчин пришелся не ко двору.

Удалившись в свое имение Вороново, купленное у графа Д.П. Бутурлина в 1800 году за 320 тысяч рублей, Ростопчин не остался без дела. Свои силы он направил в совершенно другое русло – сельское хозяйство. Впрочем, новым для него, уроженца российской провинции, оно не было. Планы его были грандиозны, изменился лишь масштаб его деятельности.

Он решил преобразовать сельское хозяйство в отдельно взятом имении, сделав его образцовым и максимально прибыльным. Поначалу Ростопчин посеял в своих полях американскую пшеницу и овес, поставив себе цель увеличение урожайности хлеба. Для этого придумал удобрять посевы илом, известью, навозом, а еще и медным купоросом. Совершенствует он и орудия труда – молотилку и соху, борясь с плугом и английской системой земледелия.

Вставал он до зари, ложился затемно, целыми днями пропадая на пашне. Как писал он, «жарюсь

в полях, жизнь веду здоровую и в один час бываю цыганом, старостой и лешим». Получив первые результаты своих опытов, он приходит к мысли, что, иноземные «орудия для хлебопашества» нам ни к чему – не подходят они для нашего климата. И если что-то и брать у англичан, так это приспособления для обмолота зерна.

Своими соображениями он делится в книге «Плуг и соха. Писанное степным дворянином», имеющей два эпиграфа. Первый: «Отцы наши не глупее нас были». И второй, в стихах, который кончался так:

*Служил в войне, делах,
теперь служу с сохой.
Я пользы общества всегда
был верный друг,
Хочу уверить в том и восстаю
на плуг.¹⁰*

Мысли Ростопчина, изложенные в этой книге, свидетельствуют не только о том, что его консерватизм еще более укрепился, но и демонстрируют свою злободневность:

«То, что сделалось в других землях веками и от нужды, мы хотим посреди изобилия у себя завести в год... Теперь проявилась скоропостижно мода на английское земледелие, и английский фермер столько же начинает быть нужен многим русским дворянам, как французский эмигрант, итальянские в домах окна и скаковые лошади в запряжку. Хотя я русский

Ростопчин Ф.В. Гравюра. 1813 г.

сердцем и душою и предпочитаю отечество всем землям без изъятия, не из числа, однако ж, тех, которые от упрямства, предрассудков и самолюбия пренебрегают вообще все иностранное и доказательства отражают словами: пустое, вздор, не годится. Мое намерение состоит в том, чтобы тем, кои прославляют английское земледелие, выставя выгодную лишь часть оногo, доказать, что сколь английское обрабатывание земли может быть выгодно в окрестностях больших городов, столь бесполезно или, лучше сказать, невозможно всеместно для России в теперешнем ее положении».

Ростопчин не только занимался самообразованием, много читал, выписывал иностранные журналы, но и помогал учить других, открыв в Воронове сельскохозяйственную школу. Здесь у шведских агрономов Паттерсона и Гумми учились

¹⁰ Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. – СПб, 1912. – С. 18–185.

крепостные Ростопчина и его соседей-помещиков. Для воплощения в жизнь полученных знаний крестьян обеспечивали удобрениями и семенами.

И хотя английскую систему земледелия он критиковал, но за опытом обращался именно к западным агрономам и садовникам, перенимая у них самое лучшее. Он настолько хорошо освоил земледельческую науку, что вскоре стал именовать себя не иначе как «профессором хлебопашества». Кажется, что из него получился бы неплохой министр сельского хозяйства.

Занимался он и разведением скота: коров и овец, но больше всего — лошадей, основав на своих землях конные заводы. Благо, что

Ростопчин Ф.В.

Худ. и гравер Д. Дайтон. 1814 г.

на плодородной, богатой пастбищами Воронежской земле, были для этого все условия. Арабские и английские скакуны чувствовали себя здесь вольготно. Из переписки Ростопчина тех лет узнаем: «Приведен ко мне жеребец столь хороших статей для Ливенского моего завода, что я решился его туда отправить». В селе Анна он держал табун в две тысячи лошадей, приносивший ему более двухсот тысяч рублей дохода в год.¹¹ Выведенную на его заводах новую породу лошадей называли Ростопчинской.

Ростопчин выстроил в Воронове новый большой дом, разбил прекрасный парк, знаменитый своими цветниками и украшенный итальянскими мраморными статуями. В оранжерее, проект которой приписывают самому Дж. Кваренги, он выращивал ананасы. А еще граф задумал в пику наводнившему Россию французскому табаку устроить у себя табачную фабрику, употребляя на сырье произрастающий в Малороссии табак.

За двенадцать лет, что Ростопчин жил в Воронове, поместье стало не узнать. И хотя после 1812 года бывать здесь у него не было ни времени, ни сил, долго еще в Воронове ощущались благотворные последствия его инновационной деятельности. Однако материальные свидетельства до нашего времени не сохранились: в сентябре 1812 года, после спешного бегства из Москвы, Ростопчин приехал в Вороново, чтобы сжечь его.

¹¹ Кондратенко А. «Профессор хлебопашества» Федор Ростопчин // Орловская правда. — 2003. — 15 августа.

Поджог своего имени Федор Васильевич обставил на редкость театрально, пригласив находившихся здесь же зрителей к участию в постановке. Приехали генералы Л.Л. Беннигсен и А.П. Ермолов, а также представитель дружеской британской армии генерал Р. Вильсон, тот самый, что впоследствии нагло будет требовать от Кутузова не принимать приехавшего за миром Лористона. Именно Вильсона Ростопчин упросил поджечь свою собственную спальню: «Это мое брачное ложе, у меня не хватает решимости поджечь его; будьте добры, избавьте меня от этой тягостной обязанности». В этой драме последней фразой режиссера и актера по совместительству была: «Теперь я доволен!»¹²

Поджигая главный дом, Ростопчин дал повод потомкам задаться вопросом: куда, собственно, подевалась богатая коллекция предметов искусства, собранная владельцем усадьбы в пору его фаворитства у императора Павла? Старинные гравюры и дорогой фарфор, скульптурные изваяния и редкие книги – все это вполне могло сгореть. Только вот на пожарище не нашли никаких следов, даже от мраморных скульптур. Вероятно, Ростопчин заблаговременно вывез наиболее дорогие вещи.

При этом он оставил французам записку следующего содержания: «Восемь лет украшал я это село, в котором наслаждался

Ростопчин Ф.В. Гравюра Ф.В. Майера по оригиналу Э. Габанзэра. 1815 г.

счастьем среди моей семьи. При вашем приближении обыватели в числе 1720 покидают жилища, а я предаю огню дом свой, чтобы он не был осквернен вашим присутствием. Французы! В Москве оставил я вам два моих дома и движимости на полмиллиона рублей: здесь вы найдете только пепел».¹³

Но это случилось позже, а пока Ростопчин призывал и других помещиков брать с него пример и не увлекаться английской системой земледелия, весьма популярной тогда. Он был уверен, что именно его методы организации сельского хозяйства способны значительно увеличить доходы государства. Хотя истинной преградой на пути развития экономики России было крепостное право, убежденным сторонником которого являл-

¹² Искюль С.Н. Французы в Москве в 1812 году // Французский ежегодник. – 2012. – С. 69.

¹³ Ростопчин Ф.В. Сочинения. – СПб, 1853. – С. 197–198.

Ростопчин Ф.В.*Худ. Н.И. Тончи*

ся Ростопчин. Он, как и император Павел, считал, что помещики лучше позаботятся о своих крепостных, чем если крестьяне сами были вынуждены думать о себе. Но время Павла прошло, императором был Александр, провозгласивший во время своей коронации 15 сентября 1801 года: «Большая часть крестьян в России – рабы... Я дал обет не увеличивать числа их и потому взял за правило не раздавать крестьян в собственность». Ростопчин же расценивал свободу крестьян как «неестественное для человека состояние, ибо жизнь есть наша беспрестанная зависимость от всего». Вольность способна и вовсе привести к бунту – в этом он был твердо уверен. Что бы сказал Ростопчин, узнав о том, что за полвека после отмены крепостного права в 1861 году объем сельскохозяйственного производства вырос в 7 раз!

Ростопчин начал не с того конца. И потому его бурная деятельность не нашла понимания ни у большинства современников, посчитавших ее помещичьей забавой, ни у историков. Недаром академик Е.В. Тарле писал, что для Ростопчина слова «Россия» и «крепостное право» были синонимами, слившимися в неразрывную двуединую сущность.

В перерывах он не забывал критиковать новые порядки. Все, что ни делал Александр I, хорошо чувствовавший общественные настроения, вызывало у Ростопчина резкий протест. Особенно в направлении либерализации общества: свобода въезда и выезда из России, свобода торговли, открытие частных типографий и беспрепятственный ввоз любой печатной продукции из-за границы, упразднение Тайной экспедиции и т.д.

Все эти меры Ростопчин считал очень вредными для России: «Господи, помилуй! Все рушится, все падает и задавит лишь Россию», – читаем мы в его переписке 1803–1806 годов. В чем он видит основную причину «падения» России? Как и в сельском хозяйстве, это – увлечение всем иноземным: «прокуроров определяют немцев, кои русского языка не знают», «смотрят чужими глазами и чувствуют не русским сердцем» и т.д. Для исправления ситуации Ростопчин избирает весьма оригинальный способ: взять из кунсткамеры дубину Петра Великого и ею «выбить дурь из дураков и дур», а еще понаделать много таких дубин и поставить «во

Вид Спасских ворот и их окрестностей в Москве до пожара 1812 года.

Исторические этюды о Москве. – Лондон, 1813.

всех присутственных местах вместо зеркал».

Интересно, что мнение о вредности всякого рода конституционных свобод Ростопчин пронес через всю жизнь: «К несчастью, в сем веке, в котором столько происшествий приучили два поколения избавлять себя от правил, внушающих должное уважение к Вере и Престолу, горсть крамольников и честолубцев довольно свободно достигает до обольщения народа, говоря, смотря по обстоятельствам, о благополучии, богатстве, свободе, славе, завоевании и мщении; его возмущают, ведут и низвергают в ужасную пропасть бедствий. Дошли даже до того, что стали почитать революцию какою-то потребностью духа времени, и чтоб умножить лавину бунта,

то представляют в блистательной перспективе выгоды конституции, не заботясь нимало, прилична ли она стране, жителям и соседям. Вот болезнь нынешнего века! Эта горячка опаснее всех горячек, даже и самой моровой язвы; ибо не только что повальная и заразительная, но сообщается чрез разговор и чтение. Ее признаки очень заметны: она начинается набором пышных слов, которые, кажется, выходят из уст какого-нибудь законодателя, друга человечества, Пророка или могущественного владетеля; потом является тысяча оскорблений против всякой власти и жажда обладания, неумеренный аппетит богатства, наконец, бред, в продолжение которого больной карабкается как можно выше, опрокидывая все пред собою». ¹⁴

¹⁴ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. – С. 36.

Франция как объект для подражания, или «Долго ли нам быть обезьянами?»

Насколько прав был Ростопчин, укоряя российскую элиту в галломании? К сожалению, прав во многом. Французская речь впитывалась дворянскими детьми с молоком кормилиц, ведь в большинстве своем домашними учителями, гувернерами в знатных семьях были французы. Среди российских дворян были и такие, что годами не появлялись в России, вывозя детей на учебу в Париж и Страсбург. Взять хотя бы князей Голицыных – Бориса и Дмитрия, сыновей знаменитой Натальи Петровны Голицыной, фрейлины при пяти царствованиях, послужившей прототипом Пиковой дамы

в одноименном пушкинском произведении. Так вот, братья Голицыны учились в Париже в той же военной школе, что и Наполеон (только позже), были свидетелями штурма Бастилии. И выехали они из Франции только по требованию Екатерины II, вернувшей всех французлюбивых русских дворян на родину.

Немалое число высших сановников России говорили по-французски лучше, чем на родном языке, к Франции относясь как ко второй своей родине. Например, канцлер Николай Румянцев так любил Францию, что удостоился похвалы Наполеона. А когда в июне 1812 года Румянцев узнал о начале Отечественной войны, его хватил удар – такое сильное впечатление на него произвела эта новость. Да и генералитет российской армии в немалой степени состоял из иностранцев. К 1812 году 40 % российских генералов были либо нерусскими, либо исповедовали иную от официальной религию. Но этот факт, правда, вряд ли позволяет считать их меньшими патриотами, чем сам Ростопчин.

Еще до 1812 года Наполеон покорила сердца определенной части российской и московской интеллигенции. Характерен пример Василия Львовича Пушкина,

Румянцев Н.П.

Худ. Дж. Доу. 1826–1828 гг.

с придыханием рассказывавшего о своем вояже в Париж и встрече с Наполеоном в 1803–1804 годах. Поэт на несколько месяцев стал героем московских и петербургских салонов. А как притягивали московских модниц привезенные им из Парижа рецепты, предметы туалета, мебель. А Кузнецкий мост в Москве и вовсе был французским кварталом – здесь гораздо чаще можно было услышать французскую, а не русскую речь.

Но после узурпации Наполеоном государственной власти отношение к Франции стало меняться. После 1807 года и навязанного России мира отношение российской общественности к французам повернулось в более трезвую сторону. А потому прав был П.В. Анненков, писавший в 1868 году, что «вражда высшего нашего общества к Наполеону была полная, без оговорок и уступок. В императоре французов общество это ненавидело отчасти и нарушение принципа легитимизма, в чем совершенно сходилось с правительством, но оно ненавидело и тот строй, порядок жизни, который Наполеоном олицетворялся», и в то же время «подражание французам, на которое так жаловался гр. Ростопчин, было крайне поверхностное в обществе и ограничивалось ничтожными предметами, конечно, не стоившими жарких филиппик этого оригинального патриота».¹⁵

¹⁵ Анненков П.В. Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л.Н. Толстого «Война и мир» // Л.Н. Толстой в русской критике: Сб. ст. – М., 1952.

Пушкин В.Л.

Худ. Ж. Вивьен. 1823 г.

Тем не менее, постепенно этот «оригинальный патриот» набрал немалый вес в глазах общественного мнения. Ростопчина слушали и читали, причем с большим интересом. Ведь он говорил о том, что власть предпочитала замалчивать или не обращать внимания. В 1806 году он сочиняет «наборную повесть из былей, по-русски писанную», уже одно название которой указывает на ее антифранцузскую направленность: «Ох, французы!»

Автор, принимая на себя роль «глазного лекаря», который «если не вылечит, то, по крайней мере, не ослепит никого», пытается открыть глаза читателю на то, каким должен быть настоящий русский дворянин. Ростопчин считает, что у него есть для этого веские основания только по той причине, что «и вы русские», и «я русский».

Адресована книга «разумеется, благородным, по той причине, что

сие почтенное сословие есть подпора престола, защита отечества и должно предпочтительно быть предохранено». О менее знатных сословиях Ростопчин придерживается лучшего мнения: «Купцы же и крестьяне, хотя подвержены всем известным болезням, кроме нервов и меланхолии, но еще от иноземства кой-как отбиваются, и сия летучая зараза к ним не пристаёт».

Кто же он, идеальный дворянин, к которому не пристаёт никакое иноземство? По Ростопчину, это «почтенный человек, отец, муж, россиянин редкий», хорошо воспитанный, «укрепленный телом», живущий в душе со страхом Божиим, любовью к отечеству, почтением к государю, уважением к начальству и состраданием к ближнему. Ростопчин указывает и на еще одно веское обстоятельство, без которого трудно стать настоящим патриотом – надо жить и родиться не в Москве или Петербурге, а «в одной из тех изобильных губерний, где круглый год никто ни в чем не знает нужды». Как видим, перечисленные качества характерны и для самого автора повести «Ох, французы!»

И все бы хорошо, только вот, как считает Ростопчин, слишком велико в России тлетворное влияние Запада. Начинается оно с самого рождения, когда французские няньки и гувернеры разговаривают со своими воспитанниками на своем языке, а вместо «сорока, сорока кашу варила» ребенок слышит истории про Синюю бороду. В то же время, как «Наши сказки о

Бове Королевиче, о Евдоне и Берьфе, о Еруслане Лазаревиче, о Илье Муромце заключают нечто рыцарское, и ничего неблагопристойного в них нет», – считает Ростопчин. И вот из такого ребенка, наслушавшегося в детстве французской речи, вырастает, в конце концов, несознательный дворянин, который «завидует французам и не в первый раз жалеет, что и сам не француз». Какая же из него «подпора для престола»?

Неизвестно, как повлияла бы повесть на представителей сословия, которому она была адресована, если бы была опубликована своевременно. Но напечатали ее лишь в 1842 году, когда автора уже давно не было в живых. И если бы Федор Васильевич дожил до публикации, то был бы очень обрадован отзывами критиков: «верное зеркало нравов старины и дышит умом и юмором того времени» (В.Г. Белинский) и «много юмора, остроты и меткого взгляда» (А.И. Герцен).

А вот следующее произведение Ростопчина, которое можно назвать «программным», увидело свет вскоре после написания. В «Мыслях вслух на Красном крыльце Российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» автор предлагает уже более радикальные методы борьбы с «иноземщиной»: «Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: «Сгинь ты, дьявольское наваждение! ступай в ад или восвояси, все равно, – только не будь на Руси».

«Мысли...» разошлись в списках и приобрели широкую известность, а их первая публикация состоялась даже без ведома автора, в марте 1807 года, в Петербурге. Правда, напечатавший их А.С. Шишков немного смягчил националистические акценты. Ростопчину это не понравилось, и вскоре он сам взялся за публикацию «Мыслей...» в Москве, после чего число почитателей полемического таланта графа резко выросло. После событий под Прейсиш-Эйлау многие думали о том, о чем от имени «ефремовского дворянина Силы Андреевича Богатырева, отставного подполковника, израненного на войнах, предводителя дворянского и кавалера Георгиевского и Владимирского, из села Зажитова» писал Ростопчин. Существой Сила Богатырев на самом деле, его немедля приняли бы в ряды московского Английского клуба, многие члены которого исповедовали национал-патриотические взгляды.

По сравнению с прежними героями Ростопчина, Богатырев оказался более воинственным и даже агрессивным: «Прости, Господи! уж ли Бог Русь на то создал, чтоб она кормила, поила и богатила всю дрянью заморскую, а ей, кормилице, и спасибо никто не скажет? Ее же бранят все не на живот, а на смерть».

Впоследствии, через четырнадцать лет после написания «Мыслей...», Ростопчин оправдывал их возникновение следующим: «Небольшое сочинение, изданное мною в 1807 году, имело

своим назначением предупредить жителей городов против Французов, живущих в России, которые старались уже приучить умы к тому мнению, что должно будет некогда нам пасть пред армиями Наполеона. Я не говорил о них доброго; но мы были в войне, а потому и позволительно Русским не любить их в сию эпоху. Но война кончилась, и Русский, забыв злобу, возвращался к симпатии, существующей всегда между двумя великодушными народами. Он не сохранил сего зложелательства, которое Французы оказывают даже до сего времени чужеземцам и не прощают им двойное занятие Парижа, как и трехлетнее их пребывание во Франции. Впрочем, я спрашиваю: где та Земля, в которой три тысячи шестьсот тридцать Французов, живущих в одном токмо столичном городе, готовом уже быть занятым их соотечественниками, могли бы жить не только спокойно, но даже заниматься своей коммерцией и отправлять свои работы?»¹⁶

Ростопчин, задавая свой вопрос, имел в виду большую численность французской колонии, проживавшей в Москве перед ее оккупацией армией Наполеона.

Как это часто бывает в таких случаях, у графа не замедлили появиться последователи и подражатели. Василий Жуковский из Петербурга изъявлял желание напечатать в «Вестнике Европы» продолжение мыслей Силы Богатырева, вопрошавшего: «Боже

¹⁶ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. – С. 53.

мой! да как же предки наши жили без французского языка, а служили верой и правдой государю и отечеству, не жалели крови своей, оставляли детям в наследство имя честное и помнили заповеди Господни и присягу свою? За то им слава и царство небесное!»

Своими успехами в сельском хозяйстве Ростопчин не добился такого авторитета в обществе, какой принесли ему «Мысли...» «Эта книжка прошла всю Россию, ее читали с восторгом!» — отмечал М.А. Дмитриев. Сочинение Ростопчина стало востребованным еще и по той известной причине, которая всегда присутствует в обществе и обозначается формулой «конфликт отцов и детей». Ростопчин олицетворял старшее поколение, как обычно, недовольное младшим. И здесь увлечение французским было лишь поводом: «Спаси, Господи! чему детей нынче учат! выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тот умен и хорош, которого француз за своего брата примет. Как же им любить свою землю, когда они и русский язык плохо знают? Как им стоять за веру, за царя и за отечество, когда они закону Божьему не учены и когда русских считают за медведей? Мозг у них в тупее, сердце в руках, а душа в языке; понять нельзя, что врут и что делают.

...Господи, помилуй! только и видишь, что молодежь, одетую, обутую по-французски; и словом, делом и помышлением французскую. Отечество их на Кузнецком мосту, а царство небесное Париж. Родителей не уважают, стариков

презирают и, быв ничто, хотят быть все».

Но все же, главной причиной всех бед были и есть французы: «Да что за народ эти французы! копейки не стоит! смотреть не на что, говорить не о чем. Врет чепуху; ни стыда, ни совести нет. Языком пыль пускает, а руками все забирает. За которого ни примись — либо философ, либо римлянин, а все норовит в карман; труслив как заяц, шалостлив как кошка; хоть не много дай воли, тотчас и напроказит».

Публика требовала продолжения банкета. И вскоре из-под пера Ростопчина вышли новые произведения из этой же «серии»: «Письмо Устина Ульяновича Веникова к Силе Андреевичу Богатыреву», «Письмо Силы Андреевича Богатырева к одному приятелю в Москве» и т.д.

Пробовал он себя и в драматургии, сочинив одноактную комедию «Вести, или Убитый живой», главным героем которой был опять же любимый персонаж — Сила Богатырев. Пьеса прошла на московской сцене в январе 1808 года лишь три раза. Некоторые зрители, узнав себя в персонажах пьесы, закатили скандал, после чего спектакль сняли с репертуара.

Как жалел Федор Васильевич преждевременной гибели императора Павла, не скрывая своего разочарования царствованием Александра. И оба этих противоречивых чувства были глубоко связаны между собой. Как метко по этому поводу заметил тот же Вяземский, «благодарность и преданность, которые сохранил он к памяти благодетеля

*Вид заставы Москвы на Владимирской дороге
Исторические этюды о Москве. – Лондон, 1813.*

своего (как всегда именует он Императора Павла, хотя впоследствии и лишившего его доверенности и благорасположения своего) показывают светлые свойства души его. Благодарность к умершему, может быть, доводила его и до несправедливости к живому».

А что же государь? Вспоминал ли он о Ростопчине? По крайней мере, Александр знал о том, что Ростопчин является выразителем мнения определенной части дворянства правого толка, т.н. «русской партии».¹⁷ Дошла до императора и трактовка Ростопчиным Аустерлицкого поражения

1805 года как «божьей кары» за убийство Павла I.

В декабре 1806 года Ростопчин обращается напрямую к Александру, предлагая ему диагноз быстрого излечения страны (в павловском стиле): выслать всех иностранцев, приструнить своих говорунов-либералов и тем более масонов: «Исцелите Россию от заразы и, оставя лишь духовных, прикажите выслать за границу сонмище ухищренных злодеев, коих пагубное влияние губит умы и души несмыслящих подданных наших». Ожидаемой Ростопчиным реакции государя не последовало.

¹⁷ Бочкарев В.Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX века // Отечественная война и русское общество. – М., 1911.

«Недовольство императором усиливается»

А тем временем серьезно обострилась международная обстановка. В 1807 году Александр был вынужден подписать с Наполеоном невыгодный для России Тильзитский мир, по которому с Францией устанавливались союзнические отношения, а сам Бонапарт признавался французским императором. Более того, Россия обязана была участвовать в континентальной блокаде Великобритании, в союзе с которой ранее была образована так называемая четвертая коалиция против Наполеона. Россия несла не только моральные, но и

экономические убытки (торговля с Великобританией была крайне выгодной), что не могло не сказаться на общественном мнении, на политической атмосфере при дворе.

В донесениях иностранных послов своим государям все чаще стало встречаться уже забытое с 1801 года слово «переворот»: «Недовольство императором усиливается... Говорят о перемене царствования... Говорят о том, что вся мужская линия царствующего дома должна быть отстранена... На престол хотят возвести великую княжну Екатерину». Упоминаемая шведским послом княжна — родная сестра государя, великая княгиня Екатерина Павловна, которая сыграет важнейшую роль в будущей судьбе Ростопчина.

И вот, доселе не принимаемые во внимание суждения Ростопчина о засилье иностранщины, о вреде губящего страну либерализма, наконец-то нашли свою хорошо удобренную почву в среде недовольного дворянства, особенно московского. Хотя и в столице были те, кто готов был выслушивать Ростопчина не без интереса, это и министр полиции А.Д. Балашов, и министр юстиции И.И. Дмитриев, и Н.М. Карамзин, и даже брат императора, великий князь Константин Павлович. А встречались оппозиционеры посередине между двумя столицами — в Твери, в салоне той

**Великая княгиня
Екатерина Павловна**
Худ. Ж.-Б. Изабе. 1815 г.

самой сестры императора, великой княжны Екатерины Павловны и ее мужа герцога Ольденбургского, местного губернатора.

По сути, на этих собраниях Ростопчин являлся главным представителем оппозиционной Москвы. Как правило, тем для разговоров было три: Наполеон, Сперанский и масоны. Ростопчин уподоблял их трехголовой гидре, которая погубит Россию. В Твери Ростопчин нашел не только единомышленников, но и высокопоставленных покровителей и ходатаев в лице великой княгини Екатерины Павловны и ее мужа. «Посмотрите, — все громче говорил Ростопчин, — до чего довело нас преклонение перед всем французским, Наполеоново войско уже у наших границ!» Действительно, перспективы новой большой войны становились все очевиднее, даже без обличительных речей Ростопчина.

С 1810 года Александр стал готовить Россию к войне, проводя военную реформу, начав перевооружение армии, возведение крепостей на западной границе и создание продовольственных баз в тылу. Возникла потребность и в мобилизационных мерах, особенно информационного характера, готовящих общественное мнение к неизбежности столкновения с Наполеоном. И вот здесь патристическая риторика Ростопчина наконец-то была востребована императором, желавшим сгладить недовольство дворянства и чиновничества. Подготовка к войне — очень хорошая возможность повысить авторитет власти, если ведется она

Александр I.

Гравюра Фр. Вендрамини. 1813 г.

фоне умелого поиска внутренних и внешних врагов. А врагов этих Ростопчин хорошо знал.

Официальное возвращение Ростопчина на государственную службу состоялось 24 февраля 1810 года, когда он был назначен обер-камергером с правом числиться в отпуску. Назначению предшествовала встреча Александра с Ростопчиным в ноябре 1809 года в Москве. Среди сопровождающих императора была и все та же великая княгиня. Не без ее влияния царь дал Ростопчину первое поручение — провести ревизию московских богоугодных заведений, что тот и сделал, подготовив очень обстоятельный и подробный отчет. Но получив должность обер-камергера, Ростопчин все же не мог часто бывать при дворе, т.к. один обер-камергер там уже был, и при том действующий, — А.Л. Нарыш-

Сперанский М.М.

Худ. А.Г. Варнек. 1824 г.

кин. Все это указывало на нежелание Александра приближать к себе Ростопчина, а может, и на желание приберечь его на будущее.

Это был и определенного рода знак недовольным, что их голос услышан и принят во внимание. Ведь 1810 год – это начало реформ Михаила Сперанского, создателя совершенно нового для Российской империи учреждения – Государственного Совета. «Манифест об открытии Государственного Совета» подписал 1 января 1810 года император, а председателем совета стал канцлер Николай Румянцев, государственным секретарем – Сперанский. Госсовет выполнял функции совещательного органа и должен был обсуждать и готовить законопроекты на подпись императору. Хотя первоначально речь шла о более радикальном шаге – создании Государственной думы.

Сперанского люто ненавидела подавляющая часть дворянства. Своей активной деятельностью он раздражал при дворе многих. Велась и соответствующая работа по дискредитации реформатора с целью сместить его, что было не просто, т.к. он все еще пользовался доверием государя. Император же в этой ситуации, похоже, пытался усидеть на двух стульях. Он пошел на полумеры: и Госсовет учредил, и Ростопчина назначил. Вот в какой обстановке произошло возвращение Ростопчина на государственную службу.

Противники Ростопчина использовали его для борьбы против Сперанского, которого в чем только не обвиняли: в краже документов, в шпионаже, продаже российских интересов за польскую корону, обещанную ему Наполеоном и т.д. Ростопчин сумел облечь обвинения против Сперанского в «научную» форму, написав в 1811 году «Записку о мартинистах», т.е. масонах.¹⁸ Кому как не Ростопчину было писать эту записку. Ведь если верить ему, еще в 1796 году, разбирая архив покойной императрицы, обнаружил он секретные бумаги о масонском заговоре с целью убийства Екатерины и довел эти сведения до Павла. Император же в 1799 году и вовсе запретил масонские ложи в России.

¹⁸ Мартинизм – форма мистического и эзотерического христианства, чья доктрина описывает «падение первого человека из Божественного в материальное, а также способ его возвращения в Божественное с помощью Реинтеграции, или духовного просветления, достигаемого при сердечной молитве». В России одним из самых известных масонов-мартинистов был Н.И. Новиков.

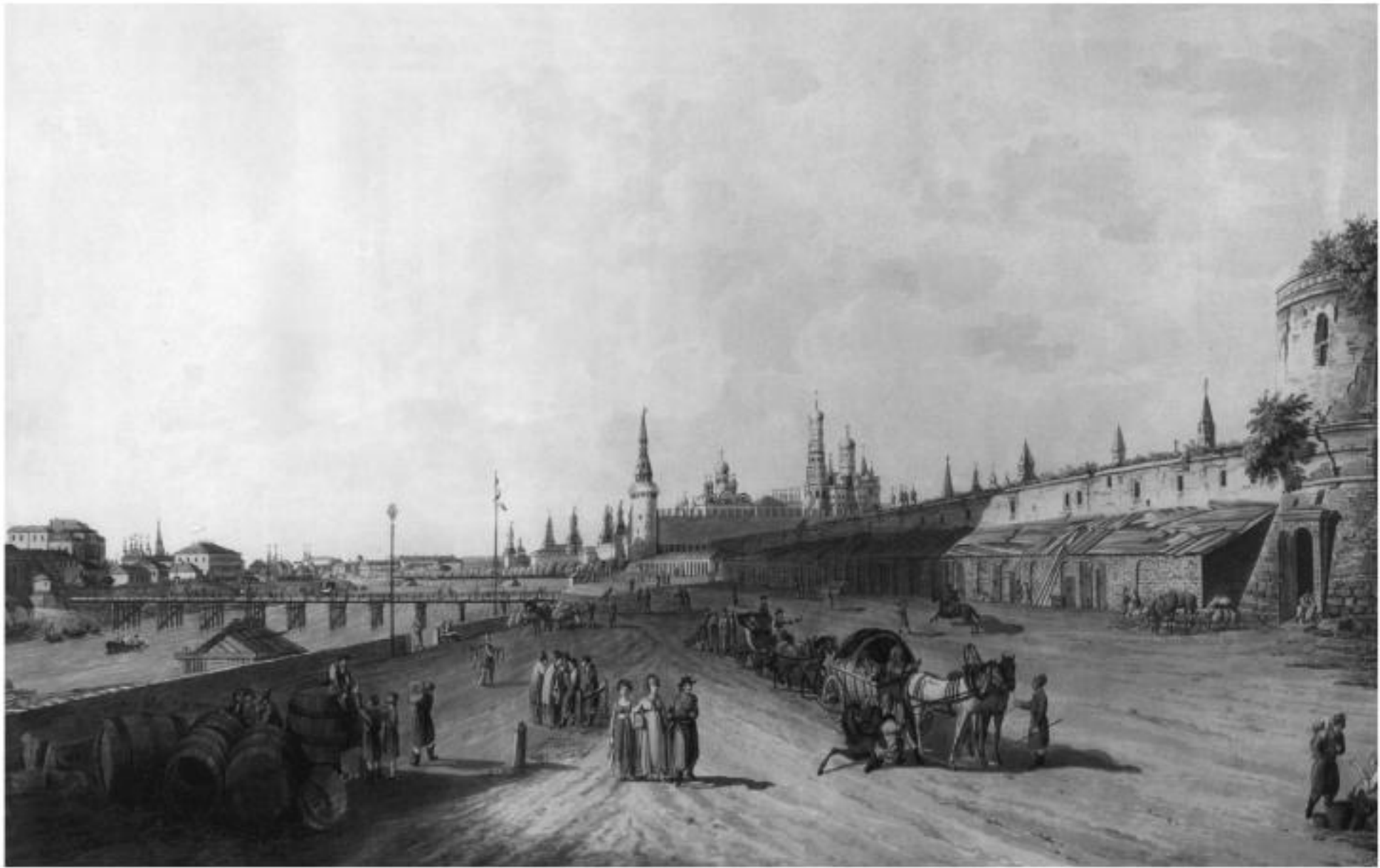

По Ростопчину получалось, что тайные общества никуда не исчезли после запрета их деятельности, а лишь на время законспирировались. А Сперанский и есть главный покровитель масонов, вражеского общества «нескольких обманщиков и тысяч простодушных жертв», «поставившего себе целью произвести революцию... подобно негодям, которые погубили Францию». Злободневность записке придало и упоминание Наполеона, «который все направляет к достижению своих целей, покровительствует им и когда-нибудь найдет сильную опору в этом обществе, столь же достойном презрения, сколько опасном». Записка получила широкое распространение и дошла до адресата, которому она и была предназначена, хотя поначалу писалась для его сестры Екатерины Павловны.

Как же тогда Ростопчин попал на должность московского военного генерал-губернатора? Случилось это после короткого randevу с Александром в марте 1812 года. Сам граф утверждал, что даже не помышлял о таком высоком доверии и пытался отказываться. И лишь после просьбы царя согласился. Все произошло как бы случайно: «Накануне войны я решил поехать в Петербург, чтобы предложить свои услуги государю, — не указывая и не выбирая какого-либо места или какой-нибудь должности, а с тем лишь, чтобы он дозволил мне состоять при его особе. Государь принял меня очень хорошо. При первом свидании он мне долго говорил о том, что решил насмерть воевать с Наполеоном, что он полагается на отвагу своих войск и на верность своих подданных».

Встреча трех суверенов Наполеона I, Александра I и Фридриха-Вильгельма на Немане. Худ. Л. Сьэвонетти. 1807 г.

Вид Кремлевского строения и его окружностей в Москве.

Г. Лори с оригинала Ж. Делабарта. 1796 г.

Ростопчин нашел весьма удачный повод напомнить о себе государю. Намерения графа были таковы: служить без какого-либо места, без какой-нибудь должности, ни за что серьезно не отвечая, но главное — быть рядом с тронем. Государь удовлетворил просьбу графа, и тот стал собираться в Москву, чтобы затем оттуда выехать в Вильно, где находилась главная квартира Его императорского Величества.

Ростопчин оказался в столице в непростое время, став свидетелем падения всесильного реформатора Михаила Сперанского. Арестовать его явился сам министр полиции Балашов. Сперанского сослали в Нижний Новгород, несмотря на то, что сам император весьма сожалел об этом: «Прошлой ночью отняли у меня Сперанского, а он был моей правой рукой».

Как заметил Ростопчин, «низвержение его (Сперанского — авт.)

приписывали В. К. К. и кн. О. — да и меня заставили играть роль в этой истории — меня, который был одним из наиболее изумленных, когда узнал на другой день о его высылке». Граф не расшифровывает инициалы, но и так понятно, что то В.К.К. и кн. О — это благодетели Ростопчина, великая княгиня Екатерина Павловна и ее муж. Ряд историков считают, что Ростопчин намеренно преуменьшил свою роль в заговоре против Сперанского. Ведь со стороны взаимосвязь была очевидной: либералы (Сперанский) уступили места консерваторам, среди которых и был Ростопчин, а также А.С. Шишков, ставший новым государственным секретарем. Нам кажется, что граф не покривил душой, и его фраза: «Меня заставили играть роль» — является наиболее точной характеристикой его участия в данном деле.

«В Москву, в Москву!»

В это же время государь был озабочен и другой кадровой проблемой — кем заменить давно просящегося на покой престарелого московского военного генерал-губернатора Ивана Васильевича Гудовича. И здесь все решили те же «В. К. К. и кн. О». Именно они и предложили кандидатуру Ростопчина: «Государь накануне приезжал провести с ними вечер и выражал, что затрудняется в выборе преемника фельдмаршалу Гудовичу, которого не хотел оставлять на занимаемом месте, по причине его старости и слабости. В. К., относившаяся ко мне всегда весьма добродушно и дружелюбно, назвала ему меня, и государь тотчас же решился и благодарил ее за эту мысль, которую назвал счастливою». Вот так и решилась судьба Москвы.

Узнав о свалившейся на него чести, Ростопчин стал было отказываться, мотивируя это тем, что лучше «предпочел бы сопровождать императора в момент, когда всем благородным и честным людям следует быть около его особы». А на следующий день его уже уговаривал сам император: «Государь стал настаивать, наговорил мне кучу комплиментов, прибегнул к ласкательству, как то делают все люди, когда они нуждаются в ком-нибудь или желают чего-либо, а наконец, видя, что я плохо поддаюсь его желанию, прямо сказал: «Я того

Гудович И.В.

Худ. Жерен. 1810-е гг.

хочу». Это уже было приказанием, и я, повинувшись ему, уступил. Так как лица, которых считали нужными, в большинстве случаев ломались и, ничего еще не сделав, желали оценки их будущих трудов, просили денежных наград, лент, чинов и т. п., — то я взял на себя смелость потребовать от государя, чтобы мне лично ничего не было дано, так как я желал еще заслужить те милости, которыми августейший его родитель, в свое царствование, осыпал меня; но, с другой стороны, просил принимать во внимание мои представления в пользу служащих под моим начальством чиновников». Ростопчин немного поломался и согласился.

Выбор государя вызывает немало вопросов. Неужели никому, кроме Ростопчина, нельзя было доверить столь важный, стратегический пост, как управление Москвой? Что же это за новоявленный Илья Муромец такой, что тридцать лет и три года сидел на печи, а затем вдруг понадобился. Почти десять лет пребывал он в отставке, отправленный в оную еще при Павле I! И еще бы просидел столько, если бы не 1812 год.

Возникает и другой важный вопрос — не спроецировалась ли давняя неприязнь к Ростопчину на отношение Александра к Москве, сданной французам без боя? Понимал ли он, что доверяя Ростопчину Москву, он провоцирует того на проявление отнюдь не дружеских чувств по отношению к тем же иностранцам, которыми была засорена Москва? И что за действия Ростопчина предстоит отвечать тем же москвичам, наиболее видных представителей которых Наполеон впоследствии, в сентябре 1812 года, прикажет взять в заложники, добиваясь возвращения из ссылки московских французов, отправленных «за можай» именно графом? Все эти вопросы вряд ли волновали тогда царя, не предполагавшего, что французы дойдут до Москвы. Надо сказать и другое — Александр относился к назначению Ростопчина, скорее, как вопросу краткосрочному, а не стратегическому. А потому и все возможные последствия этого кадрового решения не просчитал.

Кроме того, Ростопчин вовсе не являлся тем «крепким хозяйс-

твенником», что способен был мобилизовать Москву с ее огромным общественным и промышленным потенциалом на помощь армии, а в случае чего — организовать эвакуацию населения и имущества. Если Александр назначал его с этой целью, то сделал это слишком поздно, не дав Ростопчину достаточно времени войти в курс дела.

Не был граф и одаренным военачальником, который сумел бы превратить Первопрестольную в город-крепость. Чем же тогда руководствовался император, назначая Ростопчина? Скорее всего, политической конъюнктурой, общественным мнением, в котором московский дворянин Ростопчин зарекомендовал себя как истинный борец с франкофонией, противник Наполеона, да и всей Франции, в общем, настоящий патриот. Это было назначение чисто политическое, что и привело в дальнейшем к столь противоречивым результатам.

Итак, мы нарисовали психологический портрет политика и человека к тому моменту, как он получил Москву в свое полное распоряжение. Без понимания личностных особенностей Ростопчина нам трудно будет понять причины его поступков, отложивших свои неизгладимые отпечатки на произошедшие исторические события. Нам ясно, что Ростопчин:

— это человек волевой, не боящийся взять на себя ответственность в трудных обстоятельствах;

— это человек со своим видением политической обстановки и возможных путей ее развития, готовый отстаивать и даже навязы-

вать свое мнение власть предержащими;

— это человек артистичный, в котором нередко эмоции преобладают над рассудком;

— это человек с накопившимся чувством политической невосребованности, способной вызвать самые неожиданные решения в целях быстрой и громкой компенсации долгого сидения в отставке;

— это человек с определенными личными и семейными проблемами.

Был ли искренен ли Ростопчин, уверяя читателей в неожиданности поступившего к нему предложения? Похоже, что нет. О том, что дни Гудовича на губернаторском посту сочтены, не могли не знать ни в Благородном собрании, ни в Английском клубе, завсегдатаем которых был Ростопчин. Так ли уж случаен приезд его в столицу именно в то время, когда подыскивалась новая кандидатура московского градоначальника? Трудно в это поверить. Связи его простирались далеко за пределы подмосковной усадьбы Вороново и вели в самые закрытые салоны Петербургского света.

А что же мог услышать от нагрянувшего в столицу графа император Александр I? Судя по тому, как отзывался Ростопчин о фельдмаршале Иване Гудовиче, государь мог от него услышать и такое: «Честнейший в мире человек, достигший фельдмаршальского звания благодаря тому, что всю жизнь провел на службе, не имевший за собой никакой военной репутации, необразованный, ограничен-

ного ума, кичившийся своим чином и местом, вполне состоявший под властью и влиянием своего брата и своего врача — двух бесстыдных плутов, которые думали лишь об извлечении всевозможных выгод из того влияния, которое они имели на престарелого фельдмаршала». ¹⁹

Мало того, что слова эти написаны Ростопчиным о своем предшественнике, что уже не очень хорошо характеризует графа, важно и другое: Гудович — весьма достойный военачальник, сделавший не менее полезный вклад в историю России, чем Ростопчин.

Пообещав государю держать в секрете свое будущее назначение в Москву, Ростопчин покинул столицу и в конце марта уже был в городе, которым вскоре ему надлежало управлять. Федор Васильевич собирался в Москву, как на фронт, настроен был воинственно и отважно.

В эти дни Александр Булгаков пишет своему брату Константину: «Слышал я о Ростопчине как о человеке весьма любезном; береги его дружбу, она может тебе быть полезна, ибо люди его достоинства недолго остаются без места». ²⁰

Булгаков как в воду глядел — вскоре ему суждено будет стать одним из ближайших сотрудников Ростопчина в московской администрации. Переписка братьев Булгаковых — ценнейших источников знаний о почти сорока годах жизни Москвы и Санкт-Петербурга начиная с 1802 года.

¹⁹ Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! — М., 1992.

²⁰ Братья Булгаковы: письма / Александр Булгаков; Константин Булгаков: В 3-х томах. — Т.1. — М., 2010.

Москва в ожидании перемен

Какова была Москва перед Отечественной войной 1812 года? Витало ли в воздухе предчувствие скорого и неизбежного столкновения с Наполеоном? Москвич А.Д. Бестужев-Рюмин так описывает обстановку: «С половины еще 1811 года стали поговаривать в Москве о разрыве мира, который заключен был в 1807 году с Французами в Тильзите; однако ж ничего не было приметно, и все оставалось спокойно; напротив, еще в С.-Петербургских и Московских ведомостях величали Наполеона великим. Я часто ходил в Греческие гостиницы читать иностранные газеты, и хотя из многих листов видел, что что-то неладно

между нами и Французами, но все это большого вероятия не заслуживало; потому что газеты иностранные часто наполняются всякими неосновательными слухами единственно для того, чтобы что-нибудь печатать. Но когда многие листы иностранных ведомостей были задерживаемы, то стали догадываться, что что-нибудь да есть, а движение войск наших, которые отовсюду стремились к западным границам, делали догадки вероятными. В конце же 1811 года явно уже говорили, что с Французами будет война, и война жестокая. Однако ж 1812 год начался весьма спокойно и, благодаря Богу, Москва ничем возмущена не была: мас-

Вид на Воскресенские ворота и Неглинный мост. Худ. Ф.Я. Алексеев. 1800-е гг.

леницу провели очень весело, не подозревая никаких опасностей, и не думали даже о них».²¹

Как не вспомнить здесь сцену с кометой из второго тома романа «Война и мир»: «При въезде на Арбатскую площадь, огромное пространство звездного темного неба открылось глазам Пьера. Почти в середине этого неба над Пречистенским бульваром, окруженная, обсыпанная со всех сторон звездами, но отличаясь от всех близостью к земле, белым светом, и длинным, поднятым кверху хвостом, стояла огромная яркая комета 1812-го года, та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света. Но в Пьере светлая звезда эта с длинным лучистым хвостом не возбуждала никакого страшного чувства. Напротив, Пьер радостно, мокрыми от слез глазами, смотрел на эту светлую звезду, которая, как будто, с невыразимой быстротой пролетев неизмеримые пространства по параболической линии, вдруг, как вонзившаяся стрела в землю, влепилась тут в одно избранное ею место на черном небе и остановилась, энергично подняв кверху хвост, светясь и играя своим белым светом между бесчисленными другими, мерцающими звездами. Пьеру казалось, что эта звезда вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе».

Итак, настроение в начавшемся 1812 году у москвичей было сов-

сем не воинственное. Несмотря на бродившие по Первопрестольной слухи, не взирая на комету, жизнь текла своим чередом.

13 мая 1812 года император наконец-то отправил Гудовича в отставку, вскоре заменив его Ростопчиным. Но в Москве об этом узнали не сразу. В своем дневнике от 26 мая по старому стилю князь Д.М. Волконский сделал примечательную запись: «Фельдмаршал Гудович получил портрет и уволен от командования Москвою, сохраняя заседания в Совете, на его же место неизвестно кто». Упомянутый портрет – это украшенное бриллиантами изображение государя, наградившего Гудовича за службу.²²

Любопытно, что уже тогда поговаривали в Первопрестольной о назначении Кутузова, но не главнокомандующим русской армией, а пока что лишь одной Москвой: «Слух есть, что Кутузов отзывается от командования Турецкою армиею и будет командовать Москвою, а о мире ничего неизвестно».²³ Как показало время, слух оказался небеспочвенным – именно Кутузову и суждено было решать судьбу Москвы, но не в должности московского главнокомандующего, а на посту главнокомандующего всей русской армией.

Поскольку к должности генерал-губернатора прибавлялось прилагательное военный, а Ростопчин с 1810 года был обер-ка-

²¹ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве // Русский Архив. – 1896. – № 7. – С. 373.

²² Волконский Д.М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 год...: Военные дневники. – М., 1990. – 464 с.

²³ Волконский Д.М. Указ. соч. – С. 370.

мергером, то еще через пять дней последовал указ о переводе графа на военную службу с чином генерала от инфантерии и назначении его главнокомандующим в Москве. Многие офицеры и генералы – доблестные участники Бородинского сражения – так и не стали полными генералами, хотя крови пролили немало. А гражданский чиновник Ростопчин превратился в генерала от инфантерии в один день.

В мае 1812 года Первопрестольная обрела нового хозяина. Уже первая фраза, которой Ростопчин начинает рассказ о своей службе московским градоначальником, поражает самонадеянностью: «Город, по-видимому, был доволен моим назначением». Еще бы не радоваться, ведь три недели в Москве стояла несусветная жара, грозившая очередной засухой, и надо же случиться такому совпадению, что именно в день приезда Ростопчина полил дождь. А тут еще пришло известие о перемирии с турками. Что и говорить, тут любой бы мог поверить в Промысел Божий. Похоже, что первым поверил сам Ростопчин.

Тем не менее, о в основном положительной реакции московского населения на назначение Ростопчина писал и Александр Булгаков: «Он (Ростопчин – авт.) уже неделю, как водворился. К великому удовольствию всего города». Со временем еще более укрепились уверенность Булгакова, что Ростопчин это и есть тот человек, который так нужен сейчас Москве: «В графе вижу благородного чело-

века и ревностнейшего патриота; обстоятельства же теперь такие, что стыдно русскому не служить и не помогать добрым людям, как Ростопчину, в пользу, которую стараются приносить отечеству».²⁴

Хотя были и другие мнения: «Я не имел чести знать лично графа Гудовича, не видывав его никогда, но в достоинствах его нисколько не мог сомневаться: ибо он и в царствование Великой Екатерины занимал важные места, а потому заслуги его должны быть известны Отечеству, но графа Ростопчина я очень хорошо знал по многим отношениям, а особливо по несправедливому поступку его с приятелем моим, Петром Петровичем Дубровским, который 25 лет находился вне пределов Отечества при разных посольствах и служил всегда с честью и похвалою. Граф Ростопчин не знал даже лица его, но при вступлении в звание вице-канцлера, в царствование императора Павла I, исключил его, Дубровского, из службы единственно потому, что он не был никому знаком из приближенных к графу, и такую несправедливостью ввергнул его в самое затруднительное положение возвратиться в отечество; и потом, когда он, Дубровский, кое-как возвратился и явился к нему, Ростопчину, он оболгал его пред Государем, и Дубровский выслан был из С.-Петербурга. Признаюсь откровенно: лишь только я узнал о сей перемене начальства, сердце облилось у меня кровью,

²⁴ Братья Булгаковы: письма / Александр Булгаков; Константин Булгаков: В 3-х томах. Т.1. – М., 2010.

Соборная площадь в Московском Кремле. Худ. Ф.Я. Алексеев. 1810-е гг.

как будто я ожидал чего-то очень неприятного».²⁵

Новый начальник быстро уразумел, что уже сам возраст его будет служить главным подспорьем в завоевании авторитета у москвичей. В свои сорок семь лет он казался просто-таки молодым человеком по сравнению с пожилыми предшественниками.

Большое внимание он уделил пропагандистскому обеспечению своей деятельности, приказав по случаю своего назначения отслужить молебны перед всеми чудотворными иконами Москвы. Также Ростопчин объявил москвичам, что отныне он устанавливает приемные часы для общения с населением — по одному часу в день, с

11 до 12 часов. А те, кто имеет сообщить нечто важное, могут и вовсе являться к нему и днем, и ночью. Это быстро произвело необходимое впечатление.

Но главное было — начать работать шумно и бурно, дав понять таким образом, что в городе что-то меняется. Кардинально он ничего не мог изменить, т.к. на это требовались годы. А быстро можно заниматься лишь мелочами. Он, например, отвечая на жалобы «старых сплетниц и ханжей», приказал убрать с улиц гробы, служившие вывесками магазинам, их поставившим. Также Ростопчин велел снять объявления, наклеенные в неположенных местах — на стенах церквей, запретил выпускать ночью собак на улицу, запретил детям пускать бумажных змеев,

²⁵ Бестужев-Рюмин А.Д. Указ. соч. — С. 369.

запретил возить мясо в открытых телегах. Приказал посадить под арест офицера, приставленного к раздаче пищи в военном госпитале, за то, что не нашел его в кухне в час завтрака. Заступился за одного крестьянина, которому вместо 30 фунтов соли отвесили только 25; засадил в тюрьму чиновника, заведовавшего постройкой моста на судах, снял с должности квартального надзирателя, обложившего мясников данью и т.д. Организовал под Москвой строительство аэростата, с которого предполагалось сбрасывать бомбы на головы французов...

Наконец, Ростопчин упек в ссылку того самого врача, что пользовал Гудовича. Звали эскулапа Сальватори, его выслали в Пермь, хотя у него уже лежал в кармане паспорт для выезда за границу. Виноват ли он был или нет — это было уже не так важно. Само распространение среди москвичей известия о раскрытии вражеской деятельности врача бывшего генерал-губернатора было инструментом в насаждении Ростопчиным шпиономании в Москве. Кульминацией чего стала жестокая расправа над сыном купца

Верещагина 2 сентября 1812 года, но это было еще впереди. Как покажет будущее, истинных изменников граф так и не смог во время распознать — те, кто ждал Наполеона, в Москве останутся и поспешат уже в первые часы оккупации засвидетельствовать ему свое почтение.

А еще по утрам градоначальник мчался в самые отдаленные кварталы Москвы, чтобы оставить там следы своей «справедливости или строгости». Встав спозаранку, любил он инкогнито ходить по московским улицам в гражданском платье, чтобы затем, загнав не одну пару лошадей, к восьми часам утра быть в своем рабочем кабинете. Эти методы работы он позаимствовал у покойного Павла. Возможно, что еще одно павловское изобретение — ящик для жалоб, установленный у Зимнего дворца, Ростопчин также применил бы в Москве, но война помешала.

Как похвалялся сам Ростопчин, два дня понадобилось ему, чтобы «пустить пыль в глаза»²⁶ (это его собственное выражение) и убедить большинство московских обывателей в том, что он неутомим и что его видят повсюду.

²⁶ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. — С. 48.

Война началась, или Афиши графа Ростопчина

*Ростопчин афишкою клич кликнул,
но никто не бывал на Поклонную гору
для защиты Москвы*

(Из дневника Д.М. Волконского)

22 июня 1812 года в «Московских Ведомостях» за № 50 москвичи прочитали высочайший рескрипт на имя председателя Государственного Совета, генерал-фельдмаршала, графа Николая Ивановича Салтыкова. Этим посланием государь Александр I уведомил своих соотечественников, что французские войска вошли в пределы Российской Империи и что французам объявлена война:

«Граф Николай Иванович! Французские войска вошли в пределы НАШЕЙ Империи. Самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством Престола и пользою МОЕГО народа. Все старания МОИ были безуспешны. Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавнем еще времени миролюбивых обещаний. И потому не остается МНЕ иного, как поднять оружие и употребить все врученные МНЕ Провидени-

ем способы к отражению силы силою. Я надеюсь на усердие МОЕГО народа и храбрость войск МОИХ. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их с свойственною им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное НАШЕ дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудило НАС препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве МОЕМ. Пребываю вам благосклонный. Вильна, Июня 13-го 1812 года».

В дальнейшем газеты регулярно печатали сводки с фронта, «Известия из главной квартиры», приносящие нелицеприятные вести о том, что «Великая армия» Наполеона, перешедшая Неман 12 июня 1812 года, все ближе продвигалась к Москве. И одного лишь сбора средств московским дворянством и купечеством на помощь армии было уже недостаточно. Ростопчин решает, что наиболее важным делом для него является распространение среди населения уверенности в том, что положение на фронте не так критично, что француз к

Переправа наполеоновской армии через Неман в 1812 году.

Литография с оригинала Л.С. Марен-Лавиня. 1822–1826 гг.

Москве не подойдет: «Я чувствовал потребность действовать на умы народа, возбуждать в нем негодование и готовить его ко всем жертвам для спасения отечества. С этой-то поры я начал обнародовать афиши, чтобы держать город в курсе событий и военных действий. Я прекратил выпуск ежедневно появлявшихся рассказов и картинок, где французов изображали какими-то карликами, оборванными, дурно вооруженными и позволяющими женщинам и детям убивать себя». Ну что же, адекватная оценка противника – факт отрадный, если он сопровождается и другими мерами, способствующими отражению столь великой опасности, как покорение Москвы.

До нашего времени дошло два десятка афиш или, как они официально именовались, «Дружеские

послания главнокомандующего в Москве к жителям ее». Они выходили почти каждый день, начиная с 1 июля по 31 августа 1812 года, а затем с сентября по декабрь того же года. Вот первая афиша:

«Московский мещанин, бывший в ратниках, Карнюшка Чихирин, выпив лишний крючок на тычке, услышал, что будто Бонапарт хочет идти на Москву, рассердился и, разругав скверными словами всех французов, вышед из питейного дома, заговорил под орлом так: «Как! К нам? Милости просим, хоть на святки, хоть и на масляницу: да и тут жгутами девки так припопонят, что спина вздуется горой. Полно демоном-то наряжаться: молитву сотворим, так до петухов сгинешь! Сиди-тко лучше дома да играй в жмурки либо в гулючки. Полно тебе фиг-

лярить: ведь солдаты-то твои карлики да щегольни; ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуч не наденут. Ну, где им русское житье-бытье вынести? От капусты раздует, от каши перелопаются, от щей задохнутся, а которые в зиму-то и останутся, так крещенские морозы поморят; право, так, все беда: у ворот замерзнуть, на дворе околевать, в сенях зазябать, в избе задыхаться, на печи обжигаться. Да что и говорить! Повадились кувшин по воду ходить, тут ему и голову положить. Карл-то шведский пожилистей тебя был, да и чистой царской крови, да уходился под Полтавой, ушел без возврата. Да и при тебе будущих-то мало будет. Побойчей французов твоих были поляки, татары и шведы, да и тех старики наши так откачали, что и по сю пору круг Москвы курганы, как грибы, а под грибами-то их кости. Ну, и твоей силе быть в могиле. Да знаешь ли, что такое наша матушка Москва? Вить это не город, а царство. У тебя дома-то слепой да хромой, старухи да ребятишки остались, а на немцах не выедешь: они тебя с маху сами оседлают. А на Руси што, знаешь ли ты, забубенная голова? Выведено 600 000, да забритых 300 000, да старых рекрутов 200 000. А все молодцы: одному Богу веруют, одному царю служат, одним крестом молятся, все братья родные. Да коли понадобится, скажи нам батюшка Александр Павлович: «Сила христианская, выходи!» – и высыпет бессчетная, и свету Божьяго не увидишь! Ну, передних бей, пожалуй: тебе это по сердцу; зато остальные-

то тебя доконают на веки веков. Ну, как же тебе к нам забраться? Не токмо что Ивана Великаго, да и Поклонной во сне не увидишь. Белорусцев возьмем да тебя в Польше и погребем. Ну, поминай как звали! По сему и прочее разумевай, не наступай, не начинай, а направо кругом домой ступай и знай из роду в род, каков русский народ!» Потом Чихирин пошел бодро и запел: «Во поле береза стояла», а народ, смотря на него, говорил: «Откуда берется? А что говорит дело, то уж дело?» 1 июля 1812 года.²⁷

Афиша эта больше похожа на рассказик в былинном стиле, рассчитанный на те слои населения, которые с трудом могли ее прочесть, а потому способны были лишь слушать, собравшись кучками на московских перекрестках. Таким способом московский генерал-губернатор «успокаивал» народ, одновременно завоевывая дешевый авторитет в бедных слоях населения. Следующая порция «успокоительного лекарства» от Ростопчина относится к 9 августа 1812 года:

«Слава Богу, все у нас в Москве хорошо и спокойно! Хлеб не дорожает, и мясо дешевет. Однако всем хочется, чтоб злодея побить, и то будет. Станем Богу молиться да воинов снаряжать, да в армию их отправлять. А за нас пред Богом заступники: Божия Мать и московские чудотворцы; пред светом – милосердный государь наш Александр Павлович, а пред супостаты – христоробивое воинство; а чтоб скорее дело решить: государю

²⁷ Борсук Н.В. Ростопчинские афиши. – СПб, 1912. – 99 с.

Два курьера, отправленные съ мѣста сраженія, привезли отъ Главнокомандующаго арміями слѣдующія извѣстія:

Вчерашній день 26го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею Руское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ ошчаяніемъ дѣйствовалъ противъ его. Завтре надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую Святѣю, съ новыми силами съ нимъ сразиться.

Потеря непріятеля неизчетная. Онъ отдалъ въ приказъ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать нѣного), и что Французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сего дня, съ помощію Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.

Я посылаю въ Армію 4000 человекъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ снаряды, провіанта. Православные, будьте спокойны. Кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества. Наша готова; естли придетъ время, то мы подаримъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Руской.

27 Августа.

Графъ Растопчинъ.

1812.

угодить, Россию одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и веру к словамъ начальниковъ, и они рады с вами и жить, и умереть. Когда дело делать, я с вами; на войну идти, перед вами; а отдыхать, за вами. Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы ее отдуем; все перемелется, мука будет; а берегитесь одного: пьяниц да дураков; они, распуская уши, шатаются, да и другимъ в уши врасплох надувают. Иной вздумает, что Наполеонъ за добромъ идет, а его дело кожу драть; обещает все, а выйдет ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршалство, нищимъ — золотые

горы, народу — свободу; а всех ловит за виски, да в тиски и пошлет на смерть: убьютъ либо там, либо тут. И для сего и прошу: если кто из нашихъ или из чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то и другое, то, какой бы онъ ни былъ, за хохол да на съезжую! Тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава и награда; а кого возьмутъ, с темъ я разделаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мне на то и власть дана; и государь изволил приказать беречь матушку Москву; а кому ж беречь мать, как не деткамъ! Ей-Богу, братцы, государь на вас, как на Кремль, надеется, а я за васъ присягнуть готов! Не введите

в слово. А я верный слуга царский, русский барин и православный христианин. Вот моя и молитва: «Господи, Царю Небесный! Продли дни благочестиваго земного царя нашего! Продли благодать Твою на православную Россию, продли мужество христолюбиваго воинства, продли верность и любовь к отечеству православнаго русского народа! Направь стопы воинов на гибель врагов, просвети и укрепи их силою Животворящаго Креста, чело их охраняюща и сим знамением победиша».²⁸

Назвав французских солдат карликами, Ростопчин вновь дал обывателям повод для невероятных слухов; один из москвичей писал: «Слышавши, что пленные неприятели находятся за Дорогомиловской заставой, мне хотелось удостовериться, действительно ли, как носились слухи, что неприятельские солдаты не походят на людей, но на страшных чудовищ? Недалеко от села Филей находилось сборище народа, в виде кочующего цыганского табора, состоящее из двухсот пленных неприятелей разных племен, наречий, состояний, окруженное конвоем из ратников с короткими пиками и несколькими на лошадях казаками. Мундиры на пленниках были разноформенные; некоторые из них были ранены и имели повязки на разных частях тела; они, издали заведя приближавшихся к их стану любопытных зрителей, показывая руками на небо и на желудок, кричали: «Русь! Хлиба!» Одни из них, свернувшись в клубок, спали на траве, другие

чинили платье, третьи жарили картофель на разложенном огне; но были и такие, которые, со злобою косясь на зрителей, что-то себе под нос ворчали. Русские со свойственным им добродушием и христианскою любовью к ближнему, исполняя Евангельские заповеди – «за зло плати добром врагу твоему, алчущего накорми, жаждущего напои, нагого одень», – раздавали пленным хлеб и деньги.

В близком расстоянии от пленных, в обширной крестьянской избе помещалось человек до тридцати штаб- и обер-офицеров неприятельской армии; здесь царствовало веселье, сопровождаемое разными оргиями: одни пили из бутылок разные заморские вина, шумели между собою и во все горло хохотали, другие играли в карты, кричали и спорили; некоторые, под игравшую флейту, выплясывали французскую кадрили; прочие, ходя, сидя, лежа курили трубки, сигары или распевали, каждый на свой лад, разноязычные песни.

Русские, смотря на иностранное удалство, говорили: «Каков заморский народ! Не унывают и знать не хотят о плене; как званые гости на пир пожаловали, пляшут себе и веселятся. Недаром ходит молва в народе: «Хоть за морем есть нечего, да жить весело».²⁹

А тем временем Наполеон все ближе приближался к Москве, и те самые заморские гости, что и в плену веселятся, обещали устроить москвичам отнюдь не радостную

²⁸ Там же.

²⁹ Рязанов А. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве, 1812 году. – М., 1862. – С. 332.

Свѣтлѣйшій Князь, чтобъ скорей соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ; къ нему идутъ отсюда 48 пушекъ съ снарядами; а Свѣтлѣйшій говоритъ: что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть въ улицахъ драться; вы брашцы! не смотрите на то, что Присудственные мѣста закрыли дѣла; прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличъ кликну два за два, а теперь не надо; я и молчу! хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки; французъ не тяжелѣ снага ржаного; завтра послѣ обѣда я поднимаю Иверскую въ Екатерининскую Гошпиталь къ раненымъ; шамъ воду освящамъ; они скоро выздоровѣютъ, и я теперь здоровъ; у меня болятъ глаза, а теперь смотрю въ оба!

Подписалъ Графъ Растопчинъ

30 Августа, 1812 года.

жизнь. Об этом в афише ни слова. Но ведь московское дворянство узнавало о положении на фронте не по рассказам графа: все, кому было куда выехать и, главное, на чем, активно собирали вещи и выезжали из Первопрестольной.

Выезд из Москвы стал следствием все сильнее проявлявшегося у населения того самого «скрытого чувства патриотизма», о котором пишет Лев Толстой в романе «Война и мир». Оставление жителями Москвы, вопреки уговорам московского градоначальника, по убеждению Толстого, произошло вследствие этого «скрытого патриотизма», присущего различным слоям русского общества и заставившего людей выезжать с тем, что они могли с собой захватить, бросая свои дома и имущество. Покидали первопрестольную потому, что для «русских людей не могло быть воп-

роса: хорошо или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего». И благодаря тому, что жители покинули Москву, «совершилось то величественное событие, которое навсегда останется лучшей славою русского народа».³⁰

«Скрытое чувство патриотизма» Лев Толстой противопоставил высокопарным речам и шумливым афишам Ростопчина, ставшим для писателя олицетворением крикливого и показного патриотизма.

Жизнь в Москве переменилась, — писал Александр Пушкин в «Рославлеве»: «Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Ростопчина; народ

³⁰ Гудзий Н.К. Лев Толстой: Критико-биографический очерк. М., 1960. — 215 с.

ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни».

Итак, написание простонародных листков или афиш — одно из тех дел, которыми активный градоначальник запомнился москвичам и вошел в историю. Слишком необычно это было — начальник Москвы лично занимался их написанием, развивая свой литературный дар.

Петр Вяземский вспоминал: «Так называемые «афиши» графа Ростопчина были новым и довольно знаменательным явлением в нашей гражданской жизни и гражданской литературе. Знакомый нам «Сила Андреевич» 1807 года ныне повышен чином. В 1812 году он уже не частно и не с Красного крыльца, а словом властным и воеводским разглашает свои Мысли вслух из своего генерал-губернаторского дома, на Лубянке».³¹

Сам Ростопчин сетовал, что в это время он совершенно выбился

из сил: «Столько было дел, что не доставало времени сделаться больным, и я не понимаю, как мог я перенести столько трудов. От взятия Смоленска до моего выезда из Москвы, то есть, в продолжение двадцати трех дней я не спал на постели; я ложился, ни мало не раздеваясь, на канапе, будучи беспрестанно пробуждаем то для чтения депешей, приходящих тогда ко мне со всех сторон, то для переговоров с курьерами и немедленного отправления оных. Я приобрел уверенность, что есть всегда способ быть полезным своему Отечеству, когда слышишь его взывающий голос: жертвуй собою для моего спасения. Тогда пренебрегаешь опасностями, не уважаешь препятствиями, закрываешь глаза свои на счет будущего; но в ту минуту, когда займешься собою и станешь рассчитывать, то ничего не сделаешь порядочного и входишь в общую толпу народа».³²

Прочитав это, поневоле задаешься вопросом: и откуда только Ростопчин брал время на сочинение афишек? Над этим размышляли и его современники, и даже родственники. Один из них, Николай Карамзин, свояк графа, живший у него в доме, даже предлагал Ростопчину писать за него. При этом он шутил, что таким образом заплатит ему за его гостеприимство и хлеб-соль. Но Ростопчин отказался. Вяземский отказ одобрил, ведь «под пером Карамзина эти листки, эти беседы с народом были бы лучше писаны, сдержаннее, и вообще имели бы более правитель-

³¹ Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. — М., 1984.

³² Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. — С. 45.

ственного достоинства. Но зато лишились бы они этой электрической, скажу, грубой, воспламеняющей силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ. Русский народ – не Афиняне: он, вероятно, мало был бы чувствителен к плавной и звучной речи Демосфена и даже худо понял бы его». Лев Толстой назвал язык афишек «ерническим».

А Карамзин гостил у Ростопчина почти до последнего дня: «Наконец я решился силою отправить жену мою с детьми в Ярославль, а сам остался здесь и живу в доме у главнокомандующего графа Федора Васильевича, но без всякого дела и без всякой пользы. Душе моей противна мысль быть бегле-

цом: для этого не выеду из Москвы, пока все не решится», – писал он брату 27 августа.³³

Из написанных Ростопчиным афиш до наших дней дошло содержание минимум двадцати прокламаций. Писал он их быстро. Например, когда граф узнал, что в Москву 11 июля 1812 года должен пожаловать император с проверкой, он тотчас сел за написание соответствующей афиши. После чего уже весь город знал о предстоящем приезде государя. Ростопчину не откажешь в деловой хватке – приезд императора, а точнее, его «пропагандистское обеспечение» сыграло свою решающую роль в огромном патриотическом подъеме, наблюдавшемся в Москве.

Вид Императорского дворца в Кремле до пожара 1812 года.

Исторические этюды о Москве. – Лондон, 1813.

³³ Атеней. – 1858. – Ч. 3. – С. 485.

Приезд Александра I

Это был тот самый визит Александра I в Первопрестольную, во время которого чуть было не задавили маленького Петю Ростова, решившегося в тайне от родителей пойти в Кремль, чтобы вместе со всем народом поглазеть на царя-благодетеля.

Вместе с государем 11 июля в Москву прибыла представительная делегация: обер-гофмаршал граф Толстой, генерал от артиллерии граф Аракчеев, генерал-адъютант, министр полиции Балашов, вице-адмирал, государственный секретарь Шишков, генерал-адъютант князь Волконский, генерал-адъютант граф Комаровский. Александр обратился к москвичам со следующим манифестом:

«Первопрестольной столице нашей Москве.

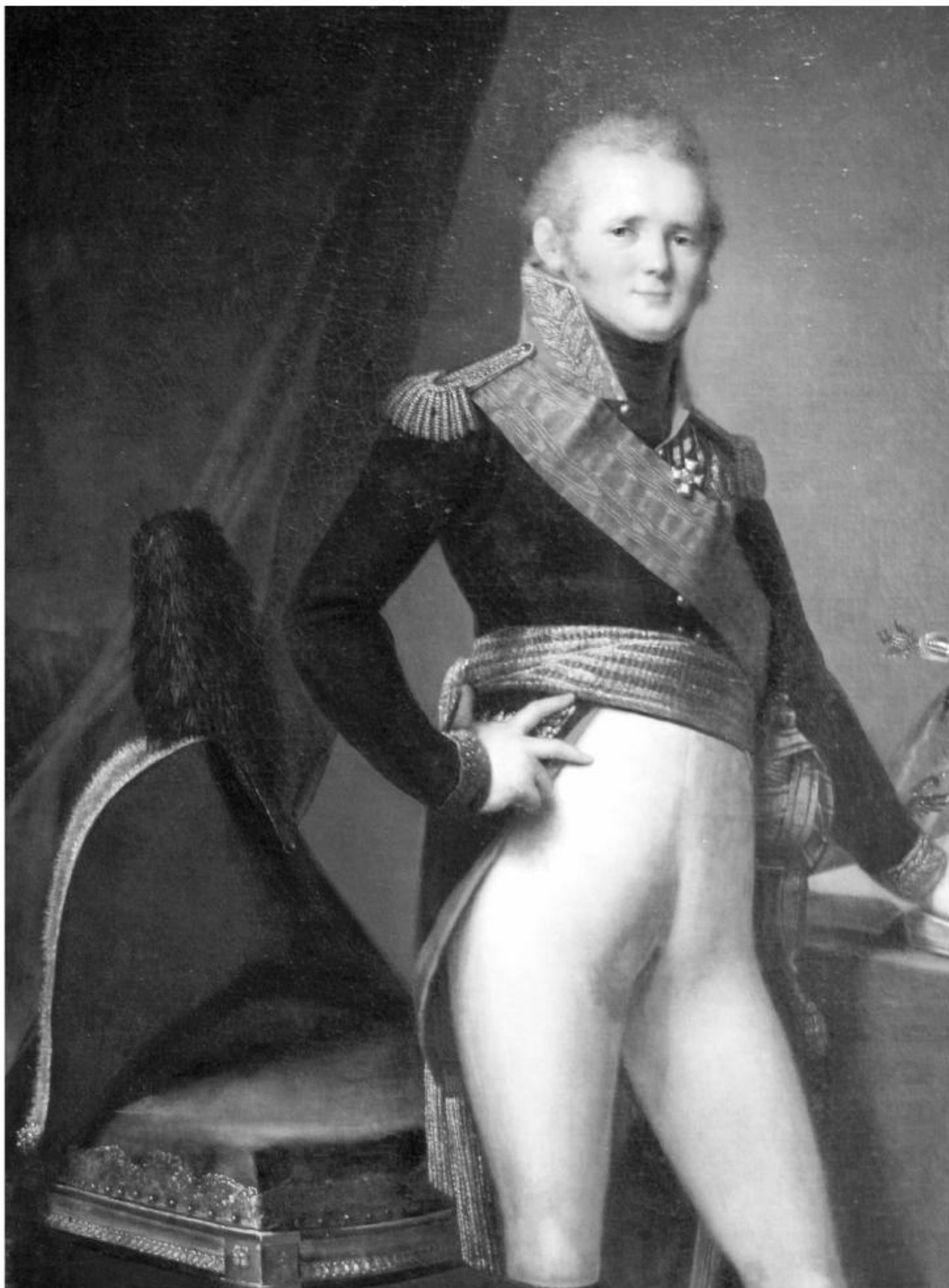
Неприятель вошел с великими силами в пределы России! Он идет разорять любезное наше Отечество. Хотя пылающее мужеством ополченное Российское воинство готово встретить и низложить дерзость его и зломыслие, однако ж, по отеческому сердоболию и попечению нашему о всех верных наших подданных, не можем мы оставить без предварения их о сей угрожающей им опасности, да не возникнет из неосторожности нашей преимущества врагу. Того ради, имея в намерении для надежнейшей обороны собрать но-

Александр I.

Худ. С. Спринггетт. 1817 г.

вые внутренние силы, наипервое обращаемся мы к древней столице предков наших, Москве: она всегда была главою прочих городов Российских; она изливала всегда из недр своих смертоносную на врагов силу; по примеру ея из всех прочих окрестностей текли к ней, наподобие крови к сердцу, сыны отечества для защиты оного. Никогда не настояло в том вящей надобности, как ныне. Спасение веры, престола, царства того требуют. Итак, да распространится в сердцах знаменитого дворянства нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляют Бог и Православная наша церковь; да составит и ныне сие общее рвение и усердие новые силы, и да умножатся оные,

Портрет российского императора Александра I. Худ. С. Щукин. 1808 г.

начиная с Москвы, во всей обширной России! Мы не умедлим сами стать посреди народа своего в сей столице и в других государства нашего местах для совещания и руководства всеми нашими ополчениями, как ныне преграж-

дающими пути врагу, так и вновь устроенными на поражение оного везде, где только появится. Да обратится погибель, в которую мнит он низринуть нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России!»

Ростопчин выехал встречать царя в Перхушково, а вслед за своим градоначальником по Смоленской дороге потянулись десятки тысяч москвичей. Александр остался доволен тем, как приняла его Москва: огромное количество народа пришло засвидетельствовать свою преданность и уверенность в скорой победе над врагом под его мудрым руководством. Особое благоволение проявил царь к Ростопчину, организовавшему встречу на высоком уровне. В своих мемуарах граф подчеркивает: «В одном из домов была приготовлена закуска». Больше часа просидели они за столом, в конце беседы государь посмотрел на Ростопчина и сказал, что на его эполетах чего-то не хватает, а именно царского вензеля, отличительного знака, свидетельствовавшего о принадлежности к свите Его Императорского Величества. «Мне любо быть у вас на плечах», – подытожил Александр.

Похоже, что в душе и Александра, и Ростопчина поселились спокойствие и уверенность в неизбежности скорой победы над Наполеоном. Уже за полночь, получив указание от царя вернуться в Москву, в хорошем расположении духа направлялся граф в Первопрестольную. Но вот какое странное ощущение посетило его: толпы людей вдоль дороги, ожидавшие въезда в город государя, а главное – священники с горящими свечами и крестами для благословления царя – все это на минуту напомнило Ростопчину... похороны. Но мысли эти довольно скоро оставили графа, ведь предстоящие

в Москве с участием государя события навевали совершенно иное, благостное настроение.

Александр пробыл в Москве неделю, успев за это время пообщаться с представителями различных сословий и получить мощную народную поддержку. Простой люд собрался в Кремле и бурно приветствовал своего государя, вышедшего на Красное крыльцо. Император потонул в людском море, слух его услаждался отовсюду раздававшимися возгласами, называвшими его спасителем и отцом родным. А во время молебна в Успенском соборе царь услышал, что он – Давид, которому предстоит одолеть Голиафа – Наполеона. Москвичи побогаче – дворяне и купцы – пообещали царю собрать деньги, что и выполнили вскоре – пожертвовав почти два миллиона рублей.

Таковой представлялась внешняя сторона дела, но была и другая, потаенная. Предварительно Ростопчин провел большую подготовительную работу с представителями богатых сословий Москвы. Для того, чтобы никому в голову из дворян не пришло задавать государю неприятные вопросы о «средствах обороны», Ростопчин решил припугнуть их: рядом со Слободским дворцом, где 15 июля проходила встреча с государем, он велел поставить полицейских и запряженные телеги (для будущих арестантов), готовые отправиться в дальнюю дорогу. После того, как слух об этом дошел до участников собрания, желающих задавать «нехорошие» вопросы, не нашлось.

Недаром, участник тех событий Д.Н. Свербеев сказал, что «восторженность дворянства была заранее подготовлена гр. Ростопчиным». Также продуктивно поработали и с купцами. Ближайший помощник Ростопчина, гражданский губернатор Н.В. Обрезков, обрабатывал купцов, «сидя над ухом каждого, подсказывая подписчику те сотни, десятки и единицы тысяч, какие, по его умозаключению, жертвователю мог подписать».

Очевидец событий рассказывает: «15 дня. В сей день собраны были дворянское и купеческое сословия в залах Слободского Дворца. Я сам был там лично. По прибытии Государя Императора

*Александр I. Худ. И.Ф. Югель
с оригинала И.Ф. Болта. 1814(?) г.*

в залу, в которой собралось дворянство и по прочтении воззвания к первопрестольной столице Москве, оное общим согласием положило обмундировать и вооружить с одной Московской губернии, для отражения врага, восемьдесят тысяч воинов. Государь, приняв сие пожертвование с душевным умилением, изрек дворянству: «Иного я не ожидал и не мог от вас ожидать. Вы оправдали мое о вас мнение». Потом Государь Император вошел в залу, в которой ожидали его купечество и мещанство, и я туда пошел, чтобы слышать, что они будут говорить; и по прочтении того же воззвания, они общим голосом отвечали: «Мы готовы жертвовать тебе, отец наш, не только своим имуществом, но и собою». И тут же началась подписка денежного пожертвования».³⁴

А в это время подробности царского визита в Первопрестольную обсуждали в... ставке Наполеона: «Дворяне, принадлежавшие к самым знаменитым семьям, жили там (в Москве – А.В.) в своем кругу и как бы вне влияния двора. Они были менее царедворцами и поэтому более гражданами. Оттого-то государи так неохотно приезжали туда, в этот обширный город дворян, которые ускользали от их власти благодаря своему происхождению, своей знатности и которых они все-таки вынуждены были щадить.

Необходимость привела Александра в этот город. Он отправился туда из Полоцка, предшествуемый

³⁴ Бестужев-Рюмин А.Д. Указ. соч. – С. 378.

своими воззваниями и ожидаемый населением. Прежде всего, он появился среди собравшегося дворянства. Там все носило величественный характер: собрание и обстоятельства, вызвавшие его, оратор и внушенные им резолюции. И не успел он кончить своей речи, как у всех вырвался единодушный общий крик. Со всех сторон раздавались слова: «Государь, спрашивайте что угодно! Мы предлагаем вам все! Берите все!»

Александр говорил потом речи и купцам, но более кратко. Он заставил прочесть им то воззвание, где Наполеон назывался коварным Молохом, который с изменой в душе и лояльными словами на устах явился, чтобы стереть Россию с лица земли!

Говорят, что при этих словах на всех мужественных, загорелых лицах, которым длинные бороды придавали древний вид, внушительный и дикий, появилось выражение сильной ярости. Глаза засверкали, и руки вытянулись, потрясая кулаками, а заглушенные восклицания и скрежетание зубов указывали силу возмущения. Результат не замедлил сказаться. Их старшина, избранный ими, оказался на высоте: он первый подписал 50 тысяч рублей, две трети своего состояния, и на другой же день принес это.

Купцы разделяются на три класса, каждому из которых было предложено определить размеры своих взносов. Но один из них, причисленный к последнему классу, объявил вдруг, что его патриотизм не подчиняется никаким гра-

Волконский Д.М. 1815 г.

ницам. Он тут же наложил на себя контрибуцию, далеко превышающую предложенную сумму. Другие тоже последовали его примеру, в большей или меньшей степени.

Говорят, что этот патриотический дар Москвы достигал двух миллионов рублей. Другие губернии повторили, точно эхо, этот национальный крик, раздавшийся в Москве», — писал адъютант Наполеона Филипп Поль де Сегюр.³⁵

О приезде государя говорили и на улицах, и в дворянских салонах: «Принесли указ городу Москве о предстоящей опасности и о скорейшем вооружении всякого звания людей. Сие известие всех поразило и произвело даже в народе самые неприятные толки, — записывал в эти дни князь Д.М. Волконский. — Вместе с сим узнали, что и государь едет сюда из армии. Все же сии известия привез сюда ген.-адъютант

³⁵ Поход в Россию: Мемуары адъютанта / Граф Де-Сегюр. — М., 2002. — 284 с.

Глинка С.Н.*Худ. (Н.В.?) Лангер. Около 1820 г.*

князь Трубецкой. Я тотчас поехал к Ростопчину, узнал, что государь будет к вечеру в Кремлевский дворец, но что наши армии ничего не потеряли и баталии не было; не менее все встревожено в городе».³⁶

В том, что «баталии не было», убедил Волконского Ростопчин, но лишь после разговора с государем стало понятно истинное положение вещей: «12-го поутру я поехал во дворец. Государь был у молебну в Соборе. Народу стечение ужасное, кричали «Ура» и теснились смотреть его. Приехали с ним Аракчеев, Балашов, Шишков... Я с ним говорил наедине; начальные меры, кажется, были неудобны, растянуты войска и далеко ретировались, неприятель пробрался к Орше и приблизился к Смоленску, но с малою частью, и отступил, но силы его превосходны и, кажется, явно намерен идти на Москву. Многие уже испугались, приехали из деревень, а из армии множество

обозов воротились, порох даже из Смоленска привезли сюда».

Отметим, что, судя по разговору Волконского с государем, перспективы сражения за Москву стали очевидны для приближенных к императору вельмож уже к середине июля. Неслучайно присутствовавший на собрании в Слободском дворце С.Н. Глинка, который, по выражению Петра Вяземского, был «рожден народным трибуном, но трибуном законным, трибуном правительства», в конце своей речи произнес: «Мы не должны ужасаться; Москва будет сдана». Тем самым он огорошил аудиторию: «Едва вырвалось из уст моих это роковое слово, некоторые из Вельмож и Превосходительных привстали. Одни кричали: «Кто вам это сказал?» Другие спрашивали: «Почему вы это знаете?» Не смущаясь духом, я продолжал: «Милостивые Государи! Во-первых: от Немана до Москвы нет ни природной, ни искусственной обороны, достаточной к остановлению сильного неприятеля. Во-вторых: из всех отечественных летописей наших явствует, что Москва привыкла страдать за Россию. В-третьих (и, дай Бог, чтобы сбылись мои слова), сдача Москвы будет спасением России и Европы».³⁷

Таким образом, у московских властей было еще некоторое время для анализа самых различных вариантов развития событий и принятия соответствующих мер. Одна из этих мер была озвучена – создание Комитета по организации мос-

³⁶ Волконский Д.М. Указ. соч.

³⁷ Глинка С.Н. Записки о 1812 годе. – СПб, 1836. – С. 19.

ковской милиции или народного ополчения под председательством Ростопчина. В ополчение принимались все, кто мог носить оружие: отставные офицеры, сохранявшие прежний чин, гражданские чиновники, получавшие чин рангом меньше, а также крепостные, отпущенные хозяевами на войну, но не все, а каждый десятый, правда, с провиантом на три месяца. Первым, кто вступил в ополчение, стал тот же Глинка, удостоенный государем за свою откровенность еще и ордена св. Владимира IV степени. А еще ему вручили триста тысяч рублей на организацию ополчения. Ростопчин так и сказал ему: «Развязываю вам язык на все полезное для отечества, а руки на триста тысяч экстраординарной суммы».

Но не все было гладко. Князь Д.М. Волконский писал: «15-го в Слободском дворце дворяне и купечество собрались. Приехал Ростопчин и с ним статс-секретарь Шишков, прочли указ о необходимости вооружения, о превосходстве сил неприятеля разnodержавными войсками. Тут же согласились дать по 10-ти человек со ста душ. Сей ужасный набор начнут скоро только в здешней губернии, а купцы, говорят, дают 35 миллионов».

...Граф Мамонов не токмо формирует полк, но и целым именем жертвует. Демидов также дает полк, и все набирают офицеров. Народ весь в волнении, старается узнать о сем наборе. Формировать полки хотят пешие и конные, принимать людей без меры и старее положенного, одежда в смуром кафтане по колено, кушак

кожаный, шаровары, слабцан, а шапочка суконная, и на ней спереди под козырьком крест и вензель государя. Открываются большие недостатки в оружии, в офицерах способных, и скорость время едва ли допустят успех в порядочном формировании полками. Тут же в собрание приехал государь и, изъяснив еще причины, утвердил сие положение. Прочли штат сих полков и разъехались».

В приведенном свидетельстве обращает на себя внимание словосочетание «ужасный набор». Ужасным, т.е. довольно ощутимым он был не только для дворянского бюджета, но и для крестьян, часть которых и вправду не очень-то хотела воевать. В следующие дни князь Волконский отметит: «Тут начался набор в Московское ополчение 10-го человека. Крестьяне жалко унылы, я их старался ободрять... Был на сходке крестьян при выборе людей на ополчение, жалкие сцены видел. Отдача обходится, говорят, свыше 60 р., мужики же здесь очень бедны...»

А вот еще один интересный момент: «22-го (октября – А.В.) приказчик мой поехал в Ярославль и повез Макарку отдать в ополчение за пьянство». Из кого же состояло ополчение, если туда отдавали за пьянство?

Видимо, и в окружении Александра I не все разделяли его патристический оптимизм: «Вот еще одно обстоятельство, которое случилось во время пребывания Государя в Москве и о котором умолчать я почел бы преступлением. Дворянство Рязанской губернии, в

Балашов А.Д.

*Худ. С.П. Шифляр с оригинала
А.Г. Варнека. Около 1815 г.*

которой имел я небольшую деревню, узнав о воззвании Императора к первопрестольной столице Москве, немедленно выслало своих депутатов, состоящих из уездных предводителей дворянства, с тем чтобы они, по приезде в Москву, повергнув себя к стопам Государя, донесли Его Величеству, что Рязанское дворянство готово поставить на защиту Отечества шестьдесят тысяч воинов, вооруженных и обмундированных. Сам же губернский предводитель сего дворянства, Лев Дмитриевич Измайлов, в числе депутатов, по болезни своей, не был.

Депутаты, частью мне знакомые люди, по приезде в Москву остановились в доме губернского своего предводителя Измайлова, что у Мясницких ворот, и на другой день явились к министру полиции, генерал-адъютанту Балашову, прося его, чтоб он доложил об них Государю Императору.

Генерал Балашов принял их самым неблагоприятным образом, кричал на них, говоря, как смели они отлучиться от должностей своих; и когда депутаты отвечали, что они это сделали по общему приговору дворянства и с личного дозволения г-на Рязанского гражданского губернатора Бухарина, тогда Балашов сказал, что он делает строгое взыскание, и почти выгнал их от себя.

Хотя депутаты Рязанской губернии чрезвычайно оскорбились и огорчились таким неделикатным поступком с ними генерала Балашова, однако ж не отчаивались и обратились к главнокомандующему в Москве, графу Растопчину, который и принял их очень вежливо и ласково. Они, объяснив ему причину своего приезда в Москву, не умолчали о поступке с ними генерала Балашова, и граф Растопчин, порицая поступок Балашова, обещал в тот же день доложить об них Государю Императору. На другой день рано через Московскую полицию приказано им было выехать немедленно из столицы. Они с сердцем, преисполненным горести, что не видели Государя и не выполнили на них возложенного препоручения Рязанским дворянством, возвратились восвояси. Что должно думать о генерал-адъютанте, министре полиции Балашове? Искренно ли он любил благодетеля своего, Государя Императора, и истинный ли был сын Отечества? По поступку его можно усомниться». ³⁸

³⁸ Бестужев-Рюмин А.Д. Указ. соч. — С. 383.

Добавим, что генерал А.Д. Балашов в первые дни войны имел возможность лично встретиться с Наполеоном, выполняя поручение Александра I. Но переговоры эти закончились ничем, осталось лишь предание, что, когда Наполеон спросил Балашова о самой кратчайшей дороге на Москву, Балашов ответил: «Есть несколько дорог, государь. Одна из них ведёт через Полтаву».

У Александра I и Ростопчина было много времени, чтобы обсудить самые разные вопросы. Наверняка, говорили они и о разворачивающемся деле купеческого сына Верещагина, и о судьбе связанного с этим делом московского почт-директора Ключарева, и о возможном исходе генерального сражения с Наполеоном, могла ли обсуждаться при этом и печальная участь Москвы? — Мы можем это лишь предполагать...

Итог волеизъявлению народа, готового снять последнюю рубашку, подвел Александр: в присутствии приближенных вельмож он обнял Ростопчина, расцеловал его, сказав, что он «весьма счастлив, что он поздравляет себя с тем, что посетил Москву и что назначил генерал-губернатором» Ростопчина. Присутствовавший там же Аракчеев сказал Ростопчину, что за все время его службы царю тот никогда не обнимал и не целовал его, что свидетельствовало о получении Ростопчиным высшего знака благоволения.

В ночь на 19 июля государь, перед отъездом из Москвы, отдал

Москву в полное распоряжение Ростопчину: «Предоставляю вам полное право делать то, что сочтете нужным. Кто может предвидеть события? И я совершенно полагаюсь на вас». Как метко напишет об этом сам Ростопчин, Александр оставил его «полновластным и облеченным его доверием, но в самом критическом положении, как покинутого на произвол судьбы импровизатора, которому поставили темой: «Наполеон и Москва». Свое полное доверие к Ростопчину император обозначил присвоением ему титула «главнокомандующего» всей Москвой и губернией. Между строк читается более интересно: похоже, что во время московских бесед государя с Ростопчиным, перспектива сожжения Москвы обсуждалась неоднократно.

Кроме того, Ростопчин был назначен начальником ополчения шести приграничных с Москвой губерний: Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Калужской и Тульской. Общее число ополченцев должно было составить 116 тысяч человек. За сутки ополчение было собрано, но в силу дефицита оружия, немалая часть из них была вооружена пиками. Лишь пятая часть ополченцев имела при себе огнестрельное оружие. Тем не менее, ополченцы героически проявили себя в Бородинском сражении, общая численность московских ополченцев, принявших участие в этой кровопролитной битве, составила порядка 19 тысяч человек.

Ростопчин и Кутузов: двое в одной лодке

Еще 16 июля дворянское собрание Москвы выбрало начальника Московского ополчения, «главнокомандующего Московской военной силы». Им стал М.И. Кутузов, получивший наибольшее число голосов – 243, второе место занял сам Ростопчин. Почти одновременно и дворяне Петербурга также выбирают Кутузова начальником своего ополчения. В итоге император утверждает Кутузова начальником петербургского ополчения. В Москве ополчением будет командовать граф М.И. Морков. В условиях отступления русской армии и непрекращающихся распрей между Багратионом и Барк-

лаем (Багратион за глаза называл своего соперника «Барклай да и только») Кутузов становится чуть ли не единственной надеждой России. 5 августа созданный Александром Особый комитет выбирает из шести кандидатур на пост главнокомандующего кандидатуру Кутузова. Но государь медлит с его назначением.

6 августа Ростопчин обращается к государю с письмом, в котором требует назначения Кутузова главнокомандующим всеми российскими армиями: «Государь! Ваше доверие, занимаемое мною место и моя верность дают мне право говорить Вам правду, которая, может быть, и встречает препятствие, чтобы доходить до Вас. Армия и Москва доведены до отчаяния слабостью и бездействием военного министра, которым управляет Вольцоген. В главной квартире спят до 10 часов утра; Багратион почтительно держит себя в стороне, с виду повинуетя и по-видимому ждет какого-нибудь плохого дела, чтобы предъявить себя командующим обеими армиями... Москва желает, государь, чтобы командовал Кутузов... Решитесь, Государь, предупредить великие бедствия... Я в отчаянии, что должен Вам послать это донесение, но его требуют от меня моя честь и присяга». Ростопчин в своем репертуаре: мало того,

Голенищев-Кутузов М.И.
Гравюра Ф. Вендрамини с оригинала
Л. де Сент-Обена. 1813 г.

что Барклай – нерусский, так еще и управляет им какой-то Вольцоген.

Наконец, 8 августа Александр подписывает рескрипт о назначении Кутузова главнокомандующим:

«Князь Михаил Илларионович! Настоящее положение военных обстоятельств наших действующих армий, хотя и предшествовало было начальными успехами, но последствия оных не открывают еще той быстрой деятельности, с каковою надлежало бы действовать на поражение неприятеля. Соображая сии последствия и извлекая истинные тому причины, Я нахожу нужным назначение над всеми действующими армиями одного общего Главнокомандующего, которого избрание, сверх воинских дарований, основывалось бы и на самом старшинстве. Известные военные достоинства ваши, любовь к Отечеству и неоднократные опыты отличных ваших подвигов приобретают вам истинное право на сию Мою доверенность.

Избирая вас для сего важного дела, Я прошу Всемогущего Бога, да благословит деяния ваши к славе Российского оружия, и да оправдает тем счастливые надежды, которые Отечество на вас возлагает». 8 августа 1812 года.³⁹

Немалую роль сыграло в этом решении письмо Ростопчина, о чем царь говорил своим приближенным. В Москве известие о новом главнокомандующем встречают ликованием, связывая с ним надежду на скорую победу над вра-

Барклай-де-Толли М.Б.

Гравюра С. Карделли. 1810-е гг.

гом. Рад и московский градоначальник. Но пройдет каких-то лет десять и Ростопчин весьма скептически оценит те августовские дни: «Москва дала новое доказательство недостатка в благоразумии. При вести о его назначении все опьянели от радости, целовались, поздравляли друг друга».

С Кутузовым Ростопчин близко познакомился еще в царствование Павла. Тогда Ростопчин как глава военного департамента на служебной лестнице стоял даже выше будущего главнокомандующего. Теперь же им суждено было поменяться местами – как только армия вступала в пределы Московский губернии, московский градоначальник поступал в полное распоряжение Кутузова.

В своих мемуарах Ростопчин, превратившийся в козла отпущения после окончания войны, уже не сможет скрыть своей неприязни к покойному главнокоманду-

³⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война: юбилейное издание, 1812–1912. – СПб, 1912. – С. 81.

Голенцев-Кутузов М.И.*Гравюра Д. Хопвуда. 1813 г.*

ющему: «Этот ген. Кутузов, тело которого похоронено в петербургской соборной церкви, которому полагается воздвигнуть памятник, которого рискнули называть спасителем России, — имел в 1812 году 68 лет от роду. В турецкую войну, когда он был еще майором, неприятельская пуля пробила его череп, позади глаз; рана эта, названная беспримерной, потому что он вылечился и сохранил зрение, сделала его известным с благоприятной стороны. Этот человек был большой краснбай, постоянный дамский угодник, дерзкий лгун и низкопоклонник. Из-за фавора высших он все переносил, всем жертвовал, никогда не жаловался и, благодаря интригам и ухаживанию, всегда добивался того, что его снова употребляли в дело, в ту самую минуту, когда он считался навсегда забытым».

Вполне возможно, что на месте Кутузова в Казанском соборе мечтал лежать сам Федор Васильевич, а ему нашли место лишь на Пятницком кладбище Москвы. За несколько лет до смерти нелюбовь к Кутузову несколько поутихнет: «Ненависть между мною и Князем Кутузовым никогда не существовала, да и время не было заниматься оной. Мы не имели никаких выгод обманывать друг друга, и не могли трактовать вместе о сожжении Москвы, ибо никто о том и не думал. Правда, что во время моего с ним свидания у заставы он уверял меня о намерении дать сражение, а вечером, после военного совета, держанного на скорую руку, он прислал ко мне письмо, в котором уведомлял, что вследствие движения неприятеля, он видит, к сожалению, себя принужденным оставить Москву, и что идет расположиться со своей армией на большой Рязанской дороге».

Их памятное свидание у заставы в гуще отступающих русских войск войдет в историю. Но до него оставался еще месяц. А пока Москва ликовала.

Назначение Кутузова, как это не покажется странным, лежало в том же русле, что и назначение Ростопчина на Москву. Обществу российскому надоел Барклай, под командованием которого армия постоянно отступала. И тогда Александр призвал Кутузова, хорошо говорившего по-русски то, что от него хотели услышать. Обращает на себя внимание поразительная уверенность общества, что одноглазый Михаил Илларионович и есть та волшеб-

ная палочка-выручалочка, способная одним махом спасти и Москву, и Россию: «Весь народ в радости от назначения Кутузова главнокомандующим над обеими армиями... Он все поправит и спасет Москву. Барклай – туфля, им все недовольны; с самой Вильны он все пакостит только... Я поклянусь, что Бонапарту не видать Москвы», – не мог сдержать восторга чиновник ростопчинской канцелярии А. Булгаков.

Однако, в его же московском письме от 13 августа 1812 года есть и другие подробности: «Здесь большая суматоха. Бабы, мужеского и женского полу, убрались, голову потеряли; все едут отсюда, слыша, что Смоленск занят французами». Эта цитата с большей достоверностью создает картину Москвы перед сдачей ее французам.

Об этом же писал и князь Д.М. Волконский: «19-го было объ-

явлено, чтобы желающие покупали оружие, а наши войска отступили уже за Вязьму. Кутузов уже приехал и принял команду. Все винят Барклая и отчаиваются... Из Москвы множество выезжают и все в страхе, что все дома будут жечь. Единую надежду все полагают на распоряжения Кутузова и храбрость войск. Ожидают сюда государя... Публика радуется и полагает большую надежду на князя Кутузова, уверяясь, что он будет действовать наступательно».

Сколько интересных подробностей узнаем мы из этих дневниковых записей! С одной стороны, вновь в Первопрестольную ждали государя, возлагая на него надежду на спасение. С другой стороны, уже ползли по городу слухи о будущих пожарах, хотя до сдачи Москвы оставалось еще немало времени.

Вид Старого деревянного театра в Москве до пожара 1812 года

Исторические этюды о Москве. – Лондон, 1813.

Начало дела Верещагина

В начале июля 1812 года москвичи узнали, что в городе раскрыт заговор. Дадим слово очевидцу, Бестужеву-Рюмину: «Июля 3 дня выдано в Москве следующее печатное объявление: «Московский военный губернатор, граф Растопчин, сим извещает, что в Москве показалась дерзкая бумага, где, между прочим вздором, сказано, что Французский император Наполеон обещается через шесть месяцев быть в обеих Российских столицах. В 14 часов полиция отыскала и сочинителя, и от кого вышла бумага. Он есть сын Московского второй гильдии купца Верещагина, воспитанный иностранцем и развращенный трактирною беседою. Граф Растопчин признает нужным обнародовать о сем, полагая возможным, что списки сего мерзкого сочинения могли дойти до сведения и легковверных, и наклонных верить невозможному. Верещагин же сочинитель и губернский секретарь Мешков, переписчик их, преданы суду и получают должное наказание за их преступление».⁴⁰

А вот и содержание дерзких бумаг:

1. «Письмо Наполеона к Прусскому королю.

Ваше величество! Краткость времени не позволила мне извес-

тить вас о последовавшем занятии ваших областей. Я для соблюдения порядка определил в них моего принца; будьте уверены, ваше величество, в моих к вам искренних чувствованиях дружбы. Очень радуюсь, что вы, как курфюрст Бранденбургский, заглаживаете недостойный ваш союз с потомками Чингиз-Хана желанием присоединиться к огромной массе Рейнской монархии. Мой статс-секретарь пространно объявит вам мою волю и желание, которое, надеюсь, вы с великим рвением исполните. Дела моих ополчений зовут теперь меня в мой воинский стан. Пребываю вам благосклонный Наполеон».

2. «Речь, произнесенная Наполеоном к князям Рейнского союза в Дрездене.

Венценосные друзья Франции! Дела в Европе взяли другой оборот. Повелеваю как глава Рейнского союза для общей пользы удвоить свои ополчения, приведя их в готовность пожинавать лавры под моим начальством в поле чести. Вам объявляю мои намерения: желаю восстановления Польши. Хочу исторгнуть ее из неapolитического существования на степень могущественного королевства. Хочу наказать варваров, презирающих мою дружбу. Уже берега Прегеля и Вислы покрыты орлами Франции. Мои народы! Мои союзники! Мои друзья! Думайте со мною одинако-

⁴⁰ Бестужев-Рюмин А.Д. Указ. соч. – С. 385.

во. Я хочу и поражу древних тиранов Европы. Я держал свое слово и теперь говорю: прежде шести месяцев две северные столицы Европы будут видеть в стенах своих победителей Европы».

Многие из читавших извещение Ростопчина, не поверили в произошедшее, среди них был и Бестужев-Рюмин: «Читая эти бумаги, с первых строк можно было заметить, что двадцатилетний купеческий сын Верещагин, от какого бы иностранца образование свое ни получил и какою бы трактирною беседою развращен ни был, таких бумаг не напишет; а потому и объявление это главнокомандующего Москвою всем показалось ложью, что, конечно, не могло поселить к нему ни доверия, ни искреннего уважения».

Далее он пишет: «Итак, я объясню дело о Верещагине следующей истинною. Дня за четыре до напечатанного объявления графом Ростопчиным с пришедшею из С.-Петербурга почтою были получены и иностранные ведомости, и в Усть-Эльбских эти, так названные, дерзкие две бумаги были напечатаны. Каким же образом Верещагин прочел те газеты и успел перевести из них речь Наполеона на Русский язык, я не знаю; но списки его перевода скоро разошлись по рукам: я сам видел их у многих моих чиновников в департаменте и списал для себя копии, но, прочитав в «Московских Ведомостях» объявление графа Ростопчина, и чтоб не подвергнуть себя неприятностям, сжег их у себя тогда же, и потом уже, в 1814 году, списал их вновь из

печатной Русской книги, заглавия которой не запомню.

Между тем главный Московский почт-директор, тайный советник Федор Петрович Ключарев, человек с большими достоинствами, обремененный летами и дряхлостью, но личный враг графу Ростопчину, был в ночь арестован новым третьим полицеймейстером столицы Москвы, г. Брокером.

Для пояснения тогдашних отношений считаю нужным сказать несколько слов о г. Брокере. Адам Фомич Брокер, с давних лет приверженный к графу Ростопчину и самый короткий человек в его доме, служил в Главном Московском Почтамте экзекутором, и по назначении графа Ростопчина военным губернатором Москвы по покровительству его получил место третьего Московского полицеймейстера с переименованием его в военный чин; и этому чиновнику граф Ростопчин поручил арестовать Ключарева, чиновнику, который за две недели назад находился под непосредственным его, Ключарева, начальством! Арестованный старец под стражею выслан в город Воронеж, а оставшееся имение его сделалось пищею пламени и расхищено в неприятельское нашествие.

Поступок сей с Ключаревым еще более утвердил ложь Ростопчина относительно Верещагина, потому что, если бумаги писал Верещагин, то не было никакого повода так незаконно поступать с заслуженным старцем, генералом; если же, напротив, Верещагин перевел сии списки из иностранных ведомостей, то не следовало объявлять, что

Верещагин сочинил их: ложь была очевидна в обоих случаях.

Впрочем, бумаги сии и сами по себе не сделали особенного впечатления в народе. Народ говорил: «Мы-де, Русские и должны держаться Русской пословицы: Бог не выдаст, свинья не съест». И не знали чему дивиться: дерзости ли Наполеона, которую оказывал он к венценосным друзьям своим, или кротости и снисхождению сих венценосных его друзей.

В самое то же время слух прошел в Москве, что будто в С.-Петербурге открыта измена в особах Государственного Совета: секретаре Михаиле Михайловиче Сперанском и Михаиле Леонтьевиче Магнитском, что они уже арестованы министром полиции Балашовым и что их везут под стражею чрез Москву в определенные им города для жительства. Говорили притом, что лишь только они в Москву въедут, то будут истерзаны народом; но, слава Богу, они с Твери поворотили в другую сторону и в Москве не были».

Как видим, дело Верещагина не по дням, а по часам обрастало самыми неожиданными слухами, что уж говорить о последующих многочисленных трактовках произошедших событий. Попробуем разобраться.

Несмотря на свою молодость Михаил Николаевич Верещагин (род. в 1789 году) был известен в Москве как небесталаный переводчик ряда литературных произведений, следовательно, иностранные языки знал он хорошо. Впрочем, для молодых людей того

времени, происходящих из зажиточных семей, владение иностранными языками было делом обычным. Неудивительно, что статью в упомянутой Бестужевым-Рюминым иноземной газете, он прочел и принялся ее обсуждать вместе со своими приятелями: губернским секретарем Петром Мешковым и Можайским мещанином Андреем Власовым, собравшимися в одной из московских кофеен. Было это 18 июня 1812 года.

Затем обсуждение перенеслось на съемную квартиру к Мешкову, где Верещагин и показал друзьям сделанный им на бумаге перевод из вражеской газеты. При этом он рассказал, что перевод он написал на московском почтамте, у сына почт-директора Ф.П. Ключарева. Дальнейшая судьба перевода показательна и демонстрирует, как быстро расходились по Москве те или иные списки – переписанные рукой тексты. После ухода Верещагина к Мешкову заглянул владелец квартиры С.В. Смирнов, заинтересовавшийся содержанием попавшейся к нему на глаза бумаги. Ушел он от Мешкова не с пустыми руками, а со своей копией верещагинского перевода. Списки стали распространяться так быстро, что вскоре уже вся Москва имела их на руках, о чем, собственно, и пишет Бестужев-Рюмин.

Да что Москва – уже и вся Россия читала эти переводы. «4 июля 1812 года, – доносил 15 июля саратовский прокурор министру юстиции, – в Саратове появились списки будто с письма французского императора князьям Рейнского со-

юза, в котором, между прочим, сказано, что он обещается через шесть месяцев быть в двух северных столицах». Следствие обнаружило, что «сей пасквильный список» получен 2 июля из Москвы саратовским купцом Архипом Свиридовым от его сына, служившего в Москве приказчиком у купцов Быковских, торгующих бумажным товаром. Этих списков было несколько: «Все те списки, у кого таковые были, полицией тотчас отобраны и воспрещено иметь оные». ⁴¹ Очевидно, что Верещагин откровенничал не только с одним Мешковым.

Еще раньше, чем в Саратове о дерзких бумагах узнали и в московской полиции. Для того чтобы найти первоисточник, потребовалась неделя. Поэтому совсем не кажется странным, что размотавший длинную ниточку, ведущую к Верещагину с Мешковым, квартальный надзиратель А.П. Спиридонов получил в награду золотые часы, он-то и арестовал главного переводчика. ⁴²

Первый допрос состоялся 26 июня. Верещагин признался, что немецкую газету он подобрал на ули-

це случайно 17 июня, в районе Кузнецкого моста. Прочитав напечатанное в газете послание Наполеона и придя домой, он записал по памяти его содержание. При этом он не стал скрывать сам факт перевода от домашних – отца и матери.

В процессе следствия были допрошены самые разные свидетели, рассказывавшие, как и где узнали они впервые о переводе вражеской газеты. Но не это главное. Настоящим подарком дознавателям была всплывшая во время допросов фамилия Ключарева, давнишнего заклятого врага графа Ростопчина.

Вот, например, что поведал следствию Мешков: Верещагин, по его утверждению, увидев его в кофейной, не только сам показал исписанную бумагу, размером в тетрадный лист, но и затем стал читать написанное. Следом Мешков узнал от Верещагина и другие не менее интересные подробности – перевод сделан Верещагиным из гамбургских газет, которые попали к нему через сына почт-директора почтамта Ключарева.

Дело начало раскручиваться, как юла...

⁴¹ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. – М., 1938.

⁴² Земцов В.Н. «Михаил Верещагин. Житие «несвятого» мученика». Сборник материалов к 200-летию Отечественной войны 1812 года. Том 9. Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Труды Государственного исторического музея. Выпуск 183. М., 2010. С. 162–206.

Ключарев: изверг с московского почтамта

Ключарев Ф.П. 1860–1870 гг.

Действительному статскому советнику Федору Петровичу Ключареву, почт-директору московского почтамта, что находился на Мясницкой, было к тому времени уже за шестьдесят. Свою должность в Москве он исполнял с 1801 года, приобретя большой опыт работы на государственной службе в самых разных российских губерниях. Он был награжден орденами Святой Анны I степени и Святого Владимира II степени. Но не эти ордена были главной оценкой его плодотворной жизни. Ключарев являлся виднейшим масоном, борьбу с которыми граф Ростопчин считал одним из первейших своих обязанностей.

Ключарев стал масоном в 1780 году (за шесть лет до самого Ростопчина), близко сошедшись с

Николаем Новиковым, сохранив с ним дружбу до конца дней опального издателя. Именно к Ключареву приехал Новиков после отсидки в Шлиссельбургской крепости (освободил его Павел I). Оно и понятно – еще в 1782 году в масонской иерархии Новиков являлся председателем директории восьмой провинции (то есть России), а Ключарев – одним из пяти членов этой директории.

Это о них писал Ростопчин в своей «Записке о мартинистах»: «По восшествии на престол императора Александра, Мартинисты, не подвергаясь ни стеснениям, ни преследованию, не были однако же в сборе. Прежний гроссмейстер их Новиков, с двумя или тремя близкими друзьями, вел скромную жизнь в деревне под Москвою; они не писали ничего, в поступках своих соблюдая крайнюю осторожность. Он редко бывал в Москве, где останавливался у Ключарева; кажется даже, что разгром, постигший их при Екатерине, внушал им робость и недоверчивость. Не ранее как в 1806 году, во время созвания милиции, секта подняла голову, опять выступила наружу и приобрела важное значение на выборах. Князья Трубецкие, Лопухин, Ключарев, князь Гагарин, Кутузов и сотни других собирались на сходках, для предварительного обсуждения важнейших дел.

Они постановили выбрать бывшего товарища их, адмирала Мордвинова, в начальники Московского ополчения, что и состоялось к общему соблазну и крайнему удивлению всех: ибо, не отнимая у г-на Мордвинова никаких достоинств, следует признать, что он, не служивши никогда в армии, не был способен обучить хотя бы одного солдата; поэтому всякое другое лицо из военных (а их было так много) можно было предпочесть ему в столь трудных обстоятельствах, когда надлежало в одно и то же время собирать, обучать и отправлять в армию толпы мужиков, для защиты Отечества. Не довольствуясь этим, Мартинисты стали распространять дурные вести, рассылать по почте мистическую книгу под заглавием «Тоска об отчизне» и забылись до того, что возбудили мысль о необходимости изменить образ правления и о

праве нации избрать себе нового государя. Полиция, слишком занятая другими предметами, слабо наблюдала за этими происками и дала подозрениям рассеяться, не посмеяв разыскать виновников преступной молвы. Мартинисты, видя, что не желают или опасаются тревожить их, не замедлили вновь сомкнуть свои ряды. Тутолмин, хотя человек умный, по своей слабости и бесчестности, не мог ничего предпринять; он боялся за себя, а его никто не боялся. Фельдмаршал Гудович слишком стар, тупоумен и слишком поддается влиянию дурных советов, чтоб сознавать настоятельную необходимость строгих мер против общества, которое одною таинственностью своею должно привлечь внимание правительства и побудить к новому его распущению.

Действуя постоянно одним и тем же путем, Мартинисты воз-

*Императорский почтамт на Мясницкой улице.
Литография Т. Мюллера по рис. С. Дитца. Конец 1840-х гг.*

высили и умножили свою секту присоединением значительных лиц, которым доставили важные должности; к числу их принадлежат в Петербурге: гр. Разумовский, Мордвинов, Карнеев, Алексеев, Донауров; в Москве: Лопухин, Ключарев, Кутузов, Рунич, князь Козловский и Поздеев. Они все более или менее преданы Сперанскому, который, не придерживаясь в душе никакой секты, а может быть, и никакой религии, пользуется их услугами для направления дел и держит их в зависимости от себя. Они собираются в Москве у Ключарева, но главный всему руководитель есть некто Поздеев, бывший начальник канцелярии фельдмаршала Чернышева, человек умный, даровитый, носящий личину нелюбостяжания и христианского смирения. Он часто имеет совещания с Ключаревым, одним из важнейших членов секты, самым отъявленным и презренным негодяем, который когда-либо существовал. Этот последний был прежде слугою у графа Шереметева; потом, поступив в канцелярию фельдмаршала Чернышева, дослужился до офицерского чина, назначен в Москве губернским стряпчим, отставлен по суду за утайку девяти дел и, признанный на будущее время недостойным занимать какое-либо место, предан был заслуженному презрению и забвению. Впоследствии он вновь принят на службу почтмейстером в Астрахани, по ходатайству г-на Пестеля, в царствование Павла. Там он был замешан в гнусном деле о противозаконном заключе-

нии в тюрьму советника казенной палаты. Г-н Трощинский перевел его в Тамбов, а потом в Москву, где он состоит почт-директором, занимаясь контрабандой, обкрадывая императора, открывая письма, притесняя служащих и пользуясь покровительством Фельдмаршала, которого обманывает, и Сперанского, которому льстит. Между остальными главными членами секты отличаются: Лопухин, человек самый безнравственный, пьяница, преданный разврату и противоестественным порокам, имеющий 60 000 р. дохода и разоряющий целые семейства, которым не платит, занимая у них деньги; кропатель мистических книг, подающий одною рукою милостыню бедняку и отгоняющий другою своих несчастных заимодавцев; Кутузов, бывший полицейским шпионом в царствование Павла, человек глупый, низкий, обладающий всеми дурными свойствами грубого простонародья, великий Мартинист, поучающий юношество, к несчастью, попечитель Московского университета. Кроме вышепоименованных, секта имела еще, и доселе имеет, в среде своей множество людей хитрого ума, о которых публика не знает, которые встречаются во всех сословиях и заняты единственно распространением своих начал. Они скрывают свои замыслы под покровом религии, любви к ближнему и смирения. Они отлично пьют и едят, преданы роскоши и сладострастию, а между тем постоянно разглагольствуют о целомудрии, воздержании и молитвах. Через это приобретают они

легковерных последователей и деньги...»⁴³

Итак, Москва – просто скопище масонов, главный из которых – Ключарев. И ведь на какое место пролез, на почту! Недаром почта была одной из главных целей революционеров во все времена. Ростопчин до такой степени не доверял Ключареву, что даже предупреждал Александра I об опасности пересылать секретные бумаги через московский почтамт, куда в том числе могли приходить и те самые вражеские газеты, цензурирование которых было обязательно. Интересно, а сам Александр, определяя Ростопчина в Москву, догадывался, чем в первую очередь займется новоиспеченный градоначальник в Первопрестольной?

Следствие упорно раскручивало версию причастности к распространению списков сына и отца Ключаревых. А Верецагин, со своей стороны, путался в показаниях, вызывая еще большие подозрения у следствия и московского генерал-губернатора Ростопчина, лично контролировавшего это дело. В частности, Верецагин изменил показания, заявив, что вражескую газету он не подбирал на улице, а получил от некоего чиновника газетной комнаты почтамта. Таким образом, расследование вновь вело к Ключареву. Состоялось даже некое подобие очной ставки, произошедшей между Ключаревым-старшим и Верецагиным 28 июня на

московском почтамте. Только вот понятых при этом, как положено, не было; весьма своеобразное получилось «общение».

Ведший дело полицмейстер Е.А. Дурасов, захватив с собою Верецагина, пришел на почтамт, чтобы найти того самого чиновника газетной экспедиции, о котором говорил подследственный. Но вместо чиновника их встретил сам Ключарев, обратившийся с просьбой к полицмейстеру поговорить с Верецагиным наедине. Дурасов согласился. Неизвестно, что говорил Ключарев Верецагину, как увещевал его и что посулил, но после беседы один на один Верецагин неожиданно отказался от своих прежних показаний, взяв всю вину на себя.

Сам же почт-директор вынужден был оправдываться перед Ростопчиным следующим образом: «Оклеветан был тут сын мой, Императорского Московского университета студент, будто он знаком с преступником и давал ему гамбургские газеты, от публики удержанные, то по двум сим обстоятельствам не мог я не принять важного для меня участия и спокойно при г. полицмейстере опровергал и то и другое, основываясь на том, что сын мой далек по воспитанию и нравам... от подобных знакомств. Также и потому, что ни в выданных, ни в прочих газетах ничего даже подобного не было... Преступник сам испросил дозволения у г. полицмейстера говорить со мною и в две минуты признался, что он оклеветал моего сына и других. Тогда же призвал я г. полицмейстера, при

⁴³ Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным Великой княгине Екатерине Павловне. // Русский архив. 1875. – Выпуск 9. – С. 75.

коем Верещагин то же повторил и признался, что сам сочинил гнусную прокламацию... О ходатайстве просил он меня весьма нелепо, ибо мог ли я ему покровительствовать! Говорил же я с ним убедительно при полицмейстере, склоняя его к признанию во всем пред вашим сиятельством».⁴⁴

Ростопчин ответил на письмо Ключарева своеобразно – он сменил следователя по делу, заменив слишком принципиального полицмейстера Дурасова на П.А. Ивашкина. Ему следовало добиться от Верещагина признания в том, что все нити заговора ведут к Ключареву-старшему. 28 июня московский генерал-губернатор даже сам лично решил допросить купеческого сына в своем доме на Большой Лубянке. Но Верещагин стоял на своем – дескать, это он сам перевел текст, а Ключаревы никакого отношения к этому не имеют.

Однако, если верить следствию, картина вырисовывалась совершенно иная: не прошедшие цензуру газеты из кабинета почт-директора Ключарева попадали прямоком на глаза к его сыну, а он, в свою очередь, позволял знакомиться с ними своему приятелю Верещагину, часто заходящему в гости к Ключаревым, благо жили они на втором этаже здания почтамта. Во время своих домашних визитов Верещагин начитался много чего, в том числе и тех самых наполеоновских прокламаций.

⁴⁴ Из письма Ключарева Ростопчину от 29 июня 1812 года // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. – С.37.

Во время обыска дома у Верещагиных обвиняемый имел неосторожность в присутствии полиции сказать своей матери, что за него есть кому заступиться, а именно – Федору Петровичу. Что и говорить, услугу Ключареву он оказал медвежью. Об этом немедля доложили Ростопчину, сразу же 3 июля севшему за письмо государю: «Вы увидите, государь... какого изверга откопал я здесь... Образ действий Ключарева во время розысков на почте, его беседа с преступником с глазу на глаз, данное ему обещание покровительствовать и пр. – все это должно убедить вас, государь, что мартинисты суть открытые враги ваши и что вам препятствовали обратит на них внимание. Дай Бог, чтобы здесь не произошло движения в народе; но наперед говорю, что лицемеры-мартинисты обличаются и заявят себя злодеями».⁴⁵

Ростопчин был уверен – мартинисты никуда не исчезли, как и двадцать лет назад, они, олицетворяя собой пятую колонну, плетут свою паутину заговора, особенно много их в Москве, да и в самой столице. Более того, они только того и ждут, чтобы, так сказать, открыть ворота Москвы Наполеону. Иными словами, если вспомнить постулаты нашего недавнего прошлого, классовая борьба со временем только усиливается. И чем ближе подходят французы к Москве, тем активнее и наглее ведут себя внутренние враги.

А потому решить судьбу Верещагина должен не кто иной, как...

⁴⁵ Кизивиттер А.А. Исторические силуэты. – Ростов-на Дону, 1997.

сам государь: «Этот Верещагин, сын купца 2-й гильдии и записан вместе с ним, поэтому изъят от телесных наказаний. Его дело не может долго продолжаться в судах; но оно должно поступить в Сенат и тогда затянется надолго. Между тем надо спешить произведением в исполнение приговора, ввиду важности преступления, колебаний в народе и сомнений в обществе. Я осмелюсь предложить Вашему императорскому Величеству согласить правосудие с Вашею милостию: прислать мне указ, чтобы Верещагина повесить, возвестить на виселицу и потом сослать в Сибирь в каторжную работу. Я придам самый торжественный вид этой экзекуции и никто не будет знать о помиловании до тех пор, пока я не произнесу его», — обещал Ростопчин.⁴⁶

Московский генерал-губернатор остается верен самому себе: также как за несколько месяцев до этого он просил государя о самом высоком жаловании, чтобы затем отказаться от него, так и теперь он думает, прежде всего, не о законности наказания, а о том, какое впечатление оно произведет на общество. Для Ростопчина важно и то, как он сам будет выглядеть при этом. К тому же, как мы увидим в дальнейшем, подозрения Ростопчина о наличии в Москве пятой колонны окажутся совсем не беспочвенными, именно ее представители и придут на Поклонную гору, чтобы выразить свои верноподданные чувства.

⁴⁶ Попов А.Н. Дело Верещагина в Сенате в 1812–1816 г. // ЧОИДР. Октябрь-декабрь, 1866. – С. 4.

Тем не менее, Александр не оценил выдумку графа, вопрос о Верещагине был рассмотрен в Комитете министров, вынесшем 6 июля следующее решение: «Суд над Верещагиным... кончить во всех местах без очереди и, не приводя окончательного решения в исполнение, представили б оное к министру юстиции для доклада Его Императорскому Величеству. Верещагина же содержать между тем под накрепчайшим присмотром».⁴⁷

В Петербурге не отнеслись с делу Верещагина с той серьезностью, с какой смотрел на него Ростопчин, приложивший максимальные усилия к ужесточению возможного наказания. Недаром уже после приговора Верещагину он будет писать в Сенат, что «находит преступление Верещагина самоважное и в том случае, если бы он единственно перевел Прокламацию и речь Наполеона; но как он есть сочинитель сей дерзкой бумаги, и писал ее именем врага России... то его следовало наказывать кнутом и сослать в Нерчинск в работу».⁴⁸

Верещагина приговорили к каторге в Нерчинске, а Мешкова лишили дворянства и отправили в армию. Интересно, что когда 20 июля приговор был окончательно утвержден высшей инстанцией — первым департаментом московской палаты уголовного суда,

⁴⁷ Н.И. Салтыков-Ростопчину. 6 июля 1812 года // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. – С. 46.

⁴⁸ Шереметьевский П.В. Дело о Верещагине и Мешкове // ЧОИДР. Кн. 4. 1866. – С. 231–247.

то в нем содержалась оговорка, что Верещагина нужно было бы приговорить к смерти. Однако высшую меру заменили каторгой на основании указа от 1754 года. Свое окончательное мнение по делу 19 августа вынес Сенат, приговоривший Верещагина к битью кнутом 25 раз и дальнейшей каторге.

С Ключаревым обошлись мягче, выслав его вместе с женой в более теплые края, в Воронеж: «Почт-директор Ключарев ночью с 11-го на 12-е число взят нами и сослан. Это большой негодяй, и город радуется удалению сего фантазера», из письма Александра Булгакова от 13 августа 1812 года. Интересно, что фамилия Ключарева «всплыла» в рапорте М.И. Кутузова Александру I от 22 ноября 1812 года «О высылке в Тамбов, Калугу и Нижний-Новгород лиц, подозреваемых в связях с противником и в шпионаже». В рапорте перечислялись фамилии тех, «кои навели на себя подозрение в связях с неприятелем и которые потому отправлены от меня для содержания под присмотром в разные места».⁴⁹

Среди высланных в Тамбов был и уличенный в сотрудничестве с оккупантами «коллежский асессор Ключарев по доносу собственных его крестьян, что он не только продавал и доставлял неприятелю в Москву овес, но даже в своем доме укрывал их от нападения наших команд; хотя он и не совсем изобличен, однако ж, дабы не могло впоследствии между им удалиться его на время от армии потому боль-

ше, что он сын того самого Ключарева, который за открытую связь с неприятелем сослан из Москвы». Следуя логике Ростопчина, можно сказать, что «яблочко от яблоньки недалеко падает».

Но в августе дело Верещагина не закончилось. Впереди была еще его кровавая развязка 2 сентября 1812 года...

Складывается впечатление, что дело это было predetermined заранее неприязнью Ростопчина к Ключареву и уверенностью, что последний и есть убежденный враг России в ее прифронтовом тылу. Необходимо было лишь найти повод, чтобы подкопаться к почт-директору. Таким предлогом послужил Верещагин, хотя им мог быть и любой другой попавшийся под руку любитель почитать подцензурную литературу и послушать крамольные речи, которых (т.е. любителей) у нас во все времена было в достатке.

К тому же, как пишет академик Е.В. Тарле, никаких писем Наполеона к прусскому королю и князьям Рейнского союза просто не было: Наполеон «не мог говорить такой вздор (в Дрездене!) и не мог писать какой-то нелепый набор фраз прусскому королю («вам объявляю мои намерения, желаю восстановления колонии, хочу исторгнуть из политического ее (!) бытия» и т. д.). Ведь эти две странные, курьезно безграмотные «прокламации» никогда ничего общего с Наполеоном не имели, а сочинены (как Верещагин в конце концов и признал) самим Верещагиным. Мы знаем, что он не только сооб-

⁴⁹ Кутузов М.И. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. – С. 445–446.

шил эти свои произведения товарищу своему Мешкову, но, по-видимому, размножил их и разослал. Таким образом, должно признать, что это было либо поступком умственно ненормального человека, либо преступным по замыслу, хотя и вполне бессмысленным по выполнению действием».⁵⁰

До сих пор вызывает сомнения и юридическая сторона дела, и обстоятельность доказательной базы, послужившей достаточным основанием для приговора Верещагину, вынесенному 15 июля московским магистратом совместно с надворным судом. Но можем ли мы сегодня, с позиций нынешнего дня, когда не то что переводы, а сами что ни на есть секретные документы становятся достоянием мировой интернет-аудитории в одну секунду, объективно оценивать события двухсотлетней давности?

На освободившееся место был определен Дмитрий Павлович Рунич, служивший дотоле помощником почт-директора и упомянутый Ростопчиным в процитированной нами ранее записке. А в «Записках» самого Рунича мы находим объяснение причины неприязненных отношений между Ростопчиным и Ключаревым:

«Я приехал в Москву 5 августа 1812 г. Город был взволнован. Я вскоре узнал, что Ростопчин уже начал кровавую трагедию, что он задумал подкопаться под директора почты в Москве, Ключарева, которого он решил погубить. Живя со времени своей отставки в Моск-

ве, Ростопчин часто ездил в Тверь и не скрывал своего взгляда на счет настоящего положения дел. Злой и язвительный, он постоянно направлял свои насмешки на Наполеона, его маршалов и министров и на Сперанского. Узнав, что Ключарев позволял себе высказывать об нем нелестное мнение, он воспылил к нему непримиримую враждою вследствие уязвленного самолюбия и подозрения, что тайна его переписки была нарушена и что его частые поездки в Тверь были истолкованы Ключаревым в своих письмах к петербургским знакомым с очень подозрительной точки зрения.

Зная немилость, постигшую Сперанского, и то обстоятельство, что он не мог более покровительствовать Ключареву, с которым он был очень хорош, Ростопчин, сделавшись главнокомандующим Москвы, старался удалить почт-директора через посредство фельдмаршала Салтыкова, в надежде, что последний, желая посадить меня на место Ключарева, поддержит его просьбу перед государем. Фельдмаршал говорил со мною об этом, показав предварительно письмо Ростопчина императору, но Александр знал Ключарева со слишком хорошей стороны и отказался сменить его, говоря, что «теперь не время делать подобные перемещения». Стараясь навлечь подозрение на Ключарева, Ростопчин употребил для этого преданного ему человека и личного врага Ключарева – Брокера, служившего прежде в почтовом ведомстве и потом назначенного

⁵⁰ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. – М., 1938.

московским полицеймейстером. В Москве был арестован молодой человек, купеческий сын, по фамилии Верещагин, обвиненный в распространении переведенных на русский язык прокламаций Наполеона, изданных им при переправе через Неман; Верещагину велено было говорить, что он получил их от одного из сыновей Ключарева в номере газеты, запрещенной цензурой.

Началось следствие, клонившееся к тому, чтобы обвинить Ключарева-отца. Верещагин был осужден и посажен в тюрьму. 7 августа был схвачен один почтовый чиновник и препровожден в Петербург по подозрению в том, что он распространяет посредством писем страх и безнадежность внутри империи. Это великое открытие было сделано также патриотом Брокером. В действительности же он подкупил одного бедного служащего и убедил его украсть письмо вышеупомянутого чиновника. К несчастью, он был плохой диалектик и еще более плохой литератор; в его письме была следующая ничего не значащая фраза: «Наполеон может быть побит, но не может быть побежден».

После известия о взятии Смоленска Ростопчин не мог долее сдерживать своей злобы; он отправился 10 августа около полуночи в почтамт, арестовал директора и отправил его в один из отдаленных городов внутри империи. Директор был тайный советник и имел Владимира и Анну I степени. Не прошло и двух недель с тех пор, как император наотрез отказался

уволить его и во время посещения Москвы оказывал ему особое благоволение. Такова бывает в смутное время судьба самого преданного слуги государя, когда клевета поклялась погубить его.

Московский главнокомандующий известил меня об отсутствии директора тотчас по его отъезде, поручив мне вместе с тем исполнение его обязанностей и приказав написать о случившемся донесение министру. Верещагин, обвиненный в государственной измене, был заключен в острог, где содержатся важные преступники.

Поведение Ростопчина в тот короткий промежуток времени, который протек с его назначения главнокомандующим до сдачи Москвы, в полном смысле слова непонятно. Нельзя объяснить мотивы, побуждавшие его совершать те жестокости, которые, при всем их произволе, говорили бы в его пользу, если бы они могли отвратить по крайней мере хоть тень опасности, угрожавшей Москве, ибо Москва, хотя и не составляла всей империи, но, без сомнения, действовала своим примером на всю страну.

Тотчас после назначения и по приезде в Москву Ростопчин стал разыгрывать из себя «друга народа»; он высказывал уверенность, что Наполеон не осмелится двинуться на Москву, но эта уверенность успокаивала только простой народ. Полиция распространяла каждое утро по городу бюллетени, печатаемые по его приказанию и написанные площадным языком, в которых говорилось то о слабости французских солдат, которые так

Вид Кремля от Троицких ворот. Худ. Ф.Я. Алексеев. 1800-е гг.

же легки, как снопы, которые русский свободно поднимает простой вилою, то писалось, что жители могут спокойно оставаться у своих очагов, что трусы хорошо сделают, если удалятся, то говорилось, что готовится громадный воздушный шар, в лодку которого будут посажены вооруженные люди, чтобы бросать с высоты разрушительный огонь во французские легионы; что прежде Ростопчин смотрел одним глазом, а теперь он будет смотреть в оба. Занимая, с одной стороны,

этими глупыми шутками праздничношатающихся, он вселял, с другой стороны, ужас, проявляя свою власть такими жестокими мерами, которые заставляли всех трепетать. Например, по донесению одного мальчишки, он приказал, без дальнейших рассуждений, наказать кнутом своего повара-француза и сослать его в Сибирь, но повар умер под кнутом».⁵¹

Мнение Рунича существенно дополняет картину произошедших событий.

⁵¹ Из записок Д.П. Рунича//Воспоминания современников эпохи 1812 года. М., 2011. – С. 133–154.

«Закидаем шапками французов!»

До последних дней Кутузов твердил, что Москва не будет сдана. А Ростопчин, в свою очередь, сообщал об этом каждодневно в своих афишах, считая, что необходимым «при каждом дурном известии возбуждать сомнения относительно его достоверности. Этим ослаблялось дурное впечатление; а прежде чем успевали собрать доказательства, внимание опять поражалось каким-нибудь событием, и снова публика начинала бегать за справками». Непонятно, чего больше в этих словах графа – желания запудрить мозги или отсутствия всякого представления о первостепенности ряда мер, которые должен предпринимать градоначальник. Вот, например, афиша от 17 августа:

«От главнокомандующего в Москве. – Здесь есть слух и есть люди, кои ему верят и повторяют, что я запретил выезд из города. Если бы это было так, тогда на заставах были бы караулы и по несколько тысяч карет, колясок и повозок во все стороны не выезжали. А я рад, что барыни и купеческие жены едут из Москвы для своего спокойствия. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьев, и родню, которые при женщинах в будущее отправились без возврата. Если по их есть опасность, то непристойно; а если нет ее, то стыдно. Я жиз-

нью отвечаю, что злодей в Москве не будет, и вот почему: в армиях 130 000 войска славного, 1800 пушек и светлейший князь Кутузов, истинно государев избранный воевода русских сил и надо всеми начальник; у него, сзади неприятеля, генералы Тормасов и Чичагов, вместе 85 000 славного войска; генерал Милорадович из Калуги пришел в Можайск с 36 000 пехоты, 3800 кавалерии и 84 пушками пешей и конной артиллерии. Граф Марков чрез три дни придет в Можайск с 24 000 нашей военной силы, а остальные 7000 – вслед за ним. В Москве, в Клину, в Завидове, в Подольске 14 000 пехоты. А если мало этого для гибели злодея, тогда уж я скажу: «Ну, дружина московская, пойдем и мы!» И выйдем 100 000 молодцов, возьмем Иверскую Божию Матерь да 150 пушек и кончим дело все вместе. У неприятеля же своих и сволочи 150 000 человек, кормятся пареною рожью и лошадиным мясом. Вот что я думаю и вам объявляю, чтоб иные радовались, а другие успокоились, а больше еще тем, что и государь император на днях изволит прибыть в верную свою столицу. Прочитайте! Понять можно все, а толковать нечего».

Читали ли москвичи афиши Ростопчина, следуя его призыву?

Губернатор Ростопчин рассматривает горящую Москву.

Карикатура. 1810-е гг.

Да, читали. «Понимали все»? Да, понимали, недаром, чиновник генерал-губернаторской канцелярии Булгаков, видя из окна и реально описывая события, постоянно считал своим долгом следовать ростопчинской интонации «шапкозакидательства»: «Вот тебе послание графа к жителям Москвы. Этот человек почитаем всем городом. Он суров и справедлив», – писал он брату 13 августа.

Но это же письмо можно трактовать и по-другому: Булгаков, как и многие москвичи, «ничего не толковал», как требует в своей афише Ростопчин. Т.е. не болтал, а дело Верещагина послужило ярким примером того, как опасно болтать то, что не следует.

И, наконец, последнее из известных писем Булгакова того периода, написанное 21 августа. Кажется, что уж кому как не чиновнику по особым поручениям при

московском генерал-губернаторе знать и осознавать правду, но, видимо, магия ростопчинских афиш была слишком велика: «Граф сделался в Москве предметом всеобщего обожания. Попечительность его о благе отечества и особенно Москвы не имеет пределов. Посылаю тебе здесь разные его афиши, картинки и бюллетени, по городу ходящие. Мы здесь очень покойны. Барклай наконец свалился:

*Не бойся боле
Барклая-де-Толли.
Идет Кутузов
Бить французов.*

Ты не можешь себе представить, сколько здесь вздорных слухов и как наши дамы пугаются. Это побудило графа напечатать афишу, здесь приложенную».⁵²

⁵² Братья Булгаковы: письма / Александр Булгаков; Константин Булгаков. В 3-х томах. Т.1. – М., 2010.

Не только Александр Булгаков, но и другие жившие в то время в Москве, посылали афиши своим знакомым в провинции, благодаря чему интерес к ростопчинским сочинениям обозначился далеко за пределами Москвы. Афиши Ростопчина стали чем-то вроде сувениров. Вот и двоюродный дядя Льва Толстого Дмитрий Михайлович Волконский еще 7 июля сообщал в дневнике: «Писал я в Ясную кн. Николаю Сергеевичу и послал ему разговор помещанина Чихарина о французах».⁵³ Имеется в виду одна из первых афиш, а упомянутый князь – это живший в Ясной поляне дед писателя, прототип старого князя Болконского из «Войны и мира» – Н.С. Волконский.

«Я употребил все средства к успокоению жителей и ободрению общего духа», – будет оправдываться уже позднее Ростопчин. Действительно, основной своей задачей он считал обеспечение мер по пропаганде и агитации среди населения. Для того чтобы знать о том, какое впечатление производит на москвичей то или иное известие с фронта, он пользовался услугами агентов, толкавшихся среди народа на оживленных площадях, рынках, кабаках и гостиницах. Каждый день они докладывали ему содержание услышанных разговоров и затем получали задание распространять по Москве новые слухи, способные, по мнению градоначальника, успокоить горожан. Общественное мнение разделилось на два лагеря: одни верили

Ростопчину, другие – своему предчувствию:

«Москва день от дня пустела; людность уменьшалась; городской шум утихал, столичные жители или увозили, или уносили на себе свои имущества, чего же не могли взять с собой, прятали в секретные места, закапывали в землю или замуровывали в каменные стены, короче сказать, во все места, где только безопаснее от воровства и огня.

Мать городов – Москва – опустела, сыны ее – жители – бежали кто куда, чтоб только избавиться от неприятельского плена. Да было много таких, которые, по своему упрямому характеру и легкомыслию, не хотели верить, что Москва может быть взята неприятелем... Эти люди утверждали, что московские чудотворцы не допустят надругаться неверных над святынею Господней! А другие, надеясь на мужество и храбрость войска, толковали: французов не токмо русские солдаты, как свинных поросят, переколют штыками, но наши крестьяне закидают басурманов шапками. Прочие уверяли, что для истребления неприятельского войска где-то на мамоновской даче строится огромной величины шар с обширной гондолой, в коей поместится целый полк солдат с несколькими пушками и артиллеристами. Этот шар, наполненный газом, поднявшись на воздух до известной высоты, полетит на неприятельскую армию, как молниеносная, грозная туча и начнет поражать врагов, как градом, пулями и ядрами;

⁵³ Волконский Д.М. Указ. соч.

Верхние торговые ряды. Вид Старой площади в Москве.

Гравюра Д.С. Лафона по оригиналу Ж. Делабарта. 1795 г.

сверх того, обливать растопленной смолой».⁵⁴

О шаре мы еще расскажем, а вот от кого москвичи узнали, что «наши крестьяне закидают басурманов шапками»? Нетрудно догадаться от кого – от Федора Васильевича Ростопчина, московского генерал-губернатора. Ему же обязаны и следующей дезинформацией:

«Во время ретирады русской армии через Москву, те же неве-

рящие говорили: «Наши войска не отступают от неприятеля: но, проходя столицею, ее окружают для защиты; в самом же городе назначена главная квартира, почему по всем обывательским домам расставлены, на каждый двор по две и по три подводы с кулями муки, чтоб печь из нее для армии хлеба и сушить сухари». Ну что тут сказать? Иногда хочется поверить даже в то, чего, в принципе, быть не может. А люди-то верили.

⁵⁴ Рязанов А. Указ. соч. – С. 332.

«Сибирь» – самое страшное слово для московских иностранцев

Чтобы вызвать в народе «удовольствие», Ростопчин поставил себе цель выслать из Москвы чуть ли не всех иностранцев: французов, немцев, поляков, итальянцев, евреев (последние, по его мнению, были опасны тем, что содержали кабаки). Об этом он сообщал императору: «Плуты крестьяне – лучшая в мире полиция. Они хватают все подозрительное и сию минуту приведен ко мне жид, должно быть шпион».

Со свойственным Ростопчину артистизмом некоторые наказания были обставлены весьма красочно. Например, генерал-губернаторского повара Теодора Турне публично высекли плетью на Болотной площади (именно эта гражданская казнь привлекла внимание проезжавшего мимо Пьера Безухова), досталось и немцу-портному Шнейдеру, и французу Токе. Не в меру разговорчивого поляка Рету выслали в Оренбург, еще дальше – в Сибирь – отправили француза Гиро. А о том, что не забыл Федор Васильевич и того самого доктора Сальватори, пользовавшегося предшественника Ростопчина, фельдмаршала Гудовича, мы уже писали.

В эти дни наиболее часто произносимым словом в домах московских иностранцев было «Сибирь». Московский француз и театральный режиссер Арман Домерг вспо-

минал: «Быстрое продвижение Наполеона, вселяя сильные страхи в умы жителей Москвы, ухудшило наше печальное положение: с этого момента за нами установили гласный надзор. Мы ежедневно видели французов, которых отправляли в Санкт-Петербург или в Сибирь. На наших глазах арестовали г-на Этьена, исполнявшего обязанности учителя в доме богатого вельможи, и молодого Эро, заканчивавшего в тот момент сборник анекдотов и поэму, прославлявшую Александра; его панегирик императору не смог уберечь его от суровой ссылки. Двоих этих несчастных посадили в кибитку и отправили в Сибирь».⁵⁵

Для того чтобы высылка проходила организованно, всех иностранцев включили в специальные «черные» списки, куда и угодил Домерг. Его нашли, даже несмотря на то, что он спрятался в доме шведского консула Сандлерса. Домерга взяли прямо за обеденным столом. Было это 20 августа. Не пытавшегося сопротивляться француза увели с собою квартальный и два будочника, вооруженных алебардами. Его усадили в кибитку и повезли в полицейский участок. Охрана ему очень пригодилась, т.к. все время, что кибитка ехала по улицам, в адрес арестанта неслись

⁵⁵ Аскиноф С. Московские французы в 1812 году. – М., 2012. – С. 61.

Изгнание из Москвы французских актрис.

Карикатура. Худ. А.Г. Венецианов. 1812 г.

проклятия из уст встречавшихся на пути москвичей. Единственным существом, испытывавшим к Домергу добрые чувства, был в этот момент его верный пес – «великолепный сибирский грифон», бежавший за кибиткой.

Когда Домерга привели в участок и поместили в одной из комнат, то он увидел там те самые списки. С ужасом нашел он среди многочисленных фамилий свою. Причем, Домерг относился к особо опасным иностранцам, т.к. из имеющихся в перечне трех категорий, он был включен в первую. Все это время его волновала лишь одна мысль: когда его вышлют в Сибирь? Об этом он и написал в коротенькой записочке, которую отправил своей семье единственным возможным способом – заткнул ее за ошейник любимой собаки, посланной им обратно.

Вскоре Домерга вместе с другими арестованными иностранцами перевезли в дом Лазарева, «реквизированный под тюрьму». Содержались арестанты в крайней тесноте, но это как раз тот случай, о котором русская пословица гласит: «В тесноте, но не в обиде». Обижаться и жаловаться им было грех: под окнами ежечасно бушевала толпа, готовая добраться до хриstopродавцев и разобраться с ними как следует.

21 августа, в тот день, когда число арестантов достигло сорока человек, им объявили, что они будут высланы из Москвы, да еще и по воде, для чего была снаряжена барка «длиной в 81 аршин на 13 в ширину». Ночью их привели на берег Москва-реки, где к тому времени уже собралось немало москвичей, предвкушавших интересное зрелище. Полицмейстер

Волков стал выкликать фамилии, вслед за тем каждый из названных должен был проследовать в барку. Список, оказавшийся интернациональным, был небольшим – всего сорок человек – и состоял из 31 француза, 6 немцев и 3 швейцарцев.

Это были люди самых разных профессий. Но более всего преобладали учителя (11 человек), торговцы (6 человек), а также артисты, ремесленники, врач, балетмейстер, повар и владелец типографии. Последним упомянутым иностранцем – владельцем типографии – был известный впоследствии Август Семен, тот самый, что имел свою словолитню в Малом Кисловском перулке. Уже гораздо позже в типографии у Семена печатался А.С. Пушкин (великий русский поэт так и писал: «Надобно печатать у Семена»), а самого француза уже в 1818 году назначили инспектором Московской Синодальной типографии, эту должность он занимал почти сорок лет и удостоился золотой табакерки «за большие заслуги в развитии типографского дела» от Кабинета министров в 1827 году. А в 1832 году его наградили еще и бриллиантовым перстнем. Но до этого было еще далеко, а покамест Семену предстояло испытать на себе все минусы принадлежности к французской нации, что приравнивалось тогда к преступлению. Его в черный список включил лично Ростопчин (как, впрочем, и других), писавший, что «француз Семен, употребленный в типографии господина Всеволожского, человек

хитрый и умный, принадлежит секте иллюминатов. Он оказался человеком весьма злонамеренным против правительства».⁵⁶

А высылка в Нижний Новгород (а не в Сибирь, что призвано было отчасти успокоить Домерга и прочих) была обставлена на редкость театрально. Уж на что Домерг, как говорят, был неплохим режиссером, но Ростопчин его переплюнул.

Когда все уселись в барку, наступил кульминационный момент: иностранцам зачитали специально сочиненный по такому случаю следующий наказ остроумного градоначальника: «Французы! Россия дала вам убежище, а вы не перестаете замышлять против нее. Дабы избежать кровопролития, не запятнать страницы нашей истории, не подражать сатанинским бешенствам ваших революционеров, правительство вынуждено вас удалить отсюда. Вы будете жить на берегу Волги, посреди народа мирного и верного своей присяге, который слишком презирает вас, чтобы делать вам вред. Вы на некоторое время оставите Европу и отправитесь в Азию. Перестаньте быть негодьями и сделайте хорошими людьми, превратитесь в добрых русских граждан из французских, какими вы до сих пор были; будьте спокойны и покорны или бойтесь еще большего наказания. Войдите в барку, успокойтесь и не превратите ее в барку Харона. Прощайте, добрый путь!»

⁵⁶ Васькин А.А., Гольдштадт М.Г. От снесенного Военторга до сгоревшего Манежа. – М., 2009. – С. 345–346.

Упомянутый Ростопчиным Харон окончательно добил невольных мореплавателей. Ведь Харон в греческой мифологии – это перевозчик душ умерших через реку Стикс в подземное царство мертвых. Подобные намеки оказали на сидевших в барке куда большее впечатление, чем осуждающие крики собравшейся на берегу толпы. «Это грозное объявление привело нас в ужас», – напишет Домерг.

Ну а что же было дальше? Собственно, ничего такого ужасного с отчалившими той августовской ночью от московской пристани не случилось. Более того, если бы высланные наперед знали, что ждет оставшихся в городе москвичей, вынужденных пережить все прелести оккупации, они должны были даже благодарить графа Ростопчина.

1 сентября они доплыли до Коломны, 22 сентября были уже в Рязани, а 5 октября увидели древний Муром. Наконец, 17 октября, в тот самый момент, когда наполеоновы войска бежали из Москвы, арестанты добрались до Нижнего Новгорода. И путь их отнюдь не был похож на дорогу через тернии к звездам. Местное население, встречавшееся им, в основном не выказывало своей неприязни: «С каждым днем население становилось менее враждебно к нам», – пишет Домерг, и далее: «Эта перемена становилась тем резче, чем больше мы удалялись от Москвы... народ тут становился свободнее от непосредственного влияния нелепых прокламаций, которые представляли французов людоедами».

Ну а то, что в Коломне их пытались забросать камнями, было вполне обычным проявлением отношения населения ко всем иностранцам. В конце концов, на дворе стояло военное время. И если даже в экипаж возвращавшегося из армии Барклая-де-Толли жители Калуги бросали что ни попадя, из-за чего его адъютант Арсений Закревский вынужден был со шпагой в руках защищать своего командира, то что же говорить об иностранцах...

Последним населенным пунктом, куда успели добраться московские французы, был город Макарьев, куда их привезли на санях из Нижнего Новгорода (по другой версии они шли пешком). Сюда же к некоторым из арестованных приехали и жены. Наполеон так быстро бежал из России, что до Сибири его соотечественников довести не успели.

Правда, обратный в Москву путь выдался для ссыльных весьма долгим. Несмотря на объявление Александром I амнистии в декабре 1812 года, сразу вернуться не получилось. Лишь в сентябре 1813 года их вывезли из Макарьева в Нижний Новгород, где они пребывали около года. В октябре 1814 года арестантов окончательно освободили, тогда же они добрались и до Москвы. Ну а в Париж наш знакомый Арман Домерг смог вернуться лишь в сентябре 1815 года. И кто знает, если бы он остался в Москве после возвращения из ссылки, быть может, незлопамятная Россия также преподнесла ему золотую табакерку.

Москва в шпионской сети

В том самом черном списке присутствовала и фамилия торговца Николая Обер-Шальме. Только вот почему-то Ростопчин не выслал из Москвы его жену Мари-Роз, вражескую лазутчицу, по словам Льва Толстого, «составлявшую центр всего французского московского населения».

Семья Оберов стала известной в городе задолго до войны. Николай Обер и его жена Мари-Роз Обер-Шальме имели в Москве магазины модной одежды, один из них находился на Кузнецком мосту, другой в принадлежавшем им доме в Глинищевском переулке (ныне дом 6). Один из самых дорогих в Москве магазин отличался непомерными ценами на продаваемые товары, а его хозяйка угодила в роман «Война и мир» — именно к ней старуха Ахросимова повезла одевать дочерей графа Ростова: «На другой день утром Марья Дмитриевна свозила барышень к Иверской и к т-те Обер-Шальме, которая так боялась Марьи Дмитриевны, что всегда в убыток уступала ей наряды, только бы поскорее выжить ее от себя». Мать А.С. Пушкина Надежда Осиповна тоже приезжала к Обер-Шальме за покупками, когда своих маленьких детей, Сашу и Олю, надумала учить танцам. Фамилию предприимчивой француженки москвичи искорежили на Обер-Шельме, не-

которые даже полагают, что само слово «шельма» пошло в народ с того времени. А между тем состояние Оберов перед войной достигло полумиллиона рублей! Когда увлечение всем французским стало приравниваться к измене и вывески на вражеском языке стали сбивать с фасадов, модные магазины позакрывались. Но Обер-Шальме никуда не делась из Москвы.

Неудивительно, что москвичи считали ее французской шпионкой. Когда Наполеон занял Петровский дворец, одной из первых, кого он вызвал к себе, была... госпожа Обер-Шальме:

«Легко представить, каким печальным размышлениям должен был он предаваться в своем Петровском дворце; по всей видимости, он не смыкал глаз, как и все несчастные жертвы этой несчастной ночи, потому что около шести часов утра один из его адъютантов отправился в ближайший лагерь и просил от его имени г-жу О*** явиться к нему. В первые попавшиеся дрожки запрягли скверную лошадь, и адъютант провожал г-жу О***, которая отправилась, как была, в своем лагерном костюме.

У ворот дворца встретил их маршал Мортье, подал ей руку и провел ее до большой залы, куда она вошла одна. Бонапарте ждал ее там, в амбразуре окна. Когда она вошла, он сказал ей: «Вы очень

несчастливы, как я слышал?» Затем начался разговор наедине, состоявший из вопросов и ответов и продолжавшийся около часу, после чего г-жу О*** отпустили и отправили ее с такими же церемониями, с какими она была встречена», — писал еще один «москвич» с трудно произносимыми именем и фамилией шевалье Франсуа Жозеф д'Изарн де Вильфор. Его свидетельства очевидца, своими глазами наблюдавшего французскую оккупацию, весьма занятны.

«Не знаешь, что и подумать о великом человеке, который спрашивает, и кого же, г-жу О***, о предметах политики, администрации и ищет совета для своих действий у женщины!» — удивлялся много лет спустя де Вильфор.

Отсюда и пошла слава Мари Обер-Шальме как французской шпионки. Беседа с императором тянулась целый час. Де Вильфор отметил, что ответы Обер-Шальме «показывают здравый смысл и большое беспристрастие. Так, например, Бонапарте спросил, что она думает об идее освободить крестьян? — Я думаю, Ваше Величество, что одна треть из них, быть может, оценит это благодеяние, остальные две трети не поймут, пожалуй, что вы хотите сказать этим. Тут Бонапарте понюхал табак, что он делал всегда, встречая какое-нибудь противоречие».

Граф Алексей Уваров дополняет рассказ шевалье: «Несчастливая заплатила ужасной ценой за роковую честь поговорить с современным Чингисханом... Когда французская армия покинула Москву,

она последовала за отступающим войском с своими детьми. Это семейство выстрадало столько же, сколько и другие беглецы; рассказывать об этом было бы ужасно... Она умерла от тифа; есть основания предполагать, что яд сократил ее дни».

Как писал П.И. Бартенев, «эта обирательница русских барынь заведовала столом Наполеона и не нашла ничего лучше, как устроить кухню в Архангельском соборе. Она последовала за остатками великой армии и погибла с нею». В самом доме Оберов в Глинищевском переулке в то время, пока его хлебосольная хозяйка угощала Наполеона в Кремле, разместился высокопоставленный французский генерал со своей свитой, и, быть может, потому здание не пострадало от пожара. Не успев освободить крестьян от крепостного права, Наполеон оставил Москву. Вместе с благодетелем бежал и французский генерал, и госпожа О***.

Обер-Шальме как особа, приближенная к императору, сломя голову неслась вместе с французской армией по бескрайним просторам как всегда долго запрягающей России. С кухаркой Бонапарте были и два ее сына, Федор и Лаврентий, родившиеся в Москве и добравшиеся уже после смерти матери во Францию. Особняк в Глинищевском опустел, но не надолго. А в Москве подсчитывали убытки. Одним из немногих уцелевших домов был бывший особняк Обера. Его и заняла канцелярия московского обер-полицмейстера Ивашкина. Граф Ростопчин приказал ему: «Мага-

зин Обер-Шальме... конфисковать и продать с публичного торгу, вырученные же деньги употребить на вспоможение разоренным московским жителям». Не прошло и пяти лет после окончания войны, как уцелевшие Оберы – Николай и два его подростовых сына – вернулись в наш гостеприимный город. Москва оказалась незлопамятной. Да и понять возвращенцев можно – родились мальчики в России, тянуло их на родину. Дом в Глинищевском опять стал принадлежать французам-эмигрантам. После смерти Николая Обера в 1826 году особняк перешел по наследству одному из его сыновей – Лаврентию. С него-то и начинается «пушкинский» период в истории здания. В находившейся здесь гостинице поэт останавливался шесть раз.

Не стоит, однако, приуменьшать возможности французской разведки по внедрению своих лазутчиков в Москву. Шпионов действительно было немало. Одним из них был губернский секретарь Иван Щербачев, числящийся в списке членов муниципалитета, созданного французами в оккупированной Москве. О Щербачеве говорилось, что он «имел особенные препоручения от Наполеона и Мюрата». Эти «особенные препоручения» можно трактовать как разведывательную и шпионскую деятельность. На это указывают и некоторые обстоятельства его поведения. Так, подав прошение о зачислении в Московское ополчение, Щербачев «по болезни» в свой полк не явился, оставшись в Москве. Вместо этого, он, якобы,

пытался дать отпор вступающим в город захватчикам, взяв из Арсенала оружие. Впоследствии Щербачева не раз видели среди свиты Наполеона, разъезжающего по Москве. Тем не менее, просидев до ноября 1814 года в заключении, он был прощен и не понес наказания.

Очевидец происходящих событий писал:

«Когда появились неприятельские шпионы в Москве, старавшиеся возбудить жителей к мятежу, рассеивая в народе разные злонамеренные слухи, московский градоначальник граф Растопчин предпринял против их козней строгие меры, с неутомимою бдительностью преследовал незваных гостей, между прочим, объясняя: «Хотя у меня и болел глаз, но теперь смотрю в оба».

Несколько лет жили в Москве два француза: хлебник и повар; хлебник на Тверской содержал булочную, а повар, как говорили тогда, у самого графа Растопчина был кухмистером. По изобличению их в шпионстве, они были приговорены к публичному телесному наказанию. Хлебник был малого роста, худ как скелет, бледен как мертвец, одетый в синий фрак со светлыми пуговицами и в цветных штанах, на ногах у него были пестрые чулки и башмаки с пряжками. Когда его, окруженного конвоем и множеством народа, везли на место казни – на Конную площадь, – он трясся всем телом и, воздевая трепещущие руки к небу, жалостно кричал: «Братушки переяславные! Ни пуду, ни пуду!» Народ, смеясь, говорил: «Что, поганый

Московский университет на Моховой до пожара.

Гравюра с акварели кон. XVIII в.

шмерц, теперь завыл — не буду, вот погоди, как палач кнутом влепит тебе в спину закуску, тогда и узнаешь, что вкуснее: французские ли хлебы или московские калачи!»

Повар был наказан на Болотной площади; широкий в плечах, толстопузый, с огромными рыжими бакенбардами, одет он был щегольски в сюртук из тонкого сукна, в пуховой шляпе и при часах. Он шел на место казни пешком, бодро и беззаботно, как бы предполагая, что никто не осмелится дотронуться до его французской спины. Но когда палач расписал его жирную спину увесистою плетью, тогда фронт француз не только встать с земли, но не мог даже шевельнуться ни одним членом, и его должны были, как борова, взвалить на телегу. Народ, издеваясь над ним, со смехом кричал: «Что, мусью? Вид-

но, русский соус кислее французского? Не по вкусу пришелся; набил оскмину!»⁵⁷

А Ростопчин не забывал и о борьбе с масонами, окопавшимися на почтамте и в Московском университете. Университет же и вовсе считался градоначальником рассадником масонства, особенно, его попечитель П.И. Голенищев-Кутузов, по словам которого, вернувшийся в Москву Ростопчин заявил, что «ежели бы университет и уцелел, то бы он его сжег, ибо это гнездо якобинцев».

Самое любопытное, как выяснилось впоследствии, что подозрения Ростопчина были отнюдь не беспочвенны. Только, обвиняя Голенищева-Кутузова, он как всегда выбрал неверный объект для подозрений. Не университетского попечителя надо было подозревать,

⁵⁷ Рязанов А. Указ. соч. — С. 332.

Вид храма Василия Блаженного от Москворецкой улицы.

Худ. Ф.Я. Алексеев. 1800-е гг.

а профессоров и лекторов, считавших дни и часы до прихода любимого французского императора. По крайней мере, двое из них сразу пришли к Наполеону, не скрывая радости, о чем мы еще напишем. А вот еще один интересный факт: в первые дни сентября Наполеону пришло письмо от герцога Бассано из Вильны с рекомендацией двух москвичей, на которых Бонапарт мог полностью положиться в Москве. Так вот, один из этих законспирированных агентов были не кто иной, как публичный ординарный профессор философии и естественного права Московского универси-

тета, уроженец королевства Вюртембергского, Рейнгард Филипп Христиан, или на русский манер Христиан Егорович. Герцог Бассано писал, что профессор – «весьма достойный человек», да к тому же и брат министра французского правительства в Касселе.⁵⁸

Рейнгард мог бы многое повествовать следователям, да вот незадача: выехав из Москвы в эвакуацию в Нижний Новгород, он скончался там 7 ноября 1812 года на 48 году жизни. Остается и другой вопрос – зачем же он выехал, если, судя по письму, бояться профессору было нечего.

⁵⁸ Попов А.Н. Французы в Москве в 1812 году // Русский архив. 1876. Кн.1. – С. 242.

Московские купцы: «Кому война, а кому мать родна!»

Несмотря на назначение Кутузова, армия Наполеона все ближе двигалась к Москве, готовящейся к сражению. Здесь создавались огромные запасы продовольствия, обмундирования и фуража (все это потом досталось французам, правда, ненадолго). Новобранцев обучали военному делу. Пополнялись склады с боеприпасами. Развертывались госпитали, самый большой из которых был создан в Головинском дворце.

Помимо активного участия московских ополченцев в боях с французами (необходимо отметить, что почти двадцать тысяч москвичей сражалось при Бородине), Москва снабжала армию и всем необходимым – провиантом, боеприпасами, подводами, лошадьми. Из афиши от 27 августа 1812 года мы узнаем: «Я посылаю в армию 4000 человек здешних новых солдат, на 250 пушек снаряды, провианта. Православные, будьте спокойны! Кровь наших проливается за спасение отечества. Наша готова; если придет время, то мы подкрепим войска. Бог укрепит силы наши, и злодей положит кости свои в земле Русской».

Ростопчин утверждал, что каждый день в течение почти двух недель августа отправлялось в армию по 600 телег, груженных сухарями, крупой и овсом. К сожалению,

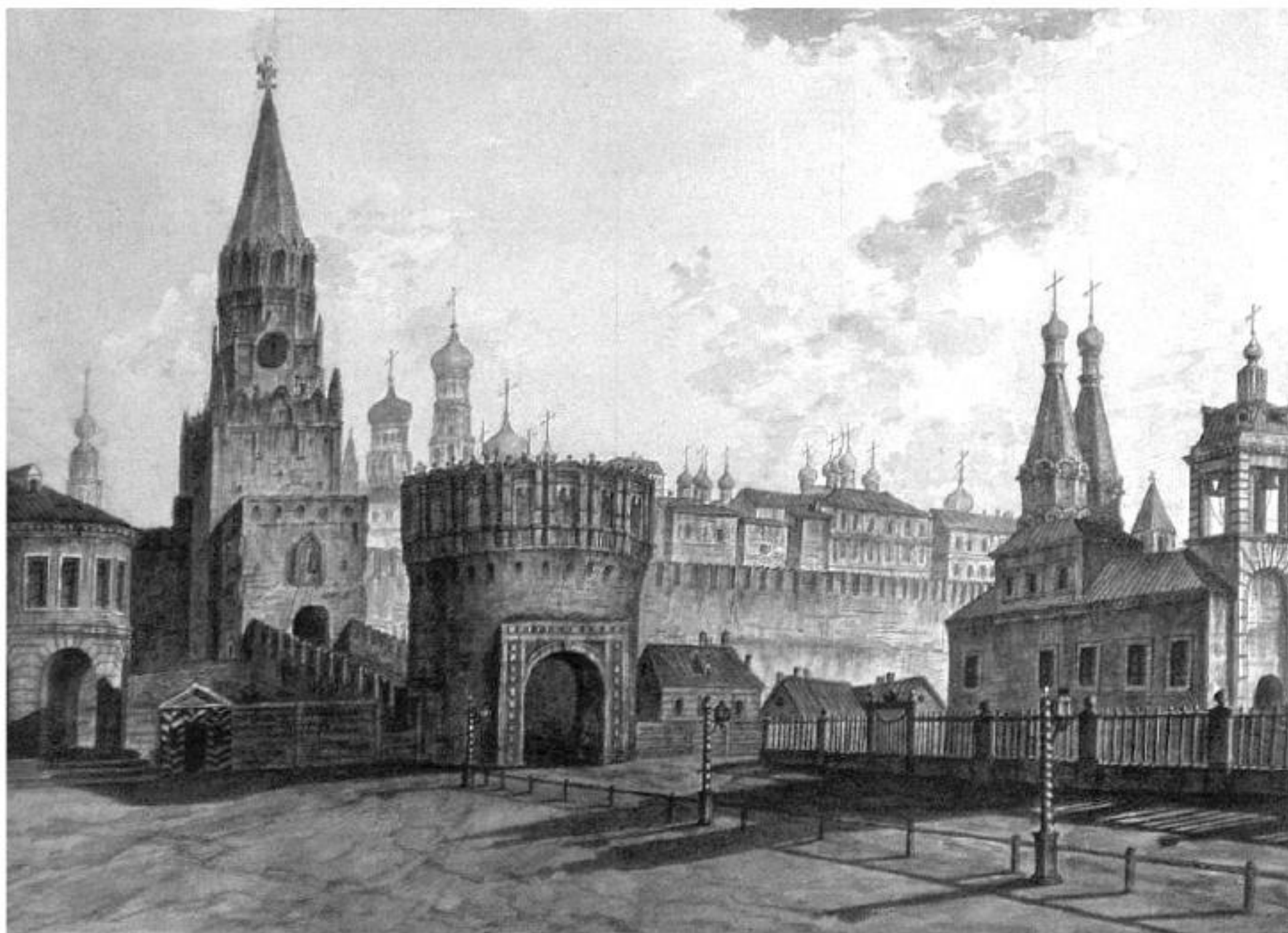
не все, что посылалось в армию, доходило до адресата. Ростопчин не раз жаловался Кутузову на казаков, солдат и мародеров, грабящих обозы с посылаемым к армии имуществом. А случаи такие были не редкостью: «Дорогою всюду встречал я раненых и мародеров, во всем видно расстройство армии нашей, которая даже и довольствуется фуражированием, а под предлогом того грабят селения наши, а паче казаки, в них даже и народ сомневается». ⁵⁹

Для наведения порядка в городе Ростопчин испросил в столице разрешения отправлять в армию пьяниц и прочих «праздношатающихся» москвичей. А кабаки и питейные дома приказал закрыть.

18 августа Ростопчин в своей афише объявил о продаже населению оружия из Арсенала, причем по сниженным ценам:

«От главнокомандующего в Москве. – По полученным мною известиям авангард стоит 13 верст перед Вязьмой. Главная квартира – в Вязьме. Неприятель стоит на одном месте. Отрядов от него нет. Корпус генерала Милорадовича весь на походе. Авангард его, из 8000 человек составленный, пошел сегодня из Можайска к Гжати под командою генерал-майора Вадковского. Прочие войска сего корпуса

⁵⁹ Волконский Д.М. Указ. соч.

Троицкая и Кутафья башни. Худ. Ф.Я. Алексеев. 1800-е гг.

идут из Боровска и Вереи. Ополчение Тверское готово, и 13 000 человек с кавалерией под командою генерал-майора Тыртова идут в Клин. Светлейший князь Кутузов прибыл вчера в Вязьму. Граф Витгенштейн занял Полоцк и действует далее; весь тот край очищен от проказы, и французов нет. Многие из жителей желают вооружиться, а оружия тысяч на десять есть в Арсенале, которое куплено, и дешево, на Макарьевской ярмарке; всякое утро желающие могут покупать в Арсенале ружья, пистолеты и сабли; цены тут означены; за это мне скажут спасибо, а осердятся одни из ружейного ряда; но воля их, Бог их простит!»

В последней фразе своего послания — «осердятся одни из ружейного ряда» — Ростопчин помянул предприимчивых московских куп-

цов, решивших набить карман на народном горе. Спекулянты не дремали, и если до объявления войны саблю или шпагу можно было купить в Москве за 6 рублей и даже дешевле; пару тульских пистолетов за 8 рублей, а ружье и карабин по 11–15 рублей, то к концу июля цены выросли в 5–10 раз: одна сабля стоила уже за 30 рублей; пара пистолетов — до 50 рублей; а ружье или карабин уже не продавали ниже 80 рублей. Чем ближе Наполеон продвигался к Москве, тем выше становились цены на оружие. Да что оружие — существенно подорожали продукты: мука, сахар, крупы, мясо и т.д. Даже сапожники и портные норовили содрать побольше с собирающихся на войну с французами москвичей. Воистину права русская пословица: «Кому война, а кому мать родна!»

Но если бы Ростопчин предпринял меры по снижению цен раньше... Да и само оружие оставляло желать лучшего: «Действительно, цена продаваемому оружию из арсенала или цейхгауза была очень дешева, ибо ружье или карабин стоили 2 и 3 рубля, сабля — 1 рубль, кортик, пики и проч. — все очень дешево; но, к сожалению, все это оружие к употреблению не годилось: ибо ружья или карабины были или без замков, или без прикладов, или стволы у них согнутые, или измятые, сабли без эфесов, у других клинки сломаны, зазубрены, и лучшее, что было в цейхгаузе, то скуплено уже было купцами; но, невзирая на негодность оставшегося оружия, покупали еще оное, и арсенал или цейхгауз был полон народу».⁶⁰

Подобное поведение купцов дало повод Бестужеву-Рюмину лишь горько сожалеть: «Итак, пожертвования дворянства были гораздо действительнее и полезнее для отечества, чем пожертвования купцов, мещан, мастеровых. Первые шли на защиту отечества сами, с детьми своими, несколько возмужалыми, жертвуя не только имуществом, но и жизнью, для отражения врага, брали с собою еще дружину из крепостных своих дворовых людей и крестьян от 10 душ одного, или и двух; а вторые приносили в жертву одни только деньги в ассигнациях, которые в которые они лихоимственно полу-

чили от действительных защитников Отечества за оружие и прочие необходимые вещи; сами же они со своими поверенными, приказчиками и сидельцами удалялись заблаговременно из Москвы на нескольких сотнях троек лошадей, чтобы не быть свидетелями ужасов нашествия неприятеля, оставляя в домах своих только то, чего увезти с собою не могли».

Подобная же ситуация сложилась и с ценами на транспортные средства. Неимоверно возросла стоимость телег и лошадей: «Такое множество потребовалось разом телег и лошадей, что неоткуда было их достать. А извозчики-то видят, что большой спрос и такие цены заломили, прости им Господи, что одним только богатым было с руки нанимать. Видят, безбожники, Господь и так наказание посылает, а они думают, как бы слезами своих же наживаться. Да еще Бог знает, пошли ли им впрок эти денежки. Сколько бедных людей принуждены были в Москве остаться. Кто все добро потерял, а кто и сам погиб. По улицам тянулись что днем, что ночью кареты да повозки. Многие тоже пешком уходили, иные с детьми на руках, иные с каким добром».⁶¹

Чего же удивляться, что некоторые купцы, оставшись в Москве, немало нажились на постигшей горожан беде, занимаясь мародерством и откровенным грабежом.

⁶⁰ Бестужев-Рюмин А.Д. Указ. соч.

⁶¹ Толычева Т. Рассказ старушки о двенадцатом годе. — М., 1878. — С. 40–41.

Эвакуация раненых и казенного имущества

Ростопчину впору было задуматься и над эвакуацией казенного имущества. Во второй половине августа он дал указания о подготовке к эвакуации раненых, вывозу оружия и боеприпасов из Арсенала (запасы оружия оценивались в 200 тысяч пудов!), отправке казны, архивов Сената, имущества Оружейной палаты, Патриаршей ризницы, Московского университета и т.д. («Отправлены казенные сокровища, Оружейная и Грановитая палаты, банки, архив иностр. дел, и множество выезжают», — запишет в эти дни князь Д.М. Волконский). Это был первый случай в истории Москвы, когда требовалась столь масштабная и оперативная эвакуация.

В то время существовало два способа вывоза имущества — гужевым транспортом и по реке. Главная трудность состояла в том, где взять такое количество подвод с лошадьми. Например, для вывоза казенного имущества и оружия из Арсенала требовалось более 26 тысяч подвод. Но подводы использовались и для вывоза раненых, подвоза продовольствия и боеприпасов: так, летом 1812 года армия реквизировала для своих нужд до 52 тысяч подвод. Таким образом, ни лошадей, ни подвод катастрофически не хватало.

Москва была буквально забита ранеными, которых размещали не

только в больницах и госпиталях, но и в дворянских усадьбах. Особенно обострилась ситуация после Бородинского сражения, когда Москву накрыла волна прибывающих с фронта изувеченных солдат. В предшествующие сдаче Москвы дни в город прибыло более 28 тысяч раненых. До отказа был заполнен Лефортовский военный госпиталь, рассчитанный на 1000 коек, а на самом деле принявший до 2000 раненых. В Головинских казармах находилось до 8000 раненых, в Спасских казармах — до 5000 человек, в Александровском и Екатерининском институтах было до 4000 раненых, в Кудринском — до 3000, в Запасном дворце — до 2000, по отдельным квартирам — до 500 человек. Лишь в ночь с 1-го на 2-е сентября в связи с решением об оставлении Москвы Барклай-де-Толли предписал «находящихся в Москве раненых и больных стараться всеми мерами тотчас без малейшего замедления перевести в Рязань, где и ожидать оным дальнейшего назначения».⁶² В такой невыносимой обстановке нередко приходилось делать выбор: вывозить раненых или эвакуировать имущество.

Как вспоминала одна из послушниц Страстного монастыря, 26 ав-

⁶² Рашкин Л., Новиков Ю. Военная медицина в Отечественную войну 1812 года. — М., 2012. — С. 16.

Бегство жителей из Москвы. Худ. К.В. Лебедев

густа 1812 года в Москве слышали первые раскаты пушечного гула, доносившиеся откуда-то издалека: «Догадывались, что битва, а где неизвестно, а неизвестность еще страшнее». В те дни по Тверской улице мимо монастыря привозили в Москву раненых на Бородинском поле: «Многие жители оставили уже Москву. Куда бывало ни пойдешь, видишь целые ряды домов с заколоченными ставнями и закрытыми воротами... Помню у нас на площади остановился целый поезд с ранеными: все выбежали из соседних домов и окружили их с плачем. Всякий приносил им что мог: кто денег, кто что-нибудь съестное. Из нашего монастыря им приносили хлеб и просфоры».⁶³

Нелицеприятные подробности содержания раненых солдат рос-

сийской армии сообщает Д.П. Рунич: «После кровопролитного сражения, происшедшего 26 августа в 30 верстах от Москвы, все это пространство было наполнено множеством телег, на коих перевозили в Москву раненых русских и иностранцев. Ростопчин приказал временно поместить пленных, до их отсылки во внутренние губернии, на Воробьевых горах, находившихся в четырех или пяти верстах от города. Вторая половина августа была холодная и дождливая; пленных кормили только черным хлебом и водою, вследствие чего между ними свирепствовал сильный кровавый понос, от которого весьма многие умерли. Жители Москвы толпами выходили навстречу раненым, приносили им белый хлеб и деньги, не делая различия между русскими и пленными».

⁶³ Васькин А.А. Спасти Пушкинскую площадь. – М., 2011.

30 августа Ростопчин приказал везти раненых сразу в Коломну, а 31 августа он и вовсе распорядился отправлять туда же пешком тех из них, кто мог ходить. Как сообщал сам Ростопчин, «от шестнадцати до семнадцати тысяч были отправлены на четырех тысячах подводах накануне занятия Москвы в Коломну, оттуда они поплыли Окою на больших крытых барках в Рязанскую Губернию, где были учреждены Госпитали».⁶⁴

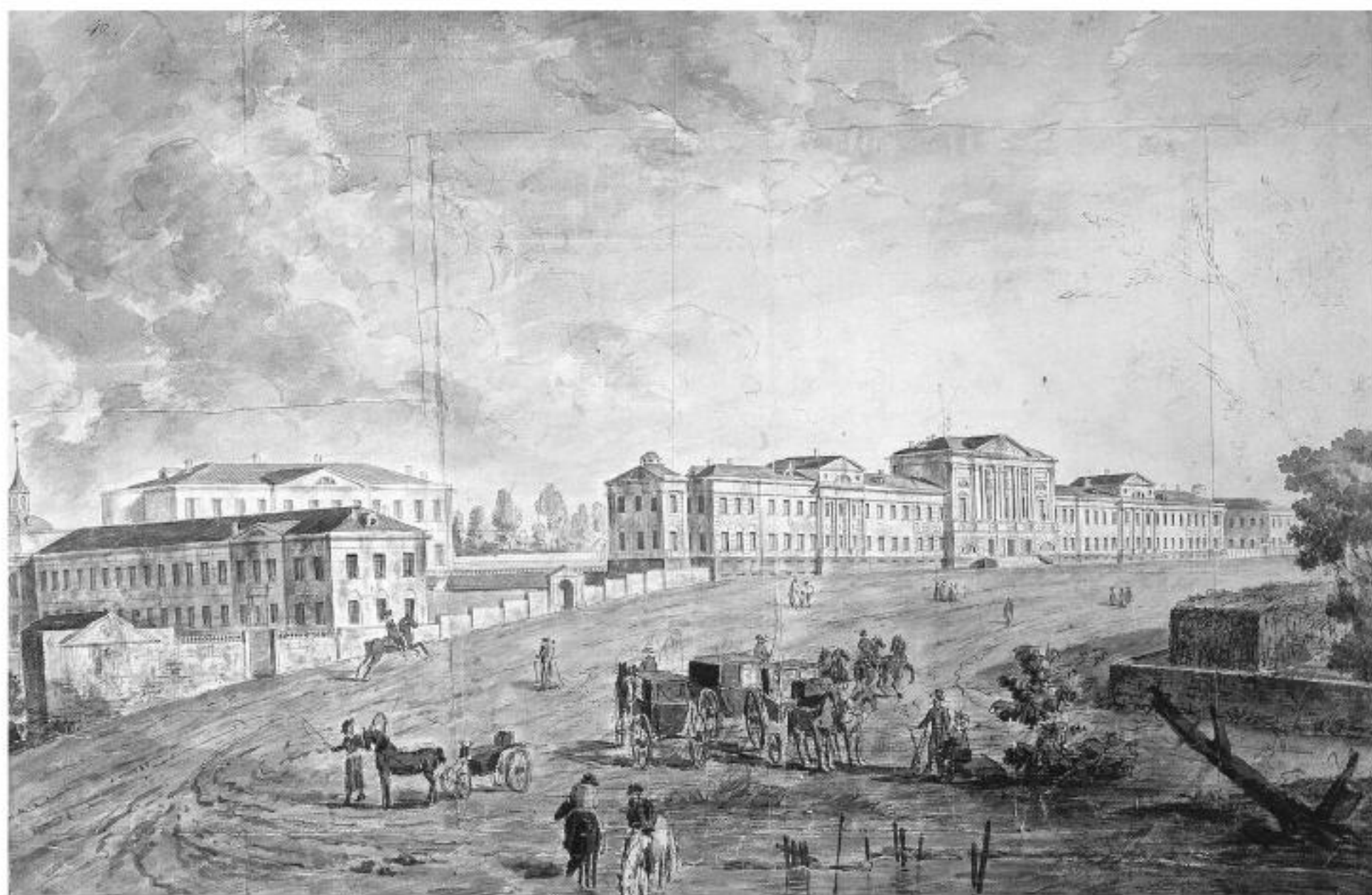
Ростопчин вспоминал: «1-го числа сентября месяца 1812 года, известившись от князя Голенищева-Кутузова Смоленского, что Российская армия отступает по Рязанскому тракту, тотчас приказал я более 1000 подвод, оставшихся из числа, собранных в Московской губернии, обратить в военный госпиталь для вывоза раненых и всего

того, что необходимо нужно и можно было вывести».

Для вывоза в Коломну раненых из других госпиталей Ростопчин приказал поставить у городской заставы в общей сложности 5000 подвод: «Более 20 000 человек успело поместиться на подводы, хотя и не без суматохи и споров; прочие последовали за ними пешком. Весь транспорт двинулся с места около 6 часов утра; но около 2000 больных и тяжелораненых остались на своих кроватях, в ожидании неприятеля и смерти. Из них, по возвращении моем, я только 300 человек застал в живых».

Повезло тем, кто в состоянии был выйти из города на своих двоих. Унтер-офицер Д.В. Душенкевич: «Картина ночи и путь до Москвы представляли однообразное общее уныние, подобное невольному ропоту, рождающемуся при виде длинных обозов и перевязок

⁶⁴ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. – С. 38.

Военный госпиталь в Лефортове. Худ. Ф.Я. Алексеев. 1800-е гг.

множества, не только раненых, даже до уничтожения переуродованных людей; нельзя не удивиться, в каком порядке раненые транспортируемы и удовлетворяемы были всем. На третий день нас доставили в опустевшую Москву, чрез всю столицу провезли и поместили во Вдовьем доме (близ Кудринской площади – А.В.), где всего в изобилии, даже в излишестве заготовлено, чего бы кто из раненых не пожелал. В довольстве и покое мы забыли о неприятеле. Уже 31-го августа видно нам стало пространное зарево над Воробьевыми горами, но оно нас не беспокоило. Уверенность, что французская армия под Москвой рассыплется, как волна при гранитном утесе, в общем духе господствовала и рассеивала опасения; болели только о том каждый из нас душевно, что не в состоянии при сем решительном, желаемом всеми бое оказать хотя бы последнюю услугу отечеству жертвою самой жизни, но такими мечтами нам недолго досталось утешаться.

Москва. 2-го сентября. Едва утреннего солнца яркие лучи осветили окна наши, директор, или наблюдавший за больницами гр. Толстой принес самую пасмурную весть. Короткими словами он предложил нам: на приготовленных во дворе подводах спасаться в г. Владимир. «А французы сегодня вступают в Москву», – прибавил он, залившись слезами, и вышел, рыдая горько. Всякий может себе представить, что делалось в таком разе между тысячью ранеными штаб- и обер-офицерами. Этот час смятения, воплей общих и разительные

преждевременные кончины беспомощных тяжелораненых налагает молчание!

Я с одним товарищем, почти выздоровевшим от раны, в Смоленском сражении полученной, рассудили лучше идти в полк и там долечиваться, нежели пуститься Бог весть куда по госпиталям. Сказано и сделано; я с костылем, а он, не имея в нем нужды, пошли вдоль Москвы, по направлению к Воробьевым горам, долго бродили по улицам, отдыхая поневоле, звуки музыки и барабанов указывали нам путь, где войска проходят; с помощью их, встретив какую-то артиллерийскую роту, вышли при ней за Москву в немой скорби от неразумения происходящего».⁶⁵

Остальные, кто не мог ходить и эвакуироваться, остались в Москве в полном распоряжении французс-

⁶⁵ Душенкевич Д.В. Из моих воспоминаний от 1812 года// 1812 год в воспоминаниях современников. – М., 1995. – С. 105–135.

Ермолов А.П.

Худ. К.П. Брюллов(?). 1822 г.

ких солдат. Недаром писал генерал Алексей Ермолов, что «душу мою раздирает стон раненых, оставляемых во власти неприятеля».⁶⁶ По разным оценкам, в Москве осталось от 2-х (сведения Ростопчина) до 30 тысяч (по мнению Наполеона) раненых. Большая часть их погибла во время пожара.

Неудачной была и попытка вывезти по обмелевшей Москве-реке имущество и боеприпасы, назначенная буквально на последний день — 31 августа. 23 груженные барки сели на мель близ села Коломенского. Большая часть сопровождающих их чиновников и рабочих разбежалась. В результате принятия своевременных мер по спасению казенного имущества лишь 3 барки доплыли до пункта назначения, 13 было сожжено, а 7 достались французам. Часть боеприпасов все же удалось посуху вывести в Нижний Новгород и Муром. То же, что не удалось затопить, Ростопчин распорядился раздать оставшемуся в Москве населению. Но ружей в Арсенале оставалось еще много — более 30 тысяч, а об оставшихся огромных запасах холодного оружия и говорить не приходится.

Остались в Москве и огромные запасы продовольствия, что заставило Ростопчина через много лет оправдываться в книге «Правда о пожаре Москвы»:

«Кроме того, жизненные припасы, оставшиеся в Москве, были весьма незначительны: ибо Москва снабжается посредством зимнего пути и весеннего плавания до

сентября месяца, а после на плотах до зимы; но война началась в июне месяце, и неприятель был уже обладателем Смоленска в начале августа: таким образом, все подвозы остановились, и нисколько уже не заботились о снабжении жизненными припасами города без защиты и угрожаемого неприятельским вторжением. Впоследствии большая часть муки, находившейся в казенных магазинах и в лавках хлебных торговцев, была обращена в хлебы и сухари, и в продолжение тринадцати дней пред входом Наполеона в Москву шестьсот телег, нагруженных сухарями, крупой и овсом отправлялись каждое утро в армии, а посему и намерение лишить неприятеля жизненных припасов не могло иметь своего существования. Другое дело, гораздо важнейшее, должно было бы остановить исполнение предприятия пожара (если когда-либо было оно предположено), а именно, дабы тем не заставить Наполеона принудить Князя Кутузова к сражению по выходе своем из Москвы, к сражению. Которого все выгоды были на стороне Французской армии, имеющей двойное число сражающихся, чем Русская армия, отягченная ранеными и некоторою частью народа, убежавшего из Москвы».

Смысл процитированного абзаца в том, что в Москве, оказывалось, было и не так много продовольствия, фуража и боеприпасов. Но ведь это не так, поскольку Москве изначально была уготована роль мобилизационной базы империи. А значит, здесь и долж-

⁶⁶ Ермолов А.П. Записки Алексея Петровича Ермолова. — М., 1865. — Ч. 1. — С. 214.

но было сосредоточить основные ресурсы. Недаром, именно Ростопчина назначил царь начальником ополчения не только Московской, но всех граничащих с ней губерний.

Несмотря на явные просчеты и дезорганизованность эвакуации, Ростопчин положительно оценил ее ход: «Поспешное отступление армии, приближение неприятеля и множество прибывающих раненых, коими наполнились улицы, произвели ужас. Видя сам, что участь Москвы зависит от сражения, я решился содействовать отъезду малого числа оставшихся жителей. Головой ручаюсь, что Бонапарт найдет Москву столь же опустелой, как Смоленск. Все вывезено: комиссариат, арсенал». ⁶⁷

Позднее граф уточнил: «Тысяча шестьсот починенных ружей в Арсенале были отданы Московскому ополчению; что же касается до пушек, то их было девяносто четыре шестифунтового калибра с лафетами и пороховыми ящиками. Они были отправлены в Нижний Новгород до входа неприятеля в Москву, который нашел в Арсенале только шесть разорванных пушек без лафетов и две огромнейшие гаубицы». ⁶⁸

А неприятель, между прочим, нашел в Арсенале немало оружия, да к тому же еще и нового: «Часть оружия была взята нами из арсенала в Кремле; оттуда же были взяты ружья с трутом вместо кремней,

трут кладут всегда, когда ружья новы и стоят в козлах». ⁶⁹

Тем не менее, об успехе эвакуации докладывал Александру и Кутузов: «Все сокровища, Арсенал и почти все имущества как казенные, так и частные вывезены и ни один житель в ней не остался». ⁷⁰

Со стороны все выглядело по-другому: «4-го (сентября – А.В.) армия пошла далее отступать... Тут принуждены были сжечь барки, кои были нагружены комиссариатскими вещами, они замелели, множество пороха и свинцу потопили, а вещи сожгли». ⁷¹

Далее князь Волконский оценивает общий ущерб от эвакуации в более чем 10 миллионов рублей: «Потому что на всю армию холст, сукно и прочее было заготовлено. Потеря Москвы неисчетна. Пушек много осталось, ружей, сабель и всего в арсенале. Даже Ростопчин не успел вывести многое и обозу своего не имеет, ниже рубашки своей. Многие армейские лишились обозов своих. С самой ретираны нашей начался пожар в Москве, и пылающие колонны огненные даже видны от нас. Ужасное сие позорище ежечасно перед нашими глазами, а паче страшно видеть ночью.

Выходящие из Москвы говорят, что повсюду пожары, грабят дома, ломают погреба, пьют, не щадят церквей и образов, словом,

⁶⁷ Михайловский-Данилевский А. Описание Отечественной войны в 1812 году. – Ч. 2. – 1839. – С. 308.

⁶⁸ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. – С. 46.

⁶⁹ Бургонь А. Ж. Б. Ф. Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. – СПб, 1898. – 286 с.

⁷⁰ Донесение князя Кутузова Александру I от 4 сентября 1812 г. // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. (7 частей, М., 1897–1903); Ч.1. – С. 96.

⁷¹ Волконский Д.М. Указ. соч.

**Вид в Кремле на Арсенал и
Никольские ворота.**

Худ. Ф.Я. Алексеев. 1800-е гг.

всевозможные делаются насилия с женщинами, забирают силою людей на службу и убивают. Горестнее всего слышать, что свои мародеры и казаки вокруг армии грабят и убивают людей — у Платова отнята вся команда, и даже подозревают и войско их в сношениях с неприятелем. Армия крайне беспорядочна во всех частях, и не токмо ослаблено повиновение во всех, но даже и дух храбрости приметно ослаб с потерю Москвы».

И действительно, вывезено оказалось далеко не все, что и стало известно в результате специального расследования: 20 сентября 1812 года Александр потребовал провести проверку того, как

была организована и проведена эвакуация.

В предоставленном императору рапорте одной из причин «потери в Москве артиллерийского имущества» было названо то, что «в последних уже днях августа месяца главнокомандующий в Москве г. генерал от инфантерии граф Растопчин многократными печатными афишками публиковал о совершенной безопасности от неприятеля, из коих в одной от 30 августа изъяснением, что г. главнокомандующий армиями для скорейшего соединения с идущими к нему войсками, перешел Можайск и стал на крепком месте, где неприятель не вдруг на него нападет, и что он г. главнокомандующий армиями Москву до последней капли крови защищать будет и готов хоть в улицах драться».

Таким образом, оружие из Арсенала должно было еще послужить для сражения за Москву, обещанного Кутузовым, которое так и не состоялось. Согласно рапорту 2 сентября порох, свинец и патроны «по повелению г. главнокомандующего (Ростопчина — А.В.)... по неприбытию из армии к приему их офицера затоплены в Красном пруде».⁷² А поспешность и запоздалость уничтожения военного имущества объяснялась тем, что приказ об эвакуации поступил лишь вечером 1 сентября, после совета в Филях.⁷³

⁷² Горностаев М.В. Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин: Страницы истории 1812 года. — М., 2003.

⁷³ Шведов С.В. Судьба запаса огнестрельного оружия Московского арсенала в 1812 году // Советские архивы, 1985. — № 5. — С. 66–68.

Кутузов: «Москва – это губка, которая поглотит французов»

Сам же Ростопчин на этом совете, где решена была судьба Москвы, не присутствовал. Кутузов не считал нужным пригласить его. Отсутствие Ростопчина можно считать кульминацией странных взаимоотношений между двумя главнокомандующими – Москвы и армии. Именно эти отношения, которые не назовешь искренними, и стали одной из причин падения Москвы. Читая их переписку в августе 1812 года, приходишь к выводу, что Кутузов Ростопчину не доверял.

Содержание посылаемых Кутузовым Ростопчину писем можно обозначить одной фразой: «С потерей Москвы соединена потеря Рос-

сии» – так, в частности, 17 августа писал он из Гжатска. Даже 26 августа, после Бородинского сражения, фельдмаршал продолжал уверять, что сражение будет продолжено, для чего требовал от Ростопчина прислать пополнение. Дело в том, что Ростопчин обещал выставить на защиту Москвы 80 тысяч ополченцев, но таких резервов в Москве и быть не могло. Это обещание Ростопчину дорого обошлось, и до сих пор является причиной одного из главных обвинений в его адрес.

Вместо ополчения Кутузов получал от Ростопчина письма, где тот пытался добиться четких указаний – начинать ли эвакуацию:

Кутузов на Поклонной горе. Худ. А.Д. Кившенко. 1879 г.

Военный совет в Филях в 1812 году. Худ. А.Д. Кившенко. 1879 г.

«Извольте мне сказать, твердое ли вы имеете намерение удержать ход неприятеля на Москву и защищать град сей? Посему я приму все меры: или, вооружа все, драться до последней минуты, или, когда вы займетесь спасением армии, я займусь спасением жителей, и со всем, что есть военного, направлюсь к вам на соединение. Ваш ответ решит меня. А по смыслу его действовать буду с вами перед Москвой или один в Москве», из письма от 19 августа.⁷⁴

Кутузов вновь успокаивал: «Ваши мысли о сохранении Москвы здравы и необходимо представляются»⁷⁵.

Вряд ли в то время нашелся бы в российском государстве генерал, придерживающийся другого мнения. Но ведь человек предполагает, а Бог располагает. Кутузов еще 11 августа, следуя из Петербурга

в расположение армии, произнес пророческую фразу: «Ключ от Москвы взят!», такова была его реакция на взятие французами Смоленска. Кому, как не «старому лису Севера» (так называл его Наполеон) было знать, что ждет Москву в будущем. Правда, для того чтобы догадаться, что Москву может постигнуть участь Смоленска, совсем не надо было обладать стратегическим умом Кутузова. Многие москвичи, имевшие что вывозить, а главное, на чем, именно после сдачи Смоленска стали выезжать из Москвы.

Характерный пример – интересный разговор у Апраксиных, на Знаменке (граф Степан Степанович Апраксин держал в своем доме известный на всю Москву театр), состоявшийся в эти дни с участием вездесущей Е.П. Яньковой: «Однажды приехали мы с мужем к Апраксиным: в гостиной множество гостей; ...что-то рассказывают и шутят, и Степан Степанович тоже превеселый... Немного погода, взял

⁷⁴ Русский вестник. – 1842. – № 2.

⁷⁵ Кутузов М.И. Сборник документов. – М., 1954. – Т. 4. – Ч. 2. – С.149–152.

Изба, в которой проходил знаменитый совет в Филях.

Худ. А.К. Саврасов. 1885 г.

он мужа за руку и повел к себе в кабинет и говорит ему: «Вы не полагайтесь, Дмитрий Александрович, на официальные известия и на то, что говорит Ростопчин, — дела наши идут нехорошо, и мы войны не минуем. Главнокомандующий с войском около Смоленска и государь был уже или на днях будет... Не разглашайте, что я вам говорю, а собирайтесь понемногу и укладывайтесь: может случиться, что Бонапарт дойдет и до Москвы, будьте предупреждены. Все это может случиться скорее, чем мы ожидаем...»⁷⁶

Те же, кто еще не уехал, пытались сохранять видимость спокойствия и светской жизни. Так, 30 августа в Благородном собрании по случаю тезоименитства государя был дан бал-маскарад, народу, правда, наскребли немного: «С полдюжины раненых молодых, да

с дюжину не весьма пристойных девиц».⁷⁷

Наверное, все остальные пошли смотреть оказавшийся последним спектакль «Наталья, боярская дочь», что показывали в театре на Арбатской площади. Интересно, что третье действие этой драмы времен Ивана Грозного заканчивалось... пожаром!

А те, кто выезжал, будто бы слышали слова, брошенные главнокомандующим своему ординарцу князю Александру Голицыну: «Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это, как на Провидение, ибо она спасет армию. Наполеон подобен быстрому потоку, который мы сейчас не можем остановить. Москва — это губка, которая всосет его в себя».⁷⁸

⁷⁷ Матвеев Н.И. Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 г. — М., 1912. — С. 234.

⁷⁸ Записки о войне 1812 года князя А.Б. Голицына // Военный сборник. — 1910. — № 12. — С. 24.

⁷⁶ Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. — СПб, 1885. — С. 130.

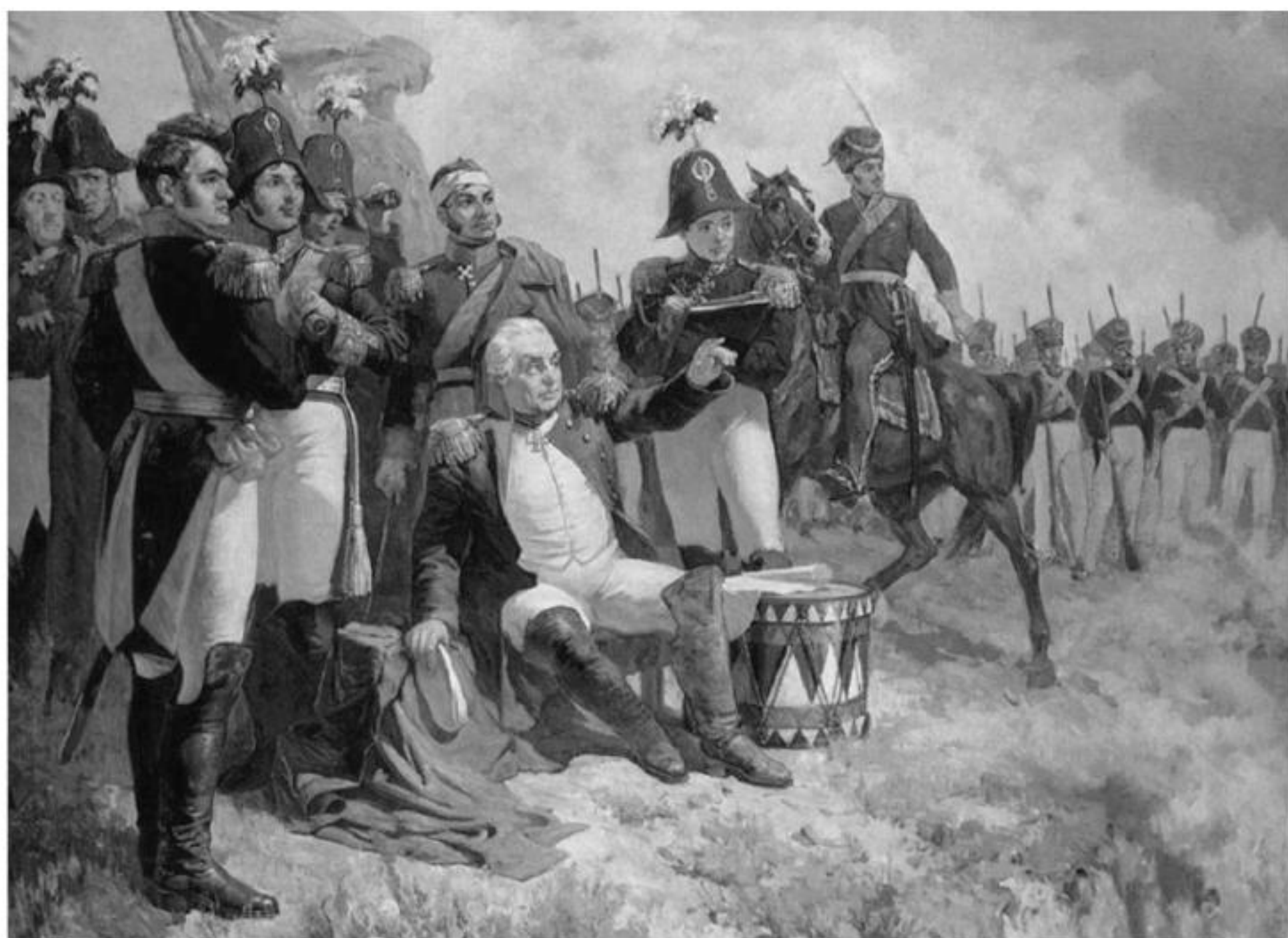
После Бородина: последние дни перед сдачей Москвы

Последствия Бородинского сражения москвичи увидели уже в последних числах августа. С запада в Москву стали вливаться бесконечные караваны с ранеными: «27-го узнали мы, что 26-го наша армия была атакована в центре и на левом фланге. Жестокое было дело, батареи наши все были взяты почти, но отбиты с потерей ужасною. Неприятеля, полагают, убито до 40 т., у нас убито до 20 т., а раненых множество, коих всех сюда привозят. Генералов наших много убито и ранено. Багратион сюда привезен, Воронцов, и многие даже

обозы присылают из армии...» — отмечал князь Д.М. Волконский.

На самом деле размеры потерь обеих армий до сих пор являются объектом споров. Потери русской армии составляют, по оценкам отечественных и зарубежных историков, от 38 до 50 тысяч человек. А на 15-й стене галереи воинской славы храма Христа Спасителя, возведенного в память об Отечественной войне 1812 года, была указана цифра в 45 тысяч человек.

Еще сложнее объективно оценить французские потери, т.к. значительная часть соответствующей

М.И. Кутузов на командном пункте в день Бородинского сражения.

Худ. А.П. Шепелюк. 1951 г.

документации была утеряна при бегстве наполеоновской армии из России, и потому число убитых, раненых и пропавших без вести при Бородине солдат, офицеров и генералов вражеского войска составляет по разным оценкам от 30 до 45 тысяч человек.

Причем число скончавшихся от ран русских и французов превышает количество убитых во время сражения. Но даже после таких потерь главнокомандующий Кутузов, получивший в награду 30 августа воинское звание генерал-фельдмаршала, не уставал заверять Ростопчина о том, что Москва сдана не будет. В тот день между ними состоялся приметный разговор. Со слов ординарца Кутузова, князя А.Б. Голицына, мы узнаем, что на этой встрече «решено было умереть, но драться под стенами ее (Москвы — авт.). Резерв должен был состоять из дружины Московской с крестами и хоругвями. Ростопчин уехал с восхищением и в восторге своем, как ни был умен, но не разобрал, что в этих уверениях и распоряжениях Кутузова был потаенный смысл. Кутузову нельзя было обнаружить прежде времени под стенами Москвы, что он ее оставит, хотя он намекал в разговоре Ростопчину». Таким образом, Кутузов не раскрывал перед Ростопчиным всех карт, возможно, не надеясь на него.

Интересно, что сам градоначальник предполагал о предстоящей развязке событий. Еще 22 августа у него состоялась беседа с князем Д.М. Волконским, предлагавшим ему собрать на Кавказе

«сто человек конных на службу отечества». Ростопчин же ответил, что уже «поздно». Для чего поздно? Для защиты Москвы или для ее сдачи?

Намеки Кутузова, сделанные 30 августа, о которых пишет его ординарец, возможно и дошли до Ростопчина. Не зря, сочиняя в этот день свою очередную афишку с призывом к москвичам взять в руки все, что есть, и собраться на Трех горах для сражения с неприятелем, Ростопчин выдал их себя: «У нас на трех горах ничего не будет».⁷⁹

Но москвичи Ростопчину верили, как отцу родному, да и как было не поверить, читая, его пламенные призывы от 30—31 августа:

«Светлейший князь, чтоб скорее соединиться с войсками, которые идут к нему, перешел Можайск и стал на крепком месте, где неприятель не вдруг на него пойдет. К нему идут отсюда 48 пушек с нарядами; а светлейший говорит, что Москву до последней капли крови защищать будет, и готов хоть в улицах драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственные места закрыли; дела прибрать надобно, а мы своим судом с злодеем разберемся! Когда до чего пойдет, мне надобно молодцов и городских, и деревенских; я клич кликну дни за два, а теперь не надо, я и молчу. Хорошо с топором, недурно с рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: Француз не тяжелее снопа аржаного. Завтра после обеда я поднимаю Иверскую в Екатерининскую го-

⁷⁹ Глинка С.Н. Записки о 1812 годе. — С. 123.

шпиталь к раненым; там воду освятим; они скоро выздоровеют. И я теперь здоров; у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба...»

Московский князь Федор Николаевич Голицын также смотрел в оба, как и генерал-губернатор, а потому искренно полагался на него: «Долго я колебался с выездом, и главнокомандующий гр. Растопчин уверял, что Французы до Москвы не дойдут, хотя многие уже из Москвы передо мною выехали, да и казенные места начали отправляться. Однако ж я все полагался на слова главнокомандующего и для того из дому почти не вывез ничего».⁸⁰ Чудом Голицыну удалось выехать из Первопрестольной незадолго до ее сдачи.

Но Растопчин вновь успокаивал народ: «Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить живот, защищая отечество, не пускать злодея в Москву. Но должно пособить, и нам свое дело сделать. Грех тяжкий своих выдавать. Москва наша мать. Она вас поила, кормила и богатила. Я вас призываю именем Божией Матери на защиту храмов Господних, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чем может, и конные, и пешие; возьмите только на три дни хлеба; идите со крестом; возьмите хоругви из церквей и с сим знаменiem собирайтесь тотчас на Трех Горах; я буду с вами, и вместе истребим злодея. Слава в вышних, кто не отстанет! Вечная память, кто мертвый ляжет! Горе на страшном суде, кто отговариваться станет!

⁸⁰ Российский архив. – 1874. – № 5. – С. 1331.

...Я завтра рано еду к светлейшему князю, чтобы с ним переговорить, действовать и помогать войскам истреблять злодеев. Станем и мы из них дух искоренять и этих гостей к черту отправлять. Я приеду назад к обеду, и примемся за дело: отделаем, доделаем и злодеев отделаем».⁸¹

Генерал-губернатор своими дружескими посланиями так приучил простой народ верить ему, что, действительно, – 31 августа народ собрался, но, не дождавшись своего градоначальника, разошелся: «Народ был в числе нескольких десятков тысяч, так что трудно было, как говорится, яблоку упасть, на пространстве 4 или 5 верст квадратных, кои с восхождением солнца до захождения не расходились в ожидании графа Растопчина, как он сам обещал предводительствовать ими; но полководец не явился, и все, с горестным унынием, разошлись по домам».⁸²

Уныние, однако, вскоре переросло в другое чувство – озлобление. Люди поняли, что их обманули, что Москву никто защищать не собирается. А неявку градоначальника, весь август уверявшего их, что Москву не сдадут, многие расценили как банальную трусость. Откуда им было знать, что Растопчин, созвав народ на битву, оказывается, надеялся, что «это вразумит наших крестьян, что им делать, когда неприятель займет Москву».

⁸¹ Растопчин Ф.В. Афиши 1812 года// Ох, французы! – М., 1992.

⁸² Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве.

Подвиг солдат Раевского под Салтановкой 11 июля 1812 года.

Худ. Н.С. Самокиш. 1912 г.

Свидетельства очевидца тех событий говорят о том, что афиши Ростопчина, призванные успокаивать народ, вызвали совершенно обратную реакцию: «Это объявление в народ, которое, казалось бы, само по себе ничего не значило, причинило, однако ж, ужасное волнение в народе, волнение самое убийственное: стали разбивать кабаки; питейная контора на улице Поварской разграблена, на улицах крик, драка; останавливали прохожих, спрашивая: где неприятель? Трудно было отойти от них. В Серебряном ряду двое Немцев, живших в России несколько десятков уже лет, желали разменять ассигнации на серебро, и когда они не хотели дать промен, который менялы требовали, то силою отняли

у них деньги, а самих их избили до полусмерти, под предлогом, будто они шпионы. Словом, Москва в этот день как будто вовсе была без начальства. Я, проходя в 10 часов утра из дому в Вотчинный Департамент, встретил в городе, у Лобного места, что близ Кремлевских Спасских ворот, огромное стечение народа, большею частью пьяных, готовых на всякое убийство. В толпе сей говорили, что граф Ростопчин сзывает уже сынов Отечества на Три Горы, куда и сам явится предводительствовать народом, для отражения врага от Москвы, и что на завтрашний день с восходом солнца народ должен собираться, кто с чем может, в назначенное им место».⁸³

⁸³ Бестужев-Рюмин А.Д. Указ. соч.

Конец Бородинского сражения. Худ. В.В. Верещагин. 1899–1900 гг.

Крестьяне так и не поняли, что делать. Они занялись совсем другим. В городе начались погромы: «В Москве столько шатающихся солдат, что и здоровые даже кабаки разбивают».⁸⁴ Мародеры, дезертиры и колодники, выбравшиеся из острогов, стали взламывать кабаки и лавки, грабить опустевшие дома, нападать на благонамеренных москвичей. Вино лилось рекой по мостовым, заполнив все сточные канавы. Некоторые поклонники Бахуса, побросав свои занятия, припадали к этим «живоносным» источникам, а двое пожарных и вовсе захлебнулись в винном потоке.

Оставшийся в Москве начальник Воспитательного дома И.В. Туттолмин за голову хватался – все его рабочие и караульщики также перепились, таская из разбитых

кабаков вино ведрами. Полиция ушла из города. В Москве воцарился хаос: «Тут сброд людей, раненые солдаты, колодники, выпущенные из всех тюрем, мастеровые и другие люди, оставшиеся в Москве, как искатели приключений, группами ходили по пустым улицам, разбивали кабаки, штофные лавки и все, что ни попало; еще не было настоящего неприятеля, а я уже видел собственными глазами плоды безначалия и своевольтва... В это время можно было бояться русских мужиков более, нежели французов».⁸⁵ Последняя фраза наиболее показательна.

А теперь прочитаем описание этих дней Ростопчиным: «Я имел в виду два предмета весьма важные, от которых, полагал, зависит

⁸⁴ Волконский М.Д. Указ. соч.

⁸⁵ Москва в 1812 году, занятая французами: Воспоминания очевидца // Русская старина 1890. – № 1. – С. 106–113.

истребление Французской армии, а именно: чтоб сохранить спокойствие в Москве и вывести из оной жителей. Я успел свыше моих надежд. Тишина продолжалась даже до самой минуты вшествия неприятеля, и из двух сот сорока тысяч жителей осталось только от двенадцати до пятнадцати тысяч человек, которые были или мещане, или иностранцы, или люди из простого звания народа, но ни один значительный человек, ни из Дворянства, ни из Духовенства или купечества. Сенат, Судебное Место, все Чиновники, оставили город несколькими днями прежде его занятия неприятелем. Я хотел лишить Наполеона всей возможности составить сношение Москвы со внутренностью Империи и употребить в свою пользу влияние, которое Француз приобрел себе в Европе своею литературою, своими модами, своею кухнею и своим языком. Сими средствами неприятели могли бы сблизиться с Русскими, получить доверенность, а, наконец, и сами услуги; но посреди людей, оставшихся в Москве, обольщение было без всякого действия, как посреди глухих и немых.

Нарушенное спокойствие в Москве могло бы произвести весьма дурные впечатления на дух Русских, которые обращали тогда на нее свои взоры и ей подражали и следовали. Из нее-то распространился этот пламенный патриотизм, эта потребность пожертвований, этот воинский жар и это желание мщения против врагов, дерзнувших проникнуть столь далеко. По мере, как известие о заня-

тии Москвы делалось известным в провинциях, народ приходил в ярость; и действительно, подобное происшествие должно было казаться весьма чрезвычайным такой нации, на землю которой не ступал неприятель более целого века, считая от вторжения Карла XII, Короля Шведского. Наполеон имел равную с ним участь: оба потеряли свою армию, оба были беглецы, один у Турков, другой у Французов.

...Ни один человек не был оскорблен, и кабаки, во время мнимого беспорядка при вшествии Наполеона в Москву, не могли быть разграблены; ибо вследствие моего приказания не находилось в них ни одной капли вина».⁸⁶

Беспорядок и панику, охватившие Москву, не назовешь спокойствием, как трактует это Ростопчин. Что же до оставшихся жителей, то, остались те, кто физически не смог покинуть Москву своими силами. Например, настоятельница Страстного монастыря в один из последних дней августа объявила монахиням, чтобы все, кто может, немедленно уходили бы из города, как говорится, на своих двоих. А уж монастырскую ризницу и вовсе не успели вывести. Французы долго искали ее, но так и не нашли.

Опровергнуть слова Ростопчина о «мнимом беспорядке» могут свидетельства очевидца тех событий — москвича, оставшегося в городе:

«За сутки перед вступлением в Москву неприятеля город казался

⁸⁶ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. — С. 53.

Битва за Москву 7 сентября (26 августа) 1812 года. Худ. А. Альбрехт

необитаемым: остававшиеся жители как бы предчувствовали, что суждено скоро совершиться чему-то ужасному; они, одержимые страхом, запершись в домах, только украдкой выглядывали на улицы; но нигде не было видно ни одной души, исключая подозрительных лиц, с полуобритыми головами, выпущенных в тот же день из острога. Эти колодники, обрадовавшись свободе, на просторе разбивали кабаки, погребки, трактиры и другие подобные заведения. Вечером острожные любители Бахуса, от скопившихся в их головах винных паров придя в пьяное безумие, вооружась ножами, топорами, кистенями, дубинами и другими орудиями, и со зверским буйством бегая по улицам, во все горло кричали: «Бей, коли, режь, руби поганых французов и не давай пардону проклятым

бусурманам!» Эти неистовые крики и производимый ими шум продолжались во всю ночь. К умножению страха таившихся в домах жителей, дворные собаки, встревоженные необыкновенным ночным гамом, лаяли, выли, визжали и вторили пьяным безумцам. Эта страшная ночь была предвестницей тех невыразимых ужасов, которые должны были совершиться на другой день».⁸⁷

Но вернемся к событиям на Трех горах. Как написал Лев Толстой, «фабричные, дворовые и мужики огромной толпой, в которую заматались чиновники, семинаристы, дворяне, в этот день рано утром вышли на Три Горы. Постав там и не дождавшись Растопчина и убедившись в том, что Москва будет сдана, эта толпа рассыпалась по Москве, по питейным домам и трактирам».

⁸⁷ Рязанов А. Указ. соч. – С. 332.

История с воздушным шаром

В разговоре с князем Волконским Ростопчин сказал, что «сделан шар, которой полетит, на нем до 50-ти человек людей, и с него будут поражать неприятеля, а малым шаром делали уже и пробу». История с воздушным шаром заслуживает отдельного повествования, тем более что граф был активным сторонником применения его против французов.

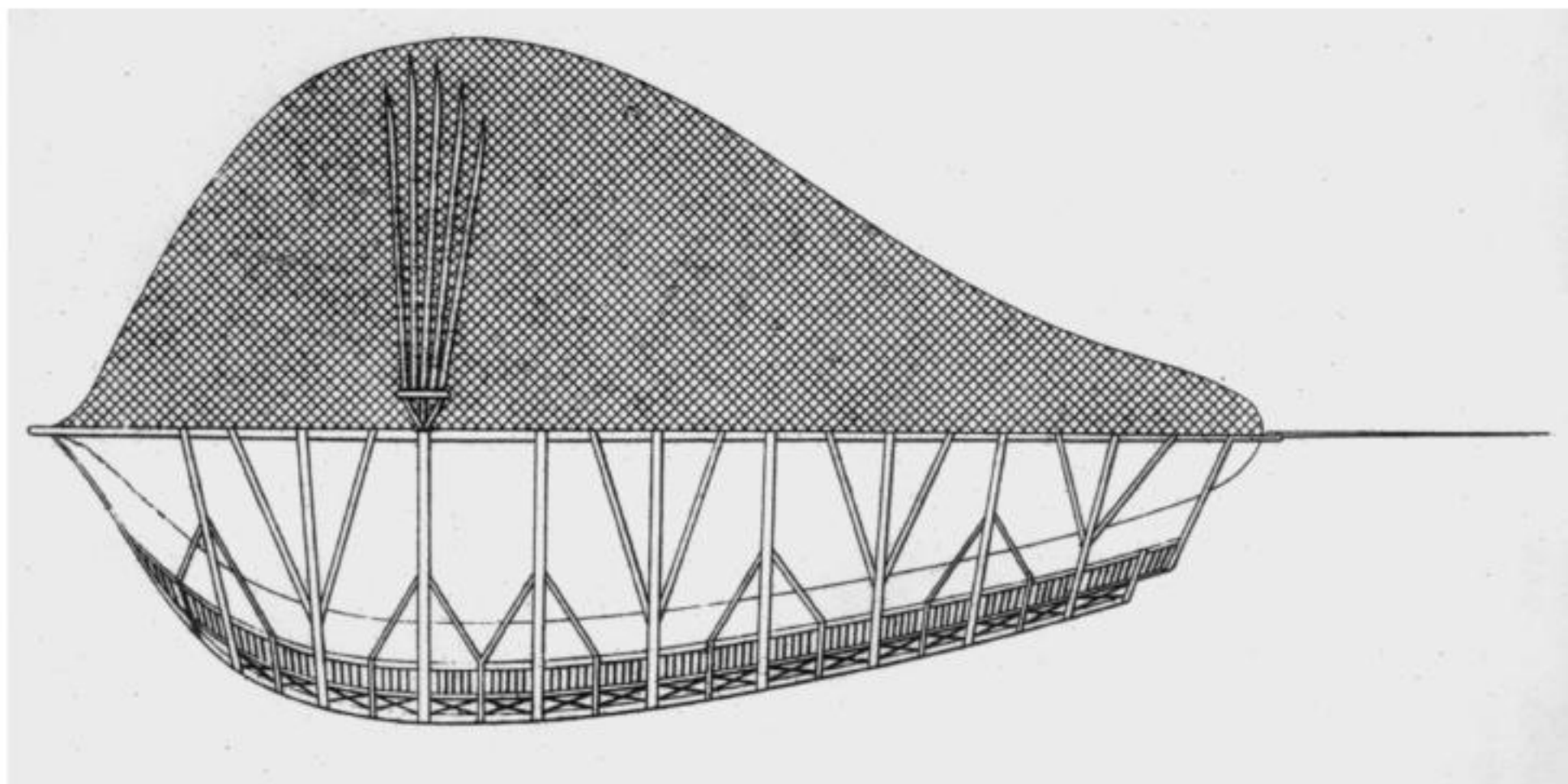
В своей книге «Правда о пожаре Москвы» Ростопчин счел нужным оправдаться: «Пожар Москвы, не будучи никогда ни приготовленным, ни устроенным, зажигательные вещества Шмидта сами по себе уничтожаются. Этот человек, будто бы нашедший способ управлять воздушным шаром, занимался тогда устройством такового, и, следуя шарлатанству, просил о сохранении тайны на счет его работы. Между тем, уже слишком увеличили историю этого шара, дабы сделать из оной посмеяние для Русских; но простофили очень редко между ними, и никогда бы не могли уверить ни одного жителя Москвы, что этот Шмидт истребит Французскую армию посредством своего шара, подобного тому, которой Французы употребили во время Флерюссного сражения; и какую имели нужду устраивать фабрику зажигательных веществ? Солома и сено гораздо были бы способные для зажигателей, чем фейерверки,

требующие предосторожности, и столь же трудные к сокрытию, как и к управлению для людей, совсем к тому непривыкших».

Но сначала смилостивимся над побежденными и дадим слово им самим, для которых этот шар и предназначался. Слухи среди французов ходили самые разные, например граф де Сегюр писал: «В то же время далеко от Москвы, по приказанию Александра и под руководством одного германского фейерверкера сооружали чудовищный воздушный шар. Этот громадный аэростат, снабженный крыльями, должен был парить над французской армией и, выбрав какого-нибудь командира, выбросить на него дождь из огня и железа. Сделано было несколько проб, и они потерпели неудачу, так как постоянно ломались пружины, приводящие в движение крылья».⁸⁸

А вот встречавшийся нам уже на страницах этой книги московский француз и театральный режиссер Арман Домерг сообщал: «Под руководством англичанина Смита, присланного из Петербурга, они делали ракеты, предназначенные для зажжения города на случай его занятия, но, чтобы обмануть публику на счет этих приготовлений, было объявлено, что приготовля-

⁸⁸ Поход в Россию: Мемуары адъютанта / Граф Де-Сегюр. – М., 2002. – 284 с.

Воздушный корабль Лептиха. Из архива Собственной Его Величества канцелярии

ется большой аэростат, который, по наполнении его горючими составами, будет пущен над неприятельской армией».

Еще более радикальными оказались выводы специальной комиссии, занимавшейся расследованием причин московского пожара. Комиссия, которая, конечно, была французской, установила, что никакого шара под Москвой не строилось. Что русские лишь прикрывали этим свои истинные планы – подготовить все для сожжения Москвы: «Этот презренный Ростопчин велел приготовить такие зажигательные средства, распустив при этом слух, что готовится воздушный шар, с которого полетят огненный дождь на французские войска и истребит их», – сообщал один из бюллетеней «Великой армии».

С немецкой педантичностью французы составили «Подробное описание разных вещей, найденных в одном из строений на даче Воронцова, близ Москвы, прина-

длежащих к воздушному шару или адской машине, которую Российское Правительство велело сделать какому-то Шмиту, англичанину без сомнения, но называемому себя Немецким уроженцем, имевшей служить будто бы для истребления Французской армии и ее аммуниций» от 12 сентября 1812 года среди вещей нашли «лодку, которая должна была быть подвешена к оному шару, но которая была сожжена днем прежде вступления Французских войск в Москву». И хотя лодка сгорела, французам как-то удалось измерить ее, они установили, что она «имела 60 стоп длины и 30 – ширины, в ней находится много остатков винтов, гаек, гвоздей, крючей, пружин и множество прочих железных снарядов всякого рода». А еще на пожарище нашли 180 бутылей купороса и следы пороха.⁸⁹ Причем гипотетические предположения позволили

⁸⁹ Щукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. – М., 1897. – Ч. 1. – С. 140.

оккупантам подсчитать и количество пороха – получилось аж семь бочек.⁹⁰

Аналогичным был вывод и судей, приговоривших 24 сентября москвичей-поджигателей к смерти: «Приготовление к построению великого шара, только выдуманно для того, чтоб скрыть истину, ибо в оном селе Воронове ничем другим не занимались, кроме фейерверков».⁹¹

А что же было на самом деле? Еще в марте 1812 года Александру I пришло письмо от тайного советника Д.М. Алопеуса, состоявшего при короле Вюртембергском. Алопеус предложил русскому царю приобрести уникальное изобретение – «управление аэростатического шара в конструкции воздушного корабля», способного вмещать «нужное число людей и снарядов для взорвания всех крепостей, для остановки и истребления величайших армий».⁹² Письмо пришло вовремя – Российская империя готовилась к войне с Наполеоном. Хорошим подспорьем в борьбе с неприятелем было бы использование достижений научно-технического прогресса в лице целой флотилии в составе полусотни воздушных кораблей, способных сбрасывать на вражеских солдат ящики с порохом, способные уничтожать врагов целыми эскадронами.

⁹⁰ Родных А.А. Тайная подготовка к уничтожению армии Наполеона... в двенадцатом году при помощи воздухоплавания. – СПб, 1912. – С. 34–35.

⁹¹ Щукин П.И., там же. С. 129–143.

⁹² Хлесткин В.М. «Секретное оружие»// Московский журнал. – № 12, 2011.

Вскоре границу России пересек изобретатель воздушного шара Франц Леппих, «родом немец, дослужившийся в британских войсках до капитанского чина и прилежный к механическим искусствам». Он приехал с паспортом на чужое имя – Генриха Шмидта, о котором и пишет Ростопчин. Переименование было вызвано необходимой секретностью. Шмидта-Леппиха отвезли в подмосковное имение Воронцово, снабдив его всем необходимым для достижения результата.

В конце мая 1812 года Ростопчин получил от императора следующее указание: «Теперь я обращаюсь к предмету, который вверяю вашей скромности, потому что в отношении к нему необходимо соблюдение безусловной тайны. Несколько времени тому назад ко мне был прислан очень искусный механик, сделавший открытие, которое может иметь весьма важные последствия... Я желал бы, чтобы Леппих не являлся в ваш дом и чтобы вы виделись с ним где-нибудь так, где это не было заметно».

Ростопчин охарактеризовал изобретателя как «весьма искусного и опытного механика», обеспечив его пятью тысячами тафты, а также купоросным маслом и железными опилками. Все это обошлось казне в 120 тысяч рублей. Сумма гигантская, особенно в предвоенных условиях. А потому и ожидания от ее использования были соответствующими.

Для конспирации все работы по производству шара замаскировали под фабрику сельскохозяйствен-

ных изделий. Ростопчину механик очень понравился: «Я подружился с Леппихом, который тоже меня любит, и машина стала мне дорога, точно мое дитя. Леппих предлагает мне пуститься на ней вместе с ним, но я не могу этого сделать без Вашего позволения». Граф очень уверен в успехе дела.

22 августа Ростопчин рассказывал москвичам о чудесном изобретении:

«От главнокомандующего в Москве. — Здесь мне поручено от государя было сделать большой шар, на котором 50 человек полетят, куда захотят: и по ветру, и против ветра; а что от него будет, узнаете и порадуетесь. Если погода будет хороша, то завтра или послезавтра ко мне будет маленький шар для пробы. Я вам заявляю, чтоб вы, увидя его, не подумали, что это от злодея, а он сделан к его вреду и гибели. Генерал Платов, по приказанию государя и думая, что его императорское величество уже в Москве, приехал сюда прямо

ко мне и едет после обеда обратно в армию и поспеет к баталии, чтоб там петь благодарной молебн и «Тебя, Бога, хвалим!»⁹³

Не все москвичи отнеслись к сообщению Ростопчина серьезно, расценивая его как очередную постановку графа-режиссера: «Однако ж, смеясь над шаром, я должен упомянуть, что многие этому верили от души. Я говорил о воздушном шаре с вельможею, сенатором, которого имени не хочу называть; он был точно уверен, что воздушный шар истребит неприятельскую армию, и доказывал, уверяя честью своею, что уже сделана проба, и собрано было стадо овец, над которыми поднялся шар с тремя человеками, и стадо истреблено».⁹⁴

К сожалению, ожиданиям Ростопчина не было суждено оправдаться. Летающая лодка Леппиха так и не поднялась в воздух, а оставшиеся от нее полуфабрикаты по приказу Ростопчина погрузили на 130 подвод и отправили в Нижний Новгород.

⁹³ Борсук Н.В. Указ. соч.

⁹⁴ Бестужев-Рюмин А.Д. Указ. соч.

Паника и отъезд москвичей: «Ученая тварь едет из Москвы»

Если в июле из города выезжало ежедневно в среднем до двух тысяч экипажей в день, то во второй половине августа эта цифра возросла в десятки раз. Население Москвы стало сокращаться быстрыми темпами. Если в начале 1812 года в городе насчитывалось более 261 тысяч жителей, то к 1 июля – уже 198 тысяч, а к 1 сентября всего 10 тысяч.⁹⁵

«Трудно описать суматоху и тревогу в Москве, – вспоминал профессор Московского университета И.М. Снегирев, – которая представляла из себя позорище какого-то переселения: все суетились, хлопотали, одни зарывали в землю или опускали в колодцы свои драгоценности, или прятали их в потаенных местах в домах; другие собирались выехать из Москвы, не зная еще куда безопаснее укрыться от врагов, искали лошадей и ямщиков; иные оставались на своих местах, запасались в арсенале оружием, или в уповании на Божию помощь молились. Многие даже готовились к грозившей напасти исповедью и причащением Св. Тайн».⁹⁶

Нелогичной была и линия московского генерал-губернатора в отношении паспортов: то он разрешал их выдавать, то запрещал,

то вновь позволял, но лишь женам и детям чиновников. Но вряд ли Федор Васильевич сильно расстраивался по этому поводу: «Женщины, купцы и ученая тварь едут из Москвы, и в ней становится просторнее», – откровенничал он с министром полиции А.Д. Балашовым 18 августа.

Но, оказывается, что не все москвичи действовали согласно русской пословице «Своя рубашка ближе к телу». Мы хорошо помним эпизод из романа «Война и мир», описывающий отъезд Ростовых из своего дома на Поварской, когда граф Илья Андреевич Ростов после уговоров своей дочери Наташи распорядился-таки снять с телег все имущество и отдать их для вывоза раненых.

Поступок этот имел реальную основу. Тот самый раненый в ногу при Бородине граф М.С. Воронцов, упомянутый князем Волконским в своем дневнике, приехал в свой дом в Немецкой слободе и увидел «в доме своем... множество подвод, высланных из подмосковной его, для отвоза в дальние деревни всех бывших в доме пожитков, как то: картин, библиотеки, бронзы и других драгоценностей. Узнав, что в соседстве дома его находилось в больницах и партикулярных домах множество офицеров и солдат, кои, за большим их количеством,

⁹⁵ Цит. по: Искюль С.Н. Указ. соч. – С. 61.

⁹⁶ Русский архив. – 1866. – С. 541.

Русская армия и жители оставляют Москву в 1812 году.

Худ. А.Н. Семенов, А.С. Соколов. 1958 г.

не могли все получить нужную помощь, он приказал, чтобы все вещи, в доме его находившиеся, были там оставлены на жертву неприятелю; подводы же сии приказал употребить на перевозку раненых воинов в село Андреевское», — писал А.Я. Булгаков. Впоследствии эти 300 солдат и 50 офицеров продолжали лечиться в имении графа Андреевское до конца войны.

Опасность быть ограбленными поджидала и тех, кто выезжал в самые последние часы: «С 31-го августа на 1-е сентября проходила наша армия чрез Москву к Коломне... Город был оставлен без всякого начальства и защиты два дни. Вот новый ужас! От его начались бунты по всем улицам и домам... Крик, брань, угрозы и всякого рода буйства превышали все границы; в это время, кто бы не перевозил

свое имение в безопасное убежище... был разбит и граблен на дороге наглым самым образом...»⁹⁷

Значительная часть москвичей успела покинуть свои дома и выехать из города, но некоторые, видимо, до последнего надеялись на благополучный исход дела. К этой категории людей относились, прежде всего, купцы, владельцы магазинов и лавок, не имевшие возможности вывезти все свое имущество. Они были вынуждены бросить все и бежать буквально за несколько часов, перед занятием Москвы французами. Вот почему, рыскавшим в поисках пропитания по горевшей Москве французам не составляло особого труда чем-нибудь поживиться. Сержант пол-

⁹⁷ Записки московского жителя... // 1812 год в воспоминаниях современников. — М., 1995. — С. 49–55.

ка фузилеров-гренадеров Молодой гвардии Адриен Жан Батист Франсуа Бургонь вспоминал:

«Наконец мы добрались до квартала, где все было еще цело; между прочим, мы увидели несколько экипажей, но без лошадей. Кругом царила глубокая тишина... Мы зажгли фонари, принесенные с собой, и с саблями в руках собрались войти в дома, надеясь найти там что-нибудь для себя полезное.

Дом, куда я хотел войти, был заперт, и ворота забиты железными болтами. Это сильно меня раздосадовало, нам не хотелось шуметь, выбивая ворота. Но заметив, что открыт подвал, выходящий на улицу, двое людей спустились туда. Там находилась лестница, сообщавшаяся с внутренностью дома, и нашим людям ничего не стоило отпереть нам ворота. Мы вошли и очутились в бакалейной лавке; все было в целости, только в одной комнате — в столовой, замечался некоторый беспорядок. На столе виднелись остатки вареного мяса, на сундуке лежало несколько мешков с крупной медной монетой; может быть, ими пренебрегли или просто не могли забрать их с собой.

Осмотрев весь дом, мы расположились унести провизию, — там оказалось большое количество муки, масла сахару, кофе, а также большая бочка, полная яиц, уложенных слоями на овсяной соломе. Пока мы выбирали предметы продовольствия, не торгуясь, считая себя вправе захватить все, раз это добро оставлено владельцами и с минуты на минуту может сделаться добычей огня, капрал, вошедший в

дом с другой стороны, прислал мне сказать, что это дом каретника, где находится до тридцати маленьких элегантных экипажей, называемых дрожками».⁹⁸

Много радости принесла французам и находка в лавке итальянского кондитера: «Мы заметили, что в доме на углу одной из горевших улиц помещалась лавка итальянского кондитера, и хотя нам угрожала опасность быть изжаренными живьем, но мы сообразили, что недурно было бы, если возможно, спасти несколько банок тех вкусных вещей, какие там должны находиться. Двери были заперты, только во втором этаже одно окно оставалось отворенным. Тут же нашлась подставная лестница, но она была чересчур коротка. Ее взгромоздили на бочку, стоявшую у дома; тогда лестница оказалась достаточно длинной, чтобы наши солдаты могли влезть по ней и проникнуть в дом.

Они отперли двери и убедились, к величайшему нашему удивлению и удовольствию, что в лавке ничего не было убрано. Мы нашли там разного сорта засахаренные фрукты, ликеры, большое количество сахара; но что особенно обрадовало и удивило нас — это найденные три мешка с мукой. Наше удивление удвоилось, когда нам попались банки с горчицей, снабженные ярлыками: «Улица Сент-Андре-дез-Ар, № 13, Париж». Мы поспешили опустошить всю лавку и сделали склад из всех запасов». Однако запасов этих хватило французам всего на несколько часов...

⁹⁸ Бургонь А. Ж. Б. Ф. Указ. соч.

2 сентября: «Последний день Москвы»

Поспешность, с которой войска оставляли Москву, стала неприятной неожиданностью даже для русских генералов: «Я о сем решении оставить Москву узнал у Бенигсена, где находился принц Виртембергский и Ольденбургский. Все они были поражены сею поспешностью оставить Москву, не предупредив никого. Даже в арсенале ружей более 40 т. раздавали народу, от коева без сомнения французы отберут. Армии всей велено в ночь проходить Москву и идти по Рязанской дороге, что и исполнено, к общему несчастью, не дав под Москвою ни единого сражения, что обещали жителям. Итак, 2-го город без полиции, наполнен мародерами, кои все начали грабить, разбили все кабаки и лавки, перепились пьяные, народ в отчаянии защищает себя, и повсюду начались грабительства от своих», — делился в своем дневнике князь Волконский.

«В таком ужасном волнении, — продолжает князь, — 2-го числа поутру поехал я узнать, подлинно ли армии отступили. Подъезжая к Арбату, нашел, что войска уже все прошли, а драгунская команда унимает разграбление погребов и лавок. Я взял у начальника 2-х унтер-офицеров и 6-ть драгун, с ними поехал домой на Самотеку. Едучи, нашел везде грабежи, кои старался прекращать, и успел выгнать мно-

гих мародеров, потом велел уложиться своим повозкам и 2 1/2 часа пополудни, при стрельбе и стечении буйственного народа и отсталых солдат едва мог с прикрытием драгун выехать и проехать. Везде уже стреляли по улицам и грабили всех. Люди наши также перепились. В таком ужасном положении едва успел я выехать из городу за заставу. Тут уже кучами столпился народ и повозок тьма заставили всю дорогу, ибо все жители кто мог, уезжал. В таком беспорядке, слыша выстрелы неприятеля и зная, что они взошли в город, мы едва продвигались, и только в глубокую ночь приехал я в Главную квартиру, 15-ть верст по Рязанскому тракту».

Внезапным стало оставление Москвы и для офицерского состава. В своем рапорте от 3 сентября 1812 года на имя генерала П.П. Коновницына инженер-капитан Н.Я. Бутковский, совершенно случайно оказавшийся в Москве в поисках своего командира (Бутковский служил старшим адъютантом), увидел много интересного:

«По прибытии в Москву ночью на 1-е сентября остановились в Хамовнической части, в приходе Благовещения, в доме у землемера Новикова. На другой день утром являлись у господина коменданта, требовали фуража, но его не по-

Вступление французской армии в Москву 2/14 сентября 1812 года.

Худ. Э. Бовине с оригинала Л.Ф. Куше. 1810-е гг.

лучили... Во время сих поездок по причине весьма дурных особливо проселочных дорог и без того уже старая казенная бричка пришла в весьма большую ветхость, а в последний переезд заднее колесо почти и совсем развалилось и далее ехать на ней было невозможно, то я, имея на сие сумму, решился ее исправить или купить другую, но не мог сего сделать в 1-й день яко воскресной, и что жители заняты были весьма важным приказом, отданным о защищении столицы (это был день, когда москвичи собрались на Три горы – А.В.)...

На другой день (2-го сентября) поехал я для приискания повозки в каретные ряды (улица Каретный ряд – А.В.), но нашел их все запертыми, исключая двух или трех лавок, но и тут за чрезвычайною

дороговизною купить не мог; между тем в сих лавках встретил я господина инженера-генерал-майора Ферстера и Пионерного полка полковника Грессера, которые также покупали себе коляску. Искупив только некоторые необходимые для людей в дороге вещи, возвратился на квартиру, приторговав на дороге небольшую тележку, которую при нужде хотел взять, для нужных только вещей, возвратился домой. Не зная тогдашних обстоятельств (имеется в виду приказ об оставлении Москвы – А.В.) и не имея ни малейшей опасности, особливо после встречи с выше-писанными господами, не слышав от них совсем ничего о близком нахождении неприятеля. Я однако ж приказал приготовляться к отъезду в тот же самый вечер вслед за

войсками, а между тем взяв нужное число денег, две казенные лошади и курьера Инженерного департамента, я поехал взять решительно или крытую бричку или сторгованную телегу при свидетельстве другого адъютанта капитана Жукова. У лавок нашли мы адъютанта г-на генерала Ферстера с генеральским экипажем и еще некоторых офицеров, от которых узнав, что уже начали проходить последние наши войска: почему я, взяв телегу, поехал немедленно домой, дабы уложить важнейшие только дела, прочий же экипаж оставить и тотчас ехать по рязанской дороге, куда, слышал, пошли наши войска.

Но подъезжая к Большой улице (Арбат – А.В.), отделяющую часть, где мы жительство имели, от противолежащей, услышал я, что неприятель вступил уже в город. Видев своими глазами множество нашего обоза, и здоровых, и раненых, как рядовых, так и офицеров, в городе еще находящихся, и спокойствие обывателей, я никак не хотел сему поверить и уверился в сем тогда уже только, как действительно приметил, что французские войска по сей улице маршируют с музыкою и барабанным боем и некоторые из них, рассыпаясь по другим улицам, отнимали у встречающихся оружие, вещи и лошадей. Я послал курьера верхом в одну улицу, а сами поехали в другую, дабы как возможно стараться проехать на

другую сторону Большой улицы, но принуждены были возвратиться на прежнее место, не получив успеха по причине марширующего сплошь неприятеля и увидав, как в глазах наших всех попадающихся грабили и прогоняли назад.

Между тем собрались около нас многие по большей части конные наши офицеры, также о сем не знавшие и едва успевшие уйти сами, оставив иные казенные, а иные свое имущества; и мы вместе пробрались до заставы, где я и ожидал до самых поздних сумерек, дабы с помощью темноты не могли пробраться до места и сделать все возможное для выпровождения казенных вещей. Но выходящие из столицы различные люди уничтожали мою надежду и притом виде, как у самой даже заставы начали показываться неприятели (из коих один и был заколот казаками). Следственно, полагая предприятие мое бесполезным и даже безрассудным, я поспешил по разным известиям добраться до Главной квартиры и, донеся о сем Вашему Превосходительству, покорнейше просить сделать возможное пособие в отыскании находящейся при экипаже небольшой секретной канцелярии».⁹⁹

Из свидетельств очевидцев получается, что оставление Москвы русскими и занятие ее французами 2 сентября проходили почти одновременно.

⁹⁹ Москва в 1812 году: (Рапорт старшего адъютанта Н.Я. Бутковского) / Публ. А.П. Капитонова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М., 1992. – С. 68–72.

«Вот изменник! От него погибает Москва!»

А чем же был занят в эти трагические для Москвы часы ее градоначальник? «Последний день Москвы» (так назвал его Лев Толстой в своем бессмертном романе) 2 сентября, проведенный Ростопчиным в Москве, перед ее сдачей французской армии, ознаменован событием, наложившим свой трагический отпечаток на всю последующую жизнь графа. Утром он находился в своем доме на Большой Лубянке, пределами которого, похоже, и ограничивалась в тот день его власть. У дома собралась огромная, возбужденная алкоголем и вседозволенностью толпа из представителей самых низших слоев общества. Услышав все громче раздававшиеся крики толпы, чтобы Ростопчин немедленно вел их на Три горы (а некоторые и вовсе кричали: «Федька — предатель, мы до него доберемся!»), он вышел на крыльцо и заявил: «Подождите, братцы! Мне надобно еще управиться с изменником!»

Тотчас Ростопчин приказал привезти арестованных купеческого сына Михаила Верецагина и учителя фехтования француза Мутона: «Обратившись к первому из них, я стал укорять его за преступление, тем более гнусное, что он один из всего московского населения захотел предать свое отечество; я объявил ему, что он приговорен Сенатом к смертной казни

и должен понести ее, и приказал двум унтер-офицерам моего конвоя рубить его саблями. Он упал, не произнеся ни одного слова... Обратившись к Мутону, который, ожидая той же участи, читал молитвы, я сказал ему: «Дарую вам жизнь; ступайте к своим и скажите им, что негодяй, которого я только что наказал, был единственным русским, изменившим своему отечеству». В рассказах очевидцев есть и другие свидетельства, показывающие, что первый удар саблей нанес даже сам Ростопчин.

Несмотря на войну и присущие ей трагические обстоятельства, должно, казалось бы, поселить в душах москвичей хладнокровие к смерти (взять хотя бы бесчисленные поезда с тяжелоранеными, тянувшиеся из Бородина), многие из горожан испытали невиданное ранее потрясение от увиденного в тот день на Лубянке. Так, чиновники Вотчинного департамента, находившегося в кремлевском Сенате, с открытыми ртами слушали одного из своих коллег: «Какой ужас я видел, проходя мимо дома графа Ростопчина, которого двор был полон людьми, большею частью пьяными, кричавшими, чтоб шел он на Три Горы предводительствовать ими к отражению неприятеля от Москвы. Вскоре, — продолжал чиновник, — на такой зов вышел и сам граф на крыльцо и громог-

Граф Ростопчин и купеческий сын Верещагин на дворе губернаторского дома в Москве. Худ. А.Д. Кившенко. 1893 г.

ласно сказал: «Подождите, братцы! Мне надобно еще управиться с изменником». И тут представлен ему несчастный купеческий сын 20 лет, Верещагин, приведенный уже с утра из временной тюрьмы (ямы), в тулупе на лисьем меху, и Растопчин, взяв его за руку, вскричал народу: «Вот изменник! От него погибает Москва!» Несчастный Верещагин, бледный, только успел громко сказать: «Грех вашему сиятельству будет!» Растопчин махнул рукою, и стоявший близ Верещагина ординарец графа по имени Бурдаев ударил его саблею в лицо. Несчастный пал, испуская стоны, народ стал терзать его и таскать по улицам. Сам же граф Растопчин, воспользовавшись этим смятением, сошел с крыльца и в задние ворота дома своего выехал из Москвы на дрожках».¹⁰⁰

¹⁰⁰ Бестужев-Рюмин А.Д. Указ. соч.

Трагедия разыгралась с присутствующими графу Ростопчину артистизмом и режиссерской постановкой. Недаром в письме Александру он просил дать ему возможность сначала приговорить Верещагина к смерти, а затем прилюдно заменить смерть каторгой. Но в большей части ожидаемые Ростопчиным последствия кровавой казни привели не к ужесточению борьбы со шпионами, а к образованию на его биографии огромного, алого пятна, не смываемого никакими оправданиями вот уже двести лет. Да и место для расправы Ростопчин выбрал не совсем подходящее — рядом со своим домом.

А дома у Ростопчина жил по его же приглашению известный художник Тончи, писавший портреты графа. Ростопчин пригласил живописца пожить у себя «в целях большей безопасности». Знал бы

художник, чем это для него обернется! О том, какое впечатление производит на людей со слабой психикой наблюдение за расправой над человеком и к каким тяжелым последствиям это может привести, рассказывает в своих воспоминаниях Рунич:

«В Москве проживал уже несколько лет художник исторической живописи и портретист Тончи, талант первого разряда. Гениальный артист, он был вместе с тем человек высокого ума, прекрасно образован и очень красноречив. С величественной наружностью, убеленный сединами, в нем соединялся весьма оригинальный склад мыслей, что придавало его беседе особую увлекательность. Сущностью его философии был нелепый пантеизм, но он говорил так увлекательно, что прелесть его разговора заставляла забыть всю несообразность его мировоззрения. Одна безобразная старая дева предложила ему свою руку и сердце; желание быть в родстве с одной из самых знатных фамилий России заставило его принять это предложение, он сделался мужем княжны Гагариной и забросил свое искусство. Он был принят в самых известных московских кружках, был другом Ростопчина и всех князей и графов. Отправив, по примеру других, свою жену вовнутрь империи при первом известии о приближении французской армии, он поселился сам в доме Ростопчина, по приглашению этого последнего для большей безопасности, как ему было сказано, в случае волнения в городе и для того, чтобы, в случае

крайности, он мог покинуть город под покровительством генерал-губернатора. 2 сентября, в день сдачи Москвы, Тончи имел несчастье увидеть во дворе генерал-губернаторского дома страшное убийство несчастного Верещагина и сошел с ума.

Ростопчин поручил моему брату, бывшему директором его канцелярии, отвезти Тончи во Владимир, куда брат и отправлялся. Тончи, пораженный кровавым зрелищем, коего он был свидетель, окончательно помешался; воспользовавшись минутой, когда его оставили одного, вышел из кареты и ушел в лес, находившийся близ села. Его тщетно искали весь день, и мой брат должен был продолжать свой путь, приказав на почтовой станции отправить Тончи во Владимир, как только его найдут. Лесные сторожа встретили Тончи в лесу, где он бродил без цели; не зная по-русски, он не мог ответить на их вопросы, и его, как иностранца, приняли за французского шпиона, скрутили веревками и отвели в полицейское управление, где его также никто не мог понять, а оттуда его отправили вместе с прочими

Смерть Верещагина.

Худ. К.В. Лебедев, 1912 г.

Вид Большой Лубянки. Худ. Барановский. 1840-е гг.

арестантами во Владимир; только там дело разъяснилось. Мой брат поспешил, для получения дальнейших приказаний, поместить его у себя. Это новое приключение еще более помутило рассудок Тончи. Он вообразил, что Ростопчин держит его под надзором, чтобы сделать его вторым Верещагиным. Однажды, притворившись больным, он не встал с постели и, достав бритву, хотел зарезаться. К счастью, он только перерезал себе кровеносные сосуды, и его нашли плавающего в крови. Ему была тотчас подана помощь, и через несколько дней он совершенно поправился. На вопрос, предложенный ему моим братом, почему он покушался на свою жизнь, Тончи отвечал, что он хотел покончить с собою, чтобы избежать более жестокой смерти. Этот ответ не оставляет никакого сомнения насчет убийства Верещагина.

Когда Тончи окончательно выздоровел и к нему вернулся рассудок и спокойствие, то он пожелал оставить городу что-либо на память о своем пребывании в нем и написал для владимирского собора великолепную картину, изображающую крещение св. Владимира; она считается одним из лучших произведений его кисти. По всей вероятности, картина эта находится в соборе и доныне». ¹⁰¹

До сих пор является спорным вопрос о том, где бросили тело истерзанного Верещагина. Князь Волконский свидетельствует: «Поутру 2-го числа, когда отворили тюрьмы, наш народ, взяв Верещагина, привезали за ноги и так головою по мостовой влачили до Тверской и противу дому главнокомандующего убили тирански. Потом и пошло пьянство и грабежи. Наполеон в три дома въезжал, но всегда зажи-

¹⁰¹ Рунич Д.П. Указ. соч.

Дом Ф.В. Ростопчина – Большая Лубянка, 14.

гали. Тогда он рассердился и не велел тушить. Потом он жил в Кремле с гвардией его. Армия, взойдя, рассеялась по городу, и никто не мог появиться на улице, чтобы не ограбили до рубашки, и заставляли наших ломать строения и вытаскивать вещи и переносить к ним в лагерь за город. Множество побито и по улицам лежат, но и их убивал народ – раненых и больных, иных, говорят, выслали, а многие сгорели. Пожары везде, даже каменные стены разгарались ужасно».¹⁰²

Свою версию высказывал П. Бартенев, ссылавшийся на слова одного из участников событий: «Волоча труп, толпа спустилась вниз по Кузнецкому мосту, повернула вправо на Петровку, потом по Столешникову переулку, на Тверскую, оттуда на рынок, и, наконец, тело было брошено за ограду небольшой церкви, позади Кузнец-

кого моста, где и было похоронено. Когда Москва опять поднялась из развалин, городское начальство решило провести новую улицу – теперешнюю Софийку; церковь эта была снесена, и нужно было также перенести останки, находившиеся на церковном дворе, замеченном улицею. Тело Верещагина найдено почти нетронутым, в чем нет ничего удивительного по качеству тамошней почвы. Но народ умилился этим, и многие считали этого несчастного мучеником. Начальство покончило с этим, благо разумно распорядившись, чтобы печальные останки убрали оттуда; и больше об этом не говорили».¹⁰³

Назовем и другие бытующие места захоронения Верещагина: у церкви Воскресенья Слоущего на Успенском Вражке в Брюсовом

¹⁰² Волконский Д.М. Указ. соч.

¹⁰³ Цит. по: Васькин А.А. Москва 1812 года глазами русских и французов. – М., 2012. – С. 138.

переулке, а также рядом с храмом Софии Премудрости Божией у Пущечного двора на Лубянке.

Как бы там ни было, Ростопчин не имел полномочий убивать Верещагина, т.к. того, согласно приговору магистрата от 17 июля 1812 года, следовало подвергнуть наказанию кнутом и выслать затем в Нерчинск. Верещагин по какой-то причине оставался в московской тюрьме и не был эвакуирован вместе с другими заключенными. Не исключено, что Ростопчин заведомо рассчитывал использовать его в самый последний момент — отдать Верещагина на растерзание толпе, пожертвовав им ради своего спасения. В самом деле, как Верещагин и Мутон оказались утром 2 сентября в доме Ростопчина? Значит, он заранее приказал их туда доставить.

Удивляет и другое — русского Верещагин приказывает убить, а француза отпускает с миром, хотя он также был приговорен к ссылке. Где же логика? Похоже, она известна лишь самому Ростопчину, действия которого были осуждены самим Александром I, которому позднее лично пришлось извиняться перед отцом Верещагина (в 1816 году, во время своего визита в Первопрестольную, государь, стремясь загладить вину перед купцом, одарил его 20 000 рублями и бриллиантовым перстнем).

Дело Верещагина было закрыто также в 1816 году, а еще в 1814 году царь соизволил простить и Мешкова. Бывшего почт-директора Ключарева же вернули из ссылки довольно скоро, вернув ему

жалование, а в 1816 году он был «Высочайшим Его Императорского Величества указом Правительствующему Сенату, в вознаграждение за потерпенное удаление от должности, произведенное по обстоятельствам 1812 года тогдашним московским местным начальством, Всемилоостивейше пожалован в тайные советники и облечен званием сенатора».

Но возвратимся во 2-е сентября 1812 года. Воспользовавшись тем, что внимание толпы переключилось на несчастного Верещагина (его привязали к хвосту лошади и потащили по мостовой), Ростопчин быстро вышел на задний двор и был таков...

Вот как он сам описывает свой отъезд: «Я выехал не торопясь верхом чрез Серпуховскую заставу, и не прежде оставил городской вал, как уведомили меня, что Французский авангард вошел уже в город...»

Русская армия протекала через Москву вместе со своим главнокомандующим. По свидетельствам очевидцев, Кутузов то ехал верхом, то пересаживался в закрытый экипаж, не желая попадаться на глаза ни москвичам, ни своим солдатам. Бывший в то время маленьким мальчиком и выросший в известного доктора, Федор Федорович Беккер через много лет вспоминал:

«Следующий день было воскресенье (2 сентября — А.В.); учиться меня не заставили, и я с самого утра вышел на крыльцо, которое выходило на улицу прямо против Большой Никитской. Тут я увидал

сильный дым, против себя, как бы в конце Никитской; я передал это отцу, и он отправился в ту сторону. В скором времени возвратившись, он сказал нам, что город (так называется в Москве Гостиный двор или ряды) горит.

Около обеда, когда я стоял с отцом на крыльце, против нас остановилась небольшая группа верховых, в фуражках и серых шинелях; то были военные. От них отделился один пеший в партикулярном платье и, подошедши к нашему крыльцу, спросил «нет ли у нас квасу». Отец сказал, что нет; «так дайте хотя воды — генералу хочется пить»; тогда отец мой вынес воды в ковше (стакана не было у нас); он подал генералу и когда он напился, вся свита тронулась к Тверским воротам.

Я ясно помню лицо ехавшего впереди генерала: оно было белое, полное, круглое. Вернувшегося отца я спросил, кто это такие? и он мне сказал, что это Кутузов со свитой».

А после обеда французские солдаты уже бодро вышагивали по Арбату, и московский градоначальник в миг превратился в одного из тысяч москвичей, в панике и беспорядке покидавших город, устремляясь к дороге на Рязань: «Конные, пешие валили кругом, гнали коров, овец; собаки в великом множестве следовали за всеобщим побегом, и печальный их вой, чуя горе, сливался с мычанием, блеянием, ржанием», — вспоминал Ф.Ф. Вигель.¹⁰⁴ Тут-то посре-

ди людского потока и встретились вновь два главнокомандующих, призванных защищать Москву. Но разговора не получилось. Пожелав «Доброго дня», что выглядело как издевательство, Кутузов сказал Ростопчину: «Могу вас уверить, что я не удалюсь от Москвы, не дав сражения». Ростопчин ничего не ответил. А что он, собственно, мог на это сказать?

Лев Толстой так описывает их разговор: «Когда граф Ростопчин на Яузском мосту подскочил к Кутузову с личными упреками о том, кто виноват в гибели Москвы, и сказал: «Как же вы обещали не оставлять Москвы, не дав сраженья?» — Кутузов отвечал: «Я и не оставлю Москвы без сражения».

В данной ситуации у Ростопчина не было другого выхода, кроме как уезжать из Москвы. Ведь, как утверждал впоследствии пленный французский майор Шмидт, укрывшийся среди раненых в Голицынской больнице, Ростопчину грозила реальная опасность: «Многие иностранцы, оставшиеся в Москве, в особенности же Французы, поселившиеся в этом городе, описывали графа в самых ужасных красках. Они говорили, что московский генерал-губернатор, граф Ростопчин, собственною властью выслал на барках многих отцов семейств, людей весьма почтенных, между прочим своего собственного повара, честного Француза; что, кроме того, накануне вступления в Москву французских войск он сам выпустил из тюрем содержащихся в продолжение многих лет негодяев, выдал

¹⁰⁴ Вигель Ф.Ф. Записки. — М., 2000. — 590 с.

им оружие и приказал им сжечь не только провиантские магазины и амуничные склады, но даже все дома, в которых Французы могли что-либо найти; наконец, что он приказал убить в своих глазах (говорили даже, что он сам нанес первый удар) одного честного и благородного юношу, написавшего что-то на русском языке о французской армии. Одним словом, по их рассказам граф был сущий изверг, жесточайший из тиранов.

Почти все генералы и начальники отдельных частей, получив обстоятельное описание всех злодеяний, совершенных графом, сообщили его корпусам, вступившим в Москву; на поле находились приметы графа и строгий приказ схватить его, если он попадется в руки французского авангарда, и

держат его под самым строгим караулом.

После тех ужасов, которые рассказывали о графе, неудивительно, что он сделался предметом ненависти большей части офицеров и солдат.

Достоверно то, что Наполеон ежедневно отзывался о графе с самой дурной стороны. Ненависть его к нему происходила оттого, что граф оказал ему сопротивление и, вопреки его ожиданиям, не вышел встречать его с ключами города, как то было в Вене и Берлине». ¹⁰⁵ А из переписки москвички Волковой мы узнаем, что за голову Ростопчина Наполеон назначил награду в 3 миллиона рублей!

¹⁰⁵ Цит. по: Васькин А.А. Москва 1812 года глазами русских и французов. – М., 2012. – С. 91-92.

**Вид от улицы Малая Лубянка на Никольские (Владимирские) ворота
Китай-города. Худ. Ф.Я. Алексеев. 1800-е гг.**

Защитники Кремля

Как только Ростопчин проехал заставу, раздались три пушечных выстрела. Это в Кремле французы разгоняли горстку храбрецов, засевших в Арсенале и пытавшихся отстреливаться. Этот своеобразный артиллерийский салют прозвучал уже не в честь, а в память о Москве. Ростопчин расценил эти выстрелы как окончание своего градоначальства над Москвой: «Долг свой я исполнил; совесть моя безмолвствовала, так как мне не в чем было укорить себя, и ничто не тяготило моего сердца; но я был подавлен горестью и вынужден завидовать русским, погибшим на полях Бородина. Они умерли, защищая свое отечество, с оружием в руках и не были свидетелями торжества Наполеона».

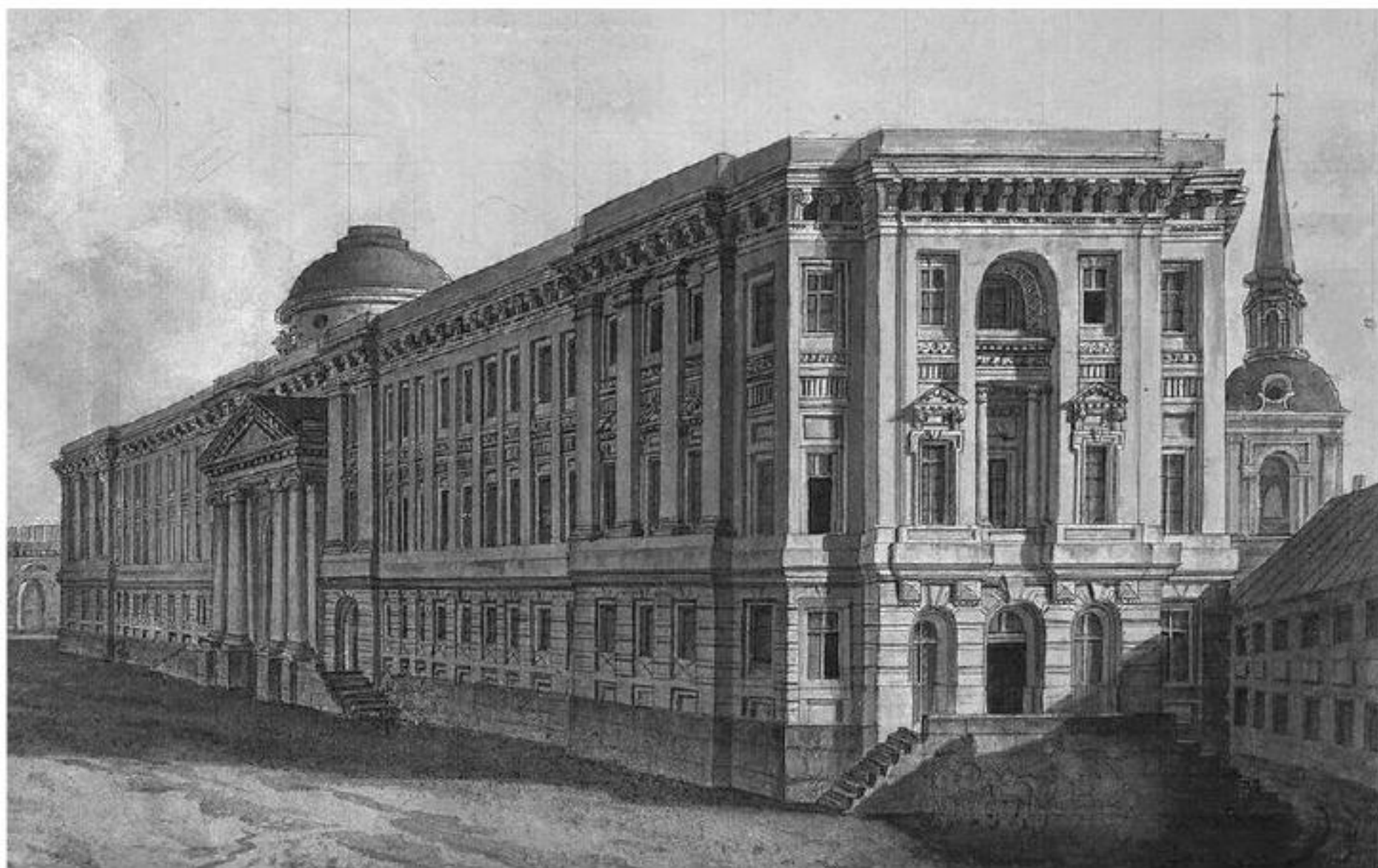
А в это время из окон третьего этажа здания Сената в Кремле за разворачивающейся трагедией наблюдал чиновник Вотчинного департамента надворный советник Алексей Дмитриевич Бестужев-Рюмин:

«В 4 часа пополудни пушечные выстрелы холостыми зарядами по Арбатской и другим улицам возвестили вход неприятеля в Московские заставы. Я считал выстрелы, их было 18. Звон на Ивановской колокольне утих. Вскоре Троицкие ворота в Кремле, которые были наглухо заколочены, и только одна калитка для проходу оставлена, выломлены, и несколько Польских уланов въеха-

ло в Кремль через оные. Место это из окон Вотчинного Департамента видно, ибо некоторые окна прямо против Троицких ворот. Я вскричал: «Верно, это неприятель!» — «Э, нет!» — отвечал мой знакомый, пришедший в департамент со мною проститься; «это наш арьергард отступающий». Но увидели мы, что въехавшие уланы стали рубить стоящих у арсенала нескольких человек с оружием, которое они из оно-го только что взяли, и уже человек десять пали окровавленные, а остальные, отбросив оружие и став на колени, просили помилования.

Уланы сошли с коней своих, отбили приклады у ружей, и без того к употреблению не годящихся, забрали людей и засадили их в новостроющуюся Оружейную Палату. Я запер вход и выход в Вотчинный Департамент, взял ключи к себе и приставил к дверям к каждой по одному инвалиду из служащих при департаменте, приказав тотчас уведомить меня, коль скоро кто будет стучаться.

Вскоре за передовыми Польскими уланами стала входить и неприятельская конница. Впереди ехал генерал, и музыка гремела. Когда сие войско входило в Кремль, то на стенных часах, которые в департаменте, показывало 4 1/2 часа. Это войско входило в Троицкие и Боровицкие ворота, проходило мимо Сенатского здания и вышло в

Вид в Кремле на Сенат. Худ. Ф.Я. Алексеев. 1800-е гг.

Китай-город чрез Спасские ворота; шествие этой конницы продолжалось до глубоких сумерек непрерывно. Ввезена в Кремль пушка и сделан выстрел к Никольским воротам холостым зарядом; вероятно, сей выстрел служил сигналом».

Бестужев-Рюмин, в отличие от Ростопчина, не покинул Москвы, оставшись охранять архив Вотчинного департамента. 2 сентября 1812 года он, оказавшись среди тех москвичей, кто действовал согласно принципу «Спасайся, кто может», в поисках избавления от входящих в город французских войск направился в Вотчинный департамент, прихватив с собою жену и малолетних сыновей. Там уже находились и другие чиновники, не сумевшие эвакуироваться из города. Департамент располагался в здании Сената.

Ворвавшиеся в Кремль французы принялись рыскать по всем зданиям и помещениям. Попавшихся им чиновников Вотчинно-

го департамента они обобрали до нитки, выгнав их на улицу. Среди обездоленных оказался и Бестужев-Рюмин с семьей.

Нелегко представить, что творилось тогда на заполоненных французами улицах Москвы, по которым семья Бестужевых-Рюминых пыталась вернуться на свою квартиру. Однако, возвращаться было уже некуда: дом разграбили мародеры, а вскоре он и вовсе был поглощен пожаром. Временное пристанище семья нашла под крышей Медико-хирургической академии (ныне Рождественка, дом 9/13). Надо ли говорить, в какой нужде оказались Бестужев-Рюмин и его жена (с грудным младенцем на руках). Перебиваясь с хлеба на воду, вновь и вновь в своих скитаниях по Москве пытались они найти кров и спасение, на этот раз их приютили в доме князя Одоевского на Петровке, где жил один из сослуживцев Бестужева-Рюмина. Так началась оккупация Москвы...

Наполеон на Поклонной горе

«Четырнадцатого сентября Наполеон сел на лошадь в нескольких милях от Москвы. Он ехал медленно, с осторожностью, заставляя осматривать впереди себя леса и рвы и взбираться на возвышенности, чтобы открыть местопребывание неприятельской армии. Ждали битвы. Местность была подходящая. Виднелись начатые траншеи, но все было покинуто и нам не оказывалось ни малейшего сопротивления. Наконец, оставалось пройти последнюю возвышенность, прилегающую к Москве и господствующую над ней.

Это была Поклонная гора, названная так потому, что на ее вершине, при виде святого города, все жители крестятся и кладут земные поклоны. Наши разведчики тотчас же заняли эту гору. Было два часа», — описывал происходящее адъютант Наполеона Сегюр.

Французский император не спешил въезжать в Первопрестольную впереди своей армии на белом коне. Вооружившись подзорной трубой, он находился на Поклонной горе. Пребывание Наполеона на Поклонной горе было вызвано не простым желанием обозревать Москву из подзорной трубы — сколько городов видел он вот таким образом за свою военную карьеру! Командующий «Великой армией» ждал здесь ключи от Москвы, а также «хлеб-соль», по

русскому обычаю. Однако, время шло, а ключей все не было. Тогда Наполеон решил заняться не менее важным делом: увековечить свой первый день в Москве, немедленно написав письма парижским чиновникам. Как хотелось Наполеону тут же, сию минуту сообщить, что Москва, как и многие столицы Европы, «официально» пала к его ногам. Но ключей-то все не было!

Поначалу он пытался успокаивать себя и свое окружение, говоря о том, что сдача Москвы — это дело совершенно новое для москвичей, вот потому-то они и медлят с ключами, видимо, выбирая из своей среды самых лучших депутатов для визита к Наполеону.

Но терпение его было безграничным. Уже несколько офицеров, ранее посланных им в Москву, возвратились ни с чем: «Город совершенно пуст, ваше императорское величество!» Один из офицеров притащил к Наполеону своеобразную «депутацию» — пятерых бродяг, каким-то образом выловленных им в Москве. Реакция Наполеона была своеобразной: «Ага! Русские еще не сознают, какое впечатление должно произвести на них взятие столицы!»

Бонапарт решил, что раз русские сами не идут, тогда надо их привезти: «Пустая Москва! Это невероятно! Идите в город, найдите там бояр и приведите их ко мне с

Перед Москвой – ожидание делегации бояр. Худ. В.В. Верещагин. 1891–1892 гг.

ключами!» – приказывал он своим генералам. Но ни одного боярина (к разочарованию императора) в Москве не нашли – знай Наполеон, что последнего боярина видели в Москве лет за сто до описываемых событий, он, вероятно, и не стал бы так расстраиваться. В итоге император все-таки дождался. Правда, не ключей, а делегации. Но и делегация эта была совсем не та, которую он так надеялся принять. На Поклонную гору пришла группа московских жителей французского происхождения, искавших защиты у Наполеона от мародеров.

Среди припавших к стопам Наполеона были лектор Московского университета Виллерс, смотритель университетского музея Ришар, пара книготорговцев, управляющий типографией Всеволожского

Ламур и прочие подозрительные личности. Московские французы не скрывали своей радости от прибытия «Великой армии» в Москву. Сегодня мы удивляемся – откуда вообще могла взяться эта «группа товарищей», хорошо говорящих на французском языке. Ведь генерал-губернатор Москвы Федор Ростопчин особое внимание уделил вывозу иностранцев из Москвы – было приказано выехать не только французам, но и немцам и т.д. Значит, не всех вывезли...

Поскольку больше говорить Наполеону было не с кем, ему пришлось выслушивать слова признательности от своих же соотечественников: «Москвичами овладел панический страх при вести о торжественном приближении Вашего Величества! А Ростопчин выехал

еще 31 августа!» – сообщал Ламур. Услышав про отъезд Ростопчина, Наполеон выразил удивление: «Как, выехал еще до сражения?» Император, имея в виду Бородинское сражение, видимо, забыл, что москвичи, как и все россияне, жили по календарю, отличному от европейского на целых двенадцать дней!

Осознание Наполеоном того факта, что он остался без ключей, что Москва не сдалась ему так, как он хотел бы и как это было в Вене и Берлине, когда власти европейских столиц преподносили ему ключи на блюдечке с голубой каемочкой, вывело Бонапарта из себя. Никогда не видели его таким адъютанты и генералы: Наполеон не стоял на месте, скрестив руки (его любимая поза), а буквально метался, то надевая перчатку, то снимая ее с руки, то извлекая, то пряча в карман носовой платок. А еще он почему-то теребил себя за... нос.

Более двух часов потерял французский император на Поклонной горе, так и не поняв, – почему же русские не принесли ему ключей от своего города? А вот простой сержант его армии Адриен Бургонь если не осознал, то оказался очень близок к пониманию сей причины: «В этот день мне поручили стеречь нескольких офицеров, оставшихся в плену после Бородинского сражения. Многие из них говорили по-французски. Между ними находился, между прочим, и православный поп, вероятно полковой священник, также очень хорошо говоривший по-французски; он казался более печальным и озабо-

ченным, чем все его товарищи по несчастью. Я заметил, как и многие другие, что когда мы взобрались на холм, все пленные склонили головы и несколько раз набожно осенили себя крестным знаменiem. Я подошел к священнику и осведомился, что означает эта манифестация. «Сударь, отвечал он, – гора, на которой мы находимся, называется «Поклонной», и всякий добрый москвич, при виде святынь города, обязан перекреститься».

Вот что значила для москвичей Поклонная гора, которую историк Иван Забелин назвал «самым памятным в нашей истории и примечательным по своей топографии местом», с высоты коего «исстари русский народ привык воздавать поклон матушке-Москве». Если бы Наполеон усвоил это, ему бы никогда не пришла в голову мысль ждать здесь ключи от Первопрестольной столицы!

С какой радостью рассматривали французы Первопрестольную в свои окуляры! Обилие золотых куполов города «сорока сороков» произвело на них сильное впечатление. Ни одна покоренная столица не поразила их своей красотой так, как Москва! Правда, всезнающий император немедля объяснил своим солдатам – скопище церквей есть не что иное, как свидетельство непросвещенности этого дремучего и азиатского народа.

Какой увидели Москву французы в первых числах сентября 1812 года? Открывшаяся перед ними фантастическая картина их поразила. Дадим слово самим участникам наполеоновского похода на Россию.

Генерал Филипп Поль де Сегюр: «Эта столица, справедливо называемая поэтами «Златоглавая Москва», представляла обширное и странное собрание 295 церквей, 150 дворцов с их садами и флигелями. Каменные дворцы, чередовавшиеся с деревянными домиками и даже хижинами, были разбросаны на пространстве нескольких квадратных миль, на неровной почве. Дома группировались вокруг возвышенной треугольной крепости, окруженной широкой двойной оградой, имеющей около полумили в окружности. Внутри одной ограды находились многочисленные дворцы и церкви и пустые, вымощенные мелким камнем пространства; внутри другой заключался обширный базар — это был город купцов, где были собраны богатства четырех частей света.

Эти здания, эти дворцы вплоть до лавок, все были покрыты полированным и выкрашенным желе-

зом. Церкви наверху имели террасу и несколько колоколен, увенчанных золотыми куполами. Полумесяц и крест напоминали всю историю этого народа. Это была Азия и ее религия, вначале победоносная, а затем побежденная, и полумесяц Магомета, покоренный крестом Христа! Достаточно было одного солнечного луча, чтобы этот великолепный город засверкал самыми разнообразными красками. При виде его путешественник останавливался, пораженный и восхищенный. Этот город напоминал ему чудесные описания в рассказах восточных поэтов, которые так нравились ему в детстве. Если он проникал внутрь ограды, то удивление его еще увеличивалось под влиянием наблюдения. Он видел у дворян нравы и обычаи современной Европы, слышал среди них речи на разных языках и замечал богатство и изящество их одежды.

Московские депутаты. Худ. Б.В. Зворькин. 1912 г.

Он с удивлением смотрел на азиатскую роскошь и порядки у купцов, на греческие одеяния народа и их длинные бороды. В зданиях его поражало такое же разнообразие, и между тем все носило на себе своеобразный местный отпечаток, подчас довольно грубый, как это и приличествовало Московии».

Сержант полка фузилеров-гренадеров Молодой гвардии Адриен Жан Батист Франсуа Бургонь: «Сентября 2-го (14-го), в час пополудни, пройдя через большой лес, мы увидели вдали возвышенность и через полчаса достигли ее. Передовые солдаты, уже взобравшиеся на холм, делали знаки отставшим, крича им: «Москва! Москва!» Действительно, впереди показался великий город, — там мы рассчитывали отдохнуть от утомительного похода, так как мы, императорская гвардия, сделали более 1 200 лье, нигде не отдыхая.

Был прекрасный летний день: солнце играло на куполах, колокольнях, раззолоченных дворцах. Многие, виденные мною столицы: Париж, Берлин, Варшава, Вена и Мадрид — произвели на меня впечатление заурядное; здесь же другое дело: в этом зрелище для меня, как и для всех других, заключалось что-то магическое.

В эту минуту было забыто все: опасности, труды, усталость, лишения — и думалось только об удовольствии вступить в Москву, устроиться в удобных квартирах на зиму и заняться победами другого рода — таков уж характер французского воина: от сражения к любви, от любви к сражению».

Лейтенант Цезарь де Ложье: «Сегодня утром за деревней Черепово, при нашем приближении к Хорошеву, пока саперы перекидывали мост через Москву-реку для третьего перехода через нее, несколько человек из наших разведчиков успели взобраться на один холм... последний! Новый мир, — так буквально говорят они, — открылся им. Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов группы золоченых куполов, высокие колокольни, невиданные памятники. Обезумевшие от радости, хлопая в ладоши, наши, задыхаясь, кричат: «Москва! Москва!» Я не смогу, конечно, лучше и красивее выразить наше впечатление при виде этого города, как напомнив стихи Тасса, когда он в третьей песне изображает армию Готфрида Бульонского, увидавшую впервые башни Иерусалима.

При имени Москвы, передаваемом из уст в уста, все толпой бросаются вперед, карабкаются на холм, откуда мы слышали этот громкий крик. Каждому хочется первому увидеть Москву. Лица осветились радостью. Солдаты преобразились. Мы обнимаемся, и поднимаем с благодарностью руки к небу; многие плачут от радости, и отовсюду слышишь: «Наконец-то! Наконец-то Москва!»

Мы не устаем смотреть на огромный город с его разнообразными и причудливыми формами, с куполами, крытыми свинцом или аспидом; дворцы с цветущими террасами, островерхие башни, бесчисленные колокольни, заставляют нас думать, что мы на границе Азии».

Русские офицеры: «До чего дошла Россия!»

В то время, когда французы захлебывались в восторге от увиденной им картины без боя сдавшейся Москвы, русские генералы и офицеры на чем свет проклинали и Кутузова, и Ростопчина, и Александра. Реакция русского офицерства на сдачу Москвы может быть продемонстрирована на примере дневниковой записи князя генерал-майора В.В. Вяземского, сделанной в сентябре 1812 года: «Французы в Москве! Вот до чего дошла Россия! Вот плоды отступления, плоды невежества, водворения иностранцев, плоды просвещения, плоды, Аракчеевым, Клейнмихелем, etc, etc насажденные, распутством двора выращенные. Боже! За что же? Наказание столь любя-

щей тебя нации! В армии глухой ропот: на правление все негодуют за ретирады от Вильны до Смоленска».¹⁰⁶

В этой дневниковой записи выражено отношение большей части офицерства и к политической ситуации в стране и в армии. Ростопчин в своей ненависти к иноземцам был отнюдь не одинок. И вновь во всех бедах винят Аракчеева и его единомышленников, хотя главнокомандующим русской армией, как мы помним, в это время был Кутузов, самый русский из всех военачальников.

Убийственны и подробности несения военные службы, сообщенные им в своем дневнике: «Как

¹⁰⁶ Вяземский В.В. Указ. соч.

Сцена из военно-походной жизни. 1812–1814 гг.

Битва при Москве-реке 26 августа / 7 сентября 1812 года.

Худ. А. Адам. 1833 г.

же нам побеждать? Двадцать дней, как мы тронулись с места, — перешли верст 220, и уже хлеба нет шестой день. Если бы не картофель обывательская, умирай хоть с голоду; да при том же кричат о порядке, устройстве, бранятся о наказании шефов и награждают провиантских чиновников. Сколько забот было о провиантских транспортах! Сколько притеснений обывателям? — и те транспорты не успевают за армией, идущей по 10 верст в сутки... Теперь взята мера продовольствия с обывателей без всякого порядка и установления, а это от того, что поздно принимать меры, прежде все обнадеживая. — Тогда назначили продовольствие с земли, когда 6 дней ни сухаря в полках.

Водка уже продается по 40 коп. серебром кварта; в состоянии ли солдат пить, отсчитают деньги по 5 руб. за ведро, да где ее взять, ку-

пить-то? Но считают, что деньги взяты и солдат уже напился.

Фураж также берется, где кто и кто сколько нашел — тот и прав. Хорошее учреждение, как-то назад? Правда, что кавалерия наша в хорошем состоянии от этих беспорядков, но надолго ли?

Земля совершенно разорена. Что-то бедная Россия терпит? что-то в ней делается? Секретные курьеры не предвещают хорошего.

Армия уже привыкла слышать «Французы в Москве» и рассуждают о сем, как о всяком чуде после трех дней, холодно. Теперь у наших надежда на мороз, на снега, на бескормие, а все-таки на правительство никакой надежды.

Армия занята крестами, звездами и благодарит правительство, сколь оно милостиво. За несколько шагов опять раздумываются и говорят, что эти награждения не имеют цены. Ох! Смешны русские!!»

Французы: «Москва пуста?!»

Адъютант французского императора свидетельствовал: «Наполеон, отвергший с негодованием это известие (об опустевшей Москве – А.В.), спустился с Поклонной горы и приблизился к Москве-реке у Дорогомиловской заставы. Он остановился, ожидая у входа, но тщетно. Мюрат торопил его: «Ну что ж! – отвечал ему Наполеон, – входите, если они этого хотят!» Но он советовал соблюдать величайшую дисциплину. Он все еще надеялся: «Может быть, эти жители даже не знают порядка сдачи? Ведь здесь все ново: они для нас, а мы для них?»

Мюрат во главе своей кавалерии, вытянувшейся в длинную сомкнутую колонну, въехал в Москву и уже в течение часа объезжал ее. Он проник со своими кавалеристами в этот город, представлявший как будто гигантское тело, еще не тронутое, но уже не живое. Пораженные изумлением при виде этого пустынного города, французы отвечали таким же торжественным молчанием на величественное безмолвие этих современных Фив. С тайным содроганием в душе кавалеристы Мюрата прислушивались к стуку копыт своих лошадей, проезжая мимо пустынных дворцов.

Они удивлялись, что не слышат никаких других звуков среди этих многочисленных жилищ! Никто из них не думал останавливаться, не

помышлял о грабеже – оттого ли, что их удерживало чувство осторожности, или же оттого, что великие цивилизованные нации должны соблюдать чувство уважения к себе в неприятельских столицах и в великих центрах цивилизации.

Молча рассматривали они этот могучий город, который нашли бы замечательным даже в том случае, если бы встретили его среди богатой, населенной страны. Но здесь, среди этой пустыни, он показался им еще более удивительным, точно богатый, великолепный оазис! Их поразила сначала вид стольких великолепных дворцов, но они тотчас же обратили внимание, что эти дворцы перемешивались с лачугами. Это указывало на недостаточную разобщенность классов и на то, что роскошь развивалась здесь не из промышленности, как в других местах, а предшествовала ей, тогда как при естественных условиях она должна была бы явиться лишь более или менее необходимым последствием развития промышленности.

Но тут в особенности царило неравенство – это зло всякого человеческого общества, являющееся результатом гордости одних, унижения других и испорченности всех. А между тем такое благородное самоотречение и отказ от всего дорогого указывали, что эта чрезмерная роскошь, столь недавнего

происхождения, еще не изнежила русских дворян и не оказала на них расслабляющего влияния...»

Интересны в данном случае рассуждения об «испорченности», и это пишет представитель народа, явившегося в Москву не просвещать, а грабить и обдирать.

Французов ждала пустая Москва. Оставшиеся кое-где жители сидели, запершись по домам. Уже сама эта пустота поселила в сердцах горе-завоевателей ощущение неизвестной, но скорой беды. Так блуждает по безлюдному лесу потерявшийся человек, заходя все глубже и дальше. Странное чувство охватило наполеоновское войско, входящее в Москву. То ли оторопь перед неизвестностью, то ли жуть. А как же иначе — улицы-то Первопрестольной столицы оказались совершенно пусты:

«Дома, хотя большей частью и деревянные, поражают нас своей величиной и необычайной пышностью. Но все двери и окна закрыты, улицы пусты, везде молчание — молчание, нагоняющее страх.

Молча, в порядке, проходим мы по длинным, пустынным улицам, глухим эхом отдается барабанный бой от стен пустых домов. Мы тщетно стараемся казаться спокойными, но на душе у нас беспокойно: нам кажется, что должно случиться что-то необыкновенное.

Москва представляется нам огромным трупом; это — царство молчания: сказочный город, где все здания, дома воздвигнуты как бы чарами нас одних! Я думаю о впечатлении, производимом развалинами Помпеи и Геркуланума

Мюрат И.

Гравюра Л.Ш. Рютта. 1810-е гг.

на задумавшегося путешественника; но здесь впечатление еще более гробовое», — пишет Цезарь де Ложье.

Похоронные мотивы просматриваются и в свидетельствах оставшихся в городе москвичей: «Настала мертвая тишина: во все направления, на три стороны, налево — по Тверскому бульвару, направо — по Арбатскому и вперед — по большой Никитской, ни души живой, ни стуку, ни шуму, ни голосу; кажется, и галки, и вороны, и собаки все исчезли», — писал Ф. Беккер.

Французы, в свою очередь, также с любопытством смотрели по сторонам: «Нас удивило, что не видно было ни души, даже ни одной женщины и некому было слушать музыку, игравшую «Победа за нами!» Мы не знали, чему приписать такое полное безлюдье. Мы воображали, что жители, не смея показываться, смотрели на нас сквозь щелки оконных ставень. Кое-где попадались лакеи

в ливреях, да несколько русских солдат».¹⁰⁷

Но не все москвичи попрятались. «Через несколько времени мы увидали ехавших по улице на рыжих лошадях двух вооруженных улан с короткими пиками и с красными на них развевавшимися значками; в высоких четверугольных касках, в синих мундирах с красными, шерстяными эполетами: они, озираясь на все стороны, о чем-то разговаривали. Мы, сообразив, что уланы были неприятельские, тотчас присели за каменную ограду, не двигаясь на месте и не говоря ни слова между собою; в таком положении находились мы до тех пор, пока на улице не услышали крик: «Русские! Куда вы попрятались, выходите, французы в Москве! Берите оружие и марш на врагов!» Такое воззвание заставило меня приподняться и взглянуть на прокламатора, и, к удивлению своему, я увидел среди улицы стоявшего с ружьем в руках русского офицера, в мундирном сюртуке нараспашку, с голой шеей и с непокрытой головой.

Непроспавшийся ратоборец, храбруя около калитки нашего дома, не переставая орал свою прокламацию; я, наблюдая из-за решетки, заметил с другой стороны улицы ехавшего верхом улана: лошадь его шла шагом, всадник, устремив глаза на безумца, держал саблю в правой руке, а в левой наперевес пику. Полупьяный герой, увидя неприятеля, закричал: «Труссы! Подлецы! Двое от одного наострили лыжи!» — и потом,

грозя кулаком, продолжал горланить: «Шмерц поганый, попробуй! Подъезжай поближе, так я тебе морду-то расквашу!» Улан молча, шагом приближался к нему. Храбрец-русак, видя в недалеком расстоянии от себя неприятеля, тотчас приложил ружье к плечу и начал целиться, как бы желая выстрелить: между тем ружье было с деревянным кремнем. Улан остановил лошадь и начал прятаться за ее шею, то уклоняясь на правую, то на левую сторону, смотря по направлению дула ружья. Производимая с обеих сторон эволюция продолжалась довольно времени; но, вероятно, улану надоело кривляться.

Он, пришпорив лошадь, закричал: *en avant!* (вперед! — А.В.) — и поскакал на целившегося в него: наш горе-герой бросил ружье и мигом юркнул в отворенную калитку на двор. При сем должно заметить, что над низкой калиткой была толстая бревенчатая перекладина — уланская лошадь, раскаившись, вскочила в калитку, но всадник, ударившись животом о перекладину, полетел с нее. Улан после сильного ушиба с трудом поднялся на ноги и, скорчившись, ворча что-то сквозь зубы, взял за повод лошадь и, едва передвигая ноги, пошел с места поединка, часто оглядываясь назад, как бы боясь преследования пьяного ратоборца.

Смеркалось. Темный покров ночи распространился над плененной Москвой: наступила ничем не нарушаемая тишина. Победители и побежденные, опасаясь возмутить общее спокойствие, находились в тревожном положении: первые,

¹⁰⁷ Воспоминания сержанта Бургоня. — СПб, 1898.

овладев столицей, в радостном упоении мечтали об ожидавшей их славе и наградах за геройские подвиги, вторые с ужасом, в отчаянии страшились будущих бедствий».¹⁰⁸

Отметим: слово тишина встречается очень часто в описании «последнего дня Москвы». Но ведь в такие трагические дни на Руси принято звонить в колокола. А дело в том, что архиепископ Августин запретил колокольный звон еще в период эвакуации Москвы (для предотвращения паники), для чего веревки у колоколов обрезали, а сами колокольни заперли.

Тишину французы пытались разбавить музыкой: «Внезапно, в начале пятого часа, послышалась музыка; мы с отцом выбежали на крыльцо и увидели по левой стороне Арбатского бульвара идущую пехоту. «Это французы», – сказал отец. Когда они приблизились, я увидел, что они в синих мундирах, а не как наши русские – в зеленых. Шло их очень много; они повернули направо по Никитской, в направлении к Кремлю. Они меня несколько не заинтересовали, не были ничем замечательны. Когда они прошли, то вдруг, в другом направлении – от Поварской, пошла кавалерия; эта меня изумила. Подобного войска я не видывал: огромные, светлогнедые лошади, на которых сидели огромные всадники в блестящих желтых металлических латах, с блестящими, также желтыми, шишаками на голове, с длинными конскими хвостами. Они ехали мирно, не имели никакого оружия в руках.

**Музыкант пеших гренадеров
императорской гвардии
Наполеона. 1810 г.**

Это были кирасиры, те самые, которых мы, мальчишки, впоследствии называли беспардонными. Почему так – не знаю», – припоминал Федор Беккер. Добавим, что беспардонными кирасир прозвали за то, что они грабили без французского слова «пardon», которое обычно произносили представители других полков.

Французы вскоре все же пробудились от состояния анабиоза: «Вдруг, среди этих размышлений, которым благоприятствовал медленный шаг лошадей, раздались выстрелы. Колонна остановилась. Последние лошади еще находились вне города, но центр колонны уже вступил в одну из самых длинных улиц города, а голова касалась Кремля. Ворота крепости казались закрытыми, а из-за ее стен доно-

¹⁰⁸ Рязанов А. Указ. соч.

сился какой-то свирепый рев. Несколько вооруженных мужчин и женщин, отвратительного вида, показались на ее стенах.

Они были пьяны и изрыгали ужасные ругательства. Мюрат обратился к ним со словами мира, но все было напрасно. Надо было пробить ворота пушечными выстрелами. Волей-неволей пришлось проникнуть в толпу этих бездельников. Один из них чуть было не бросился на Мюрата и пытался убить одного из офицеров. Думали, что достаточно будет просто обезоружить его, но он опять бросился на свою жертву, повалил ее на землю и хотел задушить. Когда же его схватили за руки, то он пытался кусаться. Это были единственные московские жители, которых нам оставили, по-видимому, как дикий и варварский залог национальной ненависти.

Однако все же можно было заметить, что в этих взрывах патриотической ярости не было единства. Пятьсот новобранцев, забытых на площади Кремля, спокойно смотрели на эту сцену. После первого же требования они разбежались. Несколько далее повстречался обоз со съестными припасами и эскадрон, сопровождавший его, тотчас же побросал оружие. Несколько тысяч отставших и дезертиров неприятельской армии добровольно отдались в руки нашего авангарда, который предоставил следовавшему за ним корпусу подобрать их, а тот предоставил другому отряду, и т. д. Таким образом, они остались на свободе среди нас, пока, наконец, начавшийся пожар и грабеж не указал им их обязанностей и не объединил их в общем чувстве ненависти, заставив вернуться к Кутузову», — писал Сегюр.

Вид на Москву с балкона Кремлевского дворца в сторону Москворецкого моста. Худ. Л. Габриэль по оригиналу Ж. Делабарта. 1797 г.

Москвичи: «Англичане нам помогут!»

Еще одно занятное обстоятельство, кажущееся нам самым невероятным сегодня, заслуживает своего внимания. Многие москвичи, неизвестно, с какой стати надеялись, что город будет спасен от французов... англичанами:

«2-го сентября 1812-го года пред вступлением неприятеля в Москву были распущены в массах среднего сословия жителей ни на чем не основанные нелепые слухи (вероятно, от гр. Ростопчина в видах сдержанности населения и особенно распущенных фабричных), что якобы скоро должны прибыть к нам вспомогательные английские войска; чему просто-душно тогда верили и неглупые, на первый взгляд, люди... Вследствие такой настроенности вступающих французов многие приняли за англичан-союзников», — рассказывал купеческий сын Егор Харузин историку Михаилу Погодину в 1872 году.¹⁰⁹

Мнимых англичан решили встретить хлебом-солью и даже маслом:

«Владелица дома (существующего и теперь на своем месте, против Рождественского монастыря), где жили наши родные и где мы с матушкой были захвачены, поспешили с такой радости отли-

читься гостеприимством, выславши с своим сыном и служанкою за ворота двора два горшка с маслом и с полдюжиною хлебов. Следовавшие мимо французы, видя такую любезность, спешили и начали хватать подаваемые им помазанные маслом ломти хлеба; к ним присоединились прочие их товарищи, и припасы угощенья мгновенно были вырваны из рук угощателей, которые едва успели убраться на свой двор и закрыть ворота. Но разлакомившиеся вояки, покончивши с горшками, недолго думая, перелезли через забор и покушались было войти в дом, чему, однако ж, воспрепятствовала наступившая темнота и обманчивая особенность дома, стоящего на крутом косогоре; с переднего фасада он двухэтажный, а пройдя боковой стороной к задней его части, — вход во второй этаж без лестницы. Французы несколько раз входили в сени второго этажа, но, предполагая лестницу, забирались только на чердак. Итак, побродивши безуспешно, оставили нас на этот раз в покое».

Не оценившие русского гостеприимства французы, тем не менее, заявили к хозяевам уже на следующий день:

«Однако ж не попавшие в наш дом с вечера раздосадованные французы, утром 3-го числа пришло их трое. Мы заперлись, да и

¹⁰⁹ Харузин Е. «Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний...» // 1812 год в воспоминаниях современников. — М., 1995. — С. 164–169.

думали, что так от них отделаемся; не тут-то было! Они стали ломиться в двери, и, найдя потом в сенях топор, начали рубить двери. Старшие от страха все попрятались: кто в темный чуланчик, кто за печь, кто под печь, а меня одного оставили и приказали мне отпереть врагам двери, утешая меня, что они мне ничего не сделают. До сих пор в доме было молчание, как будто никого из живого существа в нем нет; принявши поручение отпереть двери, которые продолжали снаружи рубить и яростно браниться, я подал им свой детский голос и просил их обождать. Французы, конечно, русской речи не могли понять, но догадались, что им отопрут, перестали ломать двери. Я наскоро обрезал веревки, которыми двери были притянуты, и, найдя в шкафе белый хлеб, снял два крючка... в распахнувшиеся двери с бешеным азартом вбежал передовой из них с топором на плече, готовясь поразить свою жертву, но, увидя кроткого мальчика, подающего ему, с покорным поклоном, хлеб, — он спустил с плеча топор и, посмотревши на

меня испытательно, улыбнулся и принял от меня хлеб; в то же время вошли двое его товарищей, с которыми первый, переговорив, дал мне знак, чтоб я шел вперед — в комнаты. Они молча все осмотрели и, к общему удивлению, ничего не взявши, ушли мирно и даже не заглянули в стоявшие сундуки с добром. Явным чудом милосердия Божия я уцелел!»

Москвичи собирались и на улицах, чтобы радушно встретить войско англичан-спасителей, «которое послано нашему царю на подмогу от заграничной родни». Как странно слышать слова про заграничную родню, ведь сам Наполеон, сватавшийся еще до войны к сестрам русского царя, имел все шансы войти в семью Александра I. И что интересно — когда перед одной такой толпой, что стояла на Смоленском рынке, появились наконец-то мнимые англичане в медвежьих шапках, то народ стал снимать перед ними головные уборы и подносить хлеб-соль. Понимал ли Наполеон, за кого принимают его солдат в эти первые минуты вступления в Москву?¹¹⁰

¹¹⁰ Щукин П.А. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. — М., 1898. — Ч. 3. — С. 256.

Французы хозяйничают в Первопрестольной

Один из первых приказов, отданных войскам, касался переименования московских улиц. Как же без этого оккупантам! Углем (через несколько часов его будет в Москве в избытке) офицеры начертили на углах домов новые названия улиц и площадей. Появились площади Сбора, Парада, Смотра, Гвардии. Улицам решили дать имена рот и батальонов. Пройдет всего несколько дней – и от занятого французами города останутся одни названия...

Французские генералы начали по-хозяйски занимать опустевшие дворцы и усадьбы, обилие которых так поразило их еще на Поклонной горе. Разгорелась даже борьба – кому где жить. Чем роскошнее выглядело здание, тем более высокий чин готовился превратить его в свою штаб-квартиру. Так, в усадьбе Баташева (ныне Городская больница № 23 – Яузская ул., дом 11, построена в 1796–1802 гг. для богатейшего российского заводчика И.Р. Баташева), обосновался маршал и по совместительству Неаполитанский король Мюрат. Его встретил управляющий Баташева, Максим Соков, оставшийся присматривать за имуществом. В своем письме к хозяину Соков подробно рассказал содержание тех дней:

«Второго сентября, в пятом часу вечера, вступили в Москву французские войска. Король Не-

аполитанский, ведя авангард на Коломенскую дорогу, остановился у Вашего дома, будучи верхом; уверял всех нас, чтобы мы ни малейших обид не страшились. Назначил своею квартирой Ваш дом, поставил большой караул и, проводя за заставу многочисленную кавалерию, составляющую страшный авангард, в седьмом часу вечера возвратился в дом наш с тридцатью генеральскими и множеством чиновников.

Для всех приготовили мы ужин, нарочито сытый; только белого хлеба и калачей найти было невозможно, ибо калашни и хлебные во всей Москве были разбиты и хозяевами оставлены, почему и был только черный ржаной хлеб. Королю же нашел четверть сайки у дворцовых детей. Генералы сперва гневались и говорили, что свиньи только кушают такой хлеб; однако ж, быв голодны, принялись и за него. Король, войдя в дом, потребовал меня как вашего приказчика. Явясь со свечой в руках провожал его по парадному этажу через все покои; он пожимал плечами, казалось, что все ему нравилось. Возвратясь в желтую гостиную, спросил, где же твой господин и кто он таков. Я объявил, что Вы заводчик и всегда на лето уезжаете в свои заводы. Ему подали кушать в красную гостиную одному, а генералам и прочим – в столовой и

в зале. Свита бесчисленная. Ужин кончился. Всякий генерал требовал пышной постели, но постелей набрать было негде, ибо на холопской постели никто спать не хотел, а потому с угрозами всякий требовал такую, какую ему хотелось. Свечи горели всю ночь и в люстрах, и в лампах...

Как проснулись, то требовал всякий того, что хотел: иной — чаю, иной — кофе, иной — белого вина, шампанского, бургундского, водки, рейнвейна и белого хлеба. Словом, каждый с величайшими угрозами требовал, чтобы его прихоти и требования тотчас были выполнены. Третье число прошло в суматохе. Пожар сильный свирепствовал на Покровке, опустошал немецкую слободу и около Ильи Пророка.

В среду, четвертого сентября, король, пообедав, поехал к армии. Ветер подул с запада, самый жесточайший: загорелись дома за Москвой-рекой от Каменного моста, и пожар сделался ужастен, что никак описать невозможно. Я, видя, что спасенья нет, собрав все оставшиеся бумаги, отнес их под контору в чайнии, что пожар туда не проникнет... Мы решились и пошли все через Яузу на Хованскую гору. Тут на переходах солдаты французские начали проходящих грабить — у кого, что было, остановили и меня... Тут мы увидели, что загорелся главный корпус нашего дома, пламя пожирало все Зарядье».

Пожар заставил наполеоновского полководца и его свиту покинуть дом и искать новое пристанище, которое он нашел в доме графа А.К. Разумовского на Гороховом

поле (ныне это дом 18 по улице Казакова). При этом французы не преминули захватить с собою и наиболее ценное имущество усадьбы, которое не удалось эвакуировать Баташеву. То, что не увезли до пожара, досталось мародерам. Соков попытался было искать защиты у Мюрата, в итоге по приказанию последнего управляющему выдали аттестат о запрещении грабить дома. Но кому она была нужна, эта бумажка, и какую силу могла иметь против огромной армии алчущих воров и мародеров? И потому «на офицеров билет сей действовал, но солдаты продолжали грабить с прежним зверством», — жаловался Соков.

А к концу сентября усадьба Баташева была забита до отказа французскими ранеными, мечтавшими о куске хлеба: «Хлеба нигде достать не можно, да и впредь надежды не видать. Капуста, редька и картофель — все истреблено солдатами... Москва представляет жалостный вид: большие улицы наполнены солдатами и на каждых десяти шагах лежит издохшая лошадь, да и людей без погребения валяется множество. Жители, страшась своих победителей, скрываются или в погребах, или в развалинах».

Большое впечатление произвел на французских солдат и дворец на Лубянке, во дворе которого за несколько часов до этого произошло убийство Верещагина: «Дворец губернатора был довольно велик и совершенно европейской конструкции. В глубине входа помещались справа две прекрас-

нейших лестницы; они сходят в бельэтаж, где имеется большой зал, с овальным столом посередине; в глубине висит большая картина, изображающая русского императора Александра на коне. Позади дворца обширный двор, окруженный зданиями, предназначенными для прислуги».¹¹¹

Дом Ростопчина облюбовал генерал Лористон, которому вскоре предстоит униженно просить мира у Кутузова. А еще до Лористона, не получившим приказа разместить в ростопчинском доме солдатам, тем не менее, было позволено поживиться там всем необходимым, чем они немедля и воспользовались. Прежде всего, потрепанных и изголодавшихся французов интересовала еда. И вскоре площадь перед домом уже напоминала базар, только вот продавцов на нем не было, а лишь одни покупатели: «Площадь была покрыта всякой всячиной, чего только душе угодно; тут были разных сортов вина, водка, варенье, громадное количество сахарных голов, немного муки, но хлеба не было».¹¹²

Все перечисленные продукты лились на площадь как из рога изобилия. Сколько бы ни пребывало новых голодных солдат, вместо уже наевшихся, всем хватало еды. Интересно, что тот же сержант Бургонь, пришедший к особняку Ростопчина на следующий день, вновь был поражен открывшейся ему картиной: «Вся площадь была усеяна лакомствами, каких только

*Усадьба И.Р. Баташева
(ныне Яузская больница)*

душе угодно – винами, ликерами, в большом количестве; был небольшой запас свежего мяса, много окороков и крупной рыбы, немного муки, – а хлеба не было». Отсутствие хлеба французской сержант отметил дважды, значит, действительно, хлеба в Москве не хватало. Да и откуда ему было взяться, если все ближайшие мельницы были выведены из строя.

Дом Мамонова (ныне Мамонковский переулок, дом 7, Глазная больница) занял «вице-король Итальянский» и пасынок Наполеона принц Евгений Богарне. Маршал Мортье обживал усадьбу В.П. Разумовской на Маросейке (совр. дом 2/15). На Девичьем поле в доме Всеволожских обосновался генерал Компан, командир дивизии из корпуса Даву.

В последующие дни французы были озабочены все той же проблемой поисков пропитания. А когда все сгорело, они вынуждены были прямо на улицах печь себе оладьи из муки, обнаруженной в московских амбарах.

Известно, что почти половина наполеоновской армии состояла из представителей самых разных

¹¹¹ Воспоминания сержанта Бургоня. СПб, 1898.

¹¹² Там же.

**Фузилер линейной пехоты
французской армии. 1812 г.**

национальностей. В старую русскую столицу пожаловали граждане почти всех европейских стран. Порывшись в кладовых дворянских особняков, разноплеменные оккупанты и обрядились соответственно: «Наши солдаты были одеты кто калмыком, кто казаком, кто татаринном, персиянином или турком, а другие щеголяли в дорогих мехах. Некоторые нарядились в придворные костюмы во французском вкусе, со шпагами при бедре, с блестящими, как алмазы, стальными рукоятками».¹¹³

Вступив на московские мостовые, французы удостоились и скупых знаков женского внимания: «В ту минуту, как остановилась ко-

лонна, мы увидели трех дам, выглядывающих из окна нижнего этажа. Я очутился на тротуаре, вблизи одной из этих дам; она подала мне кусок хлеба, черного, как уголь, и перемешенного с мякиной. Я поблагодарил ее и в свою очередь подал ей кусок белого хлеба, полученный мной от тетки Дюбуа, маркитантки нашего полка. Дама покраснела, а я засмеялся; тогда она, не знаю зачем, тронула меня за рукав и я продолжал путь».¹¹⁴

Не стоит, однако, думать, что москвичи встретили непрошенных гостей хлебом-солью. Как только начались первые пожары, оккупантам пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением оставшихся в городе москвичей. Сержант Бургонь вспоминает, как в составе французского патруля числом в пятнадцать человек его отправили на разведку в загоревшийся дом. Не успели они подойти близко к зданию, как были встречены оружейным огнем. Удивительно, что французы подумали, будто это стреляют их же пьяные однополчане, ошалевшие от такого огромного количества бесплатного спиртного. Отрезвление пришло в тот миг, когда один из патрульных был ранен. И тогда французы решили «поближе рассмотреть, в чем дело». Они приблизились к горящему дому, откуда раздавались выстрелы и, взломав ворота, столкнулись стрелявшими. Это оказались девять дюжих молодцов, вооруженных копьями и ружьями. Завязался неравный бой:

¹¹³ Воспоминания сержанта Бургоня. СПб, 1898.

¹¹⁴ Там же.

«Мы первым делом уложили на месте троих, первых подвернувшихся нам под руку. В одного капрала попал удар пикой между кожаной амуницией и одеждой; не чувствуя себя раненым, он схватил пику своего противника, бывшего несравненно сильнее, так как у капрала только рука была свободна, в другой он принужден был держать ружье; поэтому он с силой был отброшен к двери подвала, не выпуская, однако, из руки древко пик. В эту минуту русский упал, сраженный двумя ударами штыком. Офицер своей саблей отсек кисть руки у другого русского, чтобы заставить его выпустить пику, но так как тот еще угрожал, то его живо усмирили пулей в бок и отправили к Плутону.

Тем временем я с пятью солдатами держал остальных четверых, еще остававшихся у нас противников (трое улизнули) до того тесно прижатыми к стене, что они не в состоянии были пустить в дело своих пик, при малейшем движении мы могли проткнуть их нашими штыками, скрещенными у их груди, по которой они били себя кулаками, как бы для того, чтобы бравировать нас. Надо прибавить, что эти несчастные были пьяны, — напившись водки, которую предоставили им в волю, так что они были точно бешеные. Наконец, чтобы покончить скорее, мы принуждены были поставить их в невозможность сражаться».

Последнее словосочетание на редкость выразительно: «Поставить их в невозможность сражаться», что значит просто убить. Но

всех убивать было бы очень недусмотрительно, ведь кто-то должен был стать проводником для французов по Москве. Добровольцев нашлось немного. Поэтому на роль проводника пришлось брать людей из все тех же колодников: «Мы не сделали ему никакого вреда, но удержали при себе, чтобы он мог нам служить проводником. Он был, как и другие, отвратителен и безобразен, — каторжник, как и прочие; на нем был овчинный тулуп, подпоясанный ремнем».

Пользоваться услугами таких вот проводников было даже опасно, потому как неизвестно, куда еще мог завести московский Иван Сусанин. Проблема была и в том, что французы и пойманные ими на улице проводники разговаривали на разных языках. Они могли общаться лишь жестами. И потому проводников использовали для того, чтобы тащить французских солдат, раненых москвичами-партизанами.

Пленные русские солдаты, то тут, то там по одиночке попадавшиеся французам, также не хотели объяснять, как ориентироваться в Москве. Хорошо уже было то, что их удавалось уговорить разоружиться: «Весь вечер и всю ночь наши патрули только и делали, что приводили нам русских солдат, которых находили в разных частях города — пожар заставлял их вылезать из своих сокровенных убежищ. Между ними было два офицера, один из армии, другой из ополчения; первый беспрекословно позволил себя обезоружить, т.е. отдал свою саблю без возра-

В Кремле. Москва, 17 октября 1812 г. Худ. Х.В. Фабер дю Фор. 1830-е гг.

жений и попросил только, чтобы ему оставили золотую медальку, висевшую у него на груди; но второй, человек совсем еще молодой и имевший на себе, кроме сабли, пояс с патронами, ни за что не соглашался дать себя обезоружить, и так как он очень хорошо говорил по-французски, то объяснил нам, в виде довода, что принадлежит к ополчению; но, в конце концов мы убедили его повиноваться».

Комический случай произошел, когда сержант Бургонь в ночь с 3 на 4 сентября с несколькими сослуживцами отправился на экскурсию в Кремль. Уж очень хотелось им посмотреть эту древнюю русскую крепость, о которой они уже много слышали от своего императора. Вместо того чтобы взять с со-

бою проводника, французы не нашли ничего лучше, как захватить с собою свечи! И это в охваченной пожаром Москве, в которой ночью было светло, как днем. Свечи, полагали французы, должны были освятить им подвалы русских бояр.

Некоторые из «туристов» уже побывали в Кремле 2 сентября и были настолько самоуверенны, что надеялись найти дорогу в Кремль самостоятельно. Им и в голову не могло прийти, что огонь спалил все привычные ориентиры в городе. Вполне естественно, что вскоре французы заблудились: «Пробродив несколько времени без всякого толка, смотря по тому, как позволял нам огонь, мы, к счастью, встретили еврея, который рвал на себе волосы и бороду, глядя, как горела его си-

нагога, где он состоял раввином. Он говорил по-немецки и мог поведать нам свое горе: оказывается, он и его соплеменники сложили в синагогу все, что у них было самого драгоценного, и вот теперь все погибло. Мы пытались утешить сына Израиля, взяли его за руку и велели вести нас в Кремль.

Не могу без смеха вспомнить, что еврей, среди такой-то суматохи, стал спрашивать нас, не имеем ли мы что продать или выменять. Я полагаю, он задавал нам эти вопросы просто по привычке — разве в подобный момент мыслима была какая-нибудь торговля? Пройдя по нескольким кварталам, в большинстве объятых пламенем, и заметив много прекрасных улиц, еще не тронутых, мы прибыли на маленькую площадь, слегка возвышенную, неподалеку от Москвы-реки, и оттуда еврей указал нам на башни Кремля, ясно видневшиеся, как среди бела дня, при свете окрестных пожаров; на минуту мы остановились в квартале, чтобы осмотреть подвал, откуда выходило несколько улан гвардии. Мы забрали оттуда вина, сахару и много варенья; все это мы нагрузили на еврея, состоящего под нашим

покровительством. Уже рассвело, когда мы прибыли к первой ограде Кремля; мы прошли под воротами из серого камня, увенчанными маленькой колокольней с колоколом в честь св. Николая; под воротами, в углублении, находилось изображение этого святого в богатых ризах, и, проходя мимо, каждый русский набожно кланялся ему, даже каторжники — то был святой, покровитель России».

Первой оградой через которую прошел Бургонь со своими спутниками, была, вероятно, китайгородская стена. А вскоре им открылась и другая стена, увенчанная высокими башнями с золочеными орлами на верхушках. Наконец, они очутились на площади, против того самого дворца, который избрал своей резиденцией Наполеон и откуда вскоре из-за начавшегося пожара он вынужден был в срочном порядке выехать в Петровский путевой дворец. Здесь уже располагался егерский полк. Егеря накормили пришедших мясом. Но долго отдыхать им не пришлось. Начавшиеся пожары заставили французов немедленно покинуть Кремль вслед за своим императором.

3 сентября: Наполеон в Кремле

Именно 3 сентября было обозначено Александром I в «Манифесте о вступлении неприятеля в Москву» как дата начала французской оккупации. Государь обратился к народу с воззванием, в котором говорилось:

«С крайнею и сокрушающею сердце каждого сына Отечества печалью сим возвещается, что неприятель Сентября 3 числа вступил в Москву. Но да не унывает от сего великий народ Российский. Напротив да поклянется всяк и каждый вскипет новым духом мужества, твердости и несомненной надежды, что всякое наносимое нам врагами зло и вред обратятся напоследок на главу их. Неприятель занял Москву не от того, чтоб преодолел силы наши, или бы ослабил их. *Главнокомандующий по совету с первенствующими генералами нашел за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы с надежнейшими и лучшими потом способами превратить кратковременное торжество неприятеля в неизбежную ему погибель* (здесь и далее выделено автором). Сколь ни болезненно всякому Русскому слышать, что Первопрестольный град Москва вмещает в себе врагов Отечества своего; но она вмещает их в себе пустая, обнаженная от всех сокровищ и жителей. Гордый завоеватель надеялся, вошед

в нее, сделаться повелителем всего Российского Царства и предписать ему такой мир, какой заблагорассудит; *но он обманется в надежде своей и не найдет в Столице сей не только способов господствовать, ниже способов существовать*. Собранные и отчасу больше составляющиеся силы наши окрест Москвы не перестанут преграждать ему все пути, и посылаемые от него для продовольствия отряды ежедневно истреблять, доколе не увидит он, что надежда его на поражение умов взятием Москвы была тщетная, и что по неволе должен он будет отворять себе путь из ней силою оружия.

Положение его есть следующее: он вошел в землю нашу с тремястами тысяч человек, из которых главная часть состоит из разных наций людей, служащих и повинующихся ему не от усердия, не для защиты своих отечеств, но от постыдного страха и робости. Половина сей разнородной армии его истреблена частью храбрыми нашими войсками, частью побегам, болезнями и голодною смертию. С остальными пришел он в Москву. Без сомненья, смелое, или лучше сказать, дерзкое стремление его в самую грудь России и даже в самую древнейшую Столицу удовлетворяет его честолюбию и подает ему повод тщеславиться и величаться; но конец венчает дело.

Не в ту страну вошел он, где один смелый шаг поражает всех ужасом и преклоняет к стопам его и войска, и народ. Россия не привыкла покорствоваться, не потерпит порабощения, не предаст законов своих, веры, свободы, имущества. Она с последнею в груди каплею крови станет защищать их. Всеобщее повсюду видимое усердие и ревность в охотном и добровольном против врага ополчении свидетельствует ясно, сколь крепко и непоколебимо Отечество наше, ограждаемое бодрим духом верных его сынов. И так да не унывает никто, и в такое ли время унывать можно, когда все состояния Государственные дышат мужеством и твердостью? Когда неприятель с остатком отчасу более исчезающих войск своих, удаленный от земли своей находится посреди многочисленного народа, окружен армиями нашими, из которых одна стоит против него, а другие три стараются пресекать ему возвратный путь и не допускать к нему никаких новых сил? Когда Гишпания не только свергла с себя иго его, но и угрожает впадением в его земли? Когда большая часть изнуренной и расхищенной от него Европы, служа по неволе ему, смотрит и ожидает с нетерпением минуты, в которую бы могла вырваться из-под власти его тяжелой и нестерпимой? Когда собственная земля его не видит конца проливаемой ею для славолубия своей и чужой крови?

При столь бедственном состоянии всего рода человеческого не прославится ли тот народ, который перенес все неизбежные с войною

*Наполеон I. Худ. Ж.И. Ложье
с оригинала Ш.О.Г. Штейбена. 1830-е гг.*

разорения наконец терпеливостью и мужеством своим достигнет до того, что не токмо приобретет сам себе прочное и ненарушимое спокойствие, но и другим Державам доставит оное, и даже тем самым, которые против воли своей с ним воюют.

Приятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добром.

Боже Всемогуций! Обрати милосердные очи Твои на молящуюся Тебе с коленопреклонением Российскую Церковь. Даруй поборающему по правде верному народу Твоему бодрость духа и терпение. С ими да восторжествует он над врагом своим, да преодолее его, и спасая себя, спасет свободу и независимость Царей и Царств».¹¹⁵

Жаль, что Наполеон не прочитал во время это воззвание, иначе

¹¹⁵ Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям» №75 от 17 сентября 1812.

его взгляд на происходящие в Москве события был бы иным. Александр уже изначально, ничего не скрывая, объяснил задачу: продержатъ Наполеона в голодном и пустом городе короткое время, чтобы затем вынудить его отступить.

В этот день французский император был занят своими, казавшимися ему более первостепенными делами. Переночевав в грязном кабаке на постоялом дворе у Дорогомиловской заставы, Наполеон возник в Кремле 3 сентября. Ему было... весело. Радость наполнила сердце Наполеона, после получения известий от Мюрата, что преследуя неприятеля, он «захватывает много отставших; неприятельская армия движается по Казанской дороге», что «Кутузов скрывал проигрыш сражения и свое движение на Москву вплоть до вчерашнего дня; власти и жители бежали из города в прошлую ночь, а частью даже сегодняшним утром; губернатор Ростопчин узнал о проигрыше сражения лишь за 48 часов до нашего вступления в Москву; до тех пор Кутузов говорил только о своих успехах». Мюрат, по отзывам Коленкура, «повторял эти сообщения во всех своих донесениях. Все эти сведения были приятны императору, и он вновь развеселился. Правда, он не получил никаких предложений у врат Москвы, но нынешнее состояние русской армии, упадок ее духа, недовольство казаков, впечатление, которое произведет в Петербурге весть о занятии второй русской столицы, — все эти события, которые Кутузов, бесспорно, скрывал до последнего

момента как от губернатора Ростопчина, так и от своего государя, должны были, говорил император, повлечь за собою предложение мира. Он не мог только объяснить себе движение Кутузова на Казань». А ведь именно это непонятный маневр Кутузова и должен был занимать все мысли Наполеона!

В эти часы Наполеон сочинял свой манифест к собственным солдатам:

«Солдаты! Каждый ваш шаг ознаменован победами. В три месяца вы истребили три войска, собираемые неприятелем три года. Ваши головы поникли под тяжестью лавров, пожатых вами на полях чести. Победоносные ваши длани воздвигли Французские знамена на башнях Московских. Ваша беспримерная слава удивит потомство. Вы в Столице России, где триста тысяч жителей умоляют вас о пощаде и милосердии. И так жребий ваш всегда побеждать. Здесь должныствовали вы обрести награду вашим подвигам. Победенные Русские стали жертвою ярости своей. Чем бы наблюдать выгоды свои и внимать рассудку, они рабски бегут к смерти неизбежной. Российский Император уже более воли не имеет: он под игом Англичан, наших врагов. Ему нужно Английское золото, чтоб нам сопротивляться и продолжать войну, грозящую ему новыми бедствиями. Бывший Московский Градоначальник, сей другой враг имени Французов, сей подлинный инициатор поджога, ныне председательствует в Совете и начальник приверженцев Англии.

Солдаты! Мы все препоны одолеем. Россия будет побеждена: я с вами. Подлое Русское дворянство оставило Столицу и увело с собою рабов своих, чтобы учинить их против нас орудием мщения. Вооружитесь мужеством, терпением и повиновением. Не забывайте, что вы победители Египта, Маренги, Сарагоссы, Иены, Аустерлиц и Можайска. Уничжьте гордыню притеснителей морей, пятый раз соединенных с утеснителями Европы, чтобы сражаться с нами. От громоносных ваших ударов не встанет страшная Русская пехота; войско бежит: оно рассеялось и не повинуется начальникам.

Солдаты! Вы достигли пределов славы, которая увековечит имена ваши: летописи Французские возвестят о подвигах ваших грядущим поколениям!»¹¹⁶

Тон послания к французской армии не менее исполнен духом шапкозакидательства, чем некоторые афиши Ростопчина, недаром Наполеон ставит его в один ряд с Александром, что не могло не потрафить графу. А вот Кутузова Наполеон даже не упомянул, будучи уверенным, что войско «рассеялось».

Появление Наполеона на улицах Москвы было обставлено неимоверно торжественно и величаво: «Проходил мимо нас на Сретенку и оттуда – в Кремль великолепный кортеж, которому предшествовала конная гвардия и несколько взводов кирасиров, в серебряных латах и сияющих касках, с конскими

хвостами назад; музыканты играли торжественный марш. Кортеж этот состоял более, нежели из двухсот всадников, украшенных орденами, в разнохарактерно-богатых мундирах, касках, шишаках и шапках, в середине свиты два знаменщика, одетые герольдами, сомкнувшись рядом, везли большой, потемневший в походах, штандарт, на древке его сидел одноглавый золотой орел: тут был и сам Наполеон, но, за множеством свиты и суеты, я его не мог рассмотреть, фланговые кричали «Да здравствует император!» и заставляли то же повторять собравшихся из любопытства жителей, которым свитские адъютанты бросали мелкую серебряную монету величиною несколько поболее нашего двухгривенника. Легковерные зрители начали с удовольствием подбирать эту французскую манну, но по миновании главной кавалькады задние кавалеристы поотнимали у них эти подарки, да и все, что у кого нашли в карманах, очистили. Разочарованные и обобранные, зеваки разошлись, повесивши носы. Так отрекомендовался москвичам Наполеон и его честная прислуга!»¹¹⁷

Среди тех немногих горожан, с кем пришлось говорить Наполеону, оказался и Бестужев-Рюмин, писавший: «3-го Сентября, в 9 часов утра, явился я в Кремлевский дворец и просил Наполеона о покровительстве в сохранении архи-

¹¹⁶ «Исторический, статистический и географический журнал», 1812, ч.4, кн.2-3 (ноябрь-декабрь), С. 114–115.

¹¹⁷ Харузин Е. «Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний...» // 1812 год в воспоминаниях современников. – М., 1995. – С. 164–169.

вов департамента, коих я, как сказал ему, был начальник. Послан мною секретарь его, г. Делорн-де-Девилль, освидетельствовать оные, который, посмотрев их, повел меня обратно во дворец. По сей час никто из неприятелей в департамент не входил. Пришед во дворец, маршал, герцог Фриульской объявил мне благоволение своего императора, а вместе с оным и обещание, что архивы останутся в целости, и вследствие сего приказал одному полковнику дать 4-х часовых, для каждой галереи по одному. С сим полковником и часовыми пошел я в департамент, а пришед оной, нашел камеры департамента уже занятыми старой гвардии солдатами; кладовая, в которой ничего не было, взломана; семейство мое, совершенно обобранное маршала, герцога Истрийского, штабом, в присутствии самого его; они нажились на кое-что, бывшее у меня съестное, как голодные волки, и отняли притом ларчик с бумагами, в котором находилось 3500 р. ассигнациями казенных денег и 800 р. моих собственных.

...В самом жалком состоянии нашел я семейство мое, взошед, с полковником и часовыми, в комнату, в которой они находились. Из архива департамента, однако, высланы были все солдаты и к дверям оных поставлены часовые; ко мне же в комнату поставлен офицер Голландской гвардии с своими тремя денщиками. Моей команды солдаты, при департаменте служащие, напились пьяны и вышли ко мне из повиновения, а вахмистр Гурилов из окна упал на двор и

убился до смерти. В 9 часов вечера сильный дым показался на Арбате (комнаты Вотчинного Департамента имеют вид в три стороны города)».

А уже на следующий день огонь, окруживший древнюю крепость со всех сторон, вынудил императора срочно бежать из нее по подземному ходу. И как же это бегство было не похоже на произошедший днем ранее въезд в Кремль. Еще утром дела были не так плохи, и Наполеон успел даже чиркнуть письмецо своей любимой супруге, в котором расхваливал Москву как город, равный по величине Парижу. В конце он приписал: «Мое здоровье хорошее, мой насморк кончился. Враг отступает... Прекрасное завоевание – результат сражения при Москве-реке». Интуиция не подсказала Наполеону, что главный его враг – огонь, который наступал с удесятеренной силой.

Через несколько часов Наполеон вновь впал в крайне нервное состояние, сравнимое с тем, что он испытал на Поклонной горе. Не стесняясь своего адъютанта Сегюра, он «не находил себе места, каждую минуту вскакивал и опять садился. Он быстрыми шагами бегал по комнатам, и во всех его жестах, в беспорядке его одежды выражалось необычайное беспокойство. Из его стесненной груди вырывались по временам короткие, резкие восклицания: «Какое ужасающее зрелище! Это они сами! Столько дворцов! Какое необыкновенное решение! Что за люди! Это скифы!»

А теперь дадим слово самому Наполеону: «Сначала пожар казал-

ся неопасным, и мы думали, что он возник от солдатских огней, разведенных слишком близко к деревянным домам. На следующий день огонь увеличился, но еще не вызвал серьезной тревоги. Я выехал верхом и сам распоряжался его тушением. На следующее утро (4 сентября – А.В.) поднялся сильный ветер, и пожар распространился с огромной быстротой. Сотни бродяг, нанятые для этой цели, рассеялись по разным частям города и спрятанными под полами головешками поджигали дома, стоявшие на ветру. Это обстоятельство делали напрасными все старания потушить огонь... Оказалось, что большинство пожарных труб испорчено. Их было около тысячи, мы нашли среди них, кажется, только одну пригодную. Кроме того, бродяги, нанятые Ростопчиным, бегали повсюду, распространяя огонь головешками, а сильный ветер помогал им».

Ветер был такой силы, что сбивал людей с ног. Если верить свидетельствам очевидцев, то складывается впечатление, что это и вовсе был ураган: «Когда принц Невшательский, желая взглянуть на пожар, свирепствующий вокруг Кремля, поднялся вместе с одним офицером на одну из террас дворца (где остановился Наполеон – А.В.), то их обоих чуть не снесло оттуда порывом ветра».¹¹⁸

На Ростопчина Наполеон был до такой степени рассержен, что даже пожаловался на него своему российскому коллеге – Александру I. Вообще, во многих мемуарах

**Филипп-Поль де Сегюр,
адъютант Наполеона.**

Худ. А. Тардье. 1820 г.

участников похода на Москву находим мы фамилию Ростопчина. Его в те дни в Москве не было, но он незримо присутствовал на ее улицах. Фамилия Ростопчина будто стала нарицательной.

Оценив всю критичность положения, Наполеон решил покинуть Кремль, осажденный огненной блокадой, но смог сделать это всего лишь через одни свободные от пламени ворота. Видимо, это были Боровицкие или Спасские ворота, т.к. выбравшись из Кремля, французы сразу же оказались на берегу Москва-реки. Есть и другая версия: французский император бежал из Кремля по подземному ходу.

Временное укрытие Наполеон нашел в Петровском путевом дворце, где обычно останавливались перед коронацией русские цари. Отсюда ему оставалось лишь наблюдать, как тонет в огне так и не доставшаяся ему древняя русская столица. Правда, даже во

¹¹⁸ Воспоминание сержанта Бургоня. – СПб, 1898.

Вид Петровского дворца до пожара 1812 года.

Исторические этюды о Москве. – Лондон. 1813 г.

дворце стекла от жара нагревались настолько, что к окнам невозможно было подойти, поэтому волосы любопытного императора обгорели.

Продолжим, однако, захватывающий рассказ Наполеона, надиктованный им своему врачу на острове св. Елены: «Я велел рас-

стрелять около двухсот поджигателей. Я оставался в Москве, пока пламя не окружило меня. Огонь распространялся и скоро дошел до китайских и индийских магазинов, потом до складов масла и спирта... Тогда я уехал в загородный дворец императора Александра (Петровский путевой дворец – А.В.), и

Руины Петровского путевого дворца после пожара 1812 года.

Худ. Дж. Т. Джеймс. 1814 г.

вы, может быть, представите себе силу огня, если я вам скажу, что трудно было прикладывать руку к нагретым стенам или окнам дворца со стороны Москвы. Это было огромное море, небо и тучи казались пылающими, горы красного крутящегося пламени, как огромные морские волны, вдруг вскидывались, подымались к пылающему небу и падали затем в огненный океан. О! Это было величайшее и самое устрашающее зрелище, когда либо виденное человечеством!!!»

А тем временем вихри горячего пепла властвовали на улицах Москвы, ослепляя и обжигая пытавшихся выбраться из города французов. Не было спасения и на земле, заваленной обугленными головешками и раскаленными кусками железной кровли, сорванной ветром с крыш горящих домов.

Раздобытые французами экипажи на постоянных дворах Москвы также не могли им помочь (они впрягали вместо лошадей

Наполеон I в Петровском дворце.

Худ. В.В. Верещагин. 1895 г.

пленных русских солдат, а при отсутствии оных – тащили сами – таково было желание побольше награбить и увезти). Улицы были перегорожены остатками «прекрасной мебели, поломанной и полубогоревшей, фортепианами, разбитыми хрустальными люстрами и бездной других роскошных предметов».¹¹⁹

¹¹⁹ Воспоминания сержанта Бургоня. – СПб, 1898.

«Жги Москву! Спасай Россию!»

*Москва должна была подать пример
Ф.-П. де Сегюр*

Мысль о том, что Москва может быть сожжена, допускали многие. Но нигде в официальных документах, исходящих будь то от Ростопчина или Кутузова, не найдем мы прямых указаний поджечь город. Однако, это подразумевалось. Например, 1 сентября командующий арьергардом Милорадович получил от Кутузова приказ об оставлении Москвы, а также письмо, которое необходимо было доставить начальнику штаба «Великой армии» маршалу Бертье. Этим письмом, согласно действовавшему тогда обычаю, все оставшиеся в городе раненые препоручались под покровительство французов. Уже на следующий день Милорадович вызвал к себе корнета Федора Акинфова и велел ему ехать с письмом к передовым позициям французов, чтобы не только передать это письмо, но и на словах сказать от имени Милорадовича следующее: «Мы сдаем Москву и я уговорил жителей не зажигать оной с тем условием, что французские войска не войдут в нее, доколе не пройдет через нее... мой арьергард».¹²⁰

Прошло не так много времени, и гонец вернулся обратно. Он рассказал, что французы и даже сам

Наполеон на предложение Милорадовича согласны, лишь бы он не поджег Москву.

Сожжение Москвы казалось, видимо, вполне логичным после сожжения Смоленска. Недаром, после оставления русской армией этого древнего города, 12 августа Ростопчин писал Барклаю: «Когда бы Вы отступили к Вязьме, тогда я возьмусь за отправление всех государственных вещей и дам на волю убираться, а народ здешний... следуя русскому правилу (подчеркнуто авт.) — не доставайся злодею, — обратит город в пепел, и Наполеон получит вместо добычи место, где была столица... Он найдет пепел и золу». В подтверждение своих слов Ростопчин непосредственно перед оставлением Москвы приказал вывезти из города все средства пожаротушения, чтобы бороться с огнем было нечем. По его приказу вывезли из города две тысячи сто человек пожарной команды и девяносто шесть пожарных труб. А то, что не успели вывезти, — велел испортить. Такой же приказ отдал и Кутузов.

В своих местах слишком подробных воспоминаниях Ростопчин почему-то умалчивает наиболее интересные нас факты об организации поджога Москвы. И у него

¹²⁰ 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.

есть на то основания: зачем писать о том, чему нет материального, т.е. бумажного, подтверждения. Распоряжения о поджогах в те безнадёжные дни давались им на словах. Никаких письменных предписаний «не могло и быть... потому, что мы всегда получали словесные приказания... и равномерно доносили словесно», — рассказывал квартальный надзиратель И. Мережковский, посылавшийся Ростопчиным на разведку в оккупированный город.¹²¹

Ценнейшим источником для потомков является «Записка» бывшего следственного пристава Прокофия Вороненко, написанная им в 1836 году. Этот чиновник привлекался Ростопчиным к организации московских пожаров 2 сентября 1812 года. Вот что он сообщает: «2-го сентября в 5 час. пополудни он же (Ростопчин — авт.) поручил мне отправиться на Винный и Мытный дворы, в Комиссариат и на не успевшие к выходу казенные и партикулярные барки у Красного холма и Симонова монастыря, и в случае внезапного наступления неприятельских войск стараться истреблять все огнем, что мною и исполнено было в разных местах... до 10 часов вечера».¹²²

В 1912 году увидели свет мемуары дочери Ростопчина, Н.Ф. Нарышкиной, из которых следует, что в ночь с 1 на 2 сентября 1812 года в доме генерал-губернатора состоялось секретное совещание с участием полицейских чиновников,

¹²¹ 1812 год в материалах и документах. М., 1995.

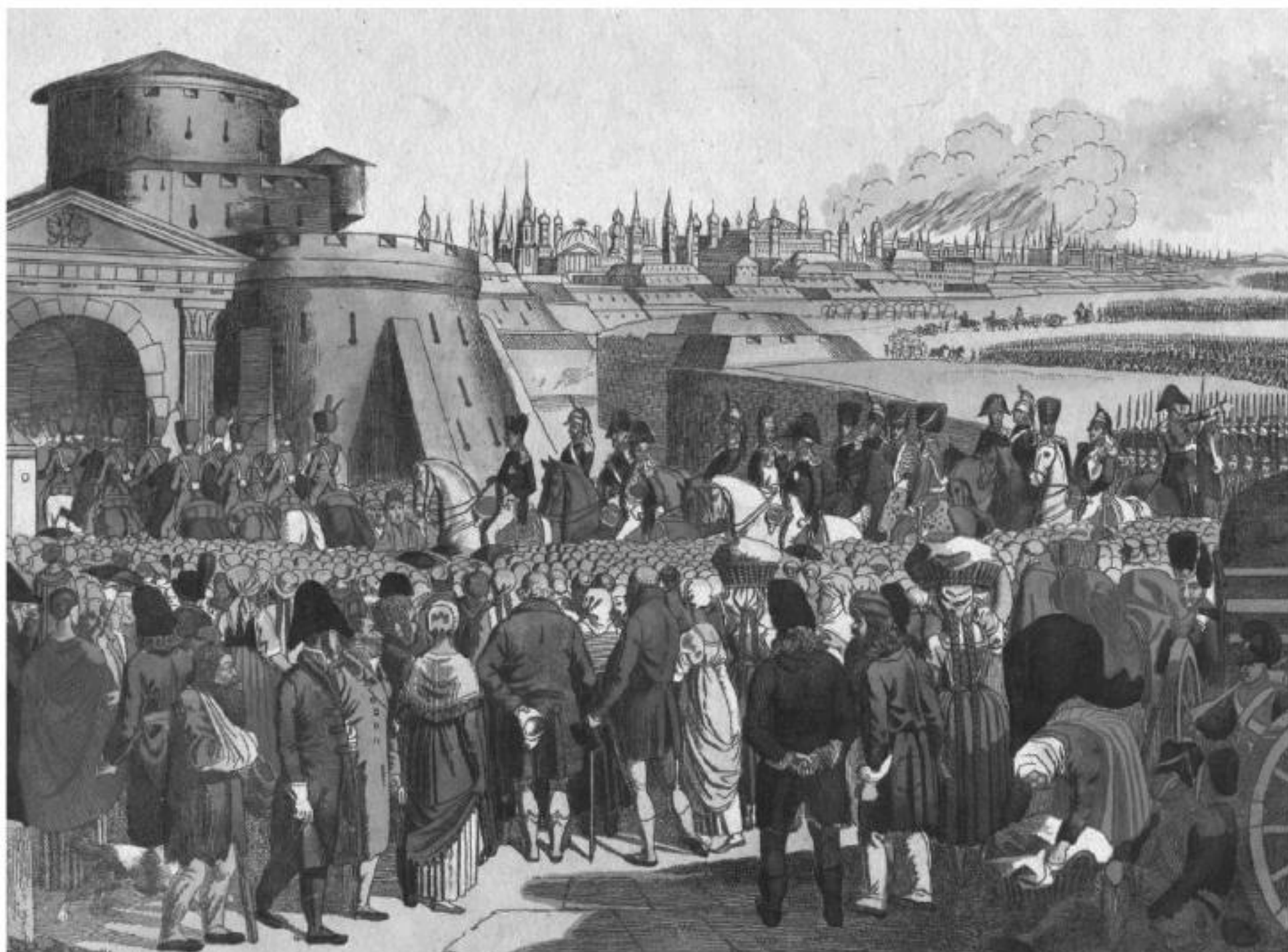
¹²² Там же.

Милорадович М.А.
Худ. Ф. Вендрамини
с оригинала П. Росси. 1816 г.

получивших «точные инструкции о зданиях и кварталах, которые следовало обратить в пепел сразу же как только пройдут наши войска: они обещали все выполнить и сдержать слово». Среди участников совещания Нарышкина называет все того же Вороненко и еще нескольких ремесленников, один из которых позднее был расстрелян оккупантами.

О результатах достигнутых на ночном совещании договоренностей Ростопчин писал своей жене в утренние часы 2 сентября: «Все кончено; Россия для меня потеряна навсегда. Император в конце концов уступит просьбам тех, кто его окружает, и заключит мир с Наполеоном. Как ты понимаешь, я глубоко несчастен. Когда ты получишь это письмо, Москва будет уже обращена в пепел; прости меня за то, что вознамерился поступить как римлянин, но, ежели мы не сожжем, то разграбим город. Наполеон сделает это впо-

Вступление Наполеона в Москву 14 сентября 1812 года. Худ. Ф. Камп.

ледствии, и я не хочу предоставить ему сей триумф».¹²³ Интересно, что в дальнейшем Наполеон будет неоднократно называть московского генерал-губернатора римлянином.

Огонь ненависти к французам бушевал в душе градоначальника Ростопчина и, разгоревшись до невообразимых размеров, перекинулся на всю несчастную Москву. Ненависть к врагу – качество хорошее, особенно, если война идет на родной земле. Вопрос только в том, каким образом и в чем она должна воплощаться. У Ростопчина она воплотилась в принцип: «Так не доставайся же ты не кому!»

У Ростопчина была своя «Правда о пожаре Москвы», у французов – своя. И Наполеон, и его солдаты не считали, что пожар заставил

их покинуть город: «Многие, не участвовавшие в этой кампании, говорят, что пожар Москвы был гибелью армии; что касается меня и многих других, то я думаю, наоборот, что русские могли бы и не поджигать города, а просто увезти с собой или побросать в Москву-реку все продовольствие, опустошить край на десять лье в окружности – что было не трудно, так как часть края пустынна – и тогда нам, по прошествии двух недель, поневоле пришлось бы убраться.

После пожара все еще оставалось достаточно жилищ, чтобы поместить всю армию, и даже если допустить, что все жилища сгорели – и тогда оставались бы подвалы».¹²⁴

Итак, Москву запалили уже в тот же день, как французы вош-

¹²³ Искюль С.Н. Указ. соч.

¹²⁴ Воспоминания сержанта Бургоня. – СПб, 1898.

ли в нее. Не успели французские генералы отхватить себе лучшие дома на Тверской улице и заняться переименованием городских площадей, как над многими районами появились клубы дыма. Прежде всего, загорелись склады с провиантом — на Никольской, Варварке, около Каменного и Яузского мостов, в Китай-городе, на Покровке и Солянке, в Лефортово...

Русские солдаты со слезами наблюдали, как гибнет в огне матушка-Москва. «Около полуночи, — вспоминал много лет спустя обер-квартирмейстер 6-го пехотного корпуса Д.С. Дохтуров Иван Липранди, — с час спустя после нашего отправления из лагеря, как пожар Москвы, обозначившийся накануне, днем, одним только дымом, здесь явился уже в ужасной, но величественной картине. Отъехав около 8 верст, я слез с лошади,

за мною последовали и все квартиры, полуголодные и изнуренные, в особенности томимые сном, потому что с самого Бородинского сражения, как сказано во вчерашнем дневнике, мы могли едва ли пользоваться оным по два часа в сутки, в особенности я и мои товарищи, исправлявшие должность, подобно мне, обер-квартирмейстеров в других корпусах. Ни с чем несравнимая картина эта невольно заставила нас остановиться, устремив глаза на зарево, отделяющееся черною полосой от города, покрытого огнем, переливающимся с одного места на другое и временами возвышаясь внезапно. Здесь сон, голод и усталость как бы никогда нас не изнуряли, мы все сделались бодрь, завязался разговор общий, нас и солдат, каждый рассуждал по-своему, одни острялись шутками, другие — как бы искали в столь

Пожар Москвы в 1812 г. Литография К. Мотта по оригиналу Мартине. XIX в.

далеком расстоянии узнать места, которые были им дороги воспоминаниями. Дорога вся была покрыта, как и накануне, в несколько рядов, обозами и экипажами, те же толпы разного звания и типа людей окружали оные, крик, шум, негодования – все это совершенно нас освежило. Некоторые подходили к нам, вступали в разговоры, отвечали на наши вопросы; так я искал узнать Андроньев монастырь, где, как сказано выше, 31 августа, похоронена моя мать с четырьмя братьями. Эти вопросы казались в то время правильными, и ответы на них удовлетворительными, но спустя несколько и то, и другое показалось глупым... Мы поехали далее, беспрестанно оглядываясь и останавливаясь смотреть на беспрерывно усиливавшийся пожар».¹²⁵

Сперва французам было и невдомек, кто именно начал поджигать Москву: «Час спустя после нашего прибытия начался пожар; никто однако не знал, откуда это происходит. Вскоре нам сообщили, что горит базар, квартал купцов. «Вероятно, – объясняли неко-

торые, – это мародеры армии по неосторожности заронили огонь, входя в лавки за продовольствием».

Мало нашлось среди москвичей и желающих сдать с повинной: «Французы публиковали, что зажигальщикам домов будут выдаваемы денежные вознаграждения. Для получения оных явилось пьяных бродяг человек с восемь, но вместо того чтобы сдержать обещанное слово, Французы их всех повесили на бульваре», – доносили агенты Ростопчина.

Кстати об агентах, Ростопчин позаботился о них заранее: «Я приказал спросить у полицейских офицеров, не найдется ли между ними желающих остаться в городе переодетыми и доставлять мне донесения в главную квартиру посредством казачьих аванпостов, до которых они могли пробираться через Сокольницкий лес». Желавшие нашлись, и как пишет Ростопчин, «поручение мое они исполняли разумно, усердно и с большой сметливостию. По счастью, присутствия их в Москве даже и не подозревали...»¹²⁶

¹²⁵ 1812 год... Военные дневники / Сост., вступ. ст. А. Г. Тартаковского. – М.: Сов. Россия, 1990.

¹²⁶ Русский архив. – 1889. – № 12. – С. 721.

Горящая Москва глазами Стендаля

Можно долго рассказывать о том, что творилось в Москве в отсутствие ее обожаемого генерал-губернатора, но лучше узнать об этом из первых рук, причем в прямом смысле этого выражения. Потому как руки эти были у самого литературно одаренного офицера наполеоновской армии, будущего писателя Стендаля, служившего при главном интенданте «Великой армии» генерале Дарю, том самом, от которого Наполеон потребовал на Поклонной горе немедленно привезти к нему русских бояр. Правда, Стендалем он стал позже, а тогда его звали Анри Бейль. 4 сентября 1812 года он зафиксировал в своем дневнике:

«Я оставил своего генерала в Апраксинском дворце (Дом Апраксина находился на Знаменке, в настоящее время в значительно перестроенном здании размещается Министерство обороны, дом 19 – А.В.). Выходя из дому, мы заметили, что кроме пожара в Китай-Городе, продолжавшегося уже несколько часов, огонь вспыхнул и поблизости от нас. Мы направились туда. Пламя было очень сильно. У меня разболелись зубы в этой экскурсии. В порыве добродушия мы арестовали солдата, ударившего два раза штыком какого-то человека, который напился пивом. Я чуть не обнажил шпаги и не заколол этого негодяя. Буржуа отвел

Стендаль.

Худ. Й.О. Содемарк. 1840 г.

его к губернатору, и тот отпустил его на волю.

Мы ушли оттуда около часу, разразившись изрядным количеством общих мест против пожаров, что, насколько мы заметили, не произвело особенного впечатле-

Знаменка, д. 19

*Бывший дом Гагариных
(Екатерининская больница)
у Петровских ворот*

ния и, по возвращении в дом Апраксина, сделали пробу пожарного насоса. Я лег спать, мучась зубною болью. Некоторые из моих товарищей, кажется, по добродушию, послушались тревоги и опять бежали на пожарище в два часа и в пять. Я же проснулся в семь часов, велел уложить вещи в коляску и поместить ее в конце ряда экипажей г-на Дарю. Экипажи эти направились на бульвар, против клуба... (Под клубом Стендаль подразумевает здание, в котором до 1812 года располагался Английский клуб, известный как дом Гагариных, ныне это Страстной бульвар, дом 15/29. Этот дом, выбранный главным интендантом для своего проживания, в дальнейшем сильно пострадал от огня. — А.В.).

Пожар быстро приближался к дому, оставленному нами. Наши экипажи простояли на бульваре пять или шесть часов. Наскучив бездействием, я пошел поближе к огню и час или два провел у Жуанвиля. Я любовался негой, какая веяла от убранства его дома. Мы выпили там с Билле и Бюшоном три бутылки вина, что и вернуло нас к жизни. Я прочел там несколько

строк Английского перевода «Paul et Virginie», и это, среди господствующей повальной грубости, напомнило мне на минуту об умственной жизни.

Я пошел с Луи смотреть на пожар. На наших глазах некий Савуа, конноартилерист, пьяный, бил плашмя саблею гвардейского офицера и осыпал его бранью. Он был неправ, и дело кончилось извинениями. Один из его товарищей по грабежу отправился в улицу, объятую пламенем, где, вероятно, и погиб. Около трех часов я вернулся к ряду экипажей и к скучным своим товарищам. В соседних деревянных домах открыли склады муки и овса. Я велел своим людям взять несколько в запас. Они стали суетиться, делая вид, что берут много, и взяли очень мало. Так действуют они в армии везде и всегда, и это раздражает. Даешь себе слово не обращать на них внимания, но они первые же начинают ныть и жаловаться; невольно волнуешься и отравляешь себе жизнь.

В четвертом часу мы с Виллье отправились в дом графа Петра Салтыкова (ныне Тверская улица, дом 12 — А.В.). Он показался нам подходящим для его превосхо-

*Дом графа П. Салтыкова на
Тверской, 12. (Фото конца XIX в.)*

дительства. Мы пошли в Кремль, чтоб сообщить ему об этом.

Генерал Киргенер сказал при мне: «Если бы мне дали четыре тысячи человек, в шесть часов я берусь утушить огонь». Такой отзыв удивил меня. (В успехе я сомневаюсь. Ростопчин постоянно устраивает новые поджоги; остановится пожар на правой стороне — увидите его на левой в двадцати местах.)

Из Кремля явились г. Дарю и милый Марсиаль Дарю. Мы повели их в дом Салтыкова, который осмотрен был сверху донизу. Дом Салтыкова Дарю нашел неподходящим, и ему предложили осмотреть другие дома по направлению к клубу. Клуб убран во Французском вкусе, вид у него величественный и закоптелый. После клуба мы смотрели соседний дом, обширный и роскошный; наконец, хорошенький белый квадратный дом, который и решили занять.

Мы страшно устали, я более еще, чем другие. Начиная с Смоленска, я чувствую, что силы оставляют меня, а сегодня на меня нашло ребячество суетиться по поводу этих поисков дома для квартиры и отнестись к ним с интересом. С интересом — это, может быть, слишком сильно сказано; но что суеты было много — это несомненно.

Мы располагаемся наконец в этом доме, в котором, как видно, жил человек богатый и любящий искусства. Расположение дома удобно, и он полон статуэтками и картинами; нашли там и прекрасные книги, именно — Бюфон, Воль-

тер, которого встречаешь здесь везде, и «Галерея Пале-Ройяля».

Обнаружившаяся сильная дизентерия заставляла опасаться, будет ли у нас довольно вина. Нам сообщили превосходную новость, что его можно добыть в погребе прекрасного клуба, о котором я говорил. Я убедил старика Виллье сделать эту экскурсию. Мы прошли туда, миновав роскошные конюшни и сад, который можно бы назвать прекрасным, если б деревья этой страны не производили на меня неотразимого впечатления бедной растительности.

Мы послали в погреб слуг. Они выслали нам оттуда много плохого белого вина, узорчатые белые скатерти и такие же салфетки, но очень подержанные. Мы заграбили их на простыни.

Некий юноша, явившийся от главного интенданта, чтоб пограбить подобно нам, вздумал объявлять, что он дарит нам все то, что мы брали. Он говорил, что берет этот дом для главного интенданта и стал делать наставления. Я призвал его скоро к здравому смыслу и порядку.

Мой слуга был совершенно пьян. Он натащил в коляску скатертей, вина, скрипку, которую заграбил для себя, и много других вещей. С двумя-тремя товарищами мы выпили вина.

Слуги убирали дом; пожар был далеко от нас и окутывал весь воздух на далекое расстояние и большую высоту дымом какого-то медного цвета. Мы устроились кое-как и думали, наконец, пердохнуть, как вдруг Дарю, воротясь,

объявил нам, что надо двигаться в путь. Я храбро принял эту новость; но все же у меня подсеклись ноги и руки, когда я услышал о том.

Моя коляска была набита. Я поместил еще там бедного и скучного Де-В., которого взял из жалости. Оставляя дом, я похитил томик Вольтера, тот что носит название «Faceties».

Тронулись в путь только в семь часов и встретили г. Дарю взбешенного. Мы двигались прямо на пожар, огибая часть бульвара. Мало-помалу придвинулись мы к дыму. Становилось трудно дышать. Наконец, мы проникли в среду домов, объятых пламенем. Все наши предприятия потому и опасны, что у нас полный недостаток порядка и благоразумия. На этот раз очень значительная колонна обоза углублялась в средину огня, имея целью уйти от него. Такое движение имело бы смысл только тогда, если бы один определенный участок города был окружен кольцом огня. Совсем не так стоит дело теперь. Пожар был только в одной стороне города, надо было выйти из нее; но не было никакой надобности пробираться по пожарищу; надо было обойти его.

Невозможность двигаться дальше остановила нас на месте. Приказано было обойти полукругом. Задумавшись о великом зрелище, которого я был свидетелем, я забыл на минуту, что велел своей коляске обогнуть полукруг прежде других. Я изнемогал от усталости и шел пешком, потому что коляска моя была полна вещами, награбленными слугами, и злополучный

В. торчал также в ней. Я думал, что она погибла в огне. Франсуа проскакал в ней галопом впереди других экипажей. Коляске не угрожала опасность: но слуги мои, как и все остальные, были пьяны и способны были заснуть среди горящей улицы.

Возвращаясь, мы встретили на бульваре генерала Киргенера, которым в тот день я был очень доволен. Он ободрил нас, то есть призвал к здравому смыслу и показал нам, что к выходу есть три или четыре пути.

По одному из них мы двигались в одиннадцать часов; мы прорвали линию обоза короля Неаполитанского, споря с его людьми. Я заметил тогда, что мы ехали по Тверской. Мы вышли из города, освещенного самым великолепным в мире пожаром, образовавшим необъятную пирамиду, основание которой, как в молитвах верных, было на земле, а вершина в небесах. Луна показывалась на горизонте, полном пламени и дыму. Это было величественное зрелище; но чтобы оценить его, надо было или быть одному, или быть окруженным умными людьми. Впечатления похода в Россию испорчены мне тем, что я совершал его с людьми, способными опошлить и уменьшить Колизей и море Неаполитанского залива.

Мы шли по превосходной дороге ко дворцу, называемому Петровский, где остановился на жительство Император. Бац! Посреди пути я вижу из моей коляски (в которой дали мне маленькое местечко из милости), как коляска

г. Дарю наклоняется на бок и, наконец, опрокидывается в ров. Ширина дороги была всего 80 футов. Крики негодования и брань... Поднять коляску было очень трудно.

Наконец, прибываем мы на бивак, расположенный как раз против города. Мы ясно видим громадную пирамиду, которую образовали вывезенные из Москвы мебели и фортепьяно (они могли доставить нам столько удовольствия, не будь этой мании поджогов). Этот Растопчин или негодяй, или Римлянин. Любопытно было бы знать, как будут смотреть на его поступки. Сегодня на одном из дворцов Растопчина нашли афишу; он говорит в ней, что в этом доме движимости на миллион и пр., но что он сожжет его, чтоб он не достался в руки разбойникам. Превосходный дворец его в Москве до сих пор однако не сожжен.

Прибыв на бивак, мы поужинали почти сырою рыбою, винными ягодами и вином.

Таков был конец этого трудного дня, в который мы были в непрерывной тревоге с семи часов утра до одиннадцати вечера... Сохрани эту болтовню; надо мне из этих пошлых терзаний извлечь хоть ту пользу, что я буду знать, как все это было. Мне по-прежнему несносно товарищи мои по походу. Прощай, пиши мне и будь весел: жизнь коротка...»¹²⁷

Пусть не упрекнет нас читатель за столь обширную цитату, но разве хоть одно предложение из написанных Стендалем здесь лишнее? Ведь эти записи – все то немногое, что удалось будущему писателю увезти из России. Даже томик Вольтера потерялся при бегстве французов из России. Читая Стендаля, можно прийти к следующим выводам: грабить в Москве было что, но все пограбить французам было не под силу; уже первые дни пребывания неприятеля в Москве деморализовали его; поджоги стали для французов неожиданностью, а потому и ненавистен был Растопчин.

Лев Николаевич Толстой как-то признался: «Я больше, чем кто-либо другой, многим обязан Стендалю. Кто до него описал войну такою, какова она есть на самом деле?» Вероятно, описать войну «такою» Стендалю позволил бесценный личный опыт, полученный им в наполеоновских походах, в том числе и во время Отечественной войны 1812 года. Мы не слишком преувеличим, если скажем, что так и не покорившаяся французам Москва весьма серьезно поучаствовала в формировании прозаика Стендаля – слишком глубоки были раны, нанесенные наполеоновским войскам русской кампанией, вызвав непроходящую, ноющую боль в сердце впечатлительных галлов.

¹²⁷ Стендаль (Бейль А.М.). Москва в первые два дня вступления в нее французов в 1812 году. (Из дневника Стендаля)// Русский архив, 1891. – Кн. 2. – Вып. 8. – С. 490–495.

Огненный ад вместо райской жизни

А что же стало с теми русскими, что оставались в Кремле? Бестужев-Рюмин рассказывает: «4 Сентября огонь сильно действовал круг Кремля, и Троицкая башня с часами уже выгорела, в рассуждении чего все старой гвардии солдаты, квартирующие в Сенатском доме, коих было около 5000 человек (о числе оных они сами сказывали), высланы были к потушению огня. Наполеон выехал из Кремля в Петровской дворец. Русским же, кои находились в Кремле, велено было всем оставить оной, и я, выходя со всеми, при мне бывшими, из департамента, в котором должен был оставить имущество мое и медную монету, казне принадлежащую, был на площади, что против Сената, совершенно обнажен: у меня отняли сюртук и капот, в присутствии самого командующего генерала, Ле-Гросса, которой был на сей раз пьян; а один солдат едва меня не проколол штыком ружья своего, называя нас зажигателями. С сына моего 12-ти лет, к которому в карман кафтана положил я 3000 р, сорван кафтан и фрак, и оставлен он в одной рубашке; у младенца же семи недель, при мне с матерью находившегося и которого мать от испуга не могла кормить грудью, отняли полбутылки молока; а двух приказнослужителей, тут же при мне бывших, Бутурлова и Пищулина, взяли в работу к себе. В таком горестном положе-

нии, по усиленной просьбе моей, дал маршал, герцог Фриульской, до квартиры мне провожатаго. Сему провожатому, по имени Сабле, я и мое семейство обязаны жизнью. Он довел нас до Сухаревой башни благополучно, и в знак благодарности моей я отдал ему образ Божией Матери, сохраненный мною».

Любопытно, что на первых порах французские солдаты даже не пытались воспрепятствовать поджигателям или задержать их. Кажется, что им даже в голову не могло прийти, что Москва может быть зажжена: «Во время нашего странствия мы встречали проходивших мимо людей с длинными бородами и зловещими лицами; при свете факелов, которые они несли в руках, они казались еще страшнее; не подозревая их намерений, мы пропускали их. Дальше мы встретили гвардейских егерей и от них узнали, что это сами русские поджигают город и что встреченным нами людям поручено выполнять этот замысел. Действительно, минутой спустя, мы увидели троих русских, поджигавших православную церковь. Заметив нас, двое побросали свои факелы и убежали; мы подошли к третьему – тот не бросил факела, а напротив, старался привести в исполнение свое намерение; но удар прикладом в затылок сломил его упрямство. В ту же минуту мы встретили патруль егерей,

Наполеон I. Сквозь пожар. Худ. В.В. Верещагин. 1899–1900 гг.

заблудившихся точно также, как и мы. Командовавший ими сержант рассказал мне, что они видели каторжников, поджигавших несколько домов, и что одному из них он принужден был отсечь кисть руки саблей, чтобы заставить его бросить факел, но когда факел выпал у него из правой руки, он поднял его левой, с намерением продолжать поджоги; они принуждены были убить его», — вспоминал Бургонь.

Французов обескуражил пожар, но еще более удивило их (а если быть точным — поразило, ведь речь идет о военном времени) поведение москвичей-поджигателей, которым рубили одну руку, держащую факел, а они, преодолевая боль, другой, единственно оставшейся рукой подбирали его. Останавливала их лишь смерть:

«Около десяти часов я видал генерала, подъехавшего верхом; кажется, это был генерал Пернет-

ти, он привел с собой человека, еще молодого, в овчинном тулупе, подпоясанном красным шерстяным кушаком. Генерал спросил меня, не я ли начальник поста, и на мой утвердительный ответ сказал: «Хорошо, заберите этого человека и убейте его штыками, — я застал его с факелом в руках поджигающим дворец, где я квартирую».

Я тотчас же отрядил четырех солдат для выполнения приказа генерала. Но французский солдат мало склонен к подобным хладнокровным экзекуциям: удары, которые они наносили ему, не проникали сквозь овчину; мы, вероятно, пощадили бы его жизнь, если бы не генерал, который, желая удостовериться, исполнят ли его приказание, не уезжал до тех пор, пока несчастный не упал замертво, сраженный выстрелом, который один солдат нанес ему в бок, чтобы не заставлять его страдать от

штыков. Мы так и оставили его на площади».¹²⁸

Итак, действующей силой пожара стали поджигатели Ростопчина и ураганный силы ветер. Поджог Москвы осуществлялся системно. И запалили город не бродяги, как их называет французский император. Бродяги вряд ли способны были на столь организованную, одновременную и слаженную работу. Поджигали Москву дворяне, агенты полиции, ремесленники, священники, переодетые в простолюдинов, нацепившие на себя парики и бороды, веером рассеявшиеся по Москве. Одни распространяли огонь факелами и пиками, вымазанными смолой, другие закладывали в печках оставленных домов гранаты и ядра, взрывавшиеся, когда французы пытались развести в них огонь.

Сам генерал-губернатор Ростопчин дал пример своим подчиненным, позаботившись и о поджоге домов своих близких. Так, он приказал спалить дом Протасовых, родственников своей жены: «У барышень Протасовых был в Москве дом на Пречистенке; в 1812 году оставался в нем дворник, который хотел беречь его вопреки неприятеля; раз ночью, когда он караулил его, он увидал верхового, который поравнявшись с домом Протасовых, выстрелил из пистолета; дом загорелся, дворник принялся кричать, но верховой сказал ему: «Молчи, это приказал Федор Васильевич. Дворник пошел с этим известием к барышням, уверяя их, что дом, верно, прежде еще был

чем-нибудь намазан, что так легко загорелся от выстрела. Он сгорел со всем, что в нем было», — рассказывала современница.¹²⁹

Москва превратилась в одну сплошную огненную ловушку, в которую попали оказавшиеся впервые в чужом городе иноземные вояки. Высланные в разные концы города патрули потерялись, потеряв способность ориентироваться в море огня. Некоторых и вовсе не нашли. «Каково было наше изумление, когда мы увидели... настолько распространился пожар: пламя справа и слева образовало сплошной свод, под которым нам приходилось идти, а это было невозможно, при сильно дувшем ветре и ввиду того, что некоторые крыши стали проваливаться».¹³⁰

Пройти сквозь огненную преграду и не погибнуть не было почти никакой возможности: «Чтобы добраться до другой, нетронутой улицы, надо было пройти расстояние шагов в триста; мы не решались пройти это расстояние, опасаясь горячей золы, которая могла ослепить нас. Пока мы совещались, один из моих приятелей предложил пробежать это расстояние бегом. Я советовал подождать еще, остальные разделяли мое мнение. Но тот, который внес первое предложение, видя, что мы в нерешимости и, не дав нам времени одуматься, крикнул:

— Кто меня любит, тот за мной!

¹²⁹ Воспоминания Е.И. Елагиной и М.В. Безр // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. — М., 2005.

¹³⁰ Воспоминания сержанта Бургоня. — СПб, 1898.

¹²⁸ Воспоминания сержанта Бургоня. — СПб, 1898.

Вид на Кремль во время пожара. Литография Шмидта.

И бросился бежать. Трое из нас пустились за ним следом, а я остался с тем солдатом, что нес нашу поклажу, все еще состоящую из трех бутылок вина, пяти бутылок водки и варенья.

Не успели они сделать и тридцати шагов, как исчезли с наших глаз, первый упал врасстяжку: следовавший за ним кое-как помог ему встать. Остальные двое закрыли себе лица руками и таким образом избежали опасности быть ослепленными, как первый, который ничего не видел — они попали в вихрь горячей золы. Первый, лишившись зрения, кричал и ругался напропалую, другие принуждены были поддерживать его, но не могли ни привести его назад, ни сами вернуться туда, где находился я и солдат с ношей. Я тоже не решался пойти к ним, так как проход становился с каждой минутой все опаснее. Более часу пришлось мне ждать, прежде чем я мог присоединиться к товарищам. Тем временем тот, что почти ослеп, для

того чтобы промыть себе глаза, принужден был смочить платок уриной, пока не удалось промыть глаза вином, которое было со мной, а пока я с солдатом, оставшимся при мне, осушили одну из бутылок».¹³¹

Чтобы передвигаться по охваченным огнем улицам Москвы, французы вынуждены были прибегнуть к подручным средствам. Они подбирали остывшие листы железной кровли и, защищая ими свои головы от летящих потоков пепла, кое-как выбирались из города. Входя в Москву, они рассчитывали на райскую жизнь, а попали в сущий ад.

В добавок к карающей силе огня, вспыхнувшего с новой силой, полил дождь, несколько не убавивший пламя, превращавший горы пепла в труднопроходимое месиво. Французы спасались от дождя, сооружая из валявшихся дверей близлежащих домов некое подобие шалашей.

¹³¹ Воспоминания сержанта Бургоня. — СПб, 1898.

Как французы Москву тушили

Русские и французы поменялись местами: первые хотели город уничтожить, вторые – спасти. И когда поджигателей ловили разъяренные французы, то зачастую убивали прямо на месте. Монахи-ням Страстного монастыря (также разоренного французами), не сумевшим эвакуироваться, еще долго снился Тверской бульвар, увешанный телами пойманных французами русских поджигателей.

Раненые русские солдаты, для эвакуации которых не хватило ни подвод, ни времени, были обречены на смерть вместе со всей Москвой: многие из них погибли, так и не сумев выбраться из охваченных огнем домов. Иногда французы сами спасали русских раненых. Бургонь описывает такой случай. В поисках продовольствия он вместе с сослуживцами оказался в набитой всякой всячиной бакалейной лавке, в одном из помещений которой находились тяжелораненые русские: «Пять канониров гвардии с раздробленными ногами. Всех их было семнадцать человек, многие были азиаты, – их легко было отличить по манере кланяться». Они были даже не в состоянии принести себе воды и попросили об этом французов.

Нагрузив доверху найденные по близости кареты продуктами, французы хотели было уже ехать,

пока не увидели, что к дому, где оставались русские раненые, приблизились какие-то вооруженные люди. У одного из них в руках была пика, у другого – сабля, у третьего – факел. Это были поджигатели: «Увидав это, мы пронзительно вскрикнули, чтобы испугать троих негодяев, но, к нашему удивлению, ни один не двинулся с места; они спокойно смотрели, как мы подходили, и тот, что был вооружен пикой, встал в горделивую позу с намерением защищаться. Но подойти нам было довольно трудно; с нами не было сабель. Капрал подоспел, однако, с двумя пистолетами, найденными в комнате у раненых. Он дал мне один из пистолетов, а другим собирался уложить человека с пикой. Но я пока остановил его, избегая поднимать шум, из опасения, чтобы нам не пришлось навязать себе на шею еще большее число противников.

Тогда один бретонец из числа наших людей схватил небольшое дышло от экипажа и, вертя его в руке, как тросточку, пошел на противника, тот, не умея сражаться таким способом, скоро свалился с перешибленными ногами. Падая, он испустил пронзительный крик; расходившийся бретонец не дал ему времени вскрикнуть еще раз и нанес ему в голову удар до того сильный, что пушечное ядро не могло бы оказать большего дейс-

***Пожар Москвы 3(15) сентября 1812 года. Вид из Кремля в сторону
Воспитательного дома. Гравюра И.Л. Ругендаса. 1813 г.***

твия. То же самое он собирался с двумя другими, но мы остановили его. Человек, державший в руках зажженный факел, ни за что не хотел его выпускать, он побежал со своей горевшей головней во внутрь дома, двое наших людей бросились за ним. Потребовалось не меньше двух ударов саблей, чтобы вразумить его.

Но в самый момент отъезда мы вдруг увидели, что огонь охватил дом. Мысль, что несчастные раненые должны погибнуть в мучительных страданиях, заставила нас остановиться и поспешить к ним на помощь. Немедленно мы отправились туда, оставив всего троих людей стеречь экипажи. Мы перетаскивали бедных раненых в сарай, стоявший отдельно от главного здания. Вот все, что мы могли для них сделать...

Не успели мы сделать и двадцати пяти шагов, как несчастные раненые, которых мы только что перетаскивали на новое место, завопили благим матом. Опять пришлось остановиться и узнать, в чем дело. Капрал отправился с четырьмя людьми. Оказывается, загорелась солома, сваленная кучами во дворе; огонь уже добрался до того места, где лежали несчастные. Капрал со своими людьми сделал все возможное, чтобы предохранить их, но, по всей вероятности, они так и погибли».

Французам приходилось спасать от поджога дома, в которых еще находились не сумевшие покинуть город москвичи. Бургонь пишет: «Мы услышали голоса женщин, звавших на помощь по-французски; мы вошли в дом, откуда слышались крики, думая, что

это маркитантки армии в драке с русскими. Войдя, мы увидали разбросанные в беспорядке разнообразные костюмы, показавшиеся нам очень богатыми, и навстречу нам вышли две дамы, взволнованные и растрепанные. При них был мальчик лет 12–15; они умоляли нас оказать им покровительство против солдат русской полиции, которые хотели поджечь их жилище, не дав им времени унести свои пожитки, между коими была одежда Цезаря, шлем Брута, латы Жанны д'Арк; дамы объяснили нам, что они актрисы, что мужья их поневоле должны были уйти в поход вместе с русскими. Мы воспрепятствовали пока поджогу дома, забрав с собой русских полицейских; их было четверо».

Таких случаев в те дни в Москве было немало. А к кому же еще, спросим мы, вынуждены были обращаться оставшиеся в городе москвичи? Вот и шли они к французским офицерам в поисках защиты. Один из самых известных примеров – просьба оставшегося за начальника в Воспитательном доме Ивана Тутолмина к самому Наполеону отрядить французский караул, чтобы предотвратить мародерство и поджоги. Москвичи попроще шли не к Наполеону, а к тем, кто был ближе: «Житель Москвы, француз по происхождению, парижанин, выдававший себя за владельца бань, пришел просить у нас защиты, так как его дом собираются поджечь. Я дал ему четырех солдат, но они вскоре вернулись, говоря, что уже поз-

дно – обширное здание бань все объято пламенем».¹³²

Все свои силы захватчики направили на тушение Кремля, избранного Наполеоном своей ставкой, и прилагающих к нему кварталов, занятых французскими генералами. Главным образом и по этой причине Кремль не сгорел. Генерал Арман Огюстен Луи де Коленкур пишет: «Пожар по-прежнему распространялся от окраинных предместий, где он начался, к центру. Огонь охватил уже дома вокруг Кремля. Ветер, повернувший немного на запад, помогал огню распространяться с ужасающей силой и далеко разбрасывал огромные головни, которые, падая, как огненный дождь, в расстоянии более ста туазов (1,95 метра – А.В.) от горящих домов, зажигали другие дома и не позволяли самым отважным людям оставаться поблизости. Воздух был так накален, горящие сосновые головни летели в таком количестве, что балки, поддерживавшие железную крышу арсенала, загорелись. Кровля кремлевских кухонь была спасена только потому, что там поставили на крыше людей с метлами и ведрами с водой, чтобы сбрасывать головни и смачивать кровлю. Лишь при помощи неслыханных усилий удалось потушить пожар в арсенале. Там был император, а в его присутствии гвардия была способна на все».

На Волхонке, где сегодня стоит Музей изобразительных искусств им. Пушкина, располагался Колымажный двор, над которым также

¹³² Воспоминания сержанта Бургоня. – СПб, 1898.

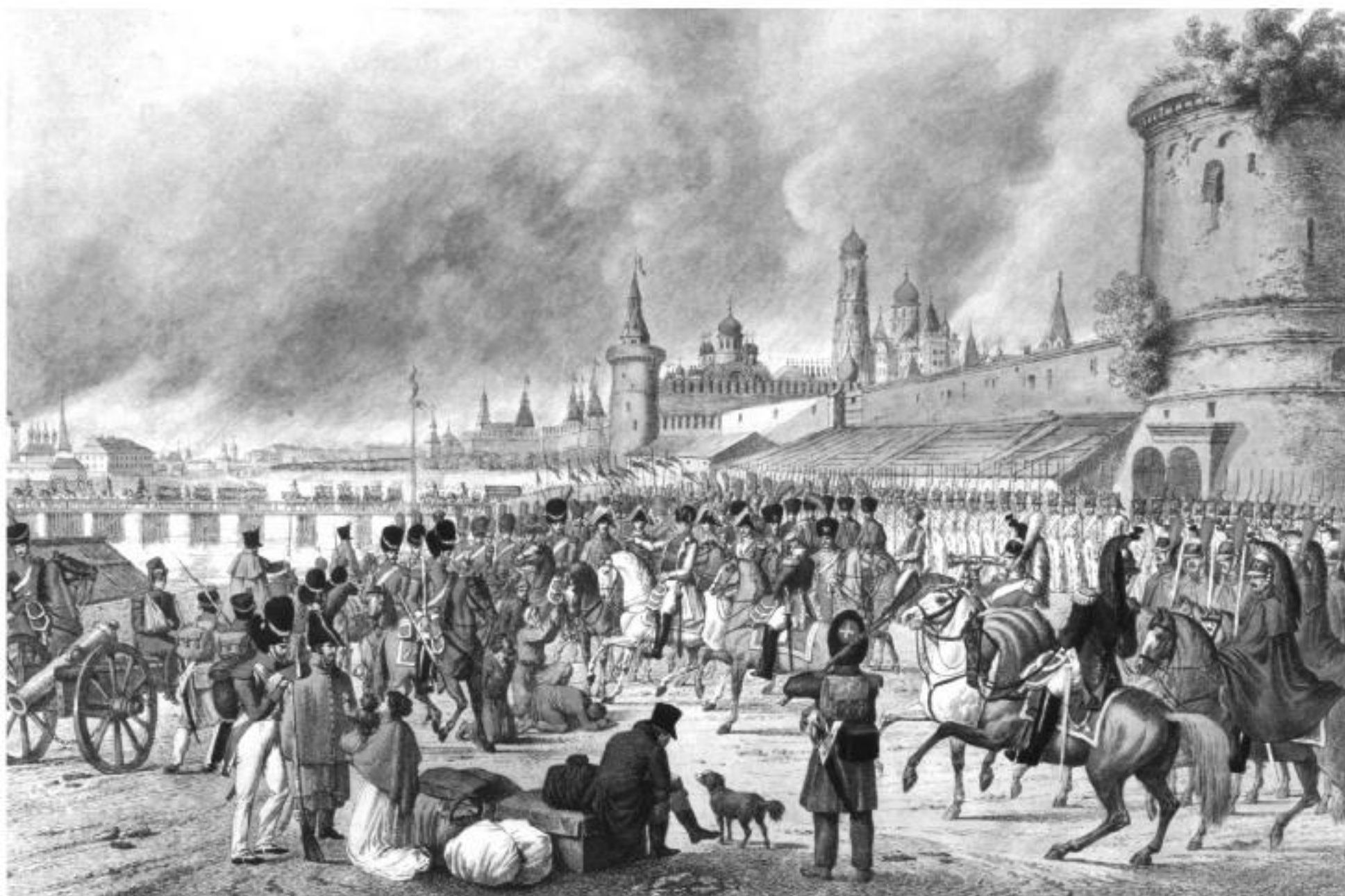
возникла опасность уничтожения: «Я отправился в дворцовые конюшни, где стояла часть лошадей императора и где находились коронационные кареты царей. Потребовалась вся энергия и все мужество берейторов и конюхов, чтобы спасти их; одни из конюхов взобрались на крыши и сбрасывали горящие головни, другие работали с двумя насосами, которые по моему распоряжению были починены днем, так как они тоже были испорчены. Можно без преувеличения сказать, что мы стояли там под огненным сводом», – писал Коленкур.

Особняк князя Сергея Голицына (ныне Институт философии РАН в Малом Знаменском переулке, дом 1) был избран Коленкуром для проживания его людей, участвующих в тушении огня наравне с москвичами: «Мне удалось спасти также прекрасный дворец Голицына и два смежных дома, один из которых уже загорелся. Людям императора ревностно помогали слуги князя Голицына, проявившие большую привязанность к своему господину. Каждый делал, что мог, чтобы поддержать принятые меры и остановить этот разрушительный огненный поток. Но воздух был раскален. Люди дышали огнем, и даже на обладателях самых здоровых легких это сказывалось потом в течение некоторого времени. Мост к югу от Кремля был до такой степени нагрет раскаленной атмосферой и падавшими на него головнями, что загорался каждое мгновение, хотя гвардия и в частности саперы считали для себя вопросом чести спасение этого

моста. Я оставался там с генералами гвардейских частей и адъютантами императора; нам пришлось оставаться под огненным градом, чтобы поддержать энергию людей, боровшихся с огнем. Более минуты нельзя было оставаться на одном месте; меховые шапки гренадеров тлели на их головах».

Затем в доме Голицына нашли приют русские погорельцы и среди них шталмейстер Н.А. Загряжский, служивший камергером еще при Павле I. Про Загряжского ходили самые разные слухи, в том числе и то, что он, сопровождая Наполеона в его поездках по городу, «умышленно оставшийся в Москве, прислуживает Французам и бывает часто у Наполеона, в шитом своем мундире», а на мундире этом красуется орден Почетного легиона. Коленкур же писал, что «шталмейстер императора Александра Загряжский, который остался в Москве, надеясь спасти свой дом, заботы о котором составляли смысл всей его жизни».

Послевоенное расследование установило, что Загряжский «лишился от пожара и разграбления двух своих домов» и сам нашел своего знакомого Коленкура с целью получить от него пропуск на выезд из Москвы. Последнее ему не удалось. Как свидетельствовал офицер-ополченец князь А.А. Шаховской, «отставной шталмейстер Загряжский никого не умилил. Хотя он и не был, как разнесся слух, в наполеоновой службе, но по прежней будто дружбе с Коленкуром в добром здоровье оставался под его покровительством в чужой Москве,

Пожар Москвы в 1812 году. Худ. И.А. Клейн. 1830 г.

для сохранения своего имущества, а может быть, и для приобретения к нему в случае им одним из русских желанного мира». ¹³³

Жил здесь и генерал-майор К.К. Торкель, немец по рождению, «который вышел в отставку после долголетней службы при императрице Екатерине. Эти несчастные потеряли все, и у них остались только солдатские шинели, в которые они кутались».

Москвичи победнее вынуждены были пережидать эти ужасные дни под открытым небом: «А в четверг, 5-го числа, запылала Покровка, Мясницкая, Сретенка, Труба, Петровка, Дмитровка, Тверская, Неглинная и другие смежные с ними улицы. Мы, с прочими местными жителями, в числе, наглядно, до пяти тысяч, выгнанные

повсюдным огнем, провели эту страшную ночь без сна, под открытым небом, расположившись табором недалеко от самотечного канала. Тут были все возрасты, от стариков до грудных младенцев. Сначала мы расселись было далеко от канала, но вскоре загоревшаяся за ними передняя линия деревянных домов стала нас обдавать жаром, и мы все переместились уже к самой набережной канала. Занятая нами ложбинная местность представляла тогда поразительное зрелище сплошных пожаров, раскинутых панорамой по отдаленным возвышенностям. То там, то там происходят по временам взрывы хранившегося для охоты пороха, предшествуемые черными клубами дыма и сопровождаемые огненными столбами; там загоревшиеся склады спирта озаряют окрестность газовым светом, падения с грохотом подгорев-

¹³³ Шаховской А.А. Первые дни в сожжённой Москве // Наполеон в России глазами русских. – М., 2004. – С. 269.

ших крыш на больших зданиях разносят тучами, подобно дождю, огненные галки, там, на видимых за Самотекой окраинах столицы, в Ямской, горят красным огнем запасы дегтя, картина неповторимая: страшная картина ада! Горят дома, горят церкви, колокольни. При нас загорелось в колокольне Высокопетровского монастыря; долго в ней горело; наконец, среди полуночной тишины раздался громopodobный удар: оборвался и загремел в падении большой колокол... Время было уже за полночь. Вдруг слышим, на конце народного сиденья поднялась тревога: явились два запоздалые пьяные поляка, вроде пана Капычинского, и начали шуметь и обирать кого попало. Женщины встревожились, поднялся плач испуганных детей. Соседние с ними мужчины поднялись, пошептались между собой, подошли к мародерам сзади, хватили их булыжником и тут же убитых затоптали в земляную канавку; управившись с недобрым делом, они, потряхивая оторванным капюшоном с шинели одного из этих несчастных, говорили, смеясь: «Вот только от буянов и осталось!» Теперь страшно и вообразить эту сцену публичного убийства; а тогда всем казалось, что так и надо!»¹³⁴

Но не всегда все так заканчивалось. Если от оккупантов можно было еще защититься, то сбившиеся в банды выпущенные из мос-

ковских тюрем острожники, захватившие власть на московских улицах, не щадили никого. В один из сентябрьских дней пытавшихся укрыться от огня москвичей на Полянке окружила банда разбойников: «Площадь огласилась воплями мучимых страдальцев. Грабители разрывали узлы, отыскивали драгоценности и разбрасывали остальное; с мужчин снимали одежду и сапоги, в которых сами нуждались обносившись; с голов женщин срывали платки и шали, с злобою сдергивали и срывали платья, вытаскивали из карманов часы, табакерки, золотые и серебряные монеты, вырывали из ушей серьги и снимали с пальцев кольца и перстни. Пусть всякой дополнит воображением, какое зрелище представляла эта площадь, окруженная пожаром, освещенная заревом, наполненная дымом, смрадом и пеплом, оглашаемая воем и свистом бури...»¹³⁵

Оккупанты не скрывали правды о происходящих в Москве событиях, объявляя новости дня в наполеоновских бюллетенях. Так, в бюллетене № 19 от 16-го сентября объявлялось о том, что «совершеннейшее безначалие царствовало в городе; пьяные колодники бегали по улицам и бросали огонь повсюду. Губернатор Ростопчин велел выслать всех купцов и торгующих, посредством которых можно было восстановить порядок. Более четырехсот Французов и Немцев задержаны по его приказанию. На-

¹³⁴ Харузин Е. «Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний...» // 1812 год в воспоминаниях современников. – М., 1995. – С. 164–169.

¹³⁵ Щукин П.А. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. – М., 1904. – Ч. 8. – С. 77.

конец, он велел выслать пожарную команду и трубы. Тридцать тысяч раненых или больных Русских находятся в госпиталях, оставленные без помощи и пищи».¹³⁶

Насколько пристально наблюдали за происходившим на московских улицах французы, чтобы увидеть толпы колодников, зажигающих город? Вопрос об использовании заключенных московских тюрем в поджоге до сих пор остается открытым. Например, В.Н. Земцов высказывает такую интересную версию: узнав 2 сентября 1812 года, что арестанты Временной тюрьмы еще не эвакуированы из Москвы, Ростопчин вполне мог найти им нужное применение, а именно: освободить, потребовав от них клятвы перед иконами в исполнении «патриотического долга». Именно в этом французы и обвиняли московского генерал-губернатора не только в сентябре 1812 года, но и впоследствии, пытаясь возложить на Ростопчина всю вину за поджог Москвы. Действительно, Ростопчин вполне мог использовать колодников для организации поджога Москвы, как использовал он для собственного спасения других арестованных – Верещагина и Мутона, устроив 2 сентября публичную казнь у ворот своего дома.

Подспорьем существования этой версии служит любопытный рассказ некоего очевидца, «заинтересованного в этом деле», переданный П.И. Бартеневым: «Незадолго до вступления французов в Москву к дверям слесаря, немца Гурни,

жившего в Немецкой слободе, подошел просить милостыни какой-то нищий в арестантском платье и с головою, наполовину обритою. Хозяйка дома дала этому несчастному все нужное для того, чтобы подкрепиться и потом еще несколько денег. «Сударыня, – сказал он ей, – в благодарность за вашу доброту ко мне, я дам вам совет: уезжайте как можно скорей». – «Зачем?» – «Этого мне нельзя сказать вам». – Но осажденный вопросами, он рассказал наконец, что все арестанты без исключения выпущены из острога; с них взяли слово, что они будут поджигать город, а для большей верности их заставили присягнуть перед иконами».

А вот следующий бюллетень, от 17 сентября: «Нашли в доме этого негодного Ростопчина (*miserable Rostopschine* – франц.) некоторые бумаги и одно письмо недоконченное. 16 числа восстал жестокий вихрь; от трех до четырехсот мошенников бросили огонь по городу в пятистах местах в один раз по приказанию Губернатора Ростопчина. Церквей, их было тысячу шестьсот. Эта потеря неисчислима для России; если оценить то в несколько тысяч миллионов, то еще не велика будет оценка. Тридцать тысяч Русских раненых и больных сгорели. И привели двести тысяч честных жителей в бедность; это злодеяние Ростопчина, исполненное преступниками, освобожденными из тюрем. Солдаты находили и находят множество шуб и мехов для зимы. Москва магазин оных».

Более чем красочной иллюстрацией трагедии, произошедшей

¹³⁶ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. – М., 1823.

в Москве и отразившейся, прежде всего, на остатках московского населения, служат следующие строки из октябрьских бюллетеней: «Кажется, что Ростопчин сошел с ума. В Воронове он зажег свой замок. Русская армия отрекается от Московского пожара; производители сего покушения ненавидимы в России... Большого стоило труда вытащить из загоревшихся домов и Госпиталей некоторую часть больных Русских; осталось еще четыре тысячи сих несчастных. Число погибших во время пожара чрезвычайно значительно... Жители, состоящие из двухсот тысяч душ, блуждая по лесам, умирая с голода, приходят на развалины искать каких-нибудь остатков и садовых овощей для своего пропитания». Пожилые монахини Страстного монастыря холодными октябрьскими ночами тайком пробирались на монастырский огород, чтобы выкопать мороженую картошку.

А семейство Бестужевых-Рюминых кое-как спасалось в эти дни и от мародеров, и от голода: «5 Сентября. В сей день горели Сретенская часть, что у Сухаревой башни, и самой тот дом, в котором я ночевал, обе Басманные улицы и Немецкая Слобода. Я с семейством моим и другими приставшими ко мне людьми укрывались от мародеров, везде грабивших, в одном огороде, близ церкви Спаса что во Спасском, которая, в два часа пополудни, загорелась. Среди сего огорода был пруд, и мы овощами утолили несколько голод, нас мучивший, но не избегли, однако ж, прозорливости мародеров; двое из

них пришли нас грабить; и виду же оных было более ста человек. Бедные творения! И они были без сапогов, без рубашек, платье едва наготу их прикрывало; они, обнажив тесаки, требовали наши сапоги и другие вещи, в которых самую необходимость имели. Безумное дело, казалось, сопротивляться, и потому отдавал им, что надобно.

...Нас было в оном около 50 человек; большая часть были женщины. Пришедшие два мародера, видя, что мы ни малейшего сопротивления их нахальным требованиям не делаем, вздумали раздевать женщин и искать сокровищ в таком месте, где только Алжирские корсары ищут. Я, боясь, что подобной обыск не был сделан и жене моей, подошел к ним, и сказал: «Messieurs! Vous pouvez prendre tout ce que vous voyez sur nous; mais si vous oser y toucher les dames et les femmes, qui sont ece, au nom du Createur, que vous ne reconnaissez pas, je jure de vous faire jeter dans cet eau bourbeuse» (Господа! Вы можете взять все, что вы видите на нас, но если вы осмелитесь коснуться этих дам и женщин, которых вы не знаете, я клянусь сбросить вас в эту грязную воду! — фр.), показывая на пруд. Они с сим словом вложили тесаки свои в ножны и уходя ответствовали: «Ah! Monsieur, si vous agirer comme cela, nous sommes bien vos tres humbles serviteurs... vos tres humbles serviteurs» (О! Месяе! Если вас это волнует, мы будем вести себя скромнее. — фр.), — повторили еще и пошли прочь. Вот герои, овладевшие Москвой!!

Я оставил огород по причине, что забор и деревья в оном уже загорелись, и вышел в поле между Троицкою заставою и Сокольниками, где и ночевал».

Пожар бушевал всю неделю и затих к 8 сентября. Возвращаясь в Кремль, Наполеон не узнал Первопрестольной: «Москвы – одного из красивейших и богатейших городов мира – больше не существует!» Прекрасные гостиницы, роскошные особняки и дворцы, отливавшие золотом своих куполов соборы – все то, что так пленило французов, обратилось в пепел. «Дым от пожарища густыми облаками окутал солнце, превратив его в кроваво-красный диск. Нельзя было различить направления улиц, лишь остовы каменных дворцов сохранили некоторые очертания того, чем они были раньше: очищенные от угля и пепла, эти остатки нового города походили скорее на остатки древностей», – переживал француз Лабом. Московский пожар провел большую и жирную черту в истории города, отныне все, построенное в нем,

разделялось границей – до и после 1812 года.

Но у московского пожара было и положительное свойство: французская армия лишилась зимней стоянки, на которую так рассчитывала после изнурительно похода: «Мы были господами Москвы, а между тем нам приходилось уходить из нее без всяких жизненных припасов и располагаться лагерем у ее ворот!», – писал адъютант Наполеона Сегюр. Все те огромные запасы продовольствия, что не были Ростопчиным и Кутузовым вывезены из Москвы, о которых с радостью докладывали Наполеону его генералы 2 сентября, оказались поглощены невиданным огнем и по большей части уничтожены.

Ростопчин же мог быть доволен: следуя «русскому правилу», Москва не досталась злодею, обратившись в пепел и золу. Было понятно, что долго в городе французы не пробудут. Уже в 20-х числах сентября началась эвакуация французских раненых в Смоленск. Вслед за ними повезли и то, что удалось наgrabить.

Борьба с поджигателями

Находившийся в эти дни при штабе Кутузова Ростопчин отправлял в сгоревший город своих полицейских агентов, докладывавших о том, как оставшиеся москвичи воюют с французами. Так, пристав Вороненко, вернувшийся из Москвы 4 октября, доложил ему о французах, «побиваемых жителями и женщинами», о крестьянах, что с ружьями в руках «положили всех на месте».¹³⁷

Действительно, с ужесточением французского «порядка» сопротивление москвичей несколько не уменьшалось, а все возрастало. 21-й Бюллетень от 20 сентября извещал: «Триста зажигателей были схвачены и расстреляны. Прекрасный Дворец Екатерины, вновь меблированный. В то время как Ростопчин вывозил пожарные трубы из города, он оставлял шестьдесят тысяч ружей, сто пятьдесят пушек и один миллион пятьсот патронов и проч. Пожар сей Столицы отталкивает Россию целым веком назад. В Кремле нашли многие украшения, употребляемые при коронации императоров, и все знамена, взятые у Турков в продолжение целого столетия».

Речь в этом бюллетене идет о Екатерининском дворце в Лефортово. Свидетелем пожара этого дворца стал все тот же Бургонь:

«В тот же день, вечером (7 сентября — А.В.) я снова был командирован в составе отряда, состоявшего из фузилеров, егерей и гренадер и из эскадрона польских улан — всего на всего 200 человек; нам поручено было охранять от поджога летний дворец императрицы, лежащий на одной из окраин Москвы. Этим отрядом командовал, если не ошибаюсь, генерал Келлерман.

Выступили мы в восемь часов вечера, а прибыли туда в половине десятого. Мы увидели обширное здание, показавшееся мне не меньше Тюильрийского дворца, но выстроенное из дерева и только покрытое штукатуркой, что делало его похожим на мраморное. Тотчас же поставили часовых снаружи и установили пост напротив дворца, где помещалась большая гауптвахта. Для пущей безопасности разослали патрули. Мне поручили с несколькими солдатами осмотреть внутренность здания, чтобы удостовериться, не спрятан ли там кто-нибудь. Это поручение доставило мне случай обойти это обширное здание, меблированное со всей роскошью, со всем блеском, какие могли доставить Европа и Азия. Казалось, ничего не пожалели, чтобы разукрасить его, а между тем в какой-нибудь час времени оно было совершенно истреблено; не прошло и четверти часа после того, как приняты были меры для устранения поджога, как

¹³⁷ 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.

дворец все-таки был подожжен спеша, сзади, справа, слева и притом так, что не видно было, кто поджигал. Огонь показался сразу в 12–15 местах. Видно было, как он вылетал из окон чердаков.

Немедленно генерал потребовал саперов, чтобы постараться изолировать огонь, но это оказалось невозможным, у нас не было ни пожарных труб, ни даже воды. Минуту спустя, мы увидали выходящих из-под больших лестниц и преспокойно удаляющихся каких-то людей, у которых еще были в руках горящие факелы. За ними бросились и задержали их.

Это они и подожгли дворец; их оказалось двадцать один человек. Еще одиннадцать было схвачено с другой стороны, но, очевидно, они не были во дворце. Да на них ничего не было найдено такого, что доказывало бы их участие в новом поджоге; тем не менее, большинство их были признаны каторжниками.

Все, что мы могли сделать, это — спасти несколько картин и драгоценных вещей; между прочим, императорские одежды и регалии, как, например, бархатные мантии, отороченные горностаевым мехом, и еще много других предметов, которые потом пришлось оставить.

Полчаса после того, как вспыхнул пожар, поднялся неистовый ветер и через десять минут мы очутились блокированными со всех сторон огнем, не имея возможности ни идти вперед, ни повернуть назад. Несколько человек были ранены пылающими бревнами, которые ветер гнал со страшнейшим шумом. Нам удалось выбраться из этого ада

только в два часа ночи, и к тому времени пламя охватило пространство около полу лье; весь квартал был деревянный и заключал в себе необыкновенно изящные постройки».

Нельзя не согласиться с французским сержантом — Екатерининский дворец действительно являлся одним из самых красивых зданий Москвы и ее предместий, ведь построен он был для императрицы Екатерины II, которая очень чутко следила за тем, как воплощаются ее архитектурные предпочтения. Авторство проекта приписывают ряду ведущих русских зодчих — В.И. Баженову, А. Ринальди, К.И. Бланку, Д. Кваренги, Ф. Кампорези. Начатый в первой половине 1770-х гг. и строившийся почти два десятка лет дворец обошелся казне в 4 миллиона рублей серебром. Интересно, что на этом месте дворцы стояли и раньше, первый был построен еще при Петре I. При последующих монархах он неоднократно перестраивался и возводился заново, его называли также Анненгофским и Головинским. И горел он не раз.

Тот дворец, что сгорел в 1812 году, в 1896 году был отдан императором Павлом под казармы, получившие название Екатерининских. Разрушения от пожара были настолько катастрофическими, что лишь в 1823 году дворец был возобновлен.

Вернемся к Бургоню, возвратившемуся обратно в боярские палаты, конвоируя схваченных поджигателей. Участь тридцати двух пленников была решена — их должны были казнить: «Так как мне поручена была полицейская

охрана ночью, то на моей же обязанности был арьергард и эскортирование пленных; мне дан был приказ пронзать штыками всякого, кто попытается бежать или не согласится следовать за нами. По крайней мере, две трети этих несчастных были каторжники, все с отчаянными лицами; остальные были мещане среднего класса и русские полицейские, которых легко было узнать по их мундирам.

По дороге я заметил в числе пленных человека, одетого довольно опрятно в зеленую шинель и плакавшего, как ребенок, повторяя ежеминутно на чистом французском языке: «Боже мой, во время пожара я потерял жену и сына!» Я заметил, что он больше жалеет о сыне чем о жене. Я спросил его, кто он такой? Он отвечал, что он швейцарец, из окрестностей Цюриха, и 17 лет состоит преподавателем немецкого и французского языков в Москве.

Я сжалился над несчастным, стал утешать его, говоря, что, может быть, он найдет пропавших, и зная, что ему суждено умереть вместе с остальными, я решился спасти его. Возле него шли два человека, крепко державшихся за руки — один старый, другой молодой; я спросил у швейцарца, кто они такие? Он отвечал, что это отец с сыном, оба портные. «Этот отец счастливее меня, — добавил учитель, — он не разлучен с сыном — они могут умереть вместе!» Он знал, какая его ожидает участь, так как понимал по-французски, слышал приказ, касавшийся пленных.

Разговаривая со мной, он вдруг остановился и стал растерянно

Екатерининский дворец в Лефортово

озираться. Я спросил, что с ним, но он не отвечал. Вслед затем из груди его вылетел тяжелый вздох; он опять принялся плакать, приговаривая, что ищет то место, где помещалась его квартира — что это именно тут: он узнает большую печь, еще уцелевшую. Надо прибавить, что кругом было светло, как днем, не только в самом городе, но и на далеком расстоянии от него.

В эту минуту голова колонны, имея впереди отряд польских улан, остановилась и не могла двигаться дальше, так как узкая улица была вся завалена обвалившимися зданиями. Я воспользовался моментом, чтобы удовлетворить желанию несчастного попытаться разыскать трупы сына и жены в развалинах жилья. Я предложил сопровождать его; мы свернули в сторону на пожарище его дома: сперва мы не увидели ничего, что могло бы подтвердить его догадку, и уже я начал обнадеживать его, авось его близкие спаслись. Как вдруг у входа в подвал я увидел что-то черное, бесформенное, скорченное. Я подошел и убедился, что это труп; только сразу невозможно было разобрать — мужчина это или женщина; я и не успел этого сделать; человек, заинтересованный в этом деле и стоявший

возле меня, как безумный, страшно вскрикнул и упал наземь. При помощи солдата мы подняли его. Придя в себя, он в отчаянии стал бегать по пожарищу, звать своего сына по имени и, наконец, бросился в подвал, где, я слышал, он упал, как безжизненная масса.

Я не нашел возможности следовать за ним и поспешил присоединиться к отряду, предаваясь грустным размышлениям насчет всего случившегося. Один из моих товарищей спросил меня, куда я девал человека, так хорошо говорившего по-французски; я рассказал ему о трагической сцене, разыгравшейся на моих глазах, и так как мы все еще стояли на месте, то я предложил ему взглянуть на пожарище. Мы подошли к дверям подвала; оттуда раздавались стоны. Мой товарищ предложил мне спуститься вниз, чтобы оказать ему помощь, но я знал, что извлечь его из этого погреба значит обречь на верную смерть — всех пленных предполагалось расстрелять — поэтому заметил, что было бы большой неосторожностью отважиться идти без света в такое темное место.

К счастью раздалась команда: «К оружию!» — это призывали нас продолжать путь. Только что собрались мы идти дальше, как услышали шаги. Судите о моем удивлении, когда я увидел возле себя моего несчастного знакомца; он был похож на призрак и тащил на руках меха, в которых, по его словам, он хотел похоронить жену и своего сына — последнего он нашел в погребе мертвым, но не обгоревшим. Труп, лежавший у дверей, принадлежал его

жене; я посоветовал ему спуститься в подвал и спрятаться до нашего ухода, и затем уже он может исполнить свой печальный долг. Не знаю, понял ли он меня, но мы ушли.

Добрались мы до Кремля в пять часов утра и всех пленных заключили в надежное место; но предварительно я позаботился отделить обоих портных, отца с сыном, с особым расчетом; как видно будет дальше, они оказались очень полезны нам за все время нашего пребывания в Москве».

Таким образом, Бургонь сумел спасти от смерти троих пленных. Остальных же расстреляли на следующий день. Утром из окна сержант увидел, как расстреливают каторжника: «Он не захотел встать на колени и принял смерть мужественно, колотя себя в грудь, как бы в виде вызова нам». А вечером Бургоня отправили на гауптвахту — майор Делетр прознал, что трое пленников избежали смерти по вине сержанта: «Я старался оправдаться, как мог, однако отправился в назначенное мне место. Там я застал еще других унтер-офицеров. Поразмыслив обо всем, я был рад, что спас жизнь троим пленным, будучи убежден в их невиновности».

Поведение Бургоня нельзя называть типичным, все-таки разъяренные французы не особо пытались установить истину, хватая на охваченных пламенем улицах русских людей. Свидетель тех дней, граф Василий Перовский вспоминал: «Я увидел несколько солдат, ведущих полицейского офицера в мундирном сюртуке. Его взвели на площадку, и один штаб-офицер

Расстрел поджигателей. Худ. В.В. Верещагин. 1897–1898 гг.

начал его допрашивать через переводчика. «Отчего горит Москва? Кто приказал зажечь город? Зачем увезены пожарные трубы? Зачем он сам остался в Москве?» и другие тому подобные вопросы, на которые отвечал дрожащим голосом полицейский офицер, что он ничего не знает, а остался в городе потому, что не успел выехать. «Он ни в чем не хочет признаваться, — сказал допрашивающий, — но очень видно, что он все знает и остался здесь зажигать город. Отведите его и заprite вместе с другими». Я старался, но тщетно, уверить, что квартальный офицер точно ни о каких мерах, принятых правительством, знать не может. «Что с

ним будет?» — спросил я у офицера, который его допрашивал. «Он будет наказан, как заслуживает: повешен или расстрелян с прочими, которые за ту же вину с ним заперты».¹³⁸

Именно эта горькая судьба, как мы помним, могла постигнуть и Пьера Безухова, прошедшего французский плен и много чего наглядевшегося во французских застенках.

Казни поджигателей проходили по всему городу. Рядом с домом Ростопчина появилась даже площадь, прозванная французами Площадью повешенных. Их казнили дважды: сначала расстреливали, а затем уже вешали на деревьях.

¹³⁸ Записки В.А. Перовского // Русский архив. 1895. — С. 265–266.

Тяжелая участь русских раненых. Миска с бульоном от Лористона

Норов А.С. Худ. П.Ф. Борель
с фотографии С.Л. Левитского. 1850-е гг.

Ужасным был конец оставшихся без помощи и лечения русских тяжелораненых солдат и офицеров: «Из всех зрелищ, кои вкупе являют пред нами картину разорения Москвы, самым страшным было зрелище пожара русских госпиталей; там оставались одни только тяжелораненые, ибо все те, которые были в состоянии держаться на ногах, бежали при приближении французской армии. Лишь только пламя охватило помещения, где они продолжали лежать вповалку, случалось видеть, как они ползли, пробуя спускаться

по лестницам или же выбрасывались из окон, испуская жалобные крики; но лишь на мгновение им удавалось оставаться в живых; они умирали, разбившись при падении с высоты, или становились жертвами голодной смерти безо всякой помощи. Более десяти тысяч раненных погибли таким образом», — писал француз-очевидец.¹³⁹

Среди тех, кому суждено было остаться в Москве, оказался и будущий известный русский ученый и литератор Авраам Сергеевич Норов. В Бородинском сражении прапорщику Норову ядром оторвало ступню, ногу пришлось ампутировать. 2 сентября Норов находился в Голицынской больнице. Его свидетельства чрезвычайно интересны:

«Пришла ночь, страшное пожарное зарево освещало комнату; я был весь день один. На другой день вошел в комнату кавалерист: это был уже французский мародер. Он начал шарить по всей комнате, подошел ко мне, безжалостно раскрыл меня, шарил под подушками и под тюфяком и ушел, пробормотав: «Il n'a done rien» («Однако, нет ничего!» — фр.), в другие комнаты. Через несколько часов после вошел старый солдат и также

¹³⁹ Chambray G. marquis de. Histoire de l'expédition de Russie. T. 2. Paris. 1825. P. 124–125; Шницлер И. Ростопчин и Кутузов. Россия в 1812 году / Пер., предисл. и примеч. А. Е. Ельницкого. СПб, 1912. С. 175.

приблизился ко мне. «Vous etes un Russe?» («Вы русский?» – фр.) – «Oui, je le suis». («Да» – фр.) – «Vous paraissez bien souffrir?» («Вы, кажется, сильно пострадали?..» – фр.). Я молчал. «N'avez-vous pas besoin de quelque chose?» («Не нуждаетесь ли вы в чем-нибудь?» – фр.) – «Je meurs de soif» («Я умираю от жажды» – фр.).

Он вышел, появилась и женщина; он принес какие-то белые бисквиты и воду, обмочил их в воде, дал мне сам напиться, подал бисквит и, пожав дружелюбно руку, сказал: «Cette dame vous aidera» («Эта дама вам поможет» – фр.). Я узнал от этой женщины, что все, что было в доме, попряталось или разбежалось от мародеров; о людях моих не было ни слуху, ни духу.

Следующий день был уже не таков: французы обрадовались, найдя уцелевший от пожара госпиталь с нужнейшими принадлежностями. В мою комнату вошел со свитою некто почтенных уже лет, в генеральском мундире, остриженный спереди, как стриглись прежде наши кучера, прямо под гребенку, но со спущенными до плеч волосами. Это был барон Ларрей, знаменитый генерал-штаб-доктор Наполеона, находившийся при армии со времени Итальянской и Египетской кампаний. Он подошел прямо ко мне».

Ларрей проявил удивительную заботу о Норове, лично принявшись оперировать его. Закончив, он сказал стоящему рядом французскому врачу: «Вы мне будете отвечать за жизнь этого молодого

человека!» Далее было еще интереснее:

«Еще через день приехал посетить госпиталь граф Лористон, бывший у нас послом в Петербурге и которого я так недавно видел в кругу нашего столичного общества; он поместился после пожара, поглотившего Москву, в уцелевшем роскошном доме графини Орловой-Чесменской близ нашего Голицынского госпиталя. Он оказал мне самое теплое участие, заявив, чтоб я относился к нему во всем, что будет мне нужно, и обещал присылать наведываться обо мне, что и исполнил, а в тот же день прислал мне миску с бульоном».

Ларрей оперировал и других русских раненых, которых свозили в Голицынскую больницу. Рядом с Норовым вскоре положили и французского раненого офицера. По доходящим до Норова слухам он догадывался о положении дел на русско-французском фронте, о бесплодных ожиданиях французами перемирия, о Тарутинском маневре. Несмотря на испытываемые физические недуги, моральный дух русских офицеров был весьма высок:

«Сердца наши знали и помнили слова манифеста, что наш меч не войдет в ножны, доколе хотя один неприятельский солдат будет оставаться на почве русской. Нам даже говорили о возможности возвратить нас в нашу армию, если мы для проформы дадим расписку, что в продолжение кампании не поступим опять в ряды; не знаю, было ли это нам сказано по распоряжению высшего начальства или

Ж.-Д. Ларрей.*Худ. А.Л. Жироде-Триозон. 1804 г.*

для нашего утешения, но никто из нас не согласился на эту проформу... Между тем я был неожиданно удивлен появлением в один день перед собою крестьянина Дмитрия Семенова, помещая моих родителей Рязанской губернии села Екимца, который вызвался проникнуть в Москву и доставить им известие обо мне. Неописанно утешенный, я написал с ним несколько строк, которые прошли через французскую цензуру и благополучно достигли до моих обрадованных родителей».

А когда началось отступление наполеоновской армии из Москвы, Норову довелось увидеть и самого французского императора. Вот как это было:

«Тишина, окружавшая наш отдаленный квартал, Калужский, внезапно заменилась неумолкающим шумом обозов; наконец, 7-го октября рано поутру началось движение войск... Зрелище бедственно отступавшей неприятельской

армии радостно волновало наши сердца; я просил придвинуть мою кровать ближе к окну. Вся улица была покрыта войсками, и не более как через полчаса командные возгласы возвестили приближение Наполеона. Окруженный свитой, он остановился против нашего госпиталя и, как бы осмотревшись, стал в самых воротах и начал пропускать мимо себя взводы полков. Хотя мне указывали на него, но я и без того не мог бы не узнать его по оригинальному типу, коротко уже мне известному. Раненые французы дали мне бинокль; однако я с необыкновенным злым равнодушием, взглянув раза два, возвратил бинокль, видя и без того довольно хорошо. Наполеон раза два слезал с лошади и опять садился на нее. Нельзя было не заметить, что войска нехотя бормотали, а не кричали ему: «Vive L'Empereur!» Это зрелище продолжалось более часа, и я, не дождавшись конца, улегся в своей постели, как бы упрекая себя за излишнее внимание к этому лицу».

Интересно, что, почувствовав приближающуюся и далеко не победную для Наполеона развязку его московского сидения, французы озаботились тем, как бы им и вовсе не поменяться местами с русскими. Заискивая перед оставшимися в Москве нашими ранеными, они умоляли их проявить сдержанность и благоразумие и пожалеть:

«Около пополудни растворились двери соседней с нами палаты, и целая процессия французов в халатах и на костылях, кто только

мог сойти с кровати, явилась перед нами. Один из них вышел впереди и сказал нам: «Messieurs, jusqu'a present vous eties nos prisonniers; nous allons bientot devenir les votres. Vous n'avez pas sans doute, messieurs, a vous plaindre du traitement que vous avez essuye; permettez-nous d'esperer la meme chose de votre part» («Господа, до сих пор вы были нашими пленниками, скоро мы будем вашими. Вам, конечно, нельзя на нас пожаловаться, позвольте же надеяться на взаимство» — фр.). Хотя мы не были еще совершенно уверены, что мы вышли из плена, но поспешили их успокоить, прося их сказать нам, когда действительно мы будем свободны, что они и обещали сделать. Прошло почти три дня: ни мы, ни французы не знали, в чьих руках мы находимся. Мародеры шмыгали повсюду, — и даже поджигатели, — как мы узнали после; но сами французы, которые только были несколько в силах, охраняли госпиталь с помощью госпитальных людей. В ночь с 10-го на 11-е октября мы были пробуждены страшным громом; оконные стекла в соседней комнате посыпались... Это был взрыв Кремля... Взрывы повторялись еще несколько раз. Сон уже оставил нас на всю ночь... Французы продолжали, как могли, стеречь нашу больницу от поджигателей. Наконец, поутру французские раненые офицеры известили нас, что наши казаки показались в Москве, и повторили нам свою просьбу; мы предложили им, будучи недвижны на наших кроватях, принести нам свои ценные вещи и деньги и

положить их к нам под тюфяки и под подушки, что они и сделали. Действительно, часа через три вошел к нам казацкий урядник с несколькими казаками; радость наша была неописанная. Мы несколько раз жарко с ними обнялись. Это были казаки Иловайского; они стерегли выход французской армии близ Калужской заставы и явились вслед за ними. Мы заявили, что в соседней палате лежат раненые французы, что мы были более месяца у них в плену, что они нас лечили и сберегли, что за это нельзя уже их обижать, что лежачего не бьют и тому подобное... Урядник слушал меня, закинув руки за спину. «Это все правда, ваше благородие; да посмотрите-ка, что они, душегубцы, наделали! Истинно поганцы, ваше благородие!» — «Так,

**Хирург I класса
французской армии. 1809 г.**

так, ребята, да все-таки храбрый русский солдат лежачего не бьет, и мы от вас требуем не обижать!» — «Да слушаем, ваше благородие, слушаем!» — и направились в растворенные к французам двери. Сколько можно мне было видеть, казаки проходили мимо кроватей, косясь на притаивших дух французов. Несколько времени было тихо, но вдруг послышался шум, и явился к нам взволнованный в распахнутом халате офицер: «Messieurs, messieurs! on m'a ote mon sabre d'honneur! De grace, de grace!..» («Господа, господа! у меня отняли мою почетную саблю. Сжальтесь, сжальтесь!» — фр.). Мы насилу его вразумили, что будучи пленным, он не может сохранять при себе оружие, что если он дорожит своею саблею, то зачем же он нам не отдал ее под сохранение вместе с другими вещами; что с нашей стороны было бы весьма неловко требовать возврата того, чего не следует возвращать, и притом от войска

иррегулярного... Вскоре прибыли сотник и один штабс-офицер, весьма обходительный. Мы ему объяснили все обстоятельства; он занялся составлением списка пленных французов, и при нем мы выдавали им по рукам все их вещи и деньги, также по записке. Он знал несколько по-французски и успокоил в их судьбе как их самих, так и нас».¹⁴⁰

Заботу об оставленных в Москве раненых французах после освобождения Москвы проявляла вдовствующая императрица Мария Федоровна, высылавшая из Санкт-Петербурга деньги на лекарства и лечение. Немало французов даже осталось после выздоровления в России жить, обзаведясь семьями (через четверть века, в 1837 году в Москве и Московской губернии проживало около трех с лишним тысяч бывших пленных, освоивших вполне мирное ремесло — это были купцы, приказчики, гувернеры, мастера).

¹⁴⁰ России двинулись сыны. Записки о войне 1812 года ее участников и очевидцев. — М., 1988.

Как москвичи Воспитательный дом отстояли

Среди многих примеров самоотверженного поведения москвичей в оккупированной Первопрестольной хочется остановиться на одном из самых драматических. Речь идет о защите Воспитательного дома, что и по сей день стоит на Москворецкой набережной.

Когда утром 2 сентября 1812 года генерал-губернатор Москвы Ростопчин в спешке покидал вверенный ему императором Александром I город, вместе с ним Москву оставили и чиновники губернаторской канцелярии, и полиция, и все, кто мог эвакуироваться. Кто же остался в Первопрестольной? Об этом узнаем из дневника князя Волконского: «Итак, 2-го город без полиции, наполнен мародерами, кои все начали грабить, разбили все кабаки и лавки, перепились пьяные, народ в отчаянии защищает себя, и повсюду начались грабительства от своих».¹⁴¹

Одним из немногочисленных московских чиновников, оставшихся в такой тяжелой обстановке в городе был действительный тайный советник Иван Акинфиевич Тутолмин, главный надзиратель Императорского Московского Воспитательного дома.

Дом этот занимал целый квартал на Солянке между Свиныйским переулком и Солянским про-

Тутолмин И.А.

ездом. В то время адрес его был таков: «в Мясницкой части под номером 1» или «на Солянке и на Набережной, в 1 квартале», или еще «близ Варварской площади».¹⁴²

История Воспитательного дома началась почти за полвека до описываемых нами событий — с манифеста императрицы Екатерины II от 1 сентября 1763 года об учреждении «Сиропитального дома»: «Объявляем всем и каждому. Призрение бедным и попечение о умножении полезных обществу жителей, суть две верховныя должности и доб-

¹⁴² П... Ф... «Некоторые замечания, учиненные со вступления в Москву французских войск (и до выбегу из оной)» // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. — С. 25–32.

¹⁴¹ Волконский Д.М. Указ. соч.

родетели каждого Боголюбиваго владетеля. Мы, питая их в нашем сердце, восхотели подтвердить ныне представленный нам генерал-поручиком Бецким проект с планом о построении и учреждении общим подаянием в Москве, как древней столице империи нашей, Воспитательного дома для приносимых детей с особливим гошпиталем сирым и неимущим родительницам... И тако мы сим, как оный с планом проект во всех его частях, так представленный нам об оном доклад, высочайше confirмуя, определяем быть ему государственным учреждением...»¹⁴³

Упомянутый выше Иван Иванович Бецкой – личный секретарь государыни и президент Академии художеств, главный инициатор учреждения Воспитательного дома. Выдающийся общественный и государственный деятель своего времени, Бецкой разработал образовательную реформу в духе Просвещения, одними из пунктов которой были «Генеральное Учреждение о воспитании юношества обоего пола», а также «Генеральный план» Московского воспитательного дома, представленный им императрице в 1763 году.

По мысли Бецкого, молодое поколение каждого российского сословия должно было воспитываться в своих, закрытых, специально созданных для этого учебных заведениях. В 1764 году первым в России открылся Императорский Москов-

ский Воспитательный дом, созданный для подкидышей, внебрачных детей, сирот, а также детей из беднейших семей. При доме был и «особливый госпиталь» для «сирых и неимущих родительниц».

Здание нового (как для Москвы, так и для России) заведения на протяжении всего своего существования неоднократно достраивалось, став в итоге крупнейшим в Первопрестольной. По проекту предполагалось, что Воспитательный дом будет состоять из трех корпусов в форме каре, из которых в 18 веке успели возвести лишь два (архитектор К.И. Бланк). Проект предполагал возведение «громادного центрального пятиэтажного корпуса, так называемые корделожы, к концам которого должны были примыкать под прямым углом два строения квадратной формы высотой в пять этажей с внутренним двором посередине, а также множество связанных между собой маленьких служебных помещений».¹⁴⁴

В девятнадцатом веке над дальнейшим расширением и оформлением дома работали лучшие зодчие России – М.Ф. Казаков, отец и сын Жилярди, Ю.М. Фельтон, А.Г. Григорьев, М.Д. Быковский. Достраивалось здание и в советское время (арх. И.И. Ловеико), правда, уже не для воспитательных нужд, а для учебных – и сегодня здесь находится Военная академия Ракетных войск стратегического

¹⁴³ Генеральный план Императорского воспитательного, для приносных детей, дома и Госпиталя для бедных родильниц в Москве, 1763–1767 гг. – СПб, 1889. – 77 с.

¹⁴⁴ Лебедев В.И. Очерк деятельности Московского воспитательного дома (1764–1896 гг.) // Известия Московской Гор. Думы. – Вып. I, июль-август, 1898. – С. 1–65.

Воспитательный дом. Худ. Ф.Я. Алексеев. 1800 г.

назначения им. Петра Великого. А в другом здании (Опекунского совета), выходящем на Солянку, разместился президиум Российской академии медицинских наук.

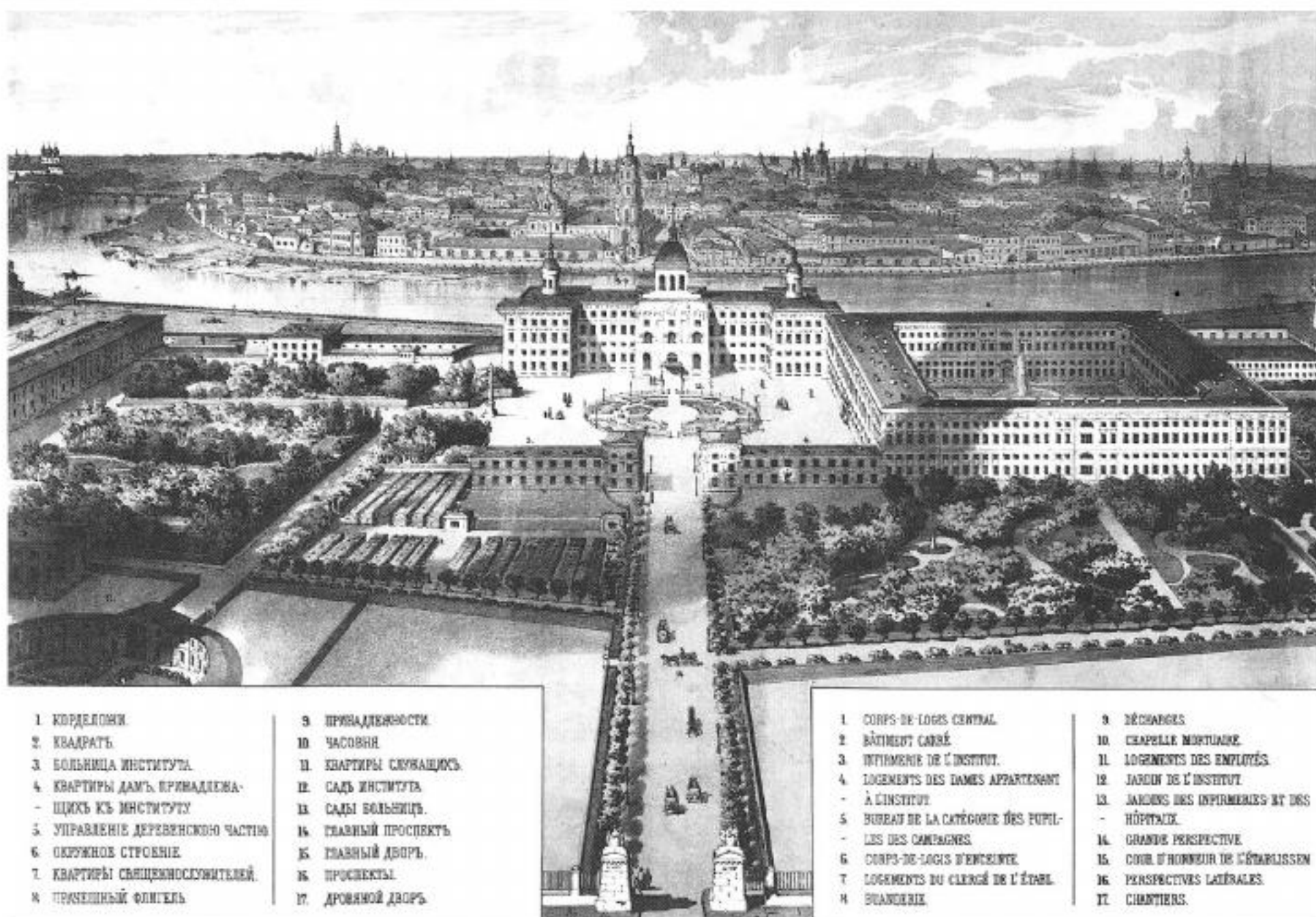
Управлялся дом главным попечителем, ниже которого был Опекунский совет, которому, в свою очередь, и подчинялся главный надзиратель.

Итак, открытие такого богоугодного заведения в Москве стало важнейшим событием в жизни российского государства, ведь в Европе подобные учреждения существовали еще в семнадцатом веке. Девизом дома стали слова «Себя не жалея, питает птенцов», имелась в виду изображенная на гербе богоугодного заведения птица пеликан, кормящая своих птенцов. А в 1767 году все российские губернии были извещены, что отныне Вос-

питательный дом готов к приему детей со всей империи.

В 1797 году новый самодержец Павел I значительно повысил статус Воспитательного дома, отдав его под ведомство своей венценосной супруги, императрицы Марии Федоровны, совсем не формально, а искренно и заинтересованно занимавшейся делами по воспитанию подкидышей и детей из бедного сословия.

По образцу московского Воспитательного дома открылись аналогичные учреждения и в других городах империи. Но и их не хватало, а потому немало беспризорных детей везли по-прежнему в Первопрестольную. С каждым годом росло число сирот, нашедших приют в московском Воспитательном доме, к 1812 году число их превысило сто тысяч!

Воспитательный дом. Вид со стороны Солянки. 1820-е гг.

Несмотря на заверения генерал-губернатора Ростопчина, до последнего дня августа 1812 года сообщавшего в своих афишках, что Москва сдана не будет, главный надзиратель Воспитательного дома Иван Тутолмин предпринял все меры к эвакуации детей из Воспитательного дома. Но много воспитанников вывезти из Москвы не удалось – всего лишь 333 человека эвакуировали в Казань.

В Воспитательном же доме оставалось почти в два раза больше детей. Согласно ведомости, представленной Тутолминым Наполеону, на 6 сентября в Воспитательном доме находилось грудных детей обоего пола 275 человек, от года до 12 лет здоровых – 207 и от года до 18 лет больных – 104 человека. Всего же в Воспитательном доме было 586 детей. Кроме того, в родильных «гошпиталях» Воспитательно-

го дома было 30 беременных женщин, «родильниц» и вдов. А всего служащих, кормилиц, няnek и прочих насчитывалось 1125 человек.¹⁴⁵

Недостаток подвод, а самое главное, дефицит времени не позволил эвакуировать детей из Москвы. Не только Ростопчин, Кутузов, но и непосредственная начальница Тутолмина – вдовствующая императрица Мария Федоровна не давали ему возможности форсировать события. В секретном распоряжении Тутолмину Мария Федоровна велела детей «оставить до того момента, когда опасность не станет неизбежной».¹⁴⁶

¹⁴⁵ Материалы для истории Императорского московского воспитательного дома, изданные ко дню столетнего юбилея Воспитательного дома 1 сентября 1863 г. Выпуск 1-й. – М., 1914.

¹⁴⁶ Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы. – М., 2010.

Императрица также надеялась, что малолетних детей французы не тронут, поэтому их можно не эвакуировать «в надежде, что такое милосердное учреждение будет уважено неприятелем».¹⁴⁷

Интересно, что перед эвакуацией несколько старших воспитанников и служащих дома вступили в народное ополчение, причем по собственной инициативе. Шестнадцать подростков из домашних ремесленных и один из аптеки были определены в ополчение унтер-офицерами.¹⁴⁸

В период французской оккупации, благодаря Тутолмину, Воспитательный дом стал островком спасения в охваченной пожарами и мародерством Москве. Сюда стремились попасть те, кто бежал от французского насилия, пытался найти кров и стол, приют и лечение. Не только детей, но и немало взрослых москвичей сумел спасти скромный и честный патриот Иван Тутолмин и его товарищи:

«Не находя себя в безопасности, — отмечал Бестужев-Рюмин, — я рассудил также с семейством моим искать спасения в Воспитательном доме, и его превосходительство Иван Акинфьевич Тутолмин дал мне, по милости своей, в оном комнате, в которой я поместился».¹⁴⁹

¹⁴⁷ Материалы для истории Императорского московского воспитательного дома, изданные ко дню столетнего юбилея Воспитательного дома 1 сентября 1863 г. Выпуск 1-й. — М., 1914. — 261 с.

¹⁴⁸ Альбицкий В.Ю., Баранов А.А., Шер С.А. Императорский московский воспитательный дом: (1763–1813 — первые 50 лет в истории Научного центра здоровья детей РАМН). — М., 2009.

¹⁴⁹ Бестужев-Рюмин А.Д. Указ. соч. С. 379

А вот что писал князь С.М. Голицын: «Ежедневно прибегали под кров его лица разных званий и состояний; ежедневно приводили туда детей осиротевших или разрозненных со своими родителями во всем общего смятения и пожара».¹⁵⁰

В общей сложности в Воспитательном доме нашли спасение более трех тысяч москвичей. Неудивительно, что многие выжившие в период французской оккупации всю оставшуюся жизнь добрым словом вспоминали Воспитательный дом и его начальника. А благодарить было за что, ведь если Дом являлся островком спасения, то Москва представляла собою море хаоса и царство Бахуса, в котором тонули и погибали несчастные москвичи.

К числу распоясавшихся любителей Бахуса присоединились и рабочие и караульщики Воспитательного дома, призванные охранять богоугодное заведение. Вместо того чтобы взять под защиту население дома, они принялись носить из близлежащих кабаков ведра с вином, о чем рассказывал сам Тутолмин: «Войска наши, вошедшие в Москву, кабаки разбили поблизости Воспитательного дома, народ мой перепился; куда ни сунься, все пьяно: караульщики, рабочие; мужчины и женщины на-таскали вина ведрами, горшками и кувшинами; принужден в квартирах обыскивать; найдя, вино лил, а их бил и привел в некоторый по-

¹⁵⁰ Князь Сергей Михайлович Голицын. Воспоминания о пятидесятилетней службе его в звании почетного опекуна и председательствующего в московском опекуновском совете. — М., 1859.

рядок; а неприятель уже в город по всем улицам фланкирует и около Москвы цепь обводит».¹⁵¹

Так Иван Тутолмин и немногочисленные преданные ему сотрудники оказались один на один перед толпой распоясавшейся черни. В такой обстановке главный надзиратель Воспитательного дома принял единственное верное для того времени решение – скорее просить защиты у Наполеона. Тутолмин сам явился в Кремль и, обратившись к первому попавшемуся французскому генералу, изложил ему свою просьбу – взять под защиту Воспитательный дом и содержащихся в нем детей. Просьба возымела действие: вновь назначенный комендантом Москвы генерал Дюронель выделил Тутолмину целую дюжину жандармов во главе с офицером, которые немедленно отправились на Солянку. Они быстро обосновались в Воспитательном доме, тем более что Тутолмин приказал накормить их по высшему разряду. А поесть изголодавшиеся по горячей пище гвардейцы императора любили, как отчитывался позднее Иван Акинфиевич, лишь за четыре дня своего постоя в Воспитательном доме взвод французов уплел продуктов более чем на 600 рублей!

Во время своего смелого визита в захваченный французами Кремль 2 сентября 1812 года, Тутолмин был не один. Поскольку вражеский язык он знал неважно, с собою в качестве переводчика

Иван Акинфиевич прихватил и весьма способного юношу – Петра Христиани, будущего декабриста, а тогда четырнадцатилетнего отрока, отец которого Х.Х. Христиани служил экономом и вместе с Тутолминым отважно защищал Воспитательный дом. Вообще же у него было три сына, и все они вместе с отцом вели себя смело и бесстрашно, за что впоследствии удостоились монаршей благодарности.

В своем донесении от 11 ноября 1812 года императрице Марии Федоровне Тутолмин хвалил Христиани: «Не могу... я умолчать о трудах бывших при мне в смутное время... нашего эконома Христиани двух сыновей... Франца и Петра Христиани».¹⁵²

Правда, другие источники утверждают, что во время визита в захваченный французами Кремль вместе с Тутолминым был не кто иной, как зодчий Д.И. Жилярди, служивший архитектором при Воспитательном доме.¹⁵³ (Он, кстати, и выстроил здание Опекунского совета Воспитательного дома, в котором нынче находится президиум РАН.)

Французы взяли Дом под защиту, намереваясь устроить в его помещениях госпиталь для своих солдат и офицеров. 4 сентября в Воспитательный дом с целью осмотра его покоев и приспособле-

¹⁵¹ Щукин П.И. Московский воспитательный дом в 1812 г. // Русский архив. – 1900. – Кн. 3. – С. 457–475.

¹⁵² Князь Сергей Михайлович Голицын. Воспоминания о пятидесятилетней службе его в звании почетного опекуна и председательствующего в московском опекунском совете. – М., 1859. – С. 12.

¹⁵³ Щукин П.И. Московский воспитательный дом в 1812 г. // Русский архив. – 1900. – Кн. 3. – С. 458–459.

Воспитательный дом, Москва. 1883 г.

ния их под лазарет пожаловал сам господин Лессепс, выполнявший обязанности московского гражданского губернатора. Выше Лессепса в учрежденной Наполеоном московской администрации был только новый губернатор, назначенный Наполеоном маршал Мортье.

Итак, первая опасность – разграбление Воспитательного дома – была Тутолминым предотвращена. Но вскоре возникла опасность иного рода – Воспитательный дом мог погибнуть в результате пожара. Вот что рассказывал один из подчиненных Тутолмину людей, решивший сохранить свое имя под инициалами П.Ф.:

«В сей же день с половины дня в окружности помянутого дома обнялась почти вся Москва ужасным пламенем, казалось, что даже само небо пылало огнем; ужасный шум необычайного вихря, свист, стон и крик погибающего скота казало взору моему представления света!

Душа моя совершенно колебалась между страхом и надеждою; напоследок слезы облегчили грусть мою, все сие должно было видеть, но описать слабое перо мое не в состоянии. В первом часу ночи огонь со всех сторон стал приближаться, искры рассыпались по всему двору и воздуху; дом сей несколько раз загорался и при всяком разе загасали его чиновники, остававшие тут, сами они носили воду и предохраняли от малейшей опасности, даже малые дети, которые не в состоянии были носить воды, затапывали ногами падающие искры. Все сие приписать должно неусыпному старанию г-на Тутолмина, который все сии шесть недель был почти безотлучно на дворе.

Вдруг зачинается большая суматоха, объявляют, что должно выходить; первый предмет взору представляются кормилицы с несчастными детьми, шум, вой и

плач их разрывали душу мою на части.

К четвертому часу утра тщанием г-на Тутолмина дом сей был почти в безопасности, народ, живущий в нем, стал собираться в свои места... Ветер порывистый весь день продолжался, пожары местами сизнова оказывались. На другой день со двора было сойти ни на шаг, везде грабили так, что снимали даже рубашки.

Пятого числа, в четверток, пожары везде продолжались, как равно и грабежи, везде слышны были неистовые поступки французов, чинимые ими в наших церквах, как то: вводили в оные лошадей, разграбляли ризы, обдирали образа, ставили их вверх ногами, раскидывали по полу и жгли их в кострах...

Шестого числа, в пятницу, Бог даровал небольшой дождь, который пожарам отчасти препятствовал». ¹⁵⁴

Воспитательный дом оказался буквально в огненной блокаде. И ведь что поразительно – здание выходило одной своей стороной на набережную Москва-реки, вода – рядом, вот она: бери сколько хочешь. Не было лишь пожарных труб, которые вывезли из Москвы по приказу Ростопчина.

В Воспитательном доме каким-то чудом сохранилось несколько пожарных труб, видимо, единственных на всю Москву. Но и их не хватало, и тогда Тутолмин мобили-

зовал всех, кого только было можно на тушение огня, даже малолетних воспитанников:

«4-го сентября при сильном ветре окружен был дом наш со всех сторон горящими строениями и ужасным пламенем. Барки частью пустые, частью наполненные пшеницею и другим хлебом, стоявшие в Москве-реке под самым домом нашим, объаты были пламенем, а также и мука, и хлеб, выгруженные на берег и положенные в большие яруса. Между тем приняты были, однако ж, все меры для спасения дома нашего от пожара. Лабазы, выстроенные на берегу и наполненные мукою и хлебом, подвержены были великой опасности». ¹⁵⁵

Сам Иван Тутолмин принимал непосредственное участие в тушении пожара: «Окруженный со всех сторон пламенем, Воспитательный дом находился в большой опасности. Неоднократно загорались оконные рамы и косяки Дома, соседние заборы, и главный надзиратель со служащими гасили водой сыпавшиеся, как дождь, искры и тем самым спасли Воспитательный дом». ¹⁵⁶

В борьбе с огненной стихией принимали участие уже упомянутые нами отец и сын Христиани, им удалось привести в порядок одну пожарную трубу:

«Мне с старшим сыном моим, одним из помощников моих, и дру-

¹⁵⁴ П...Ф... «Некоторые замечания, учиненные со вступления в Москву французских войск (и до выбегу из оной)» // 1812 год в воспоминаниях современников. – М., 1995. – С. 25–32.

¹⁵⁵ Христиани Х.Х. Записка. // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. – С. 46–48.

¹⁵⁶ Щукин П.И. Московский воспитательный дом в 1812 г. // Русский архив. – 1900. – Кн. 3. – С. 458–459.

гими добрыми людьми удалось потушить многие места, кои было загорелись. В это же время загорелся с одной стороны мост, находящийся при устье р. Яузы. Но как я туда уж и до сего отправил пожарную трубу, то и отстояли горящий мост с помощью многих посторонних людей, даже женщин и девок, кои с собственного движения стали носить воду. Ежели б сие не удалось, то достиг бы огонь дрова, лежавшие в множестве выше моста, и тогда бы невозможно было спасти с сей стороны большое наше окружное строение. Но пламя угрожало также сему строению со стороны улицы Солянки, куда мы все и бросились. Я с сыновьями и помощниками моими, а также и некоторые обыватели стали сламывать горящие заборы и деревянные домики и уносить дрова; без сей предосторожности огонь бы добрался до наших деревянных сараев, конюшней и погребов, и тогда бы невозможно было отстоять реченное большое строение. Но с помощью Всемогущего отвратили мы сие несчастье, в чем способствовал нам много расторопный и отважный наш пожарный начальник Бауермейстер, неоднократно подвергавшийся великой опасности».¹⁵⁷

Тот самый четырнадцатилетний подросток, что исполнял обязанности переводчика при Тутолмине, Петр Христиани совершил героический поступок:

«Младший сын мой, — пишет его отец, — помогавший тушить пожар со стороны Солянки, удалился опять к реке. Вдруг заметили, что в

5-м этаже квадрата (имеется в виду Воспитательный дом — А.В.) в отделении, принадлежавшем кормилицам, загорелась деревянная решетка пред окном. Сын мой взбежал со всевозможною скоростью по лестницам, открыл горящее уже окно и столкнул на двор решетку, объятую пламенем. Сим решительным поступком отвратил он и сию опасность».¹⁵⁸

Несмотря на то, что вспомогательные строения вокруг Воспитательного дома сгорели, как то: аптека, конюшни, домашняя кузница, само здание удалось отстоять. В последующие ночи служащие дома неотлучно охраняли дровяной склад, опасаясь его возгорания.

6 сентября, когда большая часть Москвы сгорела, в Кремль решил вернуться и Наполеон. В тот же день обзревая дымящиеся развалины, он не мог не обратить внимание на оставшийся целым и невредимым Воспитательный дом, героически спасенный его жителями от уничтожения. Как вспоминал секретарь-архивист императора, Фэн, Наполеон сказал другому своему помощнику: «Поезжайте и посмотрите от моего имени, что случилось с этими маленькими несчастными».¹⁵⁹

Этого помощника, секретаря-переводчика звали Делорн де Девиль. Он хорошо говорил по-русски и, как и упомянутый главный интендант Лессепс, бывал в России до войны и даже успел тогда

¹⁵⁸ Христиани Х.Х. Указ. соч.

¹⁵⁹ Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы. — М., 2010.

¹⁵⁷ Христиани Х.Х. Указ. соч.

Воспитательный дом в наши дни

познакомиться с Тутолминым, которого он охарактеризовал своему императору как весьма достойного человека.

Судя по записям Фэна, Тутолмин очень обрадовался Делорну: «Защита вашего государя стала для нас милостью неба, и без защиты, которую ваш государь нам предоставил, не было бы надежды защитить наш дом от того, чтобы он не стал добычей грабежа и пожара».¹⁶⁰ Не меньший восторг вызвало его появление и у детей, дружной ватагой обступивших француза.

Собственно, Делорн приехал за Тутолминым, которого он затем повез в Кремль на встречу с самим императором Наполеоном. Встреча эта стала поистине исторической, поскольку иллюстрирует пример поисков мира с Александром I, предпринятых французским императором в сентябре 1812 года. Это

стало второй ошибкой Наполеона. Самоуверенность императора не позволила ему понять загадочную русскую душу. Казалось бы, можно ли надеяться на мирные переговоры с противником, после того как он сжег свою древнюю столицу? Уже сам этот факт, выраженный в девизе «Так не доставайся ты не кому», служит своеобразным ответом агрессору. Русские не просто спалили Москву, они сожгли мосты к возможным мирным переговорам.

Наполеон принял Тутолмина в Кремле 7 сентября. Разговор продолжался почти полчаса, в течение которого говорил в основном Наполеон. О содержании их разговора мы можем судить как по письмам и донесениям самого Тутолмина (например, его письмо вдовствующей императрице Марии Федоровне от 11 ноября 1812 года, опубликованное в 1900 году в «Русском архиве», № 11), так и по

¹⁶⁰ Земцов В.Н. Указ. соч.

воспоминаниям наполеоновского секретаря Фэна.

Войдя в кабинет, Тутолмин поклонился Наполеону, находившемуся в хорошем расположении духа, что продемонстрировала не совсем уместная шутка императора. Он спросил, боятся ли до сих пор сироты Воспитательного дома, что французы их съедят? В ответ Тутолмин изрек обязательные в таком случае слова благодарности в адрес императора за его заботу о детях, за выделенную охрану и т.д. Видимо, удовлетворившись ответом Тутолмина, Наполеон решил прочитать ему лекцию о том, что если бы «этот Ростопчин» не сжег Москву, то всем москвичам было бы сейчас также хорошо, как и населению Воспитательного дома.

Ростопчина Наполеон вспоминал не раз и не два в своем обличительном монологе, причем, самыми недобрыми словами. Могло даже сложиться впечатление, что поскольку Москва занята французами, то и в этом также виноват московский генерал-губернатор. «Донесите о том императору Александру!» – то ли попросил, то ли приказал Наполеон Тутолмину.

Наговорившись, напоследок (так решил Иван Акинфиевич) Наполеон спросил русского, не нужно ли ему чего еще. Набравшись храбрости, Тутолмин испросил разрешения написать в столицу о чудесном спасении Воспитательного дома. Император милостиво разрешил.

Затем, ознакомившись со списком детей, который захватил с собою Тутолмин, Наполеон вновь

пошутил, сказав с улыбкой, что всех взрослых девиц-таки успели эвакуировать! (Действительно, детей старше 11 лет велела вывезти в Казань вдовствующая императрица Мария Федоровна, еще 22 августа давшая следующее указание: «Помышляя, что жизнь, честь, невинность и нравы их могут подвергнуться опасности, я почитаю необходимым удалить из Москвы всех воспитанниц свыше 11 лет и воспитанников свыше 12 лет»¹⁶¹). Тутолмин не преминул пожаловаться и на оставшийся месячный запас продовольствия в Воспитательном доме.

Неизвестно, какую еще шутку отпустил бы Наполеон, если бы взгляд его не остановился на окне, откуда ему вновь показалась сгоревшая Москва. Император опять переключился на болезную тему: «Несчастный! К бедствиям войны, и без того великим, он прибавил ужасный пожар, и сделал это своей рукой хладнокровно! Варвар! Разве не довольно было бросить бедных детей, над которыми он первый попечитель, и 20 тыс. раненых, которых русская армия доверила его заботам? Женщины, дети, старики, сироты, раненые – все были обречены на безжалостное уничтожение! И он считает, что он римлянин! Это дикий сумасшедший!» Нетрудно догадаться, что Наполеон вновь вспомнил о Ростопчине, дав ему такую объемную и эмоциональную характеристику.

¹⁶¹ Материалы для истории Императорского московского воспитательного дома, изданные ко дню столетнего юбилея Воспитательного дома 1 сентября 1863 г. Выпуск 1-й. – М., 1914. – С. 242.

Наконец, взяв себя в руки, Наполеон выдавил из себя то, ради чего он и позвал в Кремль Тутолмина: он выразил готовность к заключению мира с Александром I, которого, как оказалось, он очень любит и уважает. Тутолмин и призван был стать тем перекидным мостиком, по которому желание миролюбивого французского императора достигло бы ушей и глаз русского государя. Для чего Наполеон попросил Тутолмина немедленно написать соответствующий рапорт своему царю.

По-своему описывает встречу Наполеона и Тутолмина князь Петр Шаликов: «Воспитательный Дом, благодаря деятельной и неусыпной попечительности его Начальника, был пощажен от грабительства и спасен от пожара. Наполеон захотел видеть сего достойного Начальника; приказал его к себе, встретил приветствиями на счет хорошо исполняемой им должности, спрашивал о состоянии Дома и наконец предложил вопрос, довольно затруднительный: «Кто зажег Москву, Русские или Французы?» — Прямодушный и смелый Начальник отвечал: жгли и Французы. «Неправда!» — сказал Наполеон с сердцем, — одни Русские», но удержал гнев свой, и расстался с Начальником».

Уже на следующий день Тутолмин такое письмо отправил и отвез в Кремль для ознакомления с его текстом французского императора. Долгими путями шел рапорт Тутолмина в столицу, но, в конце концов, достиг царского двора. Однако, ответа не удостоился — в пе-

реписку с Наполеоном Александр I вступать не пожелал.

А население Воспитательного дома все прибавлялось, но теперь уже не за счет москвичей, искавших под его крышей спасения и тепла, а посредством расквартирования там французских жандармов, коих для охраны дома прибыло три сотни человек. И ведь всех их надо было кормить и расселять! Тутолмину даже пришлось отдать жандармскому полковнику свою собственную квартиру. Жандармы, надо отдать им должное, исправно несли службу, ограждая Воспитательный дом от мародеров.

Однако, в еще большем количестве французы наводнили Воспитательный дом, когда в нем был устроен госпиталь для раненых и больных солдат и офицеров. И тогда возникла третья опасность: заразные французы могли вызвать эпидемию среди воспитанников и рожениц с грудными детьми. 10 сентября Тутолмин опять осмелился возражать, апеллируя к Наполеону:

«Всемиловитейший Государь! Ваше Императорское и Королевское Величество изволили удостоить невинных и несчастных детей Вашего покровительства. Я повергаюсь к стопам Вашим, прося о продолжении оногo... и умоляю Ваше Величество не допустить того, чтобы заведение, основанное на человеколюбии и состоящее под Высочайшим покровительством, приведено было в расстройство... Я униженно прошу Ваше Величество повелеть поместить больных в большое окружное стро-

ение и корделожи, в которых находится теперь Ваша гвардия».¹⁶²

В общей сложности через устроенный таким образом в Воспитательном доме лазарет прошло более восьми тысяч французов. Соседство это не прошло даром для населения дома. У детей и служащих началось расстройство здоровья, болезни, повысилась смертность. А как же иначе может быть в условиях жуткой антисанитарии — ведь умерших оккупантов (всего за это время скончалось около двух тысяч французов) хоронили тут же, рядом, неподалеку от стены Китай-города, кое-как присыпая землей и известью.

Вскоре обнаружилась и большая потребность в муке и крупах, необходимых для кормления детей: «В доме сем хлеба оставалось уже очень мало, доходило почти терпеть голод, бедные питомцы питались только третьей долей своей порции; прочие ж живились одною вареною пшеницею. Благодарение Богу, что сие жестокое время случилось еще осенью, и можно было кое-как довольствоваться огородными овощами».¹⁶³

Тогда Тутолмин вновь был вынужден обратиться к помощи французов, выдавших Воспитательному дому 100 центнеров пшеницы и 20 центнеров круп. Но все это нуж-

но было перемолоть, а мельниц в окрестностях Москвы почти не осталось. Как вспоминал эконом Х.Х. Христиани, с трудом удалось ему отыскать одну мельницу, на которую в сопровождении французских жандармов он и отправился. Поездка эта была сопряжена большими опасностями и риском для жизни, создаваемым, в первую очередь, мародерами.

Для питания детей необходимо было и молоко, которое могли дать коровы и козы. Рогатый скот тоже надо было защищать. Еще 31 августа, как писал Х.Х. Христиани, «многочисленный отряд казаков, приехав к нам на скотный двор, разорили совершенно и увезли невымолоченный овес и 8 тыс. пудов сена, которыми мы было запаслись. Опасаясь лишиться всего нашего скота, состоявшего из 51 коров и телят, приказал я с согласия его превосходительства г-на Тутолмина пригнать оной ночью на 1-й сентябрь в Москву; но козы наши, коих было 19, разбежались по полям, и их невозможно было спасти». Переживших галльское нашествие коров берегли, как сокровище.

Слава Богу, с наступлением октября французы засобирались домой. Напоследок Наполеон решил последовать примеру так ненавистного ему Ростопчина и окончательно спалить Москву. Перед служащими дома вновь возникла серьезная проблема сохранения здания:

«Седьмого числа октября горел Симонов монастырь, Петровский дворец, и видны были еще в

¹⁶² Материалы для истории Императорского московского воспитательного дома, изданные ко дню столетнего юбилея Воспитательного дома 1 сентября 1863г. Выпуск 1-й. — М., 1914. — 261 с.

¹⁶³ П...Ф... «Некоторые замечания, učinенные со вступления в Москву французских войск (и до выбегу из оной)»//1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. — С. 25–32.

нескольких местах вновь открывшиеся пожары...

10-й октябрь, в который день гнусные варвары приготавливались выступить из городу, был один из ужаснейших для нас. Мы приняли всевозможные меры предосторожности на будущую ночь, и никто не помышлял о сне. Во весь сей день был ужасный пожар. Сначала зажгли большой питейный магазин. После обеда загорелся великолепный дворец в Кремле, потом военный Комиссариат и некоторые другие строения. Вечер был холоден, и дождь шел беспрестанно. На всех кровлях дома нашего расставлены были люди. Я занял место у задних наших ворот с довольным числом людей, потому что беспрестанно проезжали неприятельские разъезды. Около половины второго часа затмился огонь в Кремле, и в сие самое время взорвало часть Кремля на воздух с ужасным треском; в течение часа последовало еще 4 таких же извержений, коими, однако ж, никого не повредило. Дом наш не понес также ни малейшего вреда, кроме того, что перетрескалось множество стекол», — вспоминал один из служащих дома.¹⁶⁴

Последние дни перед бегством из Москвы оккупационные власти вели себя по отношению к Воспитательному дому весьма противоречиво. 5 октября (здесь и далее даты по старому стилю) французы попросили Тутолмина одолжить им хоть немного хлеба для армии. 6 октября караул жандармов и вовсе снялся с охраны Воспитательного дома, поспешив вдогонку за

армией. Вместо этого 9 октября Лессепс распорядился, чтобы его солдаты, охранявшие французские лазареты в доме, взяли под караул и его население. В то же время Лессепс настойчиво просил Тутолмина принять у себя московских французов, т.е. тех, кто остался ждать Наполеона в оставленной русской армией Москве.

Не имея возможности забрать с собою и тяжелораненых и больных солдат, «губернатор, поставленный французским правительством, Лессепс, писал очень убедительное письмо к г-ну Тутолмину, дабы в случае прихода в Москву российских войск имел он попечение в рассуждении оставшихся в оной французских больных и раненых».¹⁶⁵

Занятно, что, уходя из дома, французские жандармы и караульные запирали свое имущество и напитки в шкафах, ставя при этом свои печати «с тем, что, ежели они чрез две недели не возвратятся, то предоставляли оными пользоваться кому угодно... Перед выходом своим французы уверяли, что они надеются непременно в скором времени опять возвратиться в Москву, но мы в сердцах своих отвечали им: да сохранит нас Бог от таких доброжелательных гостей и, да приберет вас черт в преисподнюю, от лица земли русской!»¹⁶⁶

После того, как 10 октября последний французский караульный солдат покинул свой пост в

¹⁶⁵ П... Ф... «Некоторые замечания, учиненные со вступления в Москву французских войск (и до выбегу из оной)» // 1812 год в воспоминаниях современников. — М., 1995. — С. 25–32.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁴ Христиани Х.Х. Указ. соч.

Воспитательном доме («Ввечеру в девятом часу французский караул в Воспитательном доме был снят, почему нетрудно угадать было, что они из Москвы хотели бежать опрометью»¹⁶⁷), здание оставалось без охраны почти сутки.

Об обстановке в Москве в эти часы рассказывает служащий Воспитательного дома: «Десятого числа во весь день слышны были частые ружейные и пистолетные выстрелы, к вечеру пальба усилилась, причем были слышны и пушечные выстрелы, что продолжалось почти всю ночь. Наши казаки приезжали в предместья Москвы, выгоняли из больниц французских раненых, они кучами тащились в Воспитательный дом, а некоторых переносили на носилках, как в единственное убежище от предстоящей опасности».¹⁶⁸

Занятный эпизод, демонстрирующий благородство русского офицера, произошел в эти дни в Воспитательном доме. Во время оккупации на излечении здесь находился Николай Иванович Кривцов, получивший ранение в Бородинском сражении и попавший впоследствии в плен. Он-то и заступился за оставленных французами своих раненых в Воспитательном доме. Вот что рассказывает московский эмигрант Вильфор:

«Я забыл вам рассказать очень хороший поступок одного русского офицера, раненого и остававшегося здесь в плену. С удалением Францу-

зов он сделался свободен и жил в Воспитательном Доме, где находились и французские раненые. Чтобы обезопасить их, он вошел в зал с подвязанной рукой и закричал им: «Солдаты, вы у меня в плену, армия ушла, я приглашаю вас сдаться». — Как? Что? Мы не сдадимся! К оружию! — И в самом деле, некоторые из этих несчастных встали с постели, оделись, взяли свое оружие и хотели выйти из дому. Г. Кривцов (офицер гвардейских стрелков) удерживал их, показавшись на улице. Многих этих несчастных нельзя было остановить; но только что они вышли на улицу, их тотчас убили. Это печальное зрелище заставило остальных образумиться, и они согласились сдаться в плен. Тогда их ангел-покровитель вышел на двор и пошел навстречу казакам и крестьянам; обращаясь к казацкому офицеру, он сказал: «Я вам объявляю, что раненые, находящиеся здесь, — мои пленники; никто не имеет права их трогать». Толпа упорно требует их выдачи; казацкий начальник хочет употребить силу. Тогда г. Кривцов подошел к нему, сказал свое имя, объявил, кто он такой, и потребовал от офицера того же, предупреждая его, что он ответит за все, если пойдет дальше. Такая настойчивость произвела свое действие: казаки и народ удалились, а пленные были спасены».¹⁶⁹

Позднее за этот поступок Кривцов был награжден орденом Почетного легиона. Во время заграничного похода русской армии

¹⁶⁷ П...Ф... «Некоторые замечания, учиненные со вступления в Москву французских войск (и до выбегу из оной)»//1812 год в воспоминаниях современников. — М., 1995.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Цит. по: Васькин А.А. Москва глазами русских и французов. — М., 2012. — С. 242–243.

Кривцов Н.И. 1820-е гг.

1813–1814 годов он лишился ноги. Был близок с А.С. Пушкиным, написавшим ему 10 февраля 1831 года: «Мы не так-то легки на подъем. Ты без ноги, а я женат». Служил при Министерстве иностранных дел, был губернатором в Туле, Воронеже, Нижнем Новгороде.

Итак, первыми русскими солдатами, переступившими порог Воспитательного дома, стали казаки генерал-майора Иловайского и толпа крестьян. Как вели себя они по отношению к ставшим уже пленными французам, которых на попечении Тутолмина Лессепс оставил более тысячи человек? «Казаки, сопровождаемые толпой крестьян, ворвавшись в окружное строение, стали отнимать у больных и раненых французов оружие, ограбили их и расхитили все имущество живших в том строении служителей».¹⁷⁰

¹⁷⁰ Щукин П.И. Московский воспитательный дом в 1812 г. // Русский архив. – Кн. 3. – 1900. – С.473-474.

Такая реакция казаков была вызвана и тем, что французы никак не желали отдавать имевшееся у них в большом количестве оружие. К тому же, ненависть к французам подкреплялась и тем, что сами оккупанты также вели себя по отношению к русским раненым, оставшимся в Москве. И в этом одна из причин попытки устроить самосуд над французами. С трудом Тутолмину удалось предотвратить расправу. А за поведение казаков генерал-майор Иловайский даже был вынужден извиняться перед Тутолминым.

А под охрану Воспитательный дом взяли военнослужащие уже другого соединения. Как сообщал Тутолмин в своем донесении императрице Марии Федоровне, гусарский полк генерал-майора Бенкендорфа вошел в Москву 11 октября и «снабдил Воспитательный дом караулом и оказывал мне всевозможное свое пособие, по принятой им на себя в городе должности коменданта».¹⁷¹

Окончательно от неожиданных французских постояльцев Воспитательный дом был очищен лишь к 25 октября, когда большую часть раненых перевели в другие госпитали. Милость к захваченным в плен оккупантам проявила вдовствующая императрица Мария Федоровна, взяв под свое покровительство оставшихся в Доме двух десятках французских раненых. Она присылали им лекарства, деньги, интересуясь их здоровьем. Один из пленных французов, ока-

¹⁷¹ ЧОИДР. 1860. Апрель-июнь. Кн. 2. Отд. V. С. 178.

завшийся врачом, решил даже остаться на службе в ведомстве императрицы Марии Федоровны.

Оставленные после французских раненых разоренные ими помещения без окон и мебели, дверей, употребленных на растопку печей, требовали серьезного ремонта. Но еще более необходимо было лечение детей, пострадавших не только физически, но и духовно от почти месячного соседства с оккупантами.

Не будем забывать и невыносимой антисанитарной обстановки в Москве, царившей после бегства из нее оккупантов. И это была четвертая опасность для жизни детей, с которой пришлось бороться Ивану Акинфиевичу Тутолмину и его сотрудникам – зараженная из-за большого числа беспорядочных захоронений питьевая вода. Ни к чему не привели и попытки вырыть новые колодцы. Тогда «императрица приказала процеживать воду через уголья. Для уничтожения смрадных испарений, оставшихся от лежавших трупов, землю посыпали негашеною известью по способу Крейтона. Покои всеми мерами выветривали; окна и двери в покоях,

занимаемых неприятелем, оставлены на всю зиму отворенными».¹⁷²

На протяжении всего времени французской оккупации Воспитательный дом принимал у себя и новых подкидышей, и детей, ставших сиротами. Сами французы прислали более двадцати найденных ими детей, некоторым из них были даже даны фамилии Наполеоновы, впрочем, после изгнания оккупантов эти фамилии были заменены на более благозвучные, русские.

Не только воспитанники Дома нуждались в серьезной реабилитации после изгнания захватчиков из Москвы, но и их главный надзиратель шестидесятилетний Иван Акинфиевич Тутолмин, здоровье которого оказалось серьезно подорвано нервным расстройством. А посему императрица отправила его на лечение на Кавказ, продлившееся восемь месяцев.

За все, сделанное Тутолминым для спасения Воспитательного дома и его населения (что в полной мере позволяет назвать его поведение подвигом), Иван Акинфиевич был награжден орденом св. Анны I степени. Награды получили и другие служащие дома.

¹⁷² Материалы для истории Императорского московского воспитательного дома, изданные ко дню столетнего юбилея Воспитательного дома 1 сентября 1863 г. Выпуск 1-й. – М., 1914. – 261 с.

Сидение Наполеона на Москве: поиски мира продолжаются...

Как ни уговаривали императора его же маршалы поскорее убраться из спаленной пожаром Москвы, пугая русскими холодами, голодом, усугубляющейся деморализацией армии, — а он ни в какую. Больше месяца Наполеон безрезультатно прождал перемирия в древней русской столице. Нельзя не отметить, что два этих процесса проходили одновременно: чем ниже было моральное падение французских солдат, тем сильнее их император жаждал мира. Уже и есть в Москве было нечего, и ра-

ненных вывозить не на чем (одних лошадей съели, а другие сами передохли), а Наполеон все надеялся — Александр I вот-вот протянет ему руку дружбы...

Угрюмым и удрученным появлялся он на московских улицах, в такие моменты и увидел его Петр Шаликов: «Сей Омар, которого истребительною рукою превращены в пепел не одни библиотеки наши, но и жилища, ездил — но весьма редко — между их развалинами, верхом в сопровождении многочисленного конвоя и обывк-

Наполеон в Москве 10/22 сентября 1812 года. Худ. А. Адам. 1833 г.

новенной свиты — то есть Мамелюка, Принцов и Королей — к тому или другому из сих последних, или к ордам своим за город, где проводил иногда по несколько суток. Новодевичий монастырь видел супостата, Наполеона, в святой своей ограде, которую осматривал он со вниманием и перед главными воротами которой вскоре явилась высокая батарейная насыпь с глубоким рвом, а самые ворота были заложены брусьями. Вообразите мучительное беспокойство страшной неизвестности, в которой до самого побега Французов находились робкие, беззащитные девы, что будет с монастырем и с ними! Но Бог, которому оне посвятили себя, спас их невредимо; батарея и тогда же сделанный на противной стороне пролом в стене остались — грозными следами какого-то злого намерения, и только».

Князь описывает приезд французского императора в Новодевичий монастырь, состоявшийся 25 сентября. Наполеон приказал превратить обитель в неприступную крепость. Во время оккупации монастырь был занят канцелярией маршала Даву.

В эти дни агенты Ростопчина доносили из Москвы: «Французы опечалены и ожесточены, что не требуют у них мира, как им Наполеон то обещал по занятии Москвы, а потому разорениями и грабежами думают к миру понудить».¹⁷³

Наполеон избаловал свою армию, приучив ее к легким и быстрым победам. Столь скоротечно-

¹⁷³ Цит. по: Москва 1812 года глазами русских и французов. — М., 2012. — С. 65.

Яковлев И.А.

Гравюра Л. Серякова. 1873–1879 гг.

го мира ожидал он и в России. Но привычка сослужила ему плохую службу. Не только самый последний капрал уверовал в неотвратимость скорого и победного завершения русской кампании, но и сам император был в этом убежден, обманывая себя.

Не дождавшись ответа на письмо Тутолмина, озадачившись необходимостью скорейшего заключения перемирия с русским царем, Наполеон приказал искать в госпиталях и среди пленных какого-нибудь русского офицера из высоких чинов, чтобы использовать его как посредника для переговоров. И вскоре такого человека нашли. Им стал помещик Иван Алексеевич Яковлев.

Как и в случае с Тутолминым, очень похожим было содержание аудиенции, данной этому очередному невольному парламентару, сын которого известен нам как Александр Герцен (он тоже участник описываемых событий, т.к. ро-

дился за полгода до них). Именно благодаря основателю «Колокола» мы знаем занимательные подробности, сложившиеся в легенду, неоднократно слышанную им с детства:

«Наполеон разобрал Ростопчина за пожар, говорил, что это вандализм, уверял, как всегда, в своей непреодолимой любви к миру, толковал, что его война в Англии, а не в России, хвастался тем, что поставил караул к Воспитательному дому и к Успенскому собору, жаловался на Александра, говорил, что он дурно окружен, что мирные расположения его не известны императору. Отец мой заметил, что предложить мир, скорее, дело победителя.

— Я сделал что мог, я посылал к Кутузову, он не вступает ни в какие переговоры и не доводит до сведения государя моих предложений. Хотят войны, не моя вина, — будет им война.

После всей этой комедии отец мой попросил у него пропуск для выезда из Москвы.

— Я пропусков не велел никому давать, зачем вы едете? чего вы боитесь? я велел открыть рынки.

Император французов в это время, кажется, забыл, что, сверх открытых рынков, не мешает иметь покрытый дом и что жизнь на Тверской площади среди неприятельских солдат не из самых приятных. Отец мой заметил это ему; Наполеон подумал и вдруг спросил:

— Возьметесь ли вы доставить императору письмо от меня? на этом условии я велю вам дать пропуск со всеми вашими.

— Я принял бы предложение вашего величества, — заметил ему мой отец, — но мне трудно ручаться.

— Даете ли вы честное слово, что употребите все средства лично доставить письмо?

— Je m'engage sur mon honneur (Ручаюсь честью, государь — фр.).

— Этого довольно. Я пришлю за вами. Имеете вы в чем-нибудь нужду?

— В крыше для моего семейства, пока я здесь, больше ни в чем.

— Герцог Тревизский сделает, что может.

Мортье действительно дал комнату в генерал-губернаторском доме и велел нас снабдить съестными припасами; его метрдотель прислал даже вина. Так прошло несколько дней, после которых в четыре часа утра Мортье прислал за моим отцом адъютанта и отправил его в Кремль.

Пожар достиг в эти дни страшных размеров: накалившийся воздух, непрозрачный от дыма, становился невыносим от жара. Наполеон был одет и ходил по комнате, озабоченный, сердитый, он начал чувствовать, что опаленные лавры его скоро замерзнут и что тут не отделаешься такою шуткою, как в Египте. План войны был нелеп, это знали все, кроме Наполеона, Ней и Нарбон, Бертье и простые офицеры; на все возражения он отвечал каббалистическим словом: «Москва»; в Москве догадался и он.

Когда мой отец взошел, Наполеон взял запечатанное письмо, лежавшее на столе, подал ему и сказал, откланиваясь: «Я полагаюсь на ваше честное слово». На кон-

верте было написано: «A mon frere L'Empereur Alexandre» (Брату моему императору Александру – фр.).

Пропуск, данный моему отцу, до сих пор цел; он подписан герцогом Тревизским и внизу скреплен московским обер-полицмейстером Лессепсом. Несколько посторонних, узнав о пропуске, присоединились к нам, прося моего отца взять их под видом прислуги или родных. Для больного старика, для моей матери и кормилицы дали открытую линейку; остальные шли пешком. Несколько улан верхами провожали нас до русского арьергарда, ввиду которого они пожелали счастливого пути и поскакали назад. Через минуту казаки окружили странных выходцев и повели в главную квартиру арьергарда».

Яковлев выполнил обещание, и письмо Наполеона дошло до Александра I, но, как и в прошлый раз, русский царь ответить не соизволил.

Насколько же отчаянным стало положение французов в Москве, если Наполеон, полагая, что отсутствие ответа вызвано тем, что письма просто не дошли до адресатов, вновь решается униженно искать мира, на этот раз, любыми способами. Теперь он уже не доверяет русским парламентам, не пытается предложить мир в завуалированной форме (дескать, это сами «скифы» хотят перемирия), а в открытую предлагает кончить дело по-хорошему. Для этого он переносит переговоры на высокий официальный уровень, призывая к себе умнейшего своего генерала Армана Огюстена Луи де Коленкура,

Коленкур А.О.Л.

Худ. Т. Готье с оригинала Е. Шарпантье.
Середина XIX в.

ра, хорошо знавшего Россию и ее царя – он служил послом в Петербурге в 1807–1811 годах:

«2 или 3 октября император, который уже очень давно не беседовал со мной о делах, спросил меня, как я думаю, готов ли будет император Александр заключить мир, если он сделает ему предложения. Он тогда еще ничего не говорил мне о тех предложениях, которые уже сделал. Я откровенно высказал ему свое мнение: принесение Москвы в жертву свидетельствует о не слишком мирных намерениях, а по мере того, как будет надвигаться зима, шансы все больше будут склоняться в пользу России; словом, нельзя считать вероятным, что русские сожгли свою столицу для того, чтобы потом подписать мир на ее развалинах.

— Хотите ехать в Петербург? — спросил меня император. — Вы увидите императора Александра. Я передам через вас письмо, и вы заключите мир.

Я ответил, что эта миссия совершенно бесполезна, так как меня не примут. Тогда император с шутливым и благосклонным видом сказал мне, что я «сам не знаю, что говорю; император Александр постарается воспользоваться представившимся случаем вступить в переговоры с тем большей готовностью, что его дворянство, разоренное этой войной и пожаром Москвы, желает мира; он (император) не сомневается в этом. Этот пожар, — прибавил он, — безумие, которым безумец мог хвастать в тот день, когда зажег огонь, но в котором он назавтра же раскаялся; император Александр хорошо видит, что его генералы бездарны и самые лучшие войска ничего не могут сделать, когда ими командуют такие начальники».

Такой пассаж императора, всегда искреннего с Коленкуром, показывает если уже не явную неадекватность Наполеона, то уж точно — недооценку противника, замешанную на завышенной самооценке. Чем более весомые доводы приводил генерал, тем меньше слышал их его главнокомандующий: «Он настаивал, приводя еще новые доводы, чтобы убедить меня в своей правоте и уговорить принять это поручение. Напрасно я приводил все те возражения, о которых говорил выше. Император ответил, что я ошибаюсь; он получает в настоящее время сообщения

из Петербурга; там упаковывают вещи с величайшей спешкой; самые драгоценные предметы отправлены уже внутрь страны и даже в Англию, император Александр не тешит себя иллюзиями; он видит, что его армия сильно уменьшилась и пала духом, тогда как французская армия в состоянии тотчас же двинуться на Петербург; погода стоит пока хорошая; если осуществится этот поход, Российская империя погибла; потерпев поражение, император Александр находится в очень затруднительном положении и ухватится обеими руками за предложение, сделанное нами, так как оно даст ему почетный выход из скверного положения, в которое он попал».

Итак, шпионы Наполеона верно докладывали ему: если в Первопрестольной ценности сгорели, то в столице полным ходом шла их эвакуация. Но началась она не с московского пожара, а еще летом. Александр I, не дожидаясь, пока французы подойдут к Петербургу, распорядился начать вывоз из столицы государственной казны, архивов (в частности, именных указов Петра I) и прочих ценностей, например, «вещей, назначенных в приданое великим княжнам Марии Павловне и Екатерине Павловне и назначенных Анне Павловне». Отправляли все на север, водными путями, в Петрозаводск, Вытегру и т.д. В секретном журнале Комитета министров, сохранившемся в фондах Российского государственного исторического архива есть такая запись от 23 августа 1812 года: «Председатель Комитета минис-

тров предложил во исполнение монаршей воли не теряя времени, столь мало уже для судоходства оставшегося, отправить архив Коллегии иностранных дел, по Министерству финансов и Высочайшему Двору, все, что по важности своей должно быть сохранено, но к производству текущих дел не нужно, в т.ч. документы, чертежи, планы. С Монетного Двора столько машин, инструментов, вещей и припасов, чтобы можно было устроить монетное делопроизводство с нужным числом людей. Кабинет Горного Кадетского корпуса, Модельный и Минеральный, а также библиотеку. Возложить на усмотрение директоров и управляющих, какие по первой статье дела должны быть отправлены, а также назначены при них чиновники, которым полагается выдать жалованье вперед за два месяца и снабдить экстраординарную суммою по назначению директора с утверждением министра. Из Таможни отправить все конфискованные в пользу казны товары. Директора и управляющие должны немедленно составить смету, какую тяжесть составят отправляемые дела и вещи, и срочно приказать их укладывать».

Этот документ, вполне возможно, читали и лазутчики французского императора. Но вот что интересно: своих петербургских агентов он слышал, а вот стоящего рядом Коленкура не понимал! А ведь изъяснялись они на одном языке. А переданные бывшим послом слова Александра о том, что «он скорее отступит до Камчатки, чем уступит

свои губернии или будет приносить жертвы, которые не приведут ни к чему, кроме передышки», Наполеон и вовсе прослушал:

«Видя, что ему не удастся меня уговорить, император прибавил, что все побывавшие в России, начиная с меня, рассказывали ему всяческие сказки о русском климате, и снова стал настаивать на своем предложении. Быть может, он думал, что мой отказ объясняется лишь тем, что мне неловко явиться в Петербург, где ко мне так хорошо относились, как раз в тот момент, когда Россия подверглась такому разорению; основываясь на этом предположении, император сказал мне:

– Ладно. Отправляйтесь только в штаб фельдмаршала Кутузова.

Я ответил, что эта поездка увенчалась бы не большим успехом, чем другая. Я добавил еще, что помню все, что император Александр когда-то говорил мне; я знаю его характер и отказываюсь от поручения, которое император хочет на меня возложить, потому что я уверен, что Александр не подпишет мира в своей столице; так как этот шаг с нашей стороны оказался бы безрезультатным, то целесообразнее не делать его.

Император резко повернулся ко мне спиной и сказал:

– Хорошо. Я пошлю Лористона. Ему достанется честь заключить мир и спасти корону вашего друга Александра».

Наполеон не зря съезвил, назвав русского царя и своего генерала друзьями. Бывало в девятнадцатом веке и такое. Коленкур умел

Мир во что бы то ни стало. Худ. В.В. Верещагин. 1899–1900 гг.

вызвать на откровенность императоров. Быть может, потому русский царь сказал о нем: «В его душе есть что-то рыцарское, это честный человек». И когда после второй реставрации Бурбонов в июле 1815 года Коленкура хотели депортировать, лишь благодаря личному заступничеству Александра I его оставили в покое.

Ну а что же Лористон? Он оказался нрава не такого твердого, как Коленкур. Попробовал было возражать, но Наполеон быстро поставил его на место, втолковав ему, какая ему выпала честь — не позорная, а великая.

Адъютант императора Сегюр рассказывал, что «Лористон уверял, что он повторил свои возра-

жения и прибавил еще новые к тем, которые уже высказал раньше, и, вызванный императором, посоветовал в тот же день начать отступление, направляя его через Калугу. Наполеон, возмущенный, с досадой отвечал, что ему нравятся только простые планы и наименее окольные дороги — большие дороги, например, та, по которой он пришел сюда. Но он пойдет по ней, только заключив мир! Затем, показав ему, так же как и Коленкуру, письмо, которое он написал Александру, Наполеон приказал ему отправиться к Кутузову и получить от него пропуск в Петербург. Последние слова императора Лористону были: «Я хочу мира! Мне нужен только мир, и я непременно

хочу его получить! Спасите только честь!» Другие источники утверждают, что Наполеон чуть ли не повысил голос на него: «Мне нужен мир; лишь бы честь была спасена. Немедленно отправляйтесь в русский лагерь!» Лучшее описание их «беседы» передал Василий Верещагин в своей картине «Наполеон и маршал Лористон» («Мир во что бы то ни стало!»).

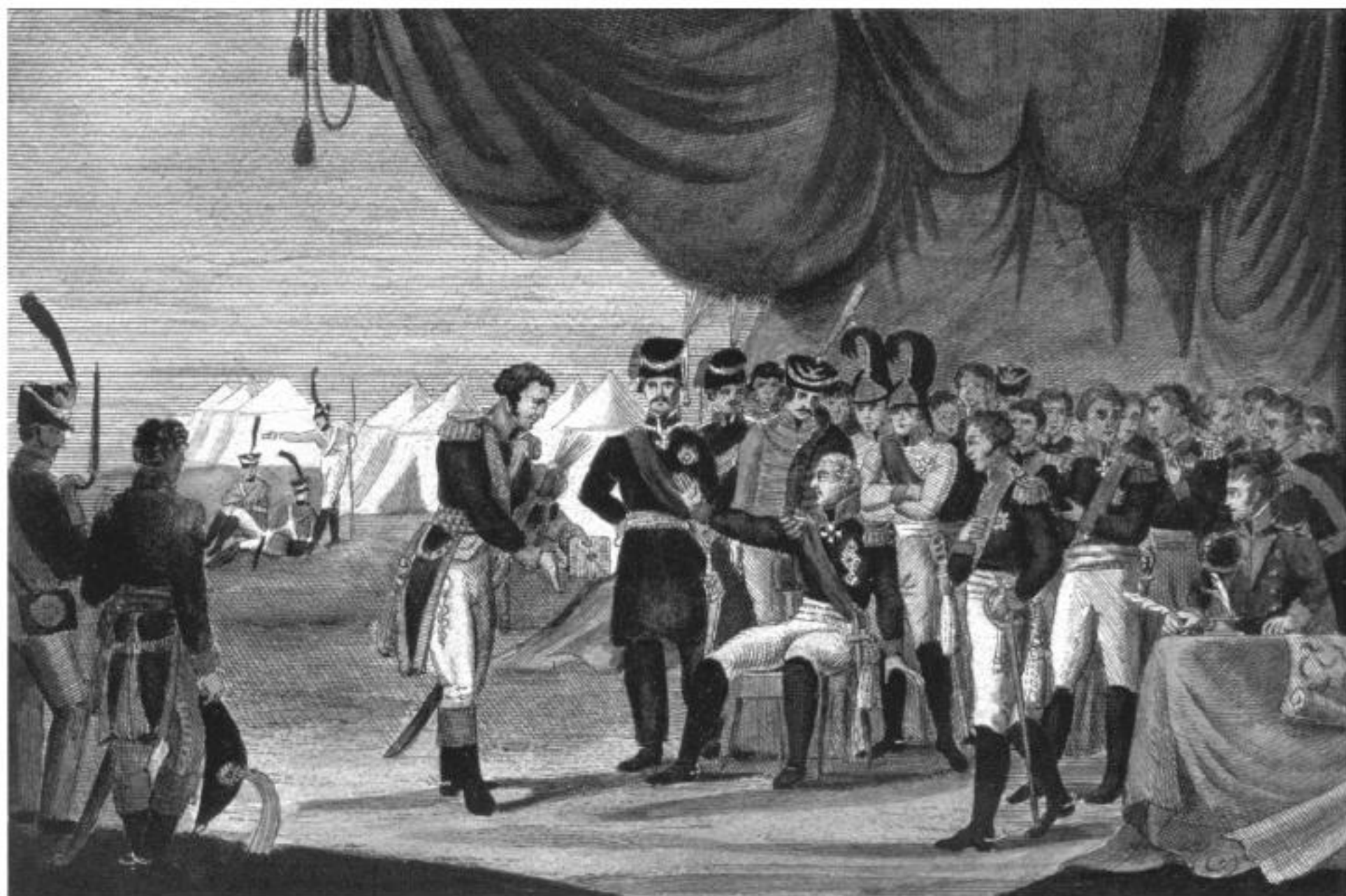
Раздражение императора можно понять — до чего разложилась армия! Даже генералы, один за другим, смеют противоречить. И это люди, с которыми он покорил Европу, поставил на колени старейшие монархии континента! Чего уж говорить о простых солдатах... В лучшие времена он бы поговорил с ними по-другому, а сейчас приходится чуть ли не упрашивать, объяснять, аргументировать свою точку зрения.

А дни-то стояли на московских улицах тяжелые. Московский житель, эмигрант Вильфор свидетельствовал: «Послали генерала Лористона к князю Кутузову под предлогом обмена пленных. Эта поездка была представлена как последствие предыдущих переговоров, на которые Бонапарте ответил самым умеренным ультиматумом: уступкой всех прежних Польских провинций. Лористон вернулся назад с чем поехал. Между тем время шло; около Москвы становилось все опаснее; лошади мерли, как мухи; трупы их наполняли улицы, дворы, пруды и дороги; нужно было на что-нибудь решиться».

Маркиз Лористон выехал из Москвы в главную квартиру Куту-

зова в Тарутино 4 октября. Прибытие наполеоновского посланника вызвало противоречивые чувства в стане русских войск. Кутузов собрался было встретиться с Лористонем на одном из форпостов, но, столкнувшись с открыто выраженным неудовольствием подчиненных генералов, передумал. Согласно академику Е.В. Тарле, «обнаружилось, что среди кутузовского штаба есть русские патриоты, гораздо более пылкие, чем он сам, и несравненно более оскорбленные потерей Москвы. Это были английский официальный агент при русской армии Вильсон, бежавший из Рейнского союза граф Винценгероде, герцог Вюртембергский, герцог Ольденбургский и ряд других иностранцев, ревниво следивших за каждым шагом Кутузова. К ним присоединился и ненавидевший Кутузова Беннигсен, в свое время донесший царю, что вовсе не было надобности сдавать Москву без нового боя. От имени русского народа и русской армии (представляемой в данном случае вышеназванными лицами) Вильсон явился к Кутузову и в очень резких выражениях заявил главнокомандующему, что армия откажется повиноваться ему, Кутузову, если он посмеет выехать на форпосты говорить с глазу на глаз с Лористонем».

Кутузов встретился с Лористонем в штабе, что, однако, не могло повлиять на какие-либо итоги визита маркиза в Тарутино (если они вообще могли быть, эти итоги). Фельдмаршал лишь пообещал, что донесет о мирных предложениях Наполеона своему государю.

Князь Кутузов отвергает предлагаемый Наполеоном через генерала Лористона мир... Гравюра. Первая четверть XIX в.

Таким образом, миссия Лористона была лишена всякого смысла, еще более подтвердив критичность положения французской армии в Москве. Не принесла результатов и вторичная поездка Лористона.

Французы по-своему расценили продолжающееся молчание русских. Заслуживает внимание точка зрения генерала Антона Дедема де Гальдера: «Мне приходится теперь говорить о мирных переговорах, начатых императором чрез генерала графа Лористона, его адъютанта и последнего посланника в Петербурге. Я содействовал отчасти посылке этого уполномоченного, и вот что мне известно по этому поводу. Горрер, французский эмигрант, которому я спас жизнь и который был дружен с фельдмаршалом Кутузовым, говорил мне, что заключение мира зависит не от императора Александра, а от армии; и что им-

ператор по желанию народа назначил вновь командующим войском фельдмаршала.

— Вы знали фельдмаршала в Константинополе, — присовокупил он; — вы знаете, что он очень честолюбив и тщеславен; могу вас уверить, что он принял командование армией только в надежде отомстить за Аустерлиц, т. к. император Александр несправедливо приписывает ему потерю этого сражения. Как знает, не сочтет ли он за честь поработать для примирения двух великих империй? Мир зависит от него; если он пожелает, мир будет заключен, без него сделать этого не удастся. Т. к. я знаю его близко, я отправлюсь к нему и позондирую почву; я оставлю здесь в залог жену, мать и детей.

...Я написал графу Дарю, который показал мое письмо императору, и на следующий день генерал

Лористон был послан для переговоров. Мне сообщил об этом тот же Горрер, который тогда же сказал, что эти переговоры не приведут ни к чему, т. к. Лористон вез письмо к императору Александру, а не обратились к фельдмаршалу Кутузову как к посреднику, и это не могло быть приятно для самолюбия старого воина. Но император Наполеон не был уже генералом Бонапартом, который мог писать эрцгерцогу Карлу, командующему австрийской армией в Италии, и вести с ним переговоры о мире; в Москве он считал бы унижительным для своего достоинства вести переговоры с кем-либо иным, как с российским императором. Это рассуждение было справедливо в принципе, но на деле было важно выпутаться из затруднительного положения и поэтому следовало поступиться самолюбием. В оправдание Наполеона скажу, что когда я увиделся два года спустя, в Париже, с Горрером, то он признался, что его попытка не имела бы успеха. Он виделся, после нашего отъезда из Москвы, с фельдмаршалом Кутузовым, который сказал ему, что он никогда не согласился бы заключить мир после взятия Москвы, но ежели бы Наполеон предложил ему заключить мир после сражения при Бородине, то он согласился бы на это, чтобы спасти священный для русских город».

Что бы ни говорил старый лис Севера (так, напомним, Наполеон называл светлейшего князя) уже после бегства французов из Москвы, но тогда он не предпринял никаких мер, которые можно было бы трактовать как желание мира.

А как сами французы толковали московское сидение Наполеона? Пленный француз Шмидт писал, что «многие французские генералы объясняли долгое пребывание Наполеона в Москве тремя побудительными причинами:

1) от продолжительного похода и недостатка в продовольствии войско было приведено в весьма плохое состояние;

2) как уже было сказано выше, армия оставляла за собой большое число отсталых и легко раненых, которых ежедневно несколько человек прибывало в Москву;

3) Наполеон надеялся, что Оттоманская Порта вследствие происков посланника его, генерала Андреосси, нарушит мир, заключенный с Россией, и сделает чувствительную и полезную для него диверсию».

Надежды, как известно, юношей питают. Но как же Наполеон мог поддаться своему настроению и столь долго обманываться? Чтобы ответить на этот вопрос, надо быть самим Наполеоном, решившим, не тратя время зря, заняться еще и организацией в Первопрестольной местных органов власти.

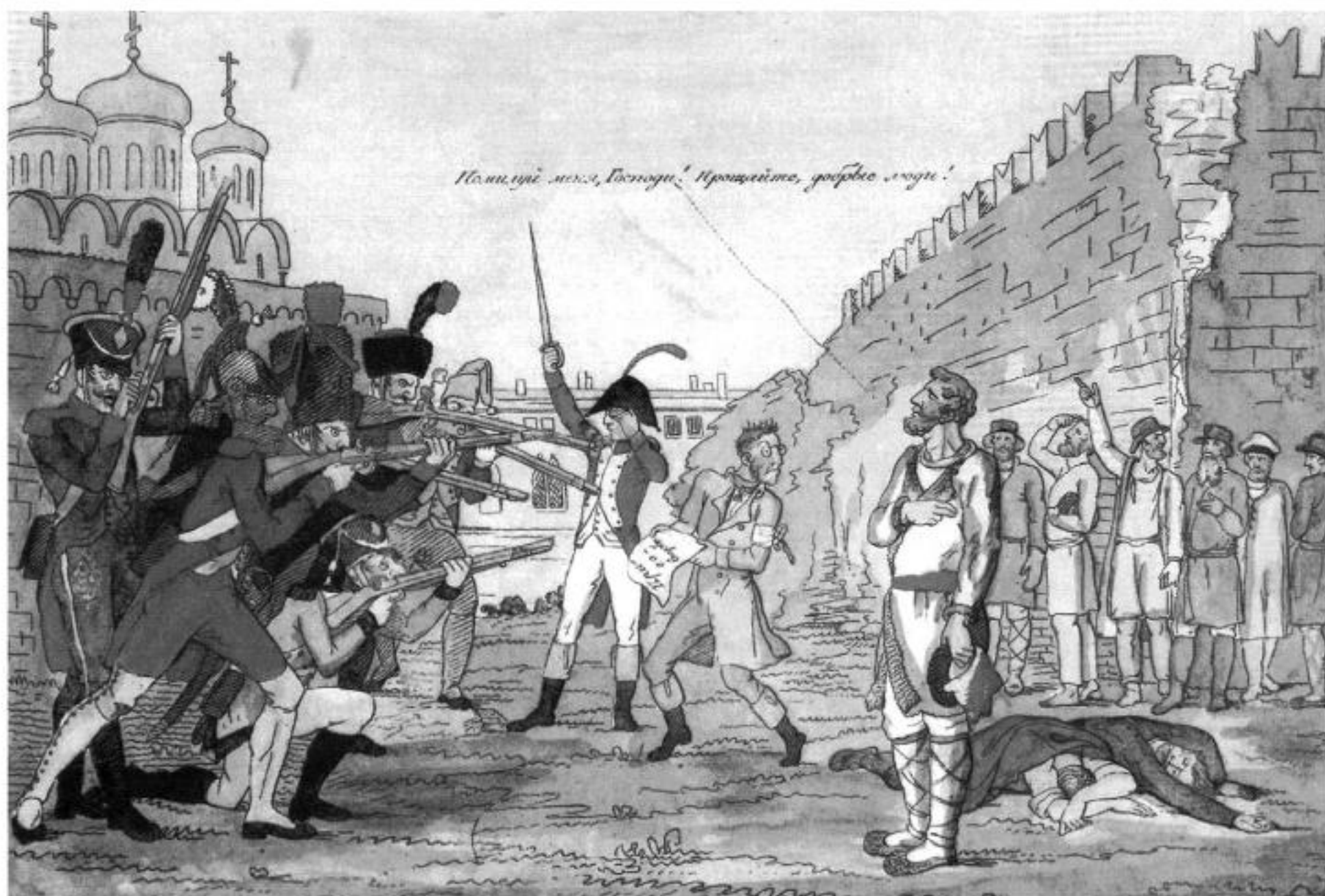
Наполеон создает муниципальный совет

Организация в Москве местных органов управления подразумевала создание Муниципального совета и полиции. Главным условием создания этих органов было участие в них самих москвичей. Только где было взять столько желающих «управлять» в опустевшем городе? Вот и хватали на улице тех горожан, кто хоть как-то мог изъясняться по-французски. Одним из первых, попавшихся под горячую руку, и стал известный нам уже Бестужев-Рюмин. Первый раз его схватили прямо на Тверской улице и потащили к Наполеону. На предложение императора поступить к нему на службу Бестужев-Рюмин ответил, что считает «противным долгу, чести и присяге служить двум императорам». Наполеон приказал отпустить его с миром:

«6 Сентября. Находя большие препятствия, или лучше сказать никакой возможности не предвидя, чтоб мог оставить город Москву с семейством моим и другими приставшими ко мне людьми, а решился войти в Москву; мы три дня уже не видали куска хлеба, и бедные дети мои, истощив себя, плакали. Глас и чувство природы требовали моего об них попечения. Я пришел на Тверскую улицу и у самых Воскресенских ворот встретил Наполеона с его штабом верхами. Я скинул шляпу, и упо-

вательно Наполеон узнал меня, хотя был я наг и бос и имел только лакейскую шинель на себе; ибо, посмотрев на меня, что-то сказал бывшему сзади его чиновнику, который тотчас и подъехал ко мне; в сем чиновнике узнал я секретаря его г. Делорна-де-Девилля, который, узнав меня, вскричал: «Ah Monsieur Bestoujeff, dans quelle setuation je vous vois!» («Месье Бестужев, в каком Вы положении!» — фр.)... Я отвечивал: «C'est le sort de la guerre!» («Таков жребий войны!» — фр.) — «Où est votre femme, vos enfans?» («Где ваша жена и дети?» — фр.) — промолвил он. — «Vous les voyez» («Вот они» — фр.), — показывая на них (жена в рубище, а дети босы). — «Ah, Dieu!» («О, Боже» — фр.)... И на глазах его слезы показались. Из многих окружавших нас приказал он одному полковнику штаба маршала принца Невштельскаго (Bertier), по имени г. Фон-Зейден Нивельту, именем императора своего, взять меня под покровительство. Г. подполковник избрал дом для жительства на Петровке, близ Петровского монастыря, бывший князя Одоевского, а ныне губернской секретарши Дурновой».

Во второй раз у Бестужева-Рюмина отказаться не хватило мочи. После того, как пожар выгнал его семью из временного пристанища,

Дух неустрашимости русских. (В центре – с повязкой на руке – московский полицейский французского «призыва».) Гравюра И. Иванова (?). 1813 г.

несчастные укрылись было в избе посреди огородов Полевого двора, народу набилось там, как сельдей в бочке. Но вскоре и это жалкое жилище подожгли. Тогда Бестужев-Рюмин повел своих голодных и холодных детей на Самотеку в бани, но и бань уже не было: они сгорели.

Случайно встретившийся им старый хромой солдат поделился мукой, которую размочили и накормили детей. Услышав от таких же бедолаг, что где-то на Москвe-реке затонули барки с мукой, Бестужев-Рюмин кинулся туда, дабы раздобыть хоть какое-то пропитание. Там-то его и поймали. И как не отмахивался он от такой «чести», но ему пришлось-таки поступить на службу к Наполеону, войти в Муниципальный Совет и носить алую ленту на левой руке, служившую главным признаком отличия

для членов французской администрации:

«16 Сентября, выискан будучи Французскою полициею, по приказу 9 числа, представлен я к графу Мило (коменданту города). Он за подписанием своим дал мне записку, с которою должен я был явиться к маршалу герцогу Тревизо (Мортье, генерал-губернатор Москвы). Я не могу довольно нахвалиться приветствием и ласкою сего маршала. Он спросил меня: «Я ли тот надворный советник Бестужев, которому препоручены были архивы в Кремль?» Мой ответ был, что его превосходительство не ошибается: «Я самой тот». Он изъявил искреннее сожаление к моему несчастному положению и предлагал не только одежду мне, но даже денежное вспомоществование, которых, однако ж, я не принял. Он объявил при-

том, что учреждается Отечественное Градское правление (*Municipalité Paternelle*), в котором, по особенной воле его императора, и я должен присутствовать. Я напервой раз сделал было отрицание мое об участии в оном; но маршал, герцог Тревизо, сказал, что его муниципалитет учреждается не в пользу Французов, а напротив учреждением оного находят единое средство защитить несчастных соотечественников моих от грабежа, насилий и обид; следовательно, и отказываться мне от участия в сем намерении будет с моей стороны несправедливо, и находить в принятии моего отрицания затруднения в том еще, что должен донести об оном своему императору, а чтоб я не имел сомнения, что оное учреждение для пользы моих сограждан, показал и инструкцию сему предполагаемому муниципалитету. Я, не находя в оной ничего противного совести моей, ни нарушения присяги, изъявил свое согласие».

По разным оценкам, общая численность органов власти, созданных французами в Москве, составляла почти полторы сотни человек. Подчинялись они назначенному Наполеоном новым губернатором маршалу Эдуарду Адольфу Казимиру Мортье и «интенданту города и провинции» Жану Батисту Бартеlemi де Лессепсу (последний Россию хорошо знал, т.к. до начала войны десять лет жил в Петербурге в качестве дипломата). Генерал Коленкур дает ему неожиданно положительную для нас характеристику: «Во

главе гражданской администрации был поставлен г-н де Лессепс — бывший генеральный консул в Петербурге. Этот почтенный человек возвращался во Францию с женой и восемью детьми, как вдруг курьер привез ему в Данциг, где он высадился с корабля, категорический приказ прибыть в ставку, которую он нашел уже у ворот Москвы; через неделю император назначил его градоправителем Москвы, несмотря на все его просьбы об освобождении от всякой службы. Этот доблестный человек делал столько добра, сколько мог; вместе с достойным губернатором Москвы он предотвратил много зла, в частности выпуск фальшивых денег, разграбление большого количества мелкой монеты и уничтожение архивов, спасенных от пожара. Именно почтенный г-н де Лессепс больше чем кто бы то ни было воспротивился провозглашению освобождения крепостных; именно он подобрал, приютил, кормил, — словом, спас значительное число несчастных, в том числе много женщин и детей, жилища которых сгорели во время пожара и которые блуждали, точно тени, среди развалин столицы. Он показал при этом, что не забыл того гостеприимства, которым пользовался в России в течение 30 лет, начиная с его путешествия от Камчатки до Петербурга, когда г-н де Лаперуз, с которым он находился в плавании, отправил его с депешами во Францию. Я был свидетелем всех усилий этого благородного человека, он часто делился со мною своими горестными думами, порожденными

зрелищем стольких несчастий». Если верить Коленкуру, получается, что французские военачальники и вельможи только и хотели, что улучшить жизнь москвичей. Жаль, что москвичи этого не поняли...

У Мортье, «посредственного генерала, но сделавшегося любимцем Наполеона за оказанную им преданность во время адской машины, когда он был начальником парижского гарнизона», как оценивал его пленный соотечественник Шмидт, в подчинении находились также военный комендант генерал Э.Ж.Б. Мийо и штабные полковники М.А.Ж.Ф. Пютон и Л.Н.Ж. Тери. Территория Москвы делилась на двадцать районов, которыми должны были командовать коменданты.¹⁷⁴

Не остались москвичи и без афишек, к которым так привыкли при Ростопчине, — первое обращение к горожанам появилось уже 2 сентября. В нем москвичей призывали «ничего не страшась, объявлять, где хранится провиант и фураж». А интендант Лессепс в своих «Провозглашениях» неоднократно пытался склонить местное население к сотрудничеству с оккупационной властью. Содержание одного такого обращения Лессепса к москвичам известно нам со слов князя Петра Шаликова:

*«Жители Москвы!
Несчастия ваши жестоки!
Но Его Величество Император*

¹⁷⁴ Земцов В.Н. Московский муниципалитет при Наполеоне: коллаборационизм образца 1812 года.// Эпоха 1812 года. История. Источники. Историография. Т. 8. Труды ГИМ. Вып. 181 / Гос. ист. музей. — М., 2009.

*Портрет маршала Мортье.
Худ. Э.Л. Дюбюффе*

и Король хочет прекратить течение оных. Страшные примеры вас научили, каким образом он наказывает непослушание и преступления. Строгая мера взята, чтобы прекратить беспорядок и возвратить общую безопасность. Отеческая Администрация, избранная из самих вас, составлять будет ваш Муниципалитет или Градское правление. Оно будет пецись об вас, об ваших нуждах, об вашей пользе.

Члены оного отличаются красною лентою, которую будут носить через плечо, а Градской Голова будет иметь сверх оного белый пояс. Но исключая время должности их, они будут иметь только красную ленту вокруг левой руки. Городовая Полиция учреждена по прежнему положению; а чрез ея деятельность уже лучший существует поря-

док. Правительство назначило двух Генеральных Комиссаров или Полицмейстеров, и 20 Комиссаров или Частных Приставов, постановленных во всех прежних Частях города. Вы их узнаете по белой ленте, которую будут они носить вокруг левой руки.

Некоторые церкви разного исповедования открыты, и в них беспрепятственно отправляется Божественная служба. Ваши сограждане возвращаются ежедневно в свои жилища, и даны приказы, чтобы они находили в них помощь и покровительство, следуемые несчастию.

Сии суть средства, которые Правительство употребило, чтобы возвратить порядок и облегчить ваше положение; но чтобы достигнуть до того, нужно чтобы вы с ним соединили ваши старания, чтобы забыли, если можно, ваши несчастия, которые претерпели, предались надежде не столь жестокой судьбы, были уверены, что неизбежная и постыдная смерть ожидает тех, кои дерзнутся на ваши особы и оставшиеся ваши имущества, а напоследок и не сомневались, что оны будут сохранены, ибо такая есть воля величайшего и справедливейшего из Монархов.

Жители! Какой бы вы нации были, восстановите публичное доверие, источник счастья Государств, живите как братья с нашими солдатами, дайте взаимно друг другу помощь и покровительство, соединитесь, чтобы опровергнуть намерения зломыслящих, повинуйтесь воинским и

гражданским Начальствам, и скоро ваши слезы течь перестанут.

Москва 19 сентября/
1 октября 1812.

Интендант или управляющий городом и Провинциею Москвою Лессепс».

В другой раз мастеровитых москвичей призывали поскорее вернуться к своим традиционным занятиям: «Вы, спокойные Московские жители, мастеровые и рабочие люди, которых несчастья удалили из города, и вы, рассеянные земледельцы, которых неосновательной страх еще задерживает в полях, слушайте!

Тишина возвращается в сию столицу, и порядок в ней восстанавливается. Ваши земляки выходят смело из своих убежищ, видя, что их уважают. Всякое насильствие, учиненное против их и их собственности, немедленно наказывается. Его Величество Император и Король их покровительствует и между вами никого не почитает за своих неприятелей, кроме тех, кои ослушиваются его повелениям. Он хочет прекратить Ваши несчастия и возвратить Вас вашим дворам и вашим семействам. Соответствуйте ж его благотворительным намерениям и приходите к нам без всякой опасности...»

Москвичам объявлялось, что:

«1. Считая от сего числа, крестьяне, земледельцы и живущие в окрестностях Москвы, могут без всякой опасности привозить в Город свои припасы, какого бы роду не были, в двух назначенных лаба-

зах, то есть на Моховую; и в Охотный ряд.

2. Оные продовольствия будут покупаться у них по такой цене на какую покупатель и продавец согласятся между собою; но если продавец не получит требуемую им справедливую цену, то волен будет повести их обратно в свою деревню, в чем никто ему ни под каким видом препятствовать не может.

3. Каждое Воскресенье и Среда назначены еженедельно для больших торговых дней; по чему достаточное число войск будет расставлено по вторникам и субботам на всех больших дорогах в таком расстоянии от города, чтоб защищать те обозы...

Но большого впечатления на москвичей эти призывы не произвели, каждый пытался выживать, опираясь исключительно на свои силы. И никакой муниципалитет не мог здесь ничем помочь. Как верно заметил купеческий сын Егор Харузин, «вскоре появились на перекрестках и углах домов печатные афиши на французском и, с грехом пополам, на русском языках, приглашавшие жителей открывать лавки и торговать, не опасаясь насилия, а подгородные крестьяне созывались на базары, с жизненными продуктами. Но русские овцы не послушали голоса чужого пастуха...»¹⁷⁵

Находился муниципалитет в доме графа П.А. Румянцева на Маросейке (ныне № 17). Как мы уже могли заметить из свидетельств Бестужева-Рюмина, трудным и длительным для французов был

процесс создания оккупационных органов власти. Подавляющая часть членов совета была включена в него в принудительном порядке, помимо их воли. Иногда под угрозой физической расправы. Во главе совета находился городской голова купец 1-й гильдии Петр Нахоткин, он-то и стал первым мэром Москвы. Как показали последующие события, купец проявил себя весьма смелым человеком в отношениях с французами: «Явившись со всем муниципалитетом к г. Лессепсу, префекту провинции, чтобы получить от него утверждение в должности, он (Нахоткин – А.В.) очень неожиданно сказал г. Лессепсу, следующие слова истинно Русского человека: «Ваше превосходительство! Прежде всего, я, как благородный человек, должен сказать вам, что не намерен делать ничего, противного моей вере и моему государю», – Лессепс, несколько удивленный такою речью, отвечал, что ссора между императором Наполеоном и императором Александром до них не касается; что единственною их обязанностью будет смотреть за благосостоянием города; после этого объяснения муниципалитет вступил в

Маросейка, д. 17

¹⁷⁵ Харузин Е. Указ. соч.

должность», — вспоминал очевидец, эмигрант Вильфор.

А Бестужев-Рюмин был назначен товарищем городского головы и отвечал в муниципалитете за снабжение продовольствием бедных и попечение больных. На доме, который ему предоставили для жилья, была повешена доска с надписью: «Резиденция помощника мэра города». Члены муниципалитета старались всячески помогать оставшимся в оккупации москвичам. Так, современники отмечали, что «в это время низшие французские чины считали Бестужева городским начальником. Он умел пользоваться этим как нельзя лучше; брал у Французов хлеб и раздавал беднейшим из своих соотечественников, в особенности семейным и, таким образом, облегчал участь многих несчастных. Он заботился и о сохранении в целости Вотчинного Департамента. Так, бывши однажды в Кремле, он увидел, что Французы из окон архива выкидывали книги и дела в вязках; тотчас же отправился к Наполеону, как член Муниципального Совета был допущен к нему и донес ему об этом. Наполеон, по просьбе его, приказал к архиву приставить караул».

Еще одним членом муниципалитета стал профессор Московского университета надворный советник Христиан Штельцер, который не выехал вместе со своими коллегами в Нижний Новгород (как не любил Ростопчин университет, надо отдать ему должное — в условиях дефицита подвод для раненых — он дал лошадей и телеги для

вывоза университетских преподавателей и имущества). Штельцер, сославшись на нехватку денег и пообещав университетскому начальству выехать при первой же возможности, никуда не поехал и остался ждать французов.¹⁷⁶

И, надо сказать, дождался. Буквально через несколько часов после занятия Москвы, на Моховую улицу к университету подъехал генерал-интендант наполеоновской армии Дарю: «Была прекрасная ночь; луна освещала эти великолепные здания, огромные дворцы, пустынные улицы, это была тишина могильных склепов. Мы долго искали кого-нибудь, кого можно было бы расспросить, наконец, мы встретили профессора из академии и несколько французов, живших в Москве, которые спрятались в суматохе городской эвакуации. Люди, которых мы встретили, рассказали нам все, что произошло в течение нескольких дней и не могли заставить нас понять, как могло внезапно исчезнуть население города в триста тысяч душ», — вспоминал другой генерал, Дюма.

Дарю высказал Штельцеру свое благорасположение, сказав, что он давно хотел с познакомиться с таким известным ученым. Спросив, много ли учится в университете французов, Дарю пообещал избавить университет от постоя и даже снабдить его французским караулом во избежание разграбления, что и было выполнено уже на следующий день 3 сентября.

¹⁷⁶ Андреев А.Ю. 1812 год в истории Московского университета. — М., 1998.

Так французы узнали о том, что есть еще в Москве прекрасные кандидатуры на должности членов муниципалитета. В конце сентября Штельцера захотел видеть гофмаршал императорского двора Дюрок: «После многочисленных любезностей он (Дюрок – А.В.) предложил мне, от имени императора, должность начальника юстиции в Москве, с обещанием впоследствии назначить меня в его немецкие провинции. Я решительно отказался от этого, поскольку, как я сказал, будучи должностным лицом моего императора, без выхода в отставку не могу поступить на чужую службу. Как мне показалось, это было воспринято хорошо, по крайней мере, меня отпустили весьма дружелюбно. Два дня спустя генерал-интендант граф Дюма сказал мне: император полагает, что мне следует, по крайней мере, войти в муниципалитет, поскольку иначе с господами нельзя. Это были его собственные слова. Он сказал при этом, что, в противном случае, Его Величество предпримет неприятные для меня меры, потому что теперь у меня уже нет никаких оправданий. То же самое, только несколько более грубо, сказал мне в тот же день городской интендант Лессепс, подлый и жалкий человек. Но когда меня пригласил сам муниципалитет, то у меня не было больше сомнений, ведь я определенно служил городу, а не врагу, и благодаря мужеству и решительности мог сделать много добра. Я взял на себя заботу об общественном спокойствии и бе-

зопасности и нес бремя не на заседаниях или иных предприятиях, а только бегал по улицам туда и обратно, спас больше сотни человек от грабежа и насилия», – рассказывал профессор своему коллеге и ректору Московского университета Гейму.¹⁷⁷

Штельцер был включен в отдел, занимавшийся в муниципалитете «общей безопасностью, спокойствием и правосудием». Позднее ему пришлось оправдываться перед следствием – откуда взялась его подпись на четырех протоколах заседаний муниципалитета, если, как он пишет, он «нес бремя не на заседаниях». И с какой стати маршал Ней выделил охрану из пятнадцати человек семье Штельцера, перебиравшейся из Богородска в Москву, ведь все нормальные люди двигались в это время в обратном направлении. В ответ на это Штельцер отвечал, что его волновали в эти дни только безопасность университетского имущества и собственной семьи.

За время оккупации члены муниципалитета пробовали восстановить в городе систему общественного питания, скромным итогом чего стало открытие всего лишь нескольких питейных заведений: «Открыты три кабака в Москве, работу производят в них Русские, а деньги собирают Французы», – доносили Ростопчину.

А вот и официальный список членов муниципалитета:

¹⁷⁷ Андреев А.Ю. Указ. соч. С. 51–52.

**РАСПИСАНИЕ ОСОБАМ, СОСТАВЛЯЮЩИМ
ФРАНЦУЗСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ ИЛИ МУНИЦИПАЛИТЕТ
В МОСКВЕ, 1812 ГОДА¹⁷⁸**

1. Градской Глава, Петр Нахоткин, 1-й гильдии купец.
2. Помощник Градского Главы, Яков Дюлон, моск. купец, имел смотрение за мостовою.
3. Николай Крок, моск. куп. сын, заведывал спокойствием и тишиной в городе.
4. Федор Фракман, москов. именитый гражданин, по квартирмейстерской части.
5. Егор Менье, виртембергский уроженец, – надзор за ремесленниками и пособие бедным.

Члены городского правления

6. Иван Шаев, москов. купец	}	имели смотрение над мостовыми
7. Василий Коняев, москов. купец		
8. Христиан Федоритский		
9. Иван Дронов, москов. купец	}	заведывали тишиной, спокойствием и правосудием
10. Егор Мерман		
11. Василий Бородин, москов. купец	}	по квартирм. части
12. Андрей Келлер, иностранец		
13. Фердинанд Брион, отставной капитан		
14. Христофор Данорович, титул. советник	}	надзор над ремеслен- никами и пособие бедным жителям
15. Павел Нахоткин, купеч. сын		
16. Василий Шеметов, москов. купец		
17. Григорий Колчугин, москов. купец	}	надзор за богослуже- нием, чтобы оное было уважаемо, и попечение за бедными жит.
18. Иван Козлов, москов. купец		
19. Иван Буржуа, швейцарской службы кап. поручик		
20. Петр Паль, иностранец	}	надзор за богослуже- нием, чтобы оное было уважаемо, и попечение за бедными жит.
21. Карл Куст, комиссар. товарищ		

¹⁷⁸ Публикуемый документ был найден в бумагах покойного А.Я. Булгакова, примечательно, что в «Расписании» мы не найдем фамилии А.Д. Бестужева-Рюмина. Вероятно, что списков было несколько, и тот, который представлен, увидел свет еще до того, как Бестужев-Рюмин стал членом оккупационного муниципалитета.

22. Александр Крутицкой, московский купец, переводчик одного правления по полицейской части.

- 23. Александр Прево, моск. купец
- 24. Павел Коробов, моск. купеч. сын
- 25. Данило Фабер, художник
- 26. Михаил Марк, учитель 13-го класса
- 27. Франц Реми, 14-го класса учитель
- 28. Иосиф Чернич, профессор физики
- 29. Иван Визар, иностранец
- 30. Петр Мерсан, коллеж. регистратор
- 31. Егор Лаланс, иностранец
- 32. Иосиф Бушот
- 33. Гриберт Дро, иностранец
- 34. Николай Борн
- 35. Павел Нечаев, титул. сов.
- 36. Карл Ласан, иностранец
- 37. Василий Галданов, капит. московский
полицейский квартал. поручик
- 38. Осип Бекаделли, иностранец
- 39. Иван Пospelов, титул. советник¹⁷⁹
- 40. Василий Терпугин, колл. регистратор
- 41. Петр Басков, отставной ротмистр
- 42. Егор Ушаков, дворовый человек

комиссары
и помощники

- 43. Карл Русло, в спасских казармах переводчик и смотритель
- 44. Иван Позняков, москов. купец, имел особые препоручения от интенданта для закупки хлеба

- 45. Егор Ромадин, сенатский регистр.
- 46. Иван Ермолаев, вольно-отпущенный

комиссар.
помощники

- 47. Егор Намцадзе, губер. секретарь, пятидесятник
- 48. Иван Штанников, москов. мещанин, был употреблен Вишневым для разных закупок для Французов
- 49. Сергей Залетов, титул. сов. медицинской конторы, помощник комиссарский

¹⁷⁹ Титулярный советник И. Пospelов на следствии показал, что оказался в составе муниципалитета против своей воли. Как установил В.Н. Земцов, за несколько дней до сдачи Москвы Пospelов был арестован по указанию Ростопчина и содержался во Внутренней тюрьме. Неизвестна причина его ареста, впрочем, также как и скорого освобождения – за три часа до вступления оккупантов в Москву.

50. Василий Виноградов, кол. секретарь	}	помощники
комиссарские
51. Андрей Комаковской, учитель		
52. Иван Николаев, коллежский регистр		
53. Франц Робе, иностранец, комиссар		
54. Август Гебель, помощник его		
55. Андрей Конюхов, надворный советник, по квартирм. части ¹⁸⁰		
56. Иван Щербачев, губернский секретарь, имел особенные
препоручения от Наполеона и Мюрата ¹⁸¹		
57. Михаил Щокотов, губерн. секретарь	}	помощники
комиссарские
58. Филипп Пузырев, подлекарь		
59. Иван Миронов, семенов. унтер-офицер		
60. Николай Ратников, военно-сиротского отделения воспитанник,
десятский		
61. Лев Визар, иностранец, комиссар. помощник		
62. Андрей Суцов, титул. советник и кавалер, имел надзор
за продовольствием бедных		
63. Павел Лакруа, кол. регистр.,
кварт. поруч ¹⁸² .	}	по особенным
секретным
поручениям
64. Иван Жером, иностранец		
65. Иван Переплетчиков, моск. купец, член правления,
имел надзор за ремесленниками и пособием бедным.		

¹⁸⁰ Надворный советник А.Я. Конюхов, служа в обер-егермейстерском ведомстве, оказался в Москве за две недели до занятия ее французами. На следствии объяснил свое присутствие в захваченной оккупантами Москве недомоганием своей жены.

¹⁸¹ «Особенные препоручения от Наполеона» можно трактовать как разведывательную и шпионскую деятельность Ивана Щербачева, о чем, в частности, пишет В.М. Безотосный. На это указывают и некоторые обстоятельства его поведения. Так, подав прошение о зачислении в Московское ополчение, Щербачев «по болезни» в свой полк не явился, оставшись в Москве. Вместо этого, он, якобы, пытался дать отпор вступающим в город захватчикам, взяв из Арсенала оружие. Впоследствии Щербачева не раз видели среди свиты Наполеона, разъезжающего по Москве. Тем не менее, просидев до ноября 1814 г. в заключении, он был прощен и не понес наказания.

¹⁸² Квартальный поручик, коллежский регистратор Павел Лакруа дал на следствии крайне путанные показания. Так, при эвакуации московской полиции он каким-то образом «отстал», что можно трактовать как дезертирство. Не менее обличительны и другие свидетельства, полученные из захваченных после бегства французов документов. Судя по ним, «отстав» от своих, Лакруа не только освободил находящегося под его надзором пленного офицера, но и подробно рассказал французам о строительстве воздушного шара под Москвой. Несмотря на усилия Ростопчина по разоблачению коллаборационистской деятельности Лакруа, обвинения с него были сняты.

Имена москвичей, вошедших в муниципалитет, стали известны и в Санкт-Петербурге. 11 октября 1812 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» № 82 было напечатано следующее «Объявление Министерства полиции к жителям Москвы»:

«По Высочайшему Повелению объявляется от Министерства Полиции.

Известно, что неприятель учреждает в Москве некоторые на Французский образец присутственные места или Начальства, стараясь разглашать, якобы делает то для восстановления порядка и спокойного в ней пребывания жителей. Между тем солдаты его продолжают расхищать и производить разные насилия и грабительства. Для прикрытия сих неистовств, успел он страхом или соблазнами склонить некоторых Русских простолюдинов принять на себя обязанности быть членами сих учреждаемых от него обществ. Перехваченные бумаги содержат в себе имена их. Правительство должноствовало бы обнародовать оные и произвести над ними строгий и праведный суд; ибо вступать в учреждаемые неприятелем должности есть уже признавать себя ему подвластным, а не просто пленником; но Правительство удерживается от сего только потому, что бумаги сии не совсем достоверны, и что оно без точного о том осведомления опасается преждевременным и поспешным осуждением оскорбить невинность.

Между тем, обращая внимание и попечение свое о благе каждого и всех, не может оставить без предварительного увещания, чтоб всяк опасался верить лукавому гласу врагов, пришедших сюда устами обещать безопасность и покой, а руками жечь, грабить и разорять Царство наше. Какому надлежит быть или безумию, или крайнему развращению, дабы поверить, что тот, который пришел сюда с мечом на убийство нас изощренным, с пламенником для воспаления наших домов, с цепями для возложения их на выю нашу, с кошицами для наполнения их разграбленным имуществом нашим, что тот желает устроить нашу безопасность и спокойствие? Сохранил ли тот славу и честь нашу, кто пришел отнять их у нас? Поцудит ли тот кровь нашу, кто ничем от нас неоскорбленный пришел ее проливать? Оставит ли тот беспрепятственно соблюдать нам древнюю предков наших Веру, кто святотатственною рукою дерзает обдирать оклады с почитаемых нами Святых и Чудотворных Икон? Что ж значат его слова и обещания? Сын ли тот Отечества, кто им поверит?

По сим причинам Правительство почитает за нужное обвести всенародно:

1) Что оно прилагает всевозможное попечение о помощи и призрении разоренных от неприятеля, скитающихся без пристанища людей.

2) Что сим предварительным извещением надеется спасти про-

стоту от позднего раскаяния в легковёрности, дерзость же, не стыдящуюся нарушать долг и присягу, устроить праведным и неизбежным наказанием.

Подписал:
Главнокомандующий
в Санкт-Петербурге Вязмитинов».

Исполнявший в то время должность министра полиции Сергей Козьмич Вязмитинов предупреждал не зря. «Строгий и праведный суд» вскоре последовал.

Когда после изгнания оккупантов началось расследование деятельности оставшегося в городе чиновничества, Бестужев-Рюмин был отстранен от работы в Вотчинном Департаменте. Дело в том, один из сослуживцев написал на него донос, в котором обвинил его в краже казенных денег — Бестужеву-Рюмину пришлось долго оправдываться, чтобы снять с себя подозрения. В результате расследования выяснилось, что Бестужев-Рюмин «во время исправления им сей должности, действовал, как видно из дела, наравне с другими членами муниципалитета и особенных услуг его неприятелю по исследованию не обнаружилось».

Оправдали и купца 2-й гильдии Григория Кольчугина, занимавшегося в Москве книжной торговлей и служившего перед войной гоф-маклером Коммерческого банка. Он был отцом восьмерых детей, знал несколько иностранных языков, жил в собственном доме на Покровке. Купец не смог выехать из Москвы по причине имевшегося у него большого имущества. Фран-

цузы заставили Кольчугина войти в муниципалитет, поручив ему «надзор за богослужением».

Но как говорится в народе, «своя рубашка ближе к телу». Таких в муниципалитете оказалось немного. Но сказать о них стоит. Взять хотя бы купца-старообрядца Л.И. Осипова, поднесшего Наполеону цельное блюдо серебра. Император оценил верность предателя, приказав не трогать дом купца. Осипову поручили обеспечивать москвичей продовольствием. В дальнейшем, правда, Осипову не повезло: «Он брался с тем, чтобы ему дали нужное число подвод, но Наполеон велел ему сказать, что он сих уговоров не знает и что велит его повесить», — сообщали ростопчинские агенты.

Купец 3-й гильдии И.Г. Позняков, которому французы доверили заниматься закупками хлеба, использовал свое членство в муниципалитете для личной наживы. Уже после изгнания оккупантов из Москвы выяснилось, что Позняков нагребил вещей, оставленных москвичами, на общую сумму в 2–3 тысячи рублей. В отличие от большинства оставшихся в городе купцов, он не только активно сотрудничал с захватчиками, но и организовал банду грабителей, промышлявших разбоем. В эту банду входили купцы М.Е. Карнеев, П.И. Брыткин, М.А. Шапошников и Е.И. Посников, В.П. Попов, М.М. Резенков, крестьянин П. Прасолов и прочие, оставшиеся в Москве. Они «усердно занимались присвоением чужой собственности, делая наезды на Гостиный

двор и в частные дома, а собранные товары и «вещи» свозили в дом Позднякова и там делили. На допросах Брыткин показал, что, «по приглашению Позднякова, вместе с купцами Поповым, Резенковым, Вепринцевым, Посниковым и извозчиком Прасоловым ездили неоднократно в город и брали там во время горения Гостиного двора, по указанию Позднякова, разные товары, но из чьих амбаров или лавок — не знает». Брали они синюю кубовую краску, итальянский шелк, хину, английскую прядильную бумагу, чай, гвоздику и проч. Почти все сознались в соучастии, как и сам Поздняков. Так, извозчик Прасолов рассказал на допросах, что 6 сентября ездил он вместе с Поздняковым и прочими в Гостиный двор, где купцы набрали «полную бричку» разного товара, а 7 сентября Поздняков с женой увезли оттуда полную бричку фаянсовой и фарфоровой посуды, и несколько раз ездили туда же на поживу, увозя вино, изюм и другие товары.

По выступлении французов из Москвы купец Попов отправил в Харьков награбленный товар на 12 подводах. Поздняков требовал от него за эти товары «10 процентов в общую кассу» — притом что он сам с женой взяли себе из всего таким образом «приобретенного» товара 55 процентов, Брыткину предлагалось 20, а Попову и Вепринцеву по 10. По выезде из Москвы они едва не передрались из-за награбленного». ¹⁸³

По результатам расследования Поздняков был приговорен к 15 уда-

рам кнутом, вырезанию ноздрей, клеймению и каторге. Целую группу иностранцев, служивших в муниципалитете, приговорили к различным наказаниям. Так, комиссара Франца Реми за распространение вражеских прокламаций выслали в Tobolsk, комиссара Иосифа Бушота за измену присяге отправили в Сибирь, большую же часть коллаборационистов просто выслали за границу.

Но все же значительную часть членов муниципалитета оправдали, отметив, что их служба при французах была вынужденной.

Создали французы и свою полицию, призванную поддерживать на московских улицах маломальский порядок. Как вспоминал свидетель, «полицейский порядок ограничивался только дозором троекратных конных патрулей, имевших приказание подбирать шатавшихся не в указанные часы солдат, первый объезд — в девять часов вечера, второй — в одиннадцать, третий и последний — в час ночи. В каждый объезд трубачи трубили на трубах. Забранные солдаты в 9 час. — получали выговор, в 11 — штрафовались арестом, а в час ночи — подвергались наказанию». ¹⁸⁴

Во главе полиции по собственному желанию стал все тот же магистр Московского университета и содержатель пансиона Фридрих Виллерс, французский подданный, прибежавший к Наполеону на Поклонную гору еще 2 сентября, поведение которого стало ярким примером коллаборационизма и предательства. Он не только сам вызвался служить оккупантам

¹⁸³ Искюль С.Н. Указ. соч. — С. 88.

¹⁸⁴ Харузин Е. Указ. соч.

обер-полицмейстером, но и составил список подобных себе отщепенцев, которых французы могли бы назначить комиссарами московской полиции.

Оккупанты трактовали происходящее по-своему: «8-го числа пожар немного затих; маршал Мортье, губернатор города, с генералом Мильо, назначенным плац-комендантом, деятельно занялись организацией полицейского надзора. Выбрали для этой цели итальянцев, немцев и французов, обитателей Москвы, которые спрятались, уклонившись от строгих мероприятий Ростопчина, до нашего прихода насильно заставлявшего жителей покидать город».¹⁸⁵

2 сентября Виллерс встретился с одним польским генералом, которого «водил его в Губернское Правление, в Думу, в Полицию, к Генерал-Губернатору, словом, всюду, где была малейшая надежда встретить какой-нибудь остаток чиновников. Эта-то прискорбная встреча доставила Виллерсу место полицеймейстера», — писал Вильфор. Помещалась новоявленная полиция недалеко от муниципалитета, на Покровке, в доме Долгорукова, где также был организован и процесс над поджигателями.

Активно участвуя в проведении оккупационной политики, Виллерс всячески измывался над москвичами, не желавшими подчиняться французам. Так, однажды, он приказал запрячь «впереди дохлой лошади» восемь человек, которых «погонял палкой».

¹⁸⁵ Воспоминания сержанта Бургоня. — СПб, 1898.

Когда Наполеон узнал о той памятной отправке Ростопчиным московских французов (которых погрузили на барку), то велел взять в заложники наиболее видных из оставшихся в городе москвичей. Комиссар Московского архива коллегии иностранных дел (что в Хохловском переулке) надворный советник Тархов рассказывал, как он сам оказался в числе арестованных. 1 октября его привели в один из уцелевших домов на Мясницкой улице. Там французы и собрали заложников, к которым обратился Виллерс, объяснивший причины ареста: «Ростопчин отправил на барках 50 человек французов в Казань или в Сибирь, и что они там содержатся плохо». Три дня продержали заложников под стражей, видимо, в ожидании того, что Александр I, узнав об этом, прикажет вернуть московских французов из ссылки. Именно такой срок дал французский император русскому, иначе угрожая расстрелять москвичей. Но, провидению было угодно, чтобы через три дня их не расстреляли, а освободили. Наполеону было уже не до того, чтобы заниматься освобождением своих сосланных соплеменников, — самому бы унести ноги!

Виллерс бежал вместе с французами, однако, был пойман и арестован. Пользуясь личными связями избежал наказания, хотя по результатам расследования был приговорен к ссылке в Сибирь. Ростопчин писал в связи с этим Александру: «Виллерс не может быть выслан из России: у него тут

много связей, он получает подробные сведения обо всем».

К чести москвичей, среди них подобных Виллерсу предателей почти не нашлось, т.к. «временное правление, учрежденное Наполеоном в Москве, не принесло большой пользы французской армии, разве только тем, что некоторые из его членов служили французам шпионами, указали некоторые места, где скрыты были драгоценные вещи, и оказали содействие при обольщении нескольких крестьян». Французы даже не смогли набрать из дезертиров воинскую команду: «Наполеон приказал формировать один пехотный кор-

пус исключительно из Русских и иностранцев, поселившихся в России, но формирование этого корпуса не состоялось: лишь несколько пленных (преимущественно малороссиян) были завербованы в польские войска», – писал Шмидт.

Как и в случае с мгновенным переименованием улиц, оккупанты спешили закрепить свою власть обозначением новой принадлежности уцелевших московских зданий. Так, москвичи никак не могли понять, с какой целью на всех богоугодных заведениях, и даже на сумасшедшем доме, Наполеон приказал повесить табличку «Дом моей матери».

Пожар Москвы. Вид на Кремль и Замоскворечье из-за Каменного моста.

Гравюра И.Ф. Клара. 1810-е гг.

Процесс над поджигателями. Так кто же поджег Москву?

Вместо того чтобы покинуть Москву, Наполеон принялся за организацию процесса против поджигателей, дабы доказать всей Европе, кто есть истинный виновник пожара. Его очень волновало отношение Европы, ее толкование московского сидения французов. Не подумают ли там, что Наполеон проиграл кампанию? Волнения были ненапрасными. Пока его армия грабила Москву, Кутузов сумел перегруппировать свои войска так, что они оказались в тылу у французов, совершив знаменитый Тарутинский маневр.

Процесс над поджигателями начался 12 сентября 1812 года в доме Долгоруковых на Покровке (совр. дом № 6 по Колпачному пер.). В тот же день был напечатан бюллетень, в котором говорилось, что учреждена комиссия «по приказу императора и короля» «для отыскивания и суждения виновных и участвующих в пожаре, который

случился в разных местах в городе Москва 14, 15, 16, 17 и 18 числа сего месяца и который после продолжался». Приведенная в бюллетене информация о числе обвиняемых несколько расходится с данными Ростопчина. Перед судом предстало двадцать шесть москвичей.

Созданная оккупантами Военная комиссия под председательством главного судьи Великой армии генерала Ж. Лоэра приговорила десять человек к расстрелу, а остальных – к тюремному заключению и обязанности присутствовать при исполнении приговора. Очевидцы, присутствовавшие на этом судилище, вспоминали, что часть обвиняемых подтвердили, что имели приказ поджигать дома в Москве. На суде были предъявлены «вещественные доказательства»: фитили, ракеты и прочие легковоспламеняющиеся средства. Казнили приговоренных к смерти на следующий день у стен Новодевичьего монастыря. После расправы каждого из убитых привязали к столбу, обозначив табличкой со словами «Поджигатели Москвы».

Во время процесса не раз и не два речь шла о средствах, с помощью которых совершались поджоги: петарды, ядра, ракеты. Французские офицеры и солдаты утверждали, что попытки затопить печи в занятых ими домах, нередко

Дом Долгоруковых

приводили к взрывам из-за заложенного там ранее пороха. Сегюр пишет: «В других местах коварно положенные гранаты разрывались на печах некоторых домов и ранили солдат, толпившихся возле печки. Тогда, удалившись в уцелевшие кварталы города, солдаты искали там убежища, но в домах, закрытых и необитаемых, они слышали слабый звук взрыва, сопровождаемый легким дымком. Но дым этот быстро становился гуще и чернее, потом принимал красноватый оттенок, наконец, делался огненным, и вслед за тем пламя охватывало все здание».

В русских печах французов поджидали и другие подарки – пушечные ядра, взрывавшиеся в самый подходящий момент: «Уже около часу мы бродили по обширным, роскошным хоромам, в стиле для нас совершенно новом, как вдруг раздался страшный взрыв: он шел откуда-то снизу из-под того места, где мы находились. Сотрясение было страшно сильное: мы думали, что будем под развалинами дворца. Мы проворно спустились вниз, со всякой осторожностью, но были поражены, не застав наших двух солдат, поставленных на часах у дверей. Довольно долго проискали мы их, наконец, нашли на улице, они сказали нам, что в момент взрыва они поскорее убежали, думая, что весь дом обрушится на нас. Перед уходом мы хотели узнать причину напугавшей нас катастрофы; оказывается, в обширной столовой обрушился потолок, хрустальная люстра разлетелась вдребезги, и все это произошло от того, что нарочно

были положены ядра в большую изразцовую печь. Русские рассудили, что для того чтобы истреблять нас, всякое средство годится», – жаловался сержант Бургонь.

Еще одно средство поджога – ракеты: «Ночью видишь ракеты, которые все время с целью поджога пускают с колоколен, с крыш домов и даже на улицах. Схваченных на месте преступления немедленно расстреливают. Часто несчастные бывают пьяны и не успевают протрезвиться, прямо переходят в царство смерти. Находились даже такие, которые, подливая деготь, старались разжечь потухавший огонь. Носясь, как сумасшедшие, они на наших глазах бросали в дома, где мы жили, пылающие головешки, которые они прятали под полами платья...

Около полудня был захвачен человек, только что перед тем пустивший летучую ракету. Виновник покушения был арестован и представлен на суд императора. Ракета, упав на смежную с арсеналом башню, подожгла ее», – писал де Ложье.

Обнаруженные французами у пойманных поджигателей ракеты были «каждая в шесть дюймов величины, укрепленные между двумя кусками дерева». Иными словами, приспособления для пуска ракет представляли из себя огромные рогатки.

Если бы французам удалось захватить Ростопчина, как того хотел Наполеон, то граф, вероятно, мог бы более подробно рассказать о приемах и методах поджога московских зданий, ведь его собственный дом

Русская преданность и героизм.

Худ. Д.Х. Кларк, М. Дюбург с оригинала Д.А. Аткинсона. 1816 г.

был напичкан порохом. Своеобразные показания московский генерал-губернатор дал в своей книге «Правда о пожаре Москвы», изданной в 1823 году. Вот что он пишет:

«Для чего мне было класть петарды в моем доме? Принимаясь топить печи, их легко бы нашли, и даже в случае взрыва было бы только несколько жертв, а не пожар. Один Французский медик, стоявший в моем доме, сказывал мне, что нашли в одной печи несколько ружейных патронов; если по прошествии некоторого времени сделались они петардами, то для чего же не сказать после, что это были сферы сжатия (globes de compression)? Что касается меня, то я оставляю изобретение петард бюллетеню; или, если действительно нашли несколько патронов в печах моего дома, то они могли быть положены после моего выезда, чтобы чрез то подать еще более повода думать,

что я имел намерение сжечь Москву. Равномерно и ракеты, будто бы найденные у зажигателей, могли быть взяты в частных заведениях, в которых приготавливаются фейерверки для праздников, даваемых в Москве и за городом».

Ростопчин опровергает и показания поджигателей, пойманных французами: «Вот еще доказательство, представленное как несомненное и убедительное, облеченное формою суда, показанием осужденных и смертью зажигателей. Наполеон объявляет в двадцатом своем бюллетене, что схватили, предали суду и расстреляли зажигателей; что все сии несчастные были взяты на месте, снабженные зажигательными веществами и бросающие огонь по моему приказанию.

Двадцатый бюллетень объявляет, что эти зажигатели были колодники, бросившие огонь в пятистах местах в один раз, что никоим об-

разом невозможно. Впрочем, можно ли полагать, чтобы я дал свободу колодникам, содержащимся в тюрьмах, с условием жечь город, и что сии люди могли исполнить мои приказания во время моего отсутствия, пред целой неприятельской армией? Но я хочу убедить всех тех, кои единственно судят, по-видимому, что колодники никогда не были к тому употреблены.

По мере приближения Наполеоновой армии к какому-либо Губернскому городу, Гражданские Губернаторы всегда отправляли колодников в Москву под прикрытием нескольких солдат. Вышло из того, что в конце месяца августа Московские тюрьмы наполнены были колодниками Губерний Витебской, Могилевской, Минской и Смоленской. Число оных, с включением также и колодников Московских, состояло из осьмисот десяти человек, которые, под прикрытием одного батальона, взятого из гарнизонного полку, были отосланы в Нижний Новгород двумя днями прежде входа неприятеля в Москву. Они прибыли к месту своего назначения, и в начале 1813 года, во избежание затруднения на счет рассылки их по прежним Губерниям предписано было Судебным Местам Нижнего Новгорода учинить и кончить их процесс там.

Но процесс, учиненный зажигателям (который напечатан и которого я имею у себя еще один экземпляр), объявляет, что были представлены тридцать человек, из коих каждый поименован, и между которыми тринадцать, будучи уличены в зажигательстве города по

моему приказанию, приговорены к смерти. Между тем по двадцатому и двадцать первому бюллетеню расстреляно их сначала сто, а потом еще триста. По моему возвращению в Москву я нашел и говорил с тремя несчастными из числа тридцати, обозначенных в процессе: один был служитель Князя Сибирского, оставленный при доме, другой, старый подметальщик в Кремле, третий, магазинный сторож.

Все трое, допрашиваемые порознь, мне сказали одно и то же в 1812 году, что и два года после того, то есть, что они взяты были в первые дни сентября месяца (стар. стиля), один во время ночи на улице, двое других в Кремле днем. Они оставались некоторое время в кордегардии в самом Кремле; наконец одним утром препроводили их с десятью другими Русскими в Хамовнические казармы; к ним присоединили еще семнадцать других человек и отвели их под сильным прикрытием к Петровскому монастырю, находящемуся на бульваре. Там они простояли почти целый час; после чего, множество офицеров приехало верхами и сошли на землю. Тридцать Русских были поставлены в одну линию, из коих, отсчитавши тринадцать справа, поставили к монастырской стене и расстреляли. Тела их были повешены на фонарные столбы с Французскою и Русскою надписью, что то были зажигатели. Другие семнадцать были отпущены и впредь уже нетревожимы.

Объявление сих людей (если оно справедливо) заставляет думать, что никто их не допрашивал и что

тринадцать были расстреляны по повелению высшего начальства».

Но самым главным объяснением причин пожара Ростопчин называет инициативу самих оставшихся в городе москвичей: «Итак, вот подробности, которые я могу доставить об этом происшествии, которое Наполеон складывает на меня, которое Русские складывают на Наполеона и которое не могу я приписать ни Русским, ни неприятелям исключительно. Половина Русских людей, оставшихся в Москве, состояла из одних токмо бродяг, и легко стать может, что они старались о распространении пожаров, дабы с большею удобностью грабить в беспорядке. Но это еще не может быть убедительным доказательством, что существовал план для сожжения города и что этот план и его исполнение были моим делом».

Приведенные ранее свидетельства пристава Мережковского опровергают слова Ростопчина о самодеятельности пожара. Ведь потому пожар и оказался столь катастрофичным по своим последствиям, что был хорошо организован. Эффект от хорошей организации удвоился или даже утроился присущей русскому народу готовностью к самопожертвованию, послужившей самым сильным запалом для распространения огня. Это подтверждает и свидетель тех событий писатель Иван Лажечников:

«Москвичи, не помышляя более о спасении своих домов, думали только честно покинуть их. Кажется, в одно время в сердце народа и в голову великого полководца пала мысль, для блага России, принести

на алтарь ее в жертву первопрестольный город. Один, для исполнения своих высших планов, замышлял отдать Москву; другой замышлял сжечь ее, в случае сдачи неприятелю и тем очистить ее от поругания нашествия. Так в дни божии избранники его и народ понимают друг друга и действуют согласно, не поверяя друг другу своих намерений. В эти дни я слышал нередко, от купцов, извозчиков и моего дядьки, что, в случае сдачи Москвы, наши готовятся спалить ее дотла. «Не доставайся ж, матушка, неприятелям». И потому, если мое свидетельство может что-нибудь прибавить к показаниям историков 12-го года, считаю долгом засвидетельствовать, что пожар московский был просто следствием народного побуждения. Тогдашний градоначальник Ростопчин, отгадав это побуждение, не только не мешал, но даже содействовал ему, – вот что надобно еще прибавить. Кому принадлежит честь этого подвига – судите сами. Высокое и трудное бремя нес тогда Ростопчин. Надо было в одно время поддерживать пламенное усердие к делу общему, ослаблять уныние, возбуждаемое вестями о скором нашествии неприятеля, и умирять народные порывы».¹⁸⁶

Об этом же беззаветном побуждении писал и готовил его Ростопчин: «Главная черта Русского характера есть не корыстолюбие и готовность скорее уничтожить, чем уступить, оканчивая ссору сими словами: не доставайся же нико-

¹⁸⁶ Лажечников И.И. Новобранец 1812 года.// Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. – М., 1989.

му. В частых разговорах с купцами, мастеровыми и людьми из простого народа, я слышал следующее выражение, когда они с горестью изъясляли свой страх, чтоб Москва не досталась в руки неприятеля: лучше ее сжечь. Во время моего пребывания в главной квартире Князя Кутузова я видел многих людей, спасшихся из Москвы после пожара, которые хвалились тем, что сами зажигали свои дома...

Жители Москвы были раздражены первые; узнавши еще до взятия Смоленска, что ничего не было пощажено неприятелем, что дома были разграблены, женщины поруганы, храмы Божии обращены в конюшни. Они поклялись отмщением на гробах отцов своих и истребили все, что могли. Более десяти тысяч вооруженных солдат побито крестьянами в окрестностях Москвы; сколько еще мародеров и людей безоружных пало под их ударами! Они зажигали свои дома для погубления солдат, запершихся в оных.

Вот подробности, собранные мною по моему возвращению в Москву; я их представляю здесь точно в таком виде, в каком они ко мне пришли. Я не был свидетелем оных, ибо находился в отсутствии.

В Москве есть целая улица с каретными лавками, и в которой живут одни только каретники. Когда армия Наполеона вошла в город, то многие Генералы и Офицеры бросились в этот квартал и, обошедши все заведения оного, выбрали себе кареты и заметили их своими именами. Хозяева, по общему между собою согласию, не желая снаб-

*Лажечников И.И.
Худ. А.В. Тыранов. 1834 г.*

дить каретами неприятеля, зажгли все свои лавки.

Один купец, ушедший со своим семейством в Ярославль, оставил одного своего племянника иметь печность о его доме. Сей последний, по возвращении Полиции в Москву, пришел объявить ей, что семнадцать мертвых находятся в погребе его дяди, и вот как он рассказывал о сем происшествии. На другой день входа неприятеля в город четыре солдата пришли к нему; осмотря дом и не нашедши ничего с собой унести, сошли в погреб, находящийся под оным, нашли там сотню бутылок вина, и давши разуместь знаками племяннику купца, чтобы он поберег оныя, возвратились опять к вечеру, в сопровождении тринадцати других солдат, зажгли свечи, принялись пить, пить и потом спать. Молодой Русский купец, видя их погруженных в пьяной сон, вздумал их умертвить. Он запер погреб, завалил его камнями и убежал на улицу. По прошествии нескольких

**Схватка русского крестьянина
с французскими солдатами.**

Худ. И.Ф. Тупылев. 1813–1814 гг.

часов, размысливши хорошенько, что эти семнадцать человек могли бы каким-нибудь образом освободиться из своего заточения, встретиться с ним и его умертвить, он решился зажечь дом, что и исполнил посредством соломы.

Вероятно, что эти несчастные семнадцать человек задохлись от дыму. Два человека, один дворник г-на Муравьева, а другой купец, были схвачены при зажигании своих домов и расстреляны.

С другой стороны, Москва, будучи целью и предметом похода Наполеона в Россию, разграбление сего города было обещано армии. После взятия Смоленска солдаты нуждались в жизненных припасах и питались иногда рожью в зернах и лошадиным мясом; очень естественно, что сии войска, пришедши в обширный город, оставленный жителями, рассыпались по домам для снискания себе пищи и для грабежа. Уже в первую ночь по занятии Москвы большой корпус ла-

вок, находящихся против Кремля, был весь в пламени. Впоследствии, и даже непрерывно, были пожары во многих частях города; но в пятый день ужасный вихрь разнес пламень повсюду, и в три дня огонь пожрал семь тысяч шестьсот тридцать два дома. Нельзя ожидать большой предосторожности со стороны солдат, которые ходили ночью по домам с свешными огарками, лучиною и факелами; многие даже раскладывали огонь посредине дворов, дабы греться. Денной приказ, дававши право каждому полку, расположенному на биваках близь города, посылать назначенное число солдат для разграбления домов уже сожженных, было, так сказать, приглашением или позволением умножить число оных. Но то, что боле всего утверждает Русских во мнении, что Москва была сожжена неприятелем, есть весьма бесполезное взорвание Кремля. Вот все, что я могу сказать о великом происшествии Московского пожара, которое тем еще более показалось удивительным, что нет ему примера в Истории».

Но вернемся к Ростопчину, который пишет, что никакого плана поджога Москвы у него не было, а было лишь три причины, воспалявших беспрестанно его рвение: «это была слава моего Отечества», «важность поста, препорученная мне Государем», и «благодарность к милостям Императора Павла I». Что же касается пожара, то виноват в нем все тот же Наполеон, вооруживший руку графа «зажигательным факелом, которым угодно было для собственных своих выгод вооружить мою руку».

Повседневная жизнь при французах

А что, собственно, ели во время оккупации в Москве? Сами французы поначалу насыщали свои желудки многочисленными деликатесами, оставленными покидавшими свои дома в панике москвичами. Потом все это поглотил прожорливый огонь. Но чем же потчевала незваных гостей Москва в оставшийся месяц?

Уже 3 октября агенты Ростопчина доносили: «Недостаток в пище столь велик в самом городе, что едят ворон и галок. В Люблине, у г-на Дурасова, живет один французский генерал и пользуется найденными там припасами, вином. Три приятеля у него обедали. Как скоро узнали в Москве, что в Люблине хорош стол, то все стали туда ездить обедать, и 29-го числа было за столом человек с 40 одних генералов».

Упомянутый господин Н.А. Дурасов, бригадир и действительный статский советник, в это время, конечно, отсутствовал в своем Люблине, потому как заблаговременно выехал из Москвы и находился в Симбирской губернии. В Москве его знали как редкого хлебосола, потому и запасы его Люблинской усадьбы оказались так велики.

Далее агенты Ростопчина сообщали: «По приглашению Наполеона, сделанному на двух языках Московским интендантом Лессепсом, съезжаться в город на рынки с припасами съестными приехали

подмосковные мужики графа Шереметева на 30-ти подводах с овсом и мукою. Все у них было раскуплено тотчас, и им даны награждения, велено ехать домой и опять приезжать. Едва выехали мужики за город, как сами же Французы на них напали, били их, отняли лошадей, а мужиков погнали в Москву обратно работать».

Но не только французы нападали на мужиков, а и сами русские крестьяне подымали руку на врага: «Верейские, Можайские и Рузские и других городов мужики ездят на Бородинское поле сражения, собирают там лежащие ружья и другие оружия и раздают их подмосковным мужикам, знакомым – безденежно, а прочим продают за самую дешевую цену, как то: 10 коп. за ружье, 2 коп. за пику и проч. Таким образом значительное число крестьян вооружено и действует ежедневно на пагубу врагов. Все почти французские фуражиры попадают в руки крестьян, кои их

Москва, 24 сентября 1812 г.

Худ. Х.В. Фабер дю Фор. 1830-е гг.

**Караул артиллерийского полка
III-го корпуса у Владимирских
ворот, 2 октября 1812 г.**

Худ. Х.В. Фабер дю Фор. 1830-е гг.

или убивают, или отсылают партиями в ближайшие казацкие посты. Французы очень жалуются на сие, говоря, что сей образ делать войну противен всем постановлениям военным. Также жаловался г-ну Милорадовичу Неаполитанский король, что по нему стреляют, когда он объезжает свои передовые посты», — сообщали Ростопчину.

Если верить Шмидту, «все давало повод предполагать, что Французская армия пробудет большую часть зимы в Москве: всякий день полковые командиры получали приказы собирать какой только найдется провиант и заготовлять запасы соленой капусты и картофеля, в исполнение этих приказов все стоявшие в Москве полки высылали за добычей команды во 100 и 150 человек. (Половина этих команд попадала в руки казаков или крестьян, которые не забирали их в плен, а убивали на месте.)

От огня была спасена разная мука в количестве, достаточном для продовольствия 80 тысяч человек в продолжение 3-х месяцев. Спасли также много вина, но большая часть была выпита на первых

же порах, а еще большая пропала от оплошности солдат, пьянствовавших более 4-х дней. Успели сберечь немного вина для госпиталей и несколько бочек водки. Если бы Наполеон не дозволил грабить (вообще, армии более теряют, чем выигрывают от грабежей), то Москве достало бы провианта на 6 месяцев для стотысячной армии, ибо в иных домах находились запасы, которыми можно было прокормить 400 человек в продолжение 6 месяцев».

Кстати, о капусте — в тот год был большой ее урожай, а еще много уродилось репы. Эти овощи служили чуть ли не единственным средством пропитания для москвичей в том голодном и холодном сентябре 1812 года. Ну и куда же без традиционного русского блюда — картофеля: «Шесть недель мы питались единственно картофелем, капустою и коренною-соленою рыбою; хлеба же и кусочка в глаза не видали!», — писал через шестьдесят лет после перенесенных переживаний Федор Беккер.

Оккупационные власти особо не церемонились со строптивыми москвичами. Как сообщали агенты Ростопчина из захваченной Москвы, «все Французы ежедневно пьяны после обеда, и жители их убивают, тогда и зарывают, но число всех жертв невелико... Во всех церквах сделаны конюшни. От святых икон сдирают оклады, а потом кидают их на улицу. Кремль цел, и неизвестно, что там делается, ибо строгие караулы никого туда не впускают, а думают, что грабят соборы... У жителей отнимают ру-

башки и сапоги, мучат их разными работами, не кормя, и когда они умирают от голода и усталости, то берут на улицах и в домах других на их места. Удивительно то, что у самих Французов ежедневно бегают по 100 и более солдат. За ними нет никакого присмотра, и они не слушают начальников своих. Ежедневно расстреливают за неповиновение».

Мы хорошо знаем, что во время немецкой оккупации в период другой Отечественной войны — 1941–1945 годов советских граждан угоняли на работу в Германию. То же самое проделывали и французы с москвичами:

«Спустя неделю по входе в Москву французы начали хватать и ловить молодых людей; из них большого роста брали в плен, для пересылки во Францию, на потеху легкомысленных парижан, а малорослых перегоняли в Кремль — рыть подкопы под соборы, башни и другие здания, а то употребляли жителей на разноску тяжестей. В одно время брат мой, бывший тогда 21-го года, большой ростом, пошел на дальние огороды добывать картофелю и был там взят французами в заграничную отправку. Ждали мы его возвращения весь день; наступил вечер, а брата все нет. Матушка наша заплакала и сказала: «Помолимся царице небесной за пропадающего, а там пусть будет, что Богу угодно». Мы плакали и молились долго и, утомившись от скорби, легли, но спать не могли. Время было час второй ночи. Слышим, стучат в окно: побежали отпереть и, к нашей радос-

ти, неожиданный уже явился брат мой, запыхавшийся, усталый и по ногам обожженный.

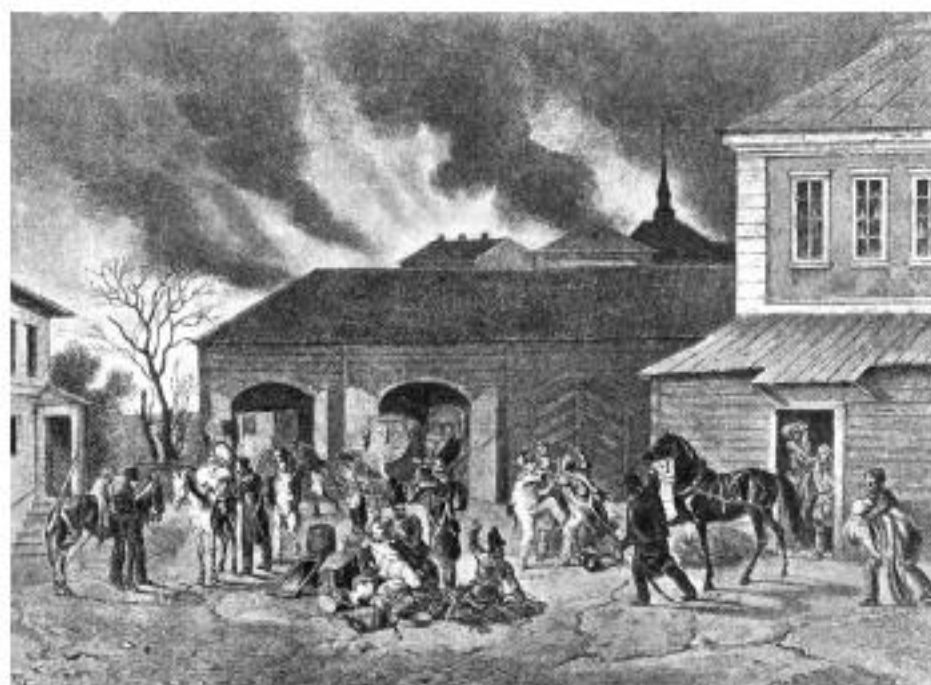
Его стерегли трое французов, он помещался между их с другим пленным русским молодцом; спасения не предвиделось, утром угонят их далеко. К полночи караульные начали позевывать и подремывать. Брат, не в примету страже, успел сказать товарищу, чтоб, улуча момент общей их дремоты, удариться бежать в разные стороны. Так и сделали. Французы живо вскочили, взяли ружья и начали стрелять по беглецам; но они уже были далеко, темнота прикрыла их бегство, — причем брат, бежавший без памяти через недавние пожарища, пообжег на себе и сапоги, и нижнее платье. Так Господь помиловал по молитвам нашей матушки

Несмотря на эту миновавшую беду, вскоре нужда заставила матушку вместе с братом идти набрать пшеницы на обгорелой барке, взявши мерки две, только поднялись на набережную, как навстречу им французской полковник с троими гренадерами, увидя брата, сказал «Але» и велел его взять. Матушка, заметя добрые, благородные черты лица полковника, попыталась

Москва, 8 октября 1812 г.

Худ. Х.В. Фабер дю Фор. 1830-е гг.

**Французские мародеры в Москве
в 1812 г. Литография Германа**

выпросить у него брата и сказала ему: «Г-н полковник! я стара, снести моей ноши не могу: отпусти мне его только донести мешок, и я обратно к вам пришлю его». Полковник, не понимая ее речи, обратился к одному из своих гренадеров, вероятно, поляку, чтоб он объяснил ему. Солдат перевел полковнику ее слова по-французски; на это полковник сказал, что она обманет и не пришлет сына (как перевел поляк). Тогда матушка сняла с рук брата перчатки и, со слезами отдавая их, сказала: «Г-н полковник, пусть эти перчатки останутся у вас залогом верности слов моих». И, о чудо, благородного великодушия и младенческой простоты! Полковник, выслушавши от переводчика эти умоляющие слова печальной матери, взял перчатки и отпустил брата, подтвердивши, чтоб она не обманула его. Вероятно, во всей армии Наполеона это единственный был добросердечный офицер».¹⁸⁷

Французы даже не способны были организовать гауптвахту для своих же проштрафившихся солдат. Например, сержант Бургонь

был отправлен под «арест» за то, что позволил бежать трем русским пленным, порученным его охране.

Вот что он рассказывает: «Я старался оправдаться, как мог, однако отправился в назначенное мне место. Там я застал еще других унтер-офицеров. Поразмыслив обо всем, я был рад, что спас жизнь троим пленным, будучи убежден в их невинности».

Блуждая по галерее комнат (видимо, для гауптвахты избрали одну из сохранившихся усадеб), Бургонь неожиданно для себя обнаружил в одном из помещений двух женщин, говорящих, как ему казалось, польски: «Увидав меня, они, казалось, совсем не удивились и заговорили обе разом, но я не понял. Мне хотелось узнать, нет ли у них чего-нибудь съестного. Они прекрасно поняли меня и подали огурцов, луку, большой кусок соленой рыбы, немного пива, но без хлеба. Немного погодя, та, что была помоложе, принесла мне бутылку какого-то напитка, который она называла «козалки»; отведав его, я убедился, что это просто данцигская можжевеловая водка, и в какие-нибудь полчаса мы осушили всю бутылку; я заметил, что обе мои москвички насчет выпивки способны перецеголять меня. Я остался еще немного с сестрами — они дали мне понять, что они сестры, потом вернулся в свою комнату.

Войдя, я застал у себя унтер-офицера Роша, пришедшего навестить меня и давно уже поджидавшего меня. Он спросил, где я пропадал, и когда я рассказал ему о своем приключении, он перестал

¹⁸⁷ Харузин Е. Указ. соч.

удивляться моему отсутствию, но очень обрадовался, потому что, по его словам, никого нельзя было найти для стирки белья. Теперь случай посылал нам двух московских дам, которые, вероятно, сочтут за честь стирать и чинить белье французских военных. В десять часов, когда все улеглись спать, не желая, чтобы знали, что с нами женщины, унтер-офицер с сержантом отправился за нашими красавицами. Сперва они немножко поломались, не зная куда их поведут; но дав понять, что они желают, чтобы я сам проводил их, они пошли за нами довольно охотно и смеясь. В нашем распоряжении оказалась лишняя каморка; там мы поместили их, обставив комнату всем, что нашли красивого и изящного из пожитков, оставленных московскими дамами, так что из грубых баб, какими они были в действительности, они сразу превратились в каких-то баронесс, которым однако поручено было стирать и чинить наше белье».

Петр Шаликов подтверждает, что «обносившиеся солдаты — даже офицеры закидали женщин наших работой — непрерывным шитьем рубашек из награбленных холстов, полотен, миткалей и проч., платя или не платя, единственно потому, кто честнее; ибо в таком множестве людей различного происхождения, различного воспитания; различных наций есть честные, добрые, великодушные и чувствительные: сего признания требует здравый рассудок и святая справедливость. Таковы большею частью Итальянцы. Можно и должно назвать их

антиподами Баварцев. Сии последние мстят, кажется, на других то, что они претерпевали никогда от Французов, чем долгое время платили за надетую корону на их Курфирста и во что стало им пышное имя Королевства».

Интересно, что к концу оккупации некоторые москвичи уже научились различать захватчиков по их происхождению: «Из всех нахлынувших с французами народов, собственно французы, как офицеры, так и солдаты, были человечнее и жалостливее к побежденным, между тем, как другие племена, в особенности поляки и саксонцы, судя по всем рассказам, слышанным мною, отличались грубостью нравов и жестоким обращением».¹⁸⁸

Шаликов упоминает про то, что оккупанты иногда платили деньги москвичкам за стирку. Деньги это были фальшивые. Печать фальшивых денежных знаков была одной из тех мер, что предпринимал Наполеон для подрыва экономики Российской империи. Печать фальшивых рублей наладили в Париже, Варшаве, Вильно. Министр финансов Д.А. Гурьев в 1813 году сообщал государю, что «Французы выпустили через какого-то банкира Френкеля до двадцати миллионов рублей ассигнациями, достоинством в 100, 50, 25 рублей». Этими деньгами оккупанты пробовали расплачиваться с местным населением за продукты и фураж. Даже жалованье французским солдатам в России выдавалось фальшивы-

¹⁸⁸ Щукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. — М., 1899. — Ч. 4. — С. 339–340.

ми русскими деньгами. Как писал Ростопчин, «неприятель во время пребывания его здесь старался выпустить сколь можно фальшивых ассигнаций с собою привезенных», но «никто из поселян на торжки не ездил, и закупки ничему произвести не можно было».

Фальшивые ассигнации зачастую были изготовлены довольно посредственно и грубо, так что людям, державшим в руках настоящие деньги не составляло особого труда отличить подделку. Теми же «деньгами» французские власти снабжали и членов муниципалитета, чтобы те выезжали за пределы Москвы и покупали на них продовольствие у подмосковных крестьян. Одному лишь городскому голове Нахоткину на эти цели было выдано сто тысяч рублей, «ибо можно ли было полагаться на успех такого препоручения? — на верность людей, покорявшихся одной силе, и на некоторое число жандармов, их сопровождавших? Встреча, например, с Козаками могла все уничтожить; но деньги пошли бы в обращение — а сего и довольно. Мне совсем неизвестно, как сие дело кончилось», — отмечает Шаликов.

*Москва, 12 октября 1812 г.
Худ. Х.В. Фабер дю Фор. 1830-е гг.*

Деньги распространялись и среди простых москвичей, пытавшихся покупать продукты в открывшихся Торговых рядах на Красной площади, где лучшие места заняли французские марки-тантки: «Некоторые ряды заняты Французами, кои посадили туда своих жен, а сии торгуют мехами, полотнами, сукнами и продают все за самую сходную цену, но на серебро. Корусть сего торга начинает привлекать несколько людей в Москву. Цирик чаю можно иметь за 15 р., тогда как за хлеб платят Французы по два, по три и даже по пяти целковых. Чай, сахар и кофе валяются по улицам. Французы берут ящики и набивают их другим», — докладывали Ростопчину.

Незадолго перед бегством из Москвы Наполеон приказал выплатить жалование своим гвардейцам, но уже не фальшивыми сто-рублевыми купюрами, а медными деньгами, найденными в подвалах судебных мест:

«Эта медь годилась только на продажу, а купить ее могли разве крестьяне и люди низшего сословия; эта торговля послужила поводом ко многим сценам, жалким и смешным вместе. Народ (в полном смысле слова), не перестававший грабить на развалинах погоревших домов, с самых тех пор, как начали грабить Французы, и делавший это часто с опасностью жизни, — тот самый народ, который большею частью прятался под мусором, так что можно было подумать, что его никогда и не было, собирався толпой, точно стая ворон, всякий раз, как отыскивался

погреб, магазин или какое-нибудь прежде скрытое место, где можно было пожить.

Тут он не обращал внимания ни на сабли, ни на штыки; один падал под ударами, но зато другие двадцать грабили; это придавало смелости мародерам; старики, дети, женщины, больные — все принимали участие в грабеже; трудно вообразить, сколько награбил этот народ. Лишь только императорская гвардия начала продавать свои мешки в 25 рубл. медью, тотчас же стая хищных птиц, как будто по инстинкту, понеслась на Никольскую улицу, где было главное место продажи; там, сначала по 10 коп., а потом по 50 коп. и 1 рублю можно было получить сколько угодно этих мешков с медью; труднее всего было уносить их, сначала только по причине их тяжести, а потом от тесноты. Можно было видеть, например, как жадные женщины взваливали себе на оба плеча мешки, но не успевали сделать и двух шагов, как какой-нибудь силач отнимал у них добычу и убегал с нею. Крики, брань, драка, — все это смешивалось; солдаты с обнаженными саблями и криками «ура» били направо и налево и, в свою очередь, похищали яблоко раздора. «Мусью, мусью! подарите!.. Але, але!.. что даешь?.. Подарите, мусью, и затем град ударов; но на это не обращали никакого внимания, так как, пользуясь беспорядком, можно было чем-нибудь пожить; можете вообразить, какое зрелище представляла Никольская, переполненная этими продав-

Шаликов П.И.

Худ. А.О. Орловский. 1809 г.

цами и покупателями. Отправившись посмотреть на эту торговлю, я принужден был пробираться вдоль стен, боясь сделаться более, чем зрителем. На следующий день — такая же толпа покупателей; но Французы стали благоразумнее, прогнали толпу из города и вообще запретили входить туда простому народу. Тогда устроился рынок около Воскресенских ворот. Несколько солдат, поместившись под окнами присутственных мест, устроили разменную кассу; они получали деньги, следующие за мешок, и бросали его из окна. Толпа увеличилась появлением крестьян, которые дрались с мещанами, чтобы пробраться поближе к продавцам. Прекратить беспорядки можно было только ружейными выстрелами, которые хотя и направляли нарочно мимо народа, тем не менее, заряды попадали иногда в толпу; ничто однако не могло удержать ее: она не переста-

Москва, 18 октября 1812 г.

Худ. Х.В. Фабер дю Фор. 1830-е гг.

вала кидаться на мешки, которые бросали из окон; выстрелы ничего не значили там, где можно было получить какой-нибудь барыш», — писал Вильфор.

По мере затухания огня, французы рассчитывали обосноваться в Москве уже на более длительный срок. В связи с тем, что с началом пожаров Кремль от поджогов охранял целый егерский полк, и сам Кремль, и многие близлежащие дома не пострадали от огня. Сюда-то и устремились наполеоновские солдаты: «6-го сентября мы отправились на отведенные нам квартиры, неподалеку от первой ограды Кремля, на прекрасной улице, большая часть которой спаслась от пожаров. Для нашей роты отведена была обширная кофейня; в одной из зал помещались два бильярда, а для нас, унтер-офицеров, назначен был дом одного боярина, прилегавший к кофейне. Наши солдаты разобра-

ли бильярды на части, чтобы было просторнее; из сукна некоторые пошили себе шинели.

В подвалах дома, отведенного под роту, мы нашли много вина, ямайского рома, а также целый погреб, полный бочок с превосходным пивом, покрытым слоем льда, чтобы оно сохранялось прохладным. У нашего же боярина нашлось пятнадцать больших ящиков с шипучим шампанским и испанским вином.

В тот же день наши солдаты отыскивали большую лавку с сахаром, и мы сделали большой запас его, послуживший нам для приготовления пунша за все время нашего пребывания в Москве; мы занимались этим аккуратно каждый день, и это было для нас большим развлечением. Каждый вечер, в большой серебряной миске, которую русский боярин забыл увезти с собой и в которой помещалось не меньше 6-ти бутылок, мы раза три-четыре принимались варить пунш; прибавьте к этому прекрасную коллекцию трубок, из которых мы курили чудесный табак».¹⁸⁹

А чем был занят их император? Не принимая во внимание мнения своих же маршалов, что дальнейшее промедление с эвакуацией из Москвы смерти подобно, Наполеон желает устроить в Первопрестольной... театр.

¹⁸⁹ Воспоминания сержанта Бургоня. — СПб, 1898.

Наполеон на подмостках московской сцены

Французские мемуаристы расценивают открытие театра в Москве как желание императора пустить пыль в глаза москвичам. Какие уж тут москвичи! Цель была иная — убедить свою армию, что зимовка в Москве предрешена. Даже из Парижа артистов хотел выписать... Как метко выразился по этому поводу барон Дедем: «Он усыплял себя на краю пропасти».

Усыплять требовалось не только русских, но и всю французскую армию. А потому как только Наполеон узнал о том, что в Москве остались актеры французской театральной труппы, которые не смогли покинуть город перед пожаром, он сразу же приказал организовать показ театральных представлений. Театр открыли в доме П.А. Позднякова на Большой Никитской (позднее дом Юсупова, ныне дом № 26/2). Как отмечал М.И. Пыляев, «Поздняковский театр французами был приведен в порядок с необыкновенной роскошью и мог щегольнуть невиданным и неслыханным богатством. Здесь ничего не было мишурного, все было чистое и серебро и золото. Ложы были отделаны дорогою драпировкою. Занавесь была сшита из цельной дорогой парчи, в зале висело стосемидесятиместное паникадило из чистого серебра, некогда украшавшее храм

Божий. Сцена была убрана с необычайной роскошью».

Отпечатали афиши, а цены на театральные билеты назначили в 5 франков (или рублей) в галерею и 3 франка в партер. Спектакли пользовались определенным успехом, как и прохладительные напитки, предлагаемые в фойе.

Верховодила этим пиром во время чумы бывшая директриса французской труппы Императорского театра Аврора Бурсе. Эта актриса и драматург приехала в Россию еще в 1808 году. Интересно, что именно в составе этой труппы играла Мелани Гильбер, которую разыскивал в Москве Стендаль. Бурсе бежала из России вместе с французами, опасаясь расплаты за свою слишком активную тягу к искусству. На занавес для оккупационного театра она пустила парчу, оставшуюся от распоротых маро-

Дом Юсуповых

дерами риз, награбленных варварами в московских храмах. Этим она сослужила себе дурную славу, в случае если бы она осталась в Москве, ее вполне могли и повесить.

Но местных французов Наполеону оказалось мало, задумавшись над расширением репертуара, он и решил вызвать в Москву актеров из Парижа и певцов из Милана, о чем пишет Сегюр: «Среди развалин устроили даже театр и говорят, что были призваны из Парижа лучшие актеры. Один итальянский певец приехал, чтобы постараться воспроизвести в Кремле Тюильрийские вечера».

Итальянский певец — это каснат Тарквинио, о котором Коленкур писал: «Французские актеры, итальянские певцы, в том числе знаменитый обладатель сопрано Тарквинио, и иностранные ремесленники оставались в Москве, так как они не знали, куда им деваться, когда началась эвакуация, о которой они узнали лишь в самый последний момент. Они потеряли все во время пожара и грабежей; Тарквинио едва удалось спасти один из своих костюмов. Император приказал помочь им... Тарквинио настойчиво желал петь для императора. Он пел два раза перед ним. Это происходило в совершенно домашней обстановке и продолжалось не более получаса; присутс-

твовали только офицеры из свиты императора». В дальнейшем его захватили казаки, принявшие его за женщину. Итальянец услаждал их слух своими песнями.

В эти дни лейтенант Дамплу, ставший завсегдатаем театра на Большой Никитской, вопрошает в своем дневнике: «Не понимаю, что мы делаем в Москве! Все это начинает надоедать и даже изумлять. Что делает император? Его редко можно видеть. Он безвыходно сидит во дворце, принимая курьеров и управляя империей. Кажется, теперь пропала вся надежда на то, что русский Царь будет просить мира. Потребуется, значит, новая кампания. Но где зимовать? Город разрушен и наполовину сожжен, а у нас нет ни провианта, ни запасов... Между тем, зима ведь близка... Сегодня смотрел «Рассеянного» и «Маррон и Фронтен». Представление имело большой успех. Г-жа Л. замечательно интересна...»

Но приехать в Россию новые французские актеры не успели, хотя спектакли давались чуть ли не до самого последнего дня. А вот дальнейшая судьба артистов французской труппы печальна — покинув вместе с захватчиками Москву и оказавшись ненужными своим бывшим зрителям, они сгинули в истекающем из России огромном потоке голодных и замерзающих солдат наполеоновской армии.

Наполеон как проводник демократии в России

А еще Наполеон был озабочен поисками в Москве бумаг о восстании Емельяна Пугачева. Уже не в Московском ли архиве иностранных дел искали его солдаты эти бумаги? Здание архива до сих пор стоит в Хохловском переулке. Чудом уцелело оно в московском пожаре. Оставшиеся в оккупированной Москве архивные служащие вспоминали, как 5 сентября французы, «приехав в архив верхами... имея в руках ломы и топоры, начали разбивать замки, а разломав оные, взошед начали грабить положенное там на сохранение... дела и бумаги все выкинули на пол и топтали ногами».

Сведения о пугачевском бунте так и не нашли. Для чего они были нужны Наполеону? Император грезил крестьянским восстанием в России: дескать, подпишет он декрет об освобождении крестьян на оккупированной территории, и русская армия, набранная из крепостных, разбежится кто куда, деморализуется и разложится. Об этом Наполеон советовался даже с мадам Обер-Шальме.

Недаром 20 сентября генерал-губернатор Москвы Ростопчин посылает в Москву свою новую афишу — своеобразную политинформацию:

«Крестьяне, жители Московской губернии! Враг рода челове-

ческого, наказание Божие за грехи наши, дьявольское наваждение, злой француз взошел в Москву: предал ее мечу, пламени; ограбил храмы Божии; осквернил алтари непотребствами, сосуды пьянством, посмешищем; надевал ризы вместо попон; посорвал оклады, венцы со святых икон; поставил лошадей в церкви православной веры нашей, разграбил дома, имущества; наругался над женами, дочерьми, детьми малолетними; осквернил кладбища и, до второго пришествия, тронул из земли кости покойников, предков наших родителей; заловил, кого мог, и заставил таскать, вместо лошадей, им краденое; морит наших с голоду; а теперь как самому пришло есть нечего, то пустил своих ратников, как лютых зверей, пожирать и вокруг Москвы, и вздумал ласкою сзывать вас на торги, мастеров на промысел, обещая порядок, защиту всякому. Ужли вы, православные, верные слуги царя нашего, кормилицы матушки, каменной

Московский архив

Консульская игрушка.

Листовка. 1803 г.

Москвы, на его слова положитесь и дадитесь в обман врагу лютому, злодею кровожадному? Отымет он у вас последнюю кроху, и придет вам умирать голодною смертью; проведет он вас посулами, а коли деньги даст, то фальшивые; с ними ж будет вам беда. Оставайтесь, братцы, покорными христианскими воинами Божией Матери, не слушайте пустых слов! Почитайте начальников и помещиков; они ваши защитники, помощники, готовы вас одеть, обуть, кормить и поить. Истребим достальную силу неприятельскую, погребем их на Святой Руси, станем бить, где ни встренутся. Уж мало их и осталось, а нас сорок миллионов людей, слетаются со всех сторон, как стада орлиныя. Истребим гадину заморскую и предадим тела их волкам, вороньям; а Москва опять украсится; покажутся золотые верхи, дома

каменные; навалит народ со всех сторон. Пожалеет ли отец наш, Александр Павлович, миллионов рублей на выстройку каменной Москвы, где он мирром помазался, короновался царским венцом? Он надеется на Бога всесильного, на Бога Русской земли, на народ ему подданный, богатырского сердца молодецкого. Он один — помазанник его, и мы присягали ему в верности. Он отец, мы дети его, а злодей француз — некрещеный враг. Он готов продать и душу свою; уж был он и туркою, в Египте обасурманился, ограбил Москву, пустил нагих, босых, а теперь ласкается и говорит, что не быть грабежу, а все взято им, собакою, и все впрок не пойдет. Отольются волку лютomu слезы горькия. Еще недельки две, так кричать «пardon», а вы будто не слышите. Уж им один конец: съедят все, как саранча, и станут стенью, мертвецами непогребенными; куда ни придут, тут и вали их живых и мертвых в могилу глубокую. Солдаты русские помогут вам; который побежит, того казаки добьют; а вы не робейте, братцы удалые, дружина московская, и где удастся поблизости, истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину, и тогда к царю в Москву явитесь и делами похвалитесь. Он вас опять восстановит по-прежнему, и вы будете припеваючи жить по-старому. А кто из вас злодея послушается и к французу преклонится, тот недостойный сын отеческой, отступник закона Божия, преступник государя своего, отдает себя на суд и поругание; а душе его быть в аду с злодеями и

гореть в огне, как горела наша мать Москва».

Что бросается в глаза в этой, в общем-то, дежурной афише, – это фраза: «Почитайте начальников и помещиков; они ваши защитники, помощники, готовы вас одеть, обуть, кормить и поить». К тому времени француз уже три недели как обживал Москву, так что политинформация Ростопчина не имела никакого смысла. Чтобы увидеть происходящее, достаточно было выглянуть в окно – если, конечно, было откуда выглядывать.

Суть этой фразы более глубокая – это такая важная тема, как возможная отмена крепостного права Наполеоном, которая постоянно волновала дворянское сословие. Наиболее яркие представители его выражали общее опасение, что крестьяне, питавшиеся слухами и домыслами, вполне могут клюнуть на эту удочку. Не случайна и одна из последних фраз этого послания Ростопчина: «Он (царь – авт.) вас опять восстановит по-прежнему, и вы будете припеваючи жить по-старому».

Волнения дворянского сословия подкреплялись волнениями крестьян, прокатившимися по России. Воплощением несбыточных надежд части русского крестьянства на отмену Наполеоном крепостного права в России служит выписанная Л.Н. Толстым в романе «Война и мир» сцена бунта в Богучарове. Взбунтовавшиеся крестьяне наивно полагали, что французское нашествие принесет им освобождение от многовековой рабской зависимости. Академик

Е.В. Тарле в этой связи отмечал, что «Наполеон вторгся в Россию в качестве завоевателя, хищника, беспощадного разорителя и ни в малейшей степени не помышлял об освобождении крестьян от крепостной неволи. Для русского крестьянства защита России от вторгшегося врага была в то же время обороной своей жизни, своей семьи, своего имущества. Начинается война. Французская армия занимает Литву, занимает Белоруссию. Белорусский крестьянин восстает, надеясь освободиться от панского гнета. Белоруссия была в июле и августе 1812 года прямо охвачена бурными крестьянскими волнениями, переходившими местами в открытые восстания. Помещики в панике бегут в города – в Вильну к герцогу Бассано, в Могилев к маршалу Даву, в Минск к наполеоновскому генералу Домбровскому, в Витебск к самому императору. Они просят вооруженной помощи против крестьян, умоляют о карательных экспедициях, так как вновь учрежденная Наполеоном польская и литовская жандармерия недостаточно сильна, и французское командование с полной готовностью умиряет крестьян и восстанавли-

Унесенный ветром.

Карикатура на Наполеона. 1815 г.

ваит в неприкосновенности все крепостные порядки. Таким образом, уже действия Наполеона в Литве и Белоруссии, занятых его войсками, показывали, что он не только не собирался помогать крестьянам в их самостоятельной попытке сбросить цепи рабства, но что он будет всей своей мощью поддерживать крепостников-дворян и железной рукой подавлять всякий крестьянский протест против помещиков. Это согласовалось с его политикой: он считал польских и литовских дворян основной политической силой в этих местах и не только не желал их отпугивать, внушая их крестьянам мысль об освобождении, но и подавлял своей военной силой огромные волнения в Белоруссии».

А наполеоновский маршал Сен-Сир вспоминал, что в Литве определенно начиналось движение крестьян, выгонявших своих помещиков из усадеб: «Наполеон, верный своей новой системе, стал защищать помещиков от их крепостных, вернул помещиков в их усадьбы, откуда они были изгнаны». Трудно представить, что диктатор, подавивший французскую революцию, мог искренне надеяться на отмену крепостного права в России. Поэтому вполне обоснованными кажутся следующие доводы Коленкура:

«Император приказал составить прокламацию об освобождении крепостных. (Это было в первых числах октября.) Несколько

субъектов из низшего класса населения и несколько подстрекателей (немецкие ремесленники, которые служили им переводчиками и подстрекали их) немного покричали и по наущению некоторых лиц подали ходатайство об освобождении крестьян. Те же лица, которые подучили их, убедили императора в необходимости этой меры, заявляя ему, что идеи эмансипации гнездятся уже в мозгу у всех крестьян, и император, вместо того чтобы быть окруженным врагами, будет иметь миллионы пособников.

Но в сущности разве эта мера не стояла в противоречии с хорошо известными принципами императора? Он понимал (и сказал мне об этом несколько позже), что предрассудки и фанатизм, распаленный в народе против нас, по крайней мере, в течение некоторого времени будут служить для нас большим препятствием, а следовательно, он будет нести на себе бремя всех отрицательных сторон этой меры, не извлекая из нее никаких выгод».

А еще Наполеон пытался разыграть в России национальную карту: «Увидав, что этим не возьмешь, учение Пугачева бросили и тотчас же схватились за великие начала санкюлотизма. Татарам было предложено идти в Казань призывать своих соотечественников к независимости, обещая им, что, как только они поднимутся, их тотчас поддержат. Но и здесь промахнулись», — писал Вильфор.

Варвары-французы и Иван Великий

Ряд французов-мемуаристов утверждают, что, согласно приказу Наполеона, грабежи в Москве были запрещены, и император не отдал на разграбление своим солдатам старую русскую столицу. Однако, начавшиеся пожары, следствием которых стало создание невыносимых условий постоя, настолько разъярили французских солдат, что остановить их было уже невозможно никакими приказами: «Когда узнали, что сами русские поджигают город, то уже не было возможности более удерживать нашего солдата, всякий тащил, что ему требовалось, и даже то, чего ему вовсе не было нужно».¹⁹⁰

Однако пленный французский майор Шмидт рассказывал А. Булгакову иное: «Приказ грабить Москву состоялся 16-го сентября нов. ст., в день, в который начались в городе пожары. В приказе этом было сказано: полковые командиры отправят на грабеж Москвы по одному отряду от каждого полка под командой штаб-офицера, обязанность которого должна состоять в том, чтобы предупреждать ссоры между солдатами разных полков и указать своему отряду ту часть города, которая назначена для него в настоящем приказе. Когда же грабеж начался, то грабить принялись не только солдаты означенных от-

рядов, но почти вся армия, особенно старая императорская гвардия (первой вступившая в Москву) и итальянская королевская гвардия. Грабеж сделался всеобщим и сопровождался страшными беспорядками: армейские солдаты вступили в драку с гвардейцами, считавшими за собою больше прав, поменялись даже несколькими ружейными выстрелами. Но когда добрались до погребов, наполненных винами и спиртными напитками, то беспорядки достигли высшей степени, офицеры и солдаты перепились до безобразия.

Не приняли участия в грабежах только следующие войска: драгун-

**Колокольня Ивана Великого
до разрушения в 1812 году.
Литография Г. Хоппе. 1805 г.**

¹⁹⁰ Воспоминания сержанта Бургоня. – СПб, 1898.

ская дивизия итальянской армии и корпус под начальством генерала Брусье, которые расположены были в некотором расстоянии от Москвы, и вестафальский корпус, который оставался в Можайске.

Положено было прекратить грабеж 24-го числа сентября нов. ст., но он продолжался во все время пребывания армии в Москве. Французские офицеры смотрели на это сквозь пальцы; только некоторые из них сумели остановить его в некоторых частях города».

Как ранее приведенные откровения пристава Вороненко об организованности пожара московскими же властями опровергают версию о его случайности, так и процитированное свидетельство майора Шмидта доказывают, что мародерство французов было частью оккупационной политики Наполеона, причем хорошо продуманной. Из каждой захваченной страны французы вывозили все, что можно. Вкус к грабежам Наполеон почувствовал еще не будучи императором. Например, во время Итальянской кампании 1796–1797 годов генерал Наполеон из каждого города непременно вывозил лучшие предметы искусства, так было в Милане, Болонье, Модене, Парме. А одним из условий «перемирия» с папой Римским Пием VI в 1797 году стало «дарение» Франции картин и статуй из богатейших папских музеев. А разграбление Венеции в 1798 году серьезно обогатило кладовые Лувра.

Академик Е. Тарле в этой связи замечает: «Бесконечная вереница разнообразнейших экипажей и

повозок с провиантом и с нагребленным в Москве имуществом следовала за армией. Дисциплина настолько ослабла, что даже маршал Даву перестал расстреливать ослушников, которые под разными предлогами и всяческими уловками старались подложить в повозки ценные вещи, захваченные в городе, хотя лошадей не хватало даже для артиллерии. Выходящая армия с этим бесконечным обозом представляла собой колоссально растянувшуюся линию. Достаточно привести часто цитируемое наблюдение очевидцев: после целого дня непрерывных маршей к вечеру 19 октября армия и обоз, идя по широчайшей Калужской дороге, где рядом свободно двигалось по восемь экипажей, еще не вышла полностью из города».

Интересно, что, как подсчитали уже после устроенного французами в Москве погрома, большую часть награбленного французами составляла одежда и обувь, причем женская, и лишь пятая часть приходилась на предметы искусства и роскоши, и продукты, превратившиеся также в предметы роскоши...

Захватчики гребли все подряд, поражаясь роскошному наполнению дворянских усадеб: «Великолепный дворец... Отроду я не видывал жилища с такой роскошной меблировкой, как то, что представилось нашим глазам; в особенности поражала коллекция картин голландской и итальянской школы. Между прочими богатствами особенно привлек наше внимание большой сундук, наполненный оружием замечательной красоты, ко-

Колокольня Ивана Великого. Худ. Ф.Я. Алексеев. 1800-е гг.

торое мы и растащили. Я взял себе пару пистолетов в оправе, украшенной жемчугом».¹⁹¹

Красочным примером варварства «Великой армии» является расправа над колокольней Ивана Великого. Невозможно представить нашу Москву без этого шедевра русского зодчества, возвышающегося на Соборной площади древнего Кремля. История этого уникального сооружения началась еще за пять столетий до французского нашествия, крайне негативно отразившегося на его состоянии.

Но сначала напомним историю самого памятника. Своими истоками колокольня Ивана Великого уходит в 1329 год, когда в Кремле был сооружен храм св. Иоанна Лествичника. В 1505 году к востоку от

разобранного к тому времени храма итальянский мастер Бон Фрязин выстроил новую церковь в память о почившем царе Иване III. Через сорок лет рядом с храмом выросла и звонница, по проекту архитектора Петрока Малого. Другой не менее одаренный зодчий – Федор Конь – надстроил колокольню третьим ярусом. Случилось это в 1600 году, уже в царствование Бориса Годунова. Позднее, в 1630-х годах к звоннице присовокупили и пристройку с шатром, известную как Филаретова. В итоге к концу XVII века колокольня приобрела так знакомый нам сегодня образ.

За многие века своего существования колокольня Ивана Великого стала для москвичей больше, чем просто памятником архитектуры, а именно: олицетворением святости и символом Первопрестольной.

¹⁹¹ Воспоминания сержанта Бургоня. – СПб, 1895.

Колокола звонницы неизменно сообщали всей Москве о совершающихся исторических событиях все-российского масштаба: рождении наследника престола, венчании на царство нового государя, освобождении от нашествия многочисленных захватчиков и т.д.

Именно эта легендарная колокольня стала основным объектом варварства французов в Кремле в сентябре-октябре 1812 года. Поначалу в ее нижнем ярусе генерал Лористон устроил свою канцелярию и телеграф. А затем уже сам Наполеон, метавшийся по сгоревшей Москве, словно зверь в клетке, бесполезно прождав от русских перемирия, в отместку приказал сорвать с колокольни Ивана Великого крест.

В окружении Наполеона нашлись здравомыслящие люди, отговаривавшие своего императора от этой постыдной затеи. Однако, как вспоминал генерал Коленкур, Наполеон «хотел отметить свое пребывание в Москве какими-нибудь трофеями и осведомился, какие предметы можно было бы послать во Францию на память об успехах нашего оружия. Он сам осмотрел весь Кремль, колокольню Ивана Великого и соседнюю с ней церковь. Поляки все время говорили Наполеону, что церковь Ивана Великого высоко почитается русскими и с нею связаны даже различные суеверия. Железный крест на колокольне церкви, говорили императору, служит предметом почитания всех православных. В результате этих разговоров император приказал снять крест».

Отрицательную роль польских приспешников Наполеона в этом вопросе, подтверждает и московский француз-эмигрант Вильфор: «Один Польский генерал, хорошо знавший все, что касалось Русской истории, сказал Наполеону, что у Русских существовало такое поверье, будто Французы не войдут в Москву, пока будет висеть колокол Ивана Великого. Справедливо или ложно это поверье, во всяком случае, приказано было снять крест, чтоб подтвердить вступление Французов в Москву».

Но снять крест с колокольни оказалось не так-то просто. Наполеон приказал это сделать своим саперам, разобравшим кровлю колокольни. Но только добрались они до вершины одной из самых высоких башен Европы, как неожиданно в дело вмешалась... огромная стая птиц. Большие тучи московских ворон каркали и кружили вокруг, словно не позволяя мародерам вершить свое черное дело. Отбиваясь от чернокрылых птиц, французы не смогли спустить крест, и он рухнул на землю. Свалившийся на землю крест, к огорчению французов, оказался не золотым, а лишь позолоченным. Как голодные собаки, кинулись гвардейцы Наполеона собирать остатки разбившегося креста, рассовывая их по своим походным сумкам. Многие из них надеялись увезти из Москвы кусочки от креста колокольни Ивана Великого как сувениры, но лишь малая часть французских вояк вообще смогла выбраться из России живыми.

А вот московский житель Егор Харузин утверждает, что в снятии креста участвовали свои же, предатели: «Охотник до даровых трофеев из чужих стран, Наполеон не упустил случая в Москве ими поживиться. Он слышал, что в Кремле на какой-то главе есть крест золотой, ему представилось, что такому кресту негде больше быть, как на Ивановской колокольне. Вследствие такого убеждения он заставлял своих французов снять этот крест, но таких смельчаков не нашлось, а нашлись двое русских предателей, вызвавшихся на это дело; им была обещана богатая награда. И Бог попустил им совершить это преступление, так же как попустил Иуде предать Иисуса Христа. Взобравшись с веревками в главу Ивана Великого и чрез форточки, нечестивцы отстегнули цепи, закинувши на крест петлю и спустивши концы веревок на землю, тут уж им легко было раскачать его и стянуть вниз. Когда крест упал и в падении разбился, обнаружилась тогда медная позолоченная обложка на железе и дереве. Разочарованный Наполеон, тут присутствовавший, закипел гневом и приказал обоим предателей расстрелять. Но золотой крест действительно был и теперь есть: он находится на средней главе Благовещенского собора, давний подарок Англии. Еще кто-то Наполеону сказал, что на изображении Спасителя над Спасскими воротами риза якобы золотая; он приказал ее снять, — но когда двоих исполнителей с верхней ступеньки приставленной к иконе лестницы сбросило и обоих убило, он оставил

это намерение. Но зато взял с купола Сената конную статую Петра Великого, орла с Сухаревской башни и большого почтамтского орла, да тем и заговелся; но едва ли из этих трофеев какой достиг до Парижа?»

Сержант Бургонь свидетельствовал: «На самой высокой колокольне виднелся крест Ивана Великого, господствовавший над всем; он имел тридцать футов вышины, был сделан из дерева, окованного массивными серебряными вызолоченными полосами; несколько цепей, также золоченых, поддерживали его со всех сторон. Когда его стали снимать, он покачнулся, увлекаемый собственной тяжестью, и, падая, чуть не убил и не потянул за собой людей, державших его за цепи; то же самое случилось и с большими орлами на верхушках высоких башен вокруг ограды Кремля».

Интересно, что 29 марта 1813 года газета «Московские ведомости» сообщала: «Крест с главы Ивановской колокольни найден ныне в Кремле, у стены большого Успенского собора близ северных дверей между разными железными обломками, с принадлежащими к нему цепями и винтами, кои, так как и крест, вызолочены были червонным золотом. Открытие сие чрезвычайно обрадовало жителей здешних, кои вообще полагали, что оный крест увезен всемирным врагом вместо трофея».

Оккупантам оказалось мало осквернить звонницу. Маршал Мортье, оставшийся в Москве после оставления ее основной частью французов, чтобы по заданию На-

Колокольня Ивана Великого в наши дни

полеона уничтожить Кремль и монастыри, приказал взорвать Ивановскую колокольню: «В скором времени раздался еще удар, так что окна задрожали, все вздрогнули. Потом третий удар, но слабее прежних... Удары эти происходили от взрыва Ивана Великого и арсенала. Я впоследствии видел много раз эти груды развалившихся зданий, с лежащими на них колоколами. Самая же башня Ивана Великого уцелела. Бонапарте велел также снять крест с Ивана Великого, орел с Никольских ворот и Св. Георгия в Сенате», — вспоминал Федор Беккер. В результате

взрыва пришли в негодность и колокола звонницы.

Попытка взорвать Ивановскую колокольню стояла в ряду большого числа актов вандализма и грабежа, совершенных захватчиками в Москве и непосредственно в Кремле. Поляки забрали с собою даже старинные знамена, отвоеванные у них когда-то русскими солдатами и хранившиеся в Арсенале. Заинтересовали их и две старые пушки, также когда-то им принадлежавшие — но вывезти их из Кремля они не смогли, поскольку лишних лошадей не было.

Поляки, к слову сказать, и не скрывали своих антирусских планов: «Рассказывали тогда очевидцы, пробравшиеся в Кремль при вступлении туда Наполеона, что один генерал из его свиты сошел с лошади, упал на колени и воздавал за что-то благодарение небу. После узнали, что это кн. Понятовский, питавший надежду быть королем польским, благодарил по-своему Бога за падение Московии. И Бог русский, Бог отмщений, не обинуясь, откликнулся на его хульную молитву: как известно, этот тристат нового фараона по выходе из Москвы, преследуемый казаками, погряз в хладных волнах р. Березины».¹⁹²

¹⁹² Харузин Е. Указ. соч.

Глумление над православными святынями

В православных храмах оккупанты устраивали конюшни, склады и казармы. Так случилось, например, в церквях Заиконоспаского и Рождественского монастырей. А в кремлевском храме Спаса на Бору французы хранили фураж. А когда священники пытались сопротивляться – захватчики убивали их, причем прямо на церковной паперти. Так случилось, в частности, с протоиерем Казанского собора.

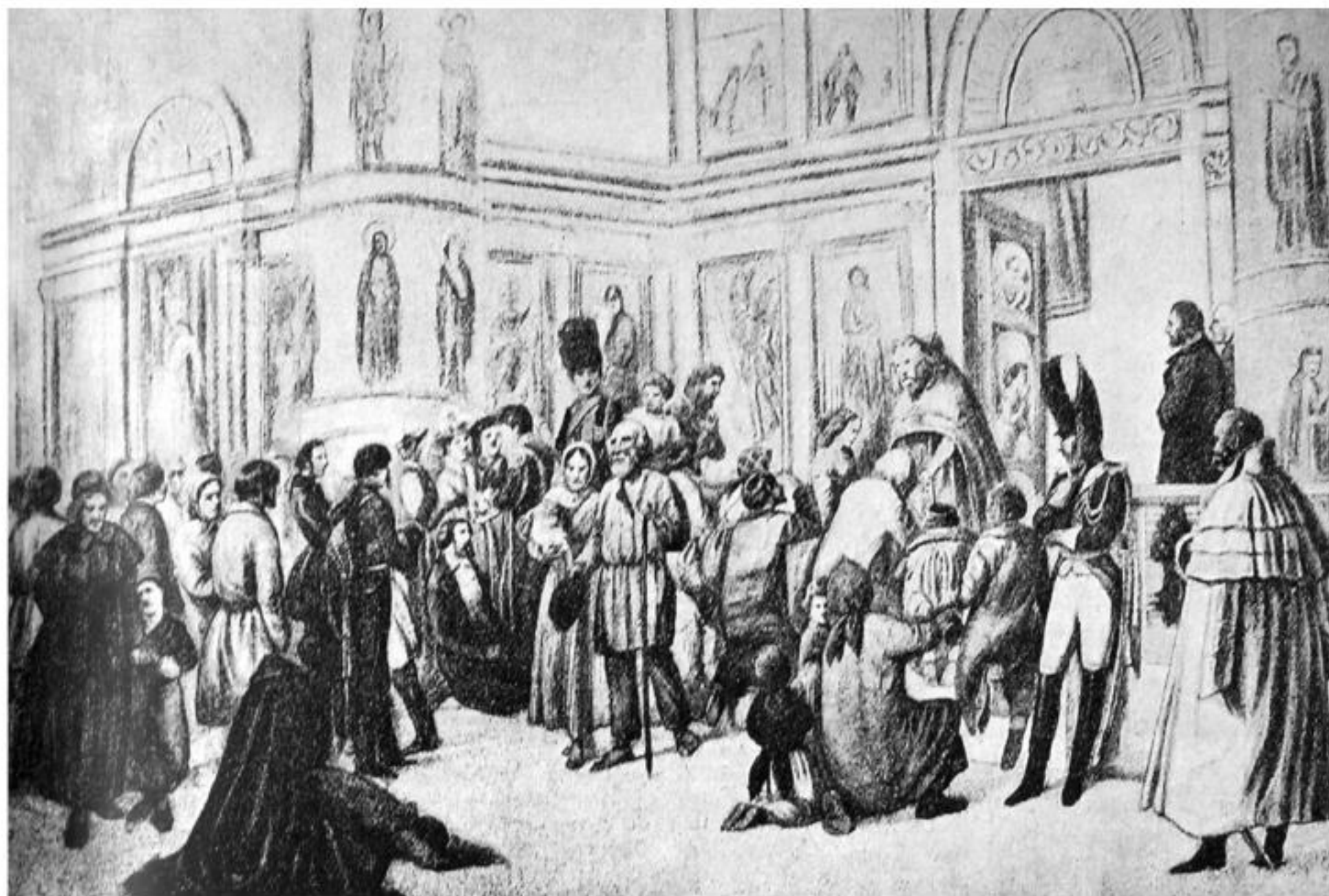
В самих церквях после посещения их французами не оставалось ничего ценного и святого – они обдирали позолоту с окладов икон, тащили шитую золотом парчу и т.д.

Согласно выписке, составленной в Московской духовной консистории «из производящегося по указу Святейшего Правительствующего Синода от 20 мая 1836 года за № 6298 дела, о происшествиях 1812 года и подвигах духовенства»:

«а) Новодевичий монастырь, оставшимся протоиереем Алексеем Ивановым и казначеею с несколькими сестрами был заперт. Небольшие неприятельские отряды не могли в него вторгнуться. 4-го сентября отряд неприятелей, более по видимому 2 тысяч человек, приступивший к монастырским воротам с двумя орудиям по угрозам был впущен в монастырь. 8 сентября все церкви, кроме Соборной, и кельи выехавших из Москвы настоя-

тельницы и сестер заняты были неприятельским войском, которое и оставалось в оных до 8 октября. По объявлению протоиерея, на вопрос неприятелей, что в монастыре нет службы за неимением вина и просфор, прислано ему было полведра красного вина и 10 фунтов крупчатой муки на просфоры. Найденные в монастыре съестные припасы неприятели разделили с оставшимися пополам и никого не били. Квартировавший в монастыре генерал брал у казначеи серебряные деньги и отдавал ей ту же сумму ассигнациями, а вместо ассигнаций давал медные деньги.

б) В Зачатейском монастыре все кельи сгорели; самые церкви загорались, но остались невредимы. Достоинно особенного замечания – написанный на дереве образ Христа не сгорел в пламени. Во время бывшего в монастыре пожара священник Емельян Георгиев и настоятельница с сестрами, приобщившись Святых Христовых Тайн, заключились в храм, быв готовы лучше погresti себя под развалинами оногo, от распространившегося всюду всепожирающего пламени, нежели предать себя в руки неистовых врагов церкви и Отечества. После пожара настоятельница монастыря и бывшие с нею, числом до 50 человек, оставшись вовсе без пищи и в непрестанном страхе перешли из монастыря за Крымский

**Молебствие в церкви Св. Евпла в Москве
в присутствии французов 15(27) сентября 1812 г. 1912 г.**

брод, под защиту одного неприятельского начальника, лично из человеколюбия оберегавшего русских до 5 тысяч человек. Начальник сей, по усиленной просьбе настоятельницы, при возвращении ее на третий день в монастырь, послал с нею для охранения двоих солдат и, дав им за своим подписом два листа, велел прибить один из них к монастырским воротам, а другой при входе в церковь. В листах сих монастырь объявлен был совершенно разграбленным и смертию угрожалось тому, кто осмелится зажечь церковь. Таким образом, с 8 сентября – Храмового монастырского праздника, до 21 священник Георгиев беспрепятственно отправлял в церкви часы, а с 21 до выхода из столицы неприятеля – Божественную литургию.

г) Грузинская, на Воронцовском поле, церковь с великим тру-

дом сохранена ото огня, а утварь от расхищения жившими тогда в церкви церковно-священнослужителями, за что священник Василий Гаврилов награжден наперсным золотым крестом.

е) В церкви Иоанна Предтечи, что в Казенной, Святыя иконы Смоленской Божьей Матери и Преподобного Сергия во время пожара остались невредимыми от огня, несмотря на то, что за киотом, в коем Смоленская Божья Матерь поставлена была, найдены головни.

з) Сороко-Святский у Новоспасского монастыря священник Петр Гаврилов, охранявший церковь и сокровище в ней имущество, убит неприятелями близ самой церкви.

и) Спасский в Чигасах священник Михаил Георгиев, когда неприятели под острием обнаженных мечей понуждали его указать, где хранится церковное имущество,

указал на свое собственное, невдалеке от церковного на церковных сводах хранимое, таким образом сохранил церковное.

й) В Николаевской церкви, складенное в один сундук церковное имущество все расхищено. Находившаяся же в сем сундуке икона Святого и Чудотворца Николая, обретена по выходе неприятеля из Москвы на своем месте... Священник сей церкви, а ныне протоиерей Петр Платонов, когда неприятель входил в Москву чрез Драгомиловскую заставу, а арьергард русский выходил по Таганской и Николаевской улице, вышед вместе с дьячком в облачении с иконой Святого Николая, на престольным крестом и с зажженными свечами, окроплял Святою водою мимошедшее войско. Воины осеняли себя крестным знаменiem, жадно ловили капли Святой воды, громко повторяя: «Враг наш погиб, а не мы!» Ехавшие чиновники подъезжали к иконе и со слезами лобызали ее. При сем случае протоиереем раздаваем был изнуренным и ослабевшим раненым печеный хлеб».

Драматические события разворачивались и в Страстном монастыре, богатую ризницу которого не удалось вывезти. Спрятали ее под крышей монастырского собора. Туда и сложили всю утварь и богатые иконы, а также главную ценность — Страстную Икону Божьей Матери. Спрятали и серебряный крест времен основания обители, украшенный жемчугом и редкими камнями, древние хоругви и покровы золотого шитья, серебряную чашу 1669 года, подаренную

касимовским царевичем Василием Ярославовичем, два вызолоченных изнутри ковша времен Алексея Михайловича, еще один ковш с двуглавым орлом петровской эпохи, богатое Евангелие 17 века и многое другое... Вход в тайник загородили старым шкафом.

И если огонь пощадил обитель, то не прошла мимо монастырских ворот другая беда — разорение и вандализм, устроенные французскими солдатами во время их короткого, но знаменательного квартирования в Москве.

Как с цепи сорвавшиеся французы все искали ризницу: шарили по опустевшим кельям, тащили все, что хоть как-то блестело золотом и серебром. Сломав замок на кладовой, хранившей сундуки с вещами монашек, оккупанты унесли все до нитки. Но ризницу им не суждено было найти. Старый шкаф так и простоял под соборной крышей неподвижным, сохранив монастырские ценности нетронутыми.

А расстрелянных москвичей французы вешали на столбах у монастырских ворот. В нижнем соборном храме они устроили провиантский армейский склад, часть келий заняли солдаты.

Недели через две после французского вторжения новой оккупационной властью разрешено было проводить богослужения в монастыре, для чего одним из вражеских генералов было прислано парчовое одеяние, растащенное ранее солдатами, красное вино и мука. Службу совершал оставшийся в Москве монастырский священник Андрей Герасимов.

Натерпелись страху и оставшиеся в монастыре монахини. До смерти напуганные французами немолодые уже женщины, тайком пробирались холодными осенними ночами на монастырский огород, чтобы выкопать для пропитания мороженный картофель.

Незадолго до бегства из Москвы, французы задумали поджечь Страстной девичий монастырь. Они смешали кучи щепы и соломы с порохом, чтобы затем запалить его. Но видевшая это одна из монахинь залила порох водою. Чудом ей удалось спрятаться от разъяренных захватчиков на чердаке игуменского корпуса, где ее полуживую потом отыскивали другие сестры.

Для москвичей церкви стали символом сопротивления оккупантам: «Во всей Москве в эти дни огненных ужасов и грабительства до 15-го сентября ни в одной церкви не было службы; с одной стороны, потому, что все они были осквернены и поруганы, а с другой, не было при церквях священников. Первое и единственное богослужение началось в Рождественском монастыре. Достойный уважения и вечной памяти этого монастыря младший священник, отец Алексей (другой, старший, о. Адриан, человек святой жизни, был и тогда уже дряхл) выхлопотал у французского экс-губернатора дозволение: освятить один престол и открыть службу. К освящению приготовлена теплая церковь на 15-е число, в воскресенье. Нельзя и выразить той радости, какую мы почувствовали, когда услышали в субботу первый монастырский благовест к вечерне. В вос-

кресенье мы все были в церкви при освящении престола и за литургией. Молились мы и горько плакали, видя обнаженные от окладов св. иконы и самые сосуды: потир и дискос — хрустальные. Во время водосвятия вошли три гвардейца в медвежьих шапках и остановились сзади священника; потом, ради кощунства, начали подымать штыками кверху облачения на священнике. Отец Алексей побледнел, но не оглянулся на врагов и продолжал освящение воды. Далее Бог не попустил помешательства: освящение престола и литургия благополучно совершились».¹⁹³

Ужасной была участь Архангельского собора Кремля, являющегося усыпальницей русских царей. Как дикие животные бросались оккупанты на все, что блестело или сверкало, думая, что это серебро и золото. Бархатные покрова были немедля сорваны с надгробий, а часть из них и вовсе была осквернена. Французы, в частности, вскрыли раку с мощами царевича Дмитрия, выбросив его останки из могилы, и похитив серебряный оклад весом в 246 кг. Они ободрали и обобрали иконостас собора, добравшись до самых верхних ярусов, надеясь, что оклады находящихся там икон — серебряные. Нетрудно представить, каково было их разочарование, когда варвары обнаружили, что ризы икон сделаны из меди. Тогда они в приступе гнева разбросали иконы по собору, используя их как дрова для приготовления блюд императорской кухни. Саму кухню устроили в алтаре собора, тут же был

¹⁹³ Харузин Е. Указ. соч.

Симонов монастырь, Москва, 7 октября 1812 г. Худ. Х.В. Фабер дю Фор

и винный склад. Не успев вывезти вино, перед своим бегством из Москвы, французы разбили бочки, из-за чего долгое время в соборе стоял винный запах.

Агент Ростопчина доносил из оккупированной Москвы: «За алтарем Архангельского собора спит французская кухарка, возле окна готовит она и кушанье, она сшила себе платье из риз поповских, бархатных и других. Да и сами Французы, когда дождливое время, показываются на улицах в священнических облачениях, дабы сберегать свои мундиры. Наглости всякого рода и ругательства, чинимые в церквях, столь безбожны, что перо не смеет их описывать: они превышают всякое воображение. Поведение сие непонятно, ибо сим Французы более еще раздражают народ против себя».

Французы не брезговали и гробокопательством. Они разрывали свежие могилы на московских кладбищах, надеясь и там поживиться золотишком.

И куда только подевалась хваленая французская дисциплина!

Ни одна другая европейская столица, будь то Берлин, Вена или Варшава, не видела такого нравственного распада, который произошел с наполеоновской армией в Москве. Не только грабежи и мародерство, но и насилие над местным населением стали непереносимыми чертами французской оккупации Москвы. Всего лишь за несколько дней культурная нация превратилась в пьяный сброд и сборище дикарей. Наполеоновские вояки замахнулись на святое — они осквернили православные храмы и монастыри. Пытавшихся пресечь грабеж русских священников убивали на пороге церквей, как случилось это, например, в Спасо-Андрониковом монастыре.

Окупанты разорили собор и Спасо-Андроникова монастыря, а затем подожгли его. Были также осквернены иконостас и мощи прп. Андроника и Саввы, разграблена монастырская ризница. Убили и настоятеля храма Спаса в Рогожской слободе, пытавшегося увещевать французов.

А вот какой трагический эпизод описывает купеческий сын Егор Харузин:

«Нам сказывали тогда (только не приводилось мне проверить этого события), что в дни дозволенного грабежа жителей произошел следующий страшный случай: священник церкви Св. Софии, что на Лубянке, узнавши в один день, что французы собираются ограбить его церковь, он поспешил туда, облачился, взял в руки крест, выйдя из церкви, запер ее и стал стражем на паперти. Действительно, вскоре явилась кучка польских мародеров и начала требовать от священника ключей церковных; он им сказал, что только через труп мой войдете в храм, а живой ключи не отдам. Поляки русскую, отказную речь священника поняли и, поспешая на святотатство, совершили злодейство: обороняющегося крестом подвижника убили и по следам святой крови ворвались в церковь. Две возрастные дочери этого священномученика, известившись о своем несчастии, прибежали в отчаянии к убитому родителю и обратили тут на себя преступные взоры убийц, которые, схватив их, поволокли было в церковь; но девицы не с человеческою силою вырвались из рук извергов и, как легкие серны, побежали к Охотному ряду; поляки погнались за ними, увидя близкую за собой погоню, они удвоили быстроту и, успев добежать до Каменного моста, бросились обе в реку».

Но не те же люди за двадцать лет до этого громили католические храмы у себя в Париже? Например, в 1793 году во время Великой

французской революции любители свободы, равенства и братства ворвались в собор Парижской Богоматери и ободрали его как липку, обезглавив статуи библейских царей, приняв их за французских королей. Награбленную церковную утварь и колокола переплавили (то же самое солдаты Наполеона сотворили в Успенском соборе Кремля, переплавив в горнах 325 пудов церковного серебра и 18 пудов золота). А что они натворили в базилике Сен-Дени, главной королевской усыпальнице, где были захоронены почти все монархи Франции! Их останки выкинули в выгребную яму. Затем, правда, после отречения Наполеона кое-кого вернули обратно, но неприятный осадок остался. Нынче этот собор служит еще и выставочным залом средневековой надгробной скульптуры, венчающей пустые могилы.

В этой связи очень верно написал Петр Шаликов еще два века назад: «Все Наполеоновы обряды — от духовных до придворных — суть не иное что, как ложный, обманчивый призрак, уловляющий в паутинные сети свои жалкое легкомыслие. Сей Корсиканец, возвративший Французам религию и монархию, приходит к Христианским Государям лишать их Престолов и осквернять Алтари храмов; сей Наполеон, призвавший ныне в свою столицу Главу Католической церкви, позволяет Греческие превращать в конюшни! Какие правила подает он своим подданным? Какие нравы образует в них? Сам Аттила умел иногда уважать достойное уважения; он прошел мимо Рима, для того единс-

твенно что Первосвященник, вышед к завоевателю на встречу во всем своем облачении, просил пощадить святую столицу. Здесь очень кстати сказать, что новый Атилла не пощадил ни сей святой столицы, ни Наместника Христова».

А вот весьма толковому и разумному генералу Коленкуру это было непонятно. Он, представьте себе, полагал, что причиной такого поведения французов служило отношение к ним русских: «Беспорядки и грабежи – неизбежное последствие нашего быстрого продвижения – были первым злом, и мы заставили крестьян чуждаться нас. Пожары, зажженные русскими с такой политической расчетливостью и приписываемые крестьянами французам, чуждый язык, крестовый поход, проповедуемый русским духовенством против нас, – все сочеталось воедино для того, чтобы изобразить нас в глазах этого суеверного народа в виде варваров, которые, как говорили русские, пришли низвергнуть их алтари, похитить их достояние и увести в рабство их жен и детей. И от нас бежали, как от диких зверей».

Что же получается – не Наполеон объявил России крестовый поход, о чем говорилось в первой главе этой книги, а наоборот, русский народ пошел против миролюбивых французов с открытым забралом. Коленкур ставит все с головы на ноги, оправдывая варварство своих офицеров и солдат. Чего же говорить о менее сообразительных французах?

Правда, свои храмы французы в Москве не грабили. «Неподалеку от нашей квартиры, в той же ули-

це находилась церковь для католиков, и в ней служил священник из французских эмигрантов. Церковь была во имя св. Людовика», – пишет Бургонь. Настоятелем этой церкви с 1808 года был аббат Андриен Сюрюг, тот самый, что обратился в католическую веру супругу московского генерал-губернатора Ростопчина, Е.П. Протасову. Интересы Сюрюга в Москве выходили далеко за пределы его католического храма. Он развил бурную деятельность не только среди французов-эмигрантов, но и пытался влиять (причем, небезуспешно) и на православных москвичей. Сохранились любопытные письма аббата к его французским коллегам, написанные им в 1812 году под впечатлением от происходящих перед его глазами событий. Сюрюг не только наотрез отказался встречаться с Наполеоном, но и не стал возвращаться на родину вместе с отступающими французскими войсками, скончавшись в Москве в декабре 1812 года. В настоящее время храм св. Людовика Французского, заново отстроенный в 1833–1835 годах, располагается по адресу: Малая Лубянка, дом 12а. А прилегающие переулки, как и прежде, оглашаются французской речью – в этом квартале находится лицей для детей проживающих в Москве французов.

Но свои храмы они не только не грабили, но и не ходили в них. Вот, например, что пишет савойский дипломат Ж. де Местр: «В Москве ни один француз не появился в церкви за все шесть недель французского правления, за исключением (которое очень примечательно) пяти или

шести офицеров, принадлежащих к старинным дворянским фамилиям Франции. Остальные, похоже, не имели ни малейшего представления о религии; некоторые, как мне передавали, спрашивали: «Что такое Бог? Что вы хотите сказать?»¹⁹⁴

Грабежи продолжались, несмотря на приказы французских командиров. Один из них был отдан начальником штаба Великой армии маршалом Бертье и развешан по Москве, а чтобы его могли прочитать и москвичи — еще и переведен на русский язык:

«Не взирая на данные повеления чтоб прекратить грабеж, однако оный в некоторых частях города продолжается; почему и приказывается Господам Маршалам, Главным Командирам армейских корпусов, чтоб солдат держать в пределах частей их квартирования. Именно запрещается позволять какому бы ни было Офицеру или солдату приходить в город в отрядах или поодиночке, чтоб отыскивать муку, кожи и прочие вещи.

Император приказал Генеральной Администрации составить магазины изо всего, что может быть оставлено в городе жителями, которые бежали и бросили свое имение; Его намерение есть употребить, что найдено будет на регулярные раздачи для армии...

Господин Губернатор Маршал дюк де Тревиз прикажет караульным на заставах, разным постам и патрулям в городе арестовать тех, кто будут нести или переносить припасы, не происходящие от регулярных раздачей...

Господа Маршалы сделают все распоряжения, которые от них зависеть будут, чтоб защищать крестьян, которые будут вести припасы и фураж в Москву...

Солдаты, которые будут взяты под караул и которым будет доказано, что продолжали грабеж, будут преданы, считая от завтрашнего дни, то есть, от 18/30 Сентября, воинским комиссиям, и будут суждены по строгости законов».

Те же, кто не участвовал в грабежах, проводили время в экскурсиях: «Я воспользовался случаем, чтобы подробно осмотреть достопримечательности Кремля, пока несколько полков были заняты на смотру, я посетил собор св. архангела Михаила, усыпальницу русских царей. В эту самую церковь, в первые дни по прибытии нашем в Москву, забрались солдаты гвардии 1-го егерского полка, поставленные пикетом в Кремле, думая найти там несметные сокровища, но, обойдя обширные склепы, никак сокровищ не нашли, а видели только каменные гробы, накрытые бархатными покровами с надписями на серебряных дощечках. Там они застали также несколько городских жителей, приютившихся под покровительство мертвецов, надеясь найти здесь безопасность. Между ними находилась молодая красивая девушка, принадлежавшая к одной из самых знатных семей Москвы; она имела безумие привязаться к одному высшему офицеру армии и еще большее безумие последовать за ним в это убежище. Как и многие другие, она погибла от холода, голода и нужды», — сообщал Бургонь.

¹⁹⁴ Аскиноф С. Указ. соч. — С. 104.

Октябрь: последние дни французов в Первопрестольной

Как отметит Александр I в своем «Манифесте об изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества от 3 ноября 1812 года», «после всех тщетных покушений [Наполеон], видя многочисленные войска свои повсюду побитые и сокрушенные, с малыми остатками оных ищут личного спасения своего в быстроте стоп своих: бежит от Москвы с таким уничтожением и страхом, с каким тщеславием и гордостью приближался к ней. Бежит оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды свои и предавая в жертву все то, что за скорыми пятнами его последовать не успевает. Тысячи бегущих ежедневно валяются и погибают».¹⁹⁵

6 октября, в день, когда под Тарутиным русская армия одержала первую после Бородина победу, французские войска начали оставлять Москву. Последние дни оккупантов в Москве были окрашены в исключительно блеклые тона. Голод и холод выгоняли наполеоновских вояк из Первопрестольной. Аптекарь Иван Нордберг, «верный подданный из Финляндцев» и коллежский советник, сообщал: «Рекгносцировал я положение неприятеля внутри и вне города, поелику то сделать можно без подозрения и

опасности. Собственное исследование мое и подтверждение некоторых умных и благорасположенных к нам Агличан утвердило заключение мое, что гарнизон неприятельский едва ли составляет 15 000 человек мерзкого войска, питавшегося сперва грабежом остатков после пожара, а ныне подаванием милостыни. Заставы по всем дорогам предохранены весьма слабыми пикетами. Полки артиллерии, состоящей по большей части из осадных пушек, расположены по всем заставам, в отдаленности от бивака, ближе к городу. Число всех орудий неприятельских простираться может до 300».

На вид некогда непобедимой армии говорил сам за себя: «Все улицы были пусты от грабителей. Перед обедней шел полк вольтижеров, состоящий из 300 человек, кои были в туфлях, лаптях, за ними следовал лазарет на 30 повозок... Лошади и люди неприятельские заморены до бесконечности, ибо в Москве взять было нечего...»

Но еще более тяжелые последствия остались на душе у французов, многие из них говорили: «Мы со стыдом оставляем Москву».

Напоследок Наполеон, рассерженный уже не только на одного Ростопчина с его поджигателями, но и на Александра, от которого он так и не дождался перемирия, и на

¹⁹⁵ Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям» №90 от 8 ноября 1812.

В Москве 10/22 сентября 1812 г. Худ. А. Адам. 1833 г.

весь русский народ («Где это видано, чтобы народ сжег свою древнюю столицу?»), решил дожечь Москву и взорвать Кремль. Москвичи заметили, что из Кремля стали непрерывно вывозить большое количество земли, а на освободившееся место привозят порох. И сразу же стало ясна участь древней русской крепости. Наполеон распорядился, чтобы вся операция по подготовке взрыва Кремля проходила максимально тайно, для чего к ней были допущены только французы, не доверяли даже немцам и полякам.

Но и эти французы не оправдали ожидания злопамятного императора: «Действие мин не соответствовало ожиданиям Наполеона, во-первых, потому что число минеров было крайне ограничено, а солдаты, назначенные им в помощь,

были весьма малоопытны в такого рода работах; во-вторых, что оставалось слишком мало времени для того, чтобы отчетливо отделать все мины; в-третьих, что московский губернатор, маршал Мортье, отпустил для заряда мин старый и дурного качества порох», — писал Шмидт.

И хотя часть кремлевских башен пострадала, замысел Наполеона воплощен не был. Помешали опять же природные условия — начавшийся в ночь с 10 на 11 октября дождь, погасивший фитили, а также сами москвичи и подоспевшие казаки из отряда генерал-майора И.Д. Иловайского, переловившие в Кремле последних французов.

Как отмечал позднее Ростопчин, «одна колокольня, два места в стенах, две башни и четвертая часть Арсенала взорваны. Царский Дво-

рец остался невредим, даже огонь не мог в него проникнуть. Починки стоили всего на все 500 000 тысяч рублей».¹⁹⁶

Французский майор Шмидт писал: «Маршалу Мортье, герцогу Тревизскому, Московскому губернатору, было поручено Наполеоном сжечь все фабрики, бумагопрядильни и другие заведения и магазины, которые уцелели от прежних пожаров, это приведено в исполнение в последние четыре дня пребывания французской армии в Москве».

Перед бегством из Москвы французы решили взорвать и уцелевшие монастыри, и среди них Новодевичий монастырь, заложив порох под все его постройки. Однако в последний момент смелые монахини монастыря потушили фитили, предотвратив уничтожение обители. Ныне прах одной из монахинь покоится в монастыре:

«25 сентября посетил монастырь сам Наполеон и велел Святые и задние ворота заделать лесом, завалить землею и поставить на них по 1 пушке; оставить для входа и выхода ворота боковые, устроить против Святых ворот батарею. Приходскую Иоанно-Предтеченскую близ монастыря церковь, подбив стены, взорвать, что сие и было исполнено (в 2012 году церковь восстановлена – А.В.).

Сверх того, в монастыре под собор, церкви, колокольню и кельи прорыты были небольшие канавки. При выходе из монастыря в 10 часу пополудни 8 октября, неприятели

прилепляли зажженные свечи в кельях к деревянному строению и в церквях к иконостасам, кидали свечи на пол и в солому, объявив живущим в монастыре еще 6 числа, чтоб спасались. По выходе неприятелей из монастыря, казначея с оставшимися двумя сестрами бросилась всюду осматривать и нашла под собором 6 ящиков патронного пороха и 6 раскупоренных бочонков с положенными на них зажженными фитилями; тотчас фитили затушила, в порох налила воды, и в прочих церквях и кельях, где разбросаны были зажженные свечи и уже начинало загораться, затушила огонь, не доведя монастырь не до малейшего вреда».¹⁹⁷

«Третий день (9 числа) прошел в перестрелке и ошибках за Тверскою же заставою и в нападении казаками на засевшую близ упомянутой мельницы в каменном доме пехоту с пушкою, которая действовала почти беспрестанно. Перед вечером пришедший с корпусом своим под Москву храбрый и славный Генерал-Лейтенант Барон Винценгероде поехал со всею доверенностию, обыкновенно свойственною истинным героям, сопровождаемый только своим Адъютантом, на неприятельской пикет, внутри города стоявший, вероятно для каких-нибудь переговоров, и вопреки военным законам, которые должны быть святы не менее других, взяты оба в плен», – писал князь Шаликов.

¹⁹⁶ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. – М., 1823.

¹⁹⁷ Приходское духовенство в Отечественной войне 1812 года // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М., 1994. – С. 85–96. – [Т.] V.

На этапе – дурные вести из Франции. Худ. В.В. Верещагин

Генерал-лейтенант барон Ф.Ф. Винцингероде 10 октября приехал в Москву для ведения переговоров с маршалом Мортье с целью предотвращения взрыва Кремля, но был взят в плен. Об этом докладывал государю генерал И.Д. Иловайский 11 октября:

«Генерал-Адъютант Барон Винцингероде 10 сего Октября дал повеление авангарду своего корпуса выступить под начальством его Иловайского из села Никольского к Москве; весь же корпус следовал сзади под командою Генерал-Майора Бенкендорфа. Генерал-Адъютант Барон Винцингероде, атаковав быстро передовые посты неприятельские, расположенные в самом городе, принудил их по некоторой перестрелке отступить и преследуя неприятеля к Кремлю, отделился сам от своего отряда вперед, не взирая на выстре-

лы, дабы убедить неприятельского начальника, прекратить огонь как совершенно бесполезный и не могущий помешать Российскому корпусу овладеть Москвою. Сия отважная неустрашимость имела пагубное последствие для сего храброго и почтенного Генерала, ибо неприятельский отряд, подпустя его к себе в самое близкое расстояние в сопровождении единственно Изюмского гусарского полка Ротмистра Нарышкина, схватил их обоих, не взирая на белые платки, коими обыкновенно означаются выезжающие на переговоры и таким образом были они оба увезены в плен. Генерал-Майор Иловайский, следуя совершенно распоряжению, сделанному Генерал-Адъютантом Бароном Винценгеродом, овладел Кремлем и очистил весь город от неприятеля, который в оном оставил свои госпитали и довольно количество военных припасов. Ежечасно приводят довольно число пленных».¹⁹⁸

15 октября Винцингероде был представлен Наполеону, который намеревался его расстрелять, поскольку считал подданным своей империи. Позднее освобожден отрядом полковника А.И. Чернышева близ Минска.

Следы пребывания в Москве французов были ужасными. Для москвичей итоги пожара накрепко слились с последствиями оккупации. Жуткая картина открылась всем, кто возвращался в Первопрестольную столицу. Нервы сдавали даже у военных, которых вряд ли

¹⁹⁸ Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям» №84 от 18 октября 1812.

можно было еще чем-то удивить после кровопролитного Бородинского сражения. Пролежавший месяц в Голицынском госпитале прапорщик А. Норов не узнал города:

«Нельзя вообразить себе те ужасные картины, которые развертывались перед нами по мере того, как мы подвигались от Калужских ворот к Москве-реке. Один только наш квартал от Калужской заставы до Калужских ворот уцелел от пожара (но не совсем от грабежа), и, конечно, благодаря графу Лористону, занимавшему, как мы сказали, дом графини Орловой. Таким образом был пощажён Донской монастырь. Все, что видно было перед нами, сколько мог обнять глаз, было черно; высокие трубы домов торчали из груд развалин; полизанные пламенем дома, закопченные снизу доверху высокие церкви были как бы подернуты крепом, и лики святых, написанные на их стенах, проглядыва-

ли с своими золотыми венцами из-за черных полос дыма; несколько трупов людских и лошадиных были разбросаны по сторонам. За москворечье было нам мало знакомо; но тяжкое впечатление такого зрелища навело на всех нас глубокое молчание, и, проезжая мимо поруганных святых церквей, мы творили крестное знамение. В некоторых церквях, несколько уцелевших, двери были распахнуты настежь, и груды хлама и разных снадобий и мебели наполняли их. Но как выразить то чувство, которое объяло нас при виде Кремля! Когда мы въехали на Каменный мост, картина разрушения представилась нам во всем ужасе... Мы всплеснули руками; Иван Великий без креста, как бы с разmozженной золотою главою, стоял одинок, не как храм, а как столб, потому что вся его великолепная боковая пристройка с двумя куполами и с огромными колоколами была

Карикатура на Наполеона. Худ. И.И. Тербенев. 1813 г.

У Калужской заставы, Москва, 19 октября 1812 г. Худ. Х.В. Фабер дю Фор

взорвана и лежала в груде. Когда мы проезжали ближе, то видели с набережной у подошвы его, там, где он соединялся с пристройкою, глубокую продольную трещину. Башня с Боровицкими воротами была взорвана; середина Кремлевской стены также, и мы едва могли пробраться среди груд развалин. Грановитая палата, пощаженная пламенем, стояла без крыши, с закоптелыми стенами и с полосами дыма, выходящими из окон. На куполах соборов многие листы были оторваны. Огибая Кремль, по дороге к Василию Блаженному, мы увидели, что угловая башня со стеною была взорвана. Спасские ворота с башнею уцелели. Башня Никольских ворот от верха вплоть до образного киота, наискось, была

обрушена; но самый киот с образом Николая Чудотворца и даже со стеклом, — что мы ясно видели, — остались невредимы. Угловая стена, примыкавшая к этой башне, и арсенал, обращенный к бульвару, что теперь Кремлевский сад, были взорваны... С теми же чувствами, как Неемия после плена Вавилонского объезжал вокруг обрушенных стен Иерусалима, мы обозревали обрушенные стены Кремля. Наполеон хотел бы всю местность ненавистной ему Москвы, сделавшуюся гробницею его славы, вспахать и посыпать солью, как сделал Адриан с Иерусалимом, и изгладить ее имя с лица земли. Но Иерусалим остался святынею мира, а обновленная новым блеском Москва осталась святынею России».

Печальные итоги

Каковы же итоги московского пожара? Вернувшись в город членам московской администрации открылась следующая картина из оставшихся в целости домов:

«От Никитских до Тверских ворот – 8 домов; от них вниз до Охотного ряда – большая часть строений целы. Равно Малая Дмитровка, Кузнецкая, Лубянка, часть Сретенки, Мясницкая, Покровка, Воспитательный дом, Шереметева странноприимный дом, вся почти линия от Тверских до Покровских ворот, также по левой стороне от них, около Харитонья в Огородниках, на Гороховом поле и дом графа Разумовского остались целы. В Немецкой слободе и в других улицах: дом, где главный военный госпиталь, казенные казармы; на Старой Басманной – дом графа Румянцева, Демидова, князя Куракина, Салтыкова, Аникеева, купца Александрова; на Новой Басманной – княгини Куракиной; на Гороховой улице – купцов: Суслова, Александрова, Колокольникова, г-жи Волковой, Мацневой, Зверевой, купца Сухова и более 200 домов мастеровых иностранцев не повреждены пожаром. За Москвой-рекой, в частях: Новинской, Пятницкой, Якиманской, Пречистенской и Хамовнической осталось в целости около 700 домов. Хамовнические казармы, Голицинская, Петропавловская больница, скотный двор,

принадлежащий Воспитательному дому, винный магазин, почти все монастыри и все церкви охранялись от пожара. В Кремле все соборы, Иван Великий, сенат, оружейная новая и частью арсенал целы. На Пречистенке один дом Львова цел, и у Арбатских ворот дом князя Хованского. Половина Тверской цела», – сообщал А. Булгаков.

Москва до пожара 1812 года была богатейшим городом. Согласно «Ведомости о существующих в Московской столице церквях, казенных и обывательских домах» в Первопрестольной к началу того страшного и героического года насчитывалось:

«Церквей – 329.
Монастырей – 24.
Кладбищ – 8.
Часовен – 33.
Домов каменных – 2567,
деревянных – 6584.
Казарм для войска – 8.
Конюшен для кавалерии – 7.
Смирительный дом – 1.
Богоугодных заведений – 17.
Фабрик и заводов – 464.
Торговых рядов – 192,
в них лавок каменных – 6324,
деревянных – 2197.
Аптек казенных – 4,
партикулярных – 17.
Университет – 1.
Академий – 3.
Гимназия – 1.
Пансион – 24.

Паиков дом. Худ. Ж. Делабарт. XVIII в.

Школ – 22.
 Театр – 1.
 Клубов – 2.
 Благородных и
 купеческих собраний – 2.
 Гербергов – 4120.
 Съестных трактиров – 166.
 Кофейных домов – 14.
 Фражских погребов – 227.
 Полпивных продаж – 118.
 Питейных домов – 200.
 Кухмистерских столов – 17.
 Хлебных изб – 162.
 Харчевен – 145.
 Блинней – 213
 Постоялых дворов – 568.
 Кузниц – 316.
 Бань торговых – 41,
 домовых – 1197.
 Мостов каменных – 17,
 деревянных – 21.
 Каменной мостовой,
 казенной – 7139 кв. саж.,

городской – 19.326,
 обывательской – 572, 289 1/8.
 Фонарей по улицам – 7294.
 Будок – 360.
 Боев – 7».

После французской оккупации от всего этого не осталось и следа. Университет и театр сгорели, 127 церквей серьезно пострадали, 12 из них не подлежали восстановлению:

«В Москве наибольшая часть церквей монастырских, соборных и приходских сожжены и разграблены. Некоторые от пожаров и кремлевских взрывов оказались нужными перестроить. Уездные церкви, по большей части, остались целы и не разграблены. Церковная утварь из некоторых московских церквей была вывезена в безопасные отдаленные места, например в Вологду,

Дом Пащикова и окружающие усадьбы после пожара 1812 г. Худ. Д.Т. Джеймс

другая была сокрыта в самых тех же церквях под полами и над сводами, инде разграблено, инде осталось в целости или по неотысканию, хотя от розысков их не остались в покое могилы и гробы умерших. Или по оказанному неприятелем редко-му снисхождению, а может быть, наипаче потому, что не успели захватить всего. Некоторые церкви обращены были в жилища для войска, некоторые в складочные запасные магазины, а некоторые в конюшни и бойни. И потому, во всех сих церквях святые престолы были сдвинуты с мест своих и святость храмов Божиих поругана. В некоторых церквях гнусно издевались враги над Святыми иконами и Священными облачениями. С икон совлекали оклады, обезображивали их, выбрасывали из церквей, рубили, жгли, и употребляли

как простые доски, ровно как и самые престолы вместо столов и на другие надобности. В священные ризы облекались и с зажженными свечами разъезжали в них по улицам и ходили по домам».¹⁹⁹

А сколько в действительности сгорело зданий в Москве? Мнения по этому вопросу расходятся. Современница тех событий Я.П. Янькова утверждала, что пожар уничтожил восемь тысяч зданий. Историк Москвы И. Кондратьев оценивал потери так: «Из 9158 строений уцелело только 2626, и то большей частью в предместьях города и в частях Мясницкой и Тверской, где располагались караулы французской армии».

¹⁹⁹ Приходское духовенство в Отечественной войне 1812 года // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М., 1994. – С. 85–96. – [Т.] V.

Официальные итоги пожара нашли свое воплощение в генеральном плане Столичного города Москвы за 1813 год, который сообщает, что после пожара сохранилось 2655 зданий. Карта города 1813 года иллюстрирует географию пожара, согласно которой в наибольшей степени пострадали от пожара Кремль и Китай-город, Пятницкая, Якиманская, Пречистенская, Сретенская, Яузская, Басманная, Таганская и Рогожская части, уцелели же в основном периферийные районы: Лефортово, Покровка, Пресня и Хамовники...

Казаки генерала Ивана Иловайского, первыми вошедшие в город, были поражены увиденной ими картиной разоренной и обглоданной Москвы, оскверненного Кремля. А в Успенском соборе казаки, подошедшие к раке с мощами св. митрополита Ионы, не поверили своим глазам: правая рука его была поднята «с угрожающим жестом, и что – видно вследствие этой угрозы, – серебряная лампада и над мощами богатая синь чистого серебра остались нетронутыми».²⁰⁰

Пожелавший остаться неизвестным московский старожил рассказывает: «Умалчивая о тех ежеминутных убийствах, которые окружали нас и подобных сему, что тайный советник П. и действительный статский советник А. нагие в стужу лежали в поле без пищи 6-ть суток, что известный богач Устинов, ограбленный, пришел с Арбата в Басманную босиком, претерпев и на дороге множество насилий! Что священнику церкви Ми-

хаила Архангела дали семнадцать ран разными оружиями, у которого сгорело и ограблено уже было все его имущество! Что многие иереи в облачении изрубленные валялись на огородах и улицах! Что на дворах и улицах лежали сгоревшие и полуобгорелые люди, а другие, умершие от оружия и голоду! Что в храмах стояли лошади! И проч., и проч. Что как сами сии особы, так и мы все, под присягой уверим в истине, каждого слова, тут написанного, ибо мы к несчастью были сами же жертвы и очевидцы всего сего!!!»²⁰¹

Печальное зрелище открылось и пережившим французскую оккупацию москвичам. Находившийся в их числе Петр Шаликов не без волнения признавался: «Жители радовались, почитали себя восставшими из мертвых и поздравляли друг друга как в Светлое Воскресение; но с прискорбием увидели колокольню Ивана Великого без креста и шара, может быть, похищенных Наполеоном для умножения редкостей своего Музея, составленного из похищенных сокровищ целой Европы. Чрез пробитые в самой главе колокольни кругом дыры Наполеон смотрел в зрительные трубки на громады своих полчищ, облежавших Столицу нашу, и на движения окрестных жителей, всегда готовых к ее обороне».

Итак, Москва, если не умерла, то была при смерти...

²⁰⁰ Харузин Е. Указ. соч.

²⁰¹ Записки московского жителя, живущего в Запасном дворце, о происшествиях в августе до ноября 1812-го года// 1812 год в воспоминаниях современников. – М., 1995.

«Москва очищена...»

19 октября Кутузов объявил по армиям следующий приказ «Об освобождении Москвы от наполеоновских войск»:

«К общему сведению всех предводительствуемых мною армий объявляется: Неприятель, с самого вступления его в Москву жестоко обманутый в своей надежде найти там изобилие и самый мир, должен был претерпевать всякого рода недостатки. Утомленный далекими походами, изнуренный до крайности скудным продовольствием, тревожимый и истребляемый

повсюду партиями нашими, кои пресекли у него последние средства доставать себе пропитание посредством сбора от земли запасов, потеряв без сражения многие тысячи людей, побитых или взятых в плен отделенными нашими отрядами и земскими ополчениями, не усматривая впереди ничего другого, как продолжение ужасной народной войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию; видя в каждом жителе воина, общую непреклонность на все его обольщения – решимость всех со-

Изгнание из Москвы неприятеля отрядом легкой кавалерии под командованием генерал-майора Иловайского IV 10 октября 1812 г.

Гравюра И.А. Иванова

словий грудью стоять за любезное отечество; ...и постигнув, наконец, всю суетность дерзкой мысли одним занятием Москвы поколебать Россию, предпринял он поспешное отступление вспять, бросив на месте большую часть больных своих, и 11-го числа сего месяца *Москва очищена* (выделено авт.)».²⁰²

10 октября оставленный Наполеоном в Кремле французский гарнизон выдвинулся через Каменный мост, направившись на Калужскую дорогу. Ночь с 10 на 11 октября стала последней для французов в Первопрестольной. Агенты Ростопчина во главе с приставом Вороненко, тем самым, что был непосредственным исполнителем поджога, находились тогда в Москве:

«3-го на 4-е число октября ночью... я отправлен был с прикомандированными ко мне квартальными надзирателями Щербою, Равинским, Мережковским, Иваницким и Пожарским на С.-Петербургский тракт к начальнику обсервационного корпуса гр. Винцегероде, а от него 7-го октября до рассвета тайно в Москву, разделясь по разным направлениям. Здесь было обязанностью нашею разведывать о силе и движении неприятельских войск, о запасах продовольствия оных, о духе оставшихся в столице жителей и прочем до положения тогдашних обстоятельств. И оказалось, что... войска, покрывавшие пеплы сгоревшей столицы, из коих до 30 тыс. человек погибли на местах в фуражировке, без сражения побиваемые

жителями и женщинами, в смешанном страхе за вождем своим потянулись наутек по трактам Калужскому и Смоленскому, оставив в Москве к 10-му числу октября не более 3 тыс., которые на 11-е число ночью, подорвав в пяти местах в Кремле здания, бежали разными партиями, и поутру часу в 7-м того же числа я был очевидных свидетель, как 16 чел. смеси властолюбивого полководца, шедшие беглым маршем с оружием в руках, встречены были на Арбатской площади крестьянами, которые во избежание проводов в команду русских отняли ружья и положили всех на месте... Далее о сем и о народном мнении я, способствуемый генералом Тутолминым, остававшимся в Воспитательном доме, выходил под именем его чиновника из Москвы с донесением к генералам Бенкендорфу и Иловайскому и возвращался обратно по билету именовавшегося тогда градоначальником генерала Лесепса».

В тот короткий период, когда французы уже уходили, а русские еще не пришли, мародеры вновь овладели Москвой. Грабежи начались еще в 10 октября, Де Вильфор писал: «Между тем, крестьяне толпами бегали по улицам грабить соляные магазины, оставленные без прикрытия. Днем и ночью тянулись по улицам кто пешком, кто в телегах, шайки в 10, 20 мужчин, женщин и детей».

Бестужев-Рюмин сообщал: «11 Октября, в два часа по полуночи, взорван Кремль в пяти местах. В 7 часов входил я в оной, и стечение Русского народа было несказанно; Вотчинной же Департамент,

²⁰² История России, XVIII – XIX вв.: хрестоматия / под ред. А.Н. Сахарова. – М., 2003. – С. 173.

в каморах которого Французы оставили бочек с двадцать вина и в архивах картофелю и сукна, был полон мужиков, и ужаснейшего буйства от оных в пьянстве их описать нельзя. В три часа пополудни пришли казаки».

В «Записках московского жителя, живущего в Запасном дворце, о происшествиях в августе до ноября 1812-го года» мы можем прочитать следующие свидетельства о том, как Москва очистилась от наполеоновской армии:

«12-е число было уверением, что французы оставили Москву совершенно чрез вступление в город российской регулярной конницы, как то: части драгунов, уланов, гусаров и казаков с генералами Иловайским 4-м и Бенкендорфом, с которыми также прибыл и исправляющий должность полицмейстера господин Гельман. После чего натурально мы стали ожидать оживления себе от своих соотечественников! И надеемся, что, видевши ужасы всех родов, перенеся все бедствия неслыханные и примерные изувеченные, лишенные всего и потерявшие еще многих кровных, надеемся, что всеблагий Бог возрит на наши мучения! Что премудрый Александр, милосерднейший монарх наш, вникнет в положение своих подданных и единым соборнолезованием своим воскресит уже нас почти умерших!»²⁰³

О генерале-майоре Иване Дмитриевиче Иловайском, в 1812 году ко-

Иловайский И.Д.

Худ. С. Карделли. Около 1814 г.

мандовавшем казачьими полками в арьергарде 2-й Западной армии, мы уже писали, а вот упомянутый Бенкендорф был тем самым Александром Христофоровичем, что впоследствии возглавит знаменитое Третье отделение. Жаль, что в истории он остался лишь в этом качестве, потому что во время Отечественной войны генерал проявил себя весьма достойно, смело воюя с неприятелем на разных должностях. Он и был назначен комендантом освобожденной Москвы.

Под командованием Бенкендорфа служил и князь Александр Шаховской, популярный русский драматург. Он был в числе первых, вступивших в опустевший и разграбленный Кремль:

«С небольшим конвоем казаков, двумя вестовыми Изюмского полка и служившим в Московской драгунской команде чиновником,

²⁰³ «Записки московского жителя, живущего в Запасном дворце, о происшествиях в августе до ноября 1812-го года» // 1812 год в воспоминаниях современников. – М., 1995.

**Унтер-офицер
Изюмского гусарского полка.
Худ. О. Пархаев. 1988 г.**

которого имени не помню, я подъехал к Иверским воротам и вошел в них пешком, мимо опустелой часовни, в которой за два месяца пред тем я слышал перед иконою Божией Матери слезные молитвы об избавлении России от вражеского вторжения. В самых воротах я почти споткнулся на тело, судя по мундиру, испанца, убитого, по словам полицейского чиновника, его драгунами, за что я не похвалил его. За воротами, зажженная от близкого взрыва стены или неприятелем, казенная палата еще горела. Услыша с левой стороны несколько выстрелов, я оглянулся, чтобы спросить полицейского храбреца, но он уже исчез, и я послал бывшего тогда моим адъютантом прежнего моего театрального

секретаря Телениуса разведать об этой пальбе и потом узнал от него, что стреляли пьяные французские мародеры, которых не мало перехватывали в Москве и окрестностях ее. Проходя чрез городскую площадь, я сам чуть не попал под шальную пулю; казаки кинулись на выстрел, но я их удержал, видя, что стрелок легко мог укрыться наступающим вечером в развалинах обгоревших строений.

Торопясь войти в Кремль и найдя Спасские ворота заваленными изнутри замка, а Никольские – загромажденные взорванной частью стены, я принужден был вскарабкаться, с помощью двух гусар, по грудам развалин и закричал на казаков, остановленных мыслью, что, может быть, еще как-нибудь могут вспыхнуть взрывы, из которых последний они не очень давно слышали, но, увидя меня, сходящего в Кремль, они бросились и мигом очутились уже прежде меня пред догоравшим дворцом и Грановитой палатой. При сходе моем в Кремль уже совсем смеркалось, и древнее здание, где я праздновал при священном венчании двух императоров наших, как потухающая свеча еще ярко вспыхивала и, по временам освещая мрачную окрестность, показала мне чудесное спасение храмов Божиих, вокруг которых и даже прикосновенное к ним строение сгорело или догорало.

Огромная пристройка к Ивану Великому, оторванная взрывом, обрушилась подле него и на его подножия, а он стоял так же величественно, как только что воздвиг-

нутый Борисом Годуновым для прокормления работников в голодное время, будто насмехаясь над бесплодной яростью варварства XIX века.

Занявшись распоряжением к прерыванию, сколько можно было, пожара, я просил явившегося ко мне, Бог знает откуда и как, инженерного офицера осмотреть, нет ли еще где огнепроводов, не задавленных взрывами, поставил часовых к главным соборам, послал привести караул и в хлопотах не заметил тогда, что крест с Ивана Великого был снят по приказанию Наполеона, так же как и деревянный московский герб с крыши Сената, на трофеи взятия Москвы...

...Я поручил вошедшим за мною монаху и священнику, не помню какого полка, осмотрев главные соборы, привести сколько можно в порядок, что в них еще сохранилось священного, и, запретив часовым никого не впускать в церкви, пошел осмотреть следствия взрыва и пожара, который, как вам известно, истребив все дворцовое жилище людей, не прикоснулся храмов Божиих, хотя старая церковь Спаса на Бору была замечена опламененными выбросками горевшего над ней здания и внешние двери Благовещенского собора зауглились. Словом, все посвященное Богу не истребилось ничем, кроме прямого святотатства рук человеческих, но и они, кажется, отшиблись нетленными мощами св. митрополита Ионы. По входе моем в Успенский собор я нашел в нем посланного мною монаха (патриаршего ризниче-

го); он прикрывал пеленою тело святителя и, указав на его обитую серебром раку, с которой только было взодрано четверть аршина верхней личинки, на большой подсвечник и саблю, лежащие на земле: «Вы видите, — говорил он, — что это все цело, когда в соборе не осталось не только лоскутка серебра, но и латуни». Я нашел святые мощи выброшенными на помост, они также невредимы, как в день его успения, кроме вражеской разруби святительской выи, кажется, этой саблей. Без сомнения, чудотворец поразили ужасом безбожников, и они не дерзнули ни к чему прикоснуться. Я точно видел все мне сказанное, открытые лицо и руки святого, они были совершенно целы, и я с благоговением к ним приложился. В продолжение войны, расспрашивая многих пленных офицеров и солдат наполеоновской гвардии, я не мог, однако ж, ничего узнать о причине сего единственного во всех со-

Бенкендорф А.Х.

Худ. Т. Райт с оригинала Д. Доу. 1824 г.

борах уцеления. Все прочее было ограблено и разрушено: рака святого митрополита Петра не существовала, и мы, собрав обнаженные от одежды и самого тела остатки его, положили на голый престол придела; гробница над бывшими еще под спудом мощами митр. Филиппа была совершенно ободрана, крышка сорвана; я не имел ни досуга, ни дерзновения опуститься вниз, но после узнал, что с того времени мощи открылись, согласно предсказаниям, слышанным задолго до нашествия Наполеона от митр. Платона, что мощи святителя Филиппа должны открыться только тогда, как враги возьмут Москву. В Успенском соборе от самого купола до пола, кроме принадлежавшего к раке св. Ионы, не осталось ни лоскута металла или ткани. Досчатые надгробия могил московских архипастырей были обнажены, но одна только из них изрублена, а именно патриарха Гермогена, и это заставляет меня думать, что в Успенском храме помещались Наполеоновы гвардейские уланы и что то же буйство, которое подняло руку убийц на служителя Божия, благословлявшего восстание русской земли против ее губителей, чрез двести лет посрамилося неистовством над утлыми досками, прикрывающими его могилу...

Каждый шаг Наполеоновых европейцев в России был ознаменован грабительством и святотатством; однако должно сказать, что в Кремле, кроме сплошного ободрання церквей, я могу только представить одно явное умышленное

богохульство: в алтарь Казанского собора втащена была мертвая лошадь и положена на место выброшенного престола. Правда, что в Архангельском соборе грязнилось вытекшее из разбитых бочек вино, была набросана рухлядь, выкинутая из дворцов и Оружейной палаты, между прочим две обнаженные чучелы, представлявшие старинных латников; а большая часть прочих соборов, монастырей и церквей были превращены в гвардейские казармы, ибо кроме гвардии никто не был впускаем при Наполеоне в Кремль.

В Чудове монастыре не оставалось раки св. Алексея, она была вынесена и спрятана русским благочестием, так же как мощи св. царевича Димитрия, и я нашел в гробнице его только одну хлопчатую бумагу. По очищении церквей Божиих от хлама я запечатал их моей печатью до возвращения духовенства и, вышед из Кремля, был удивлен уже не небесным, а земным промыслом: наваленных в кремлевском рву и валявшихся по улицам человеческих тел и конской падали не стало. Подмосковные крестьяне, конечно, самые досужие и сметливые, но зато самые развратные и корыстолюбивые во всей России, уверясь в выходе неприятеля из Москвы и полагаясь на суматоху нашего вступления, приехали на возах, чтобы захватить недограбленное, но гр. Бенкендорф расчел иначе и приказал взвалить на их воза тела и падали и вывести за город, на удобные для похорон или истребления места, чем избавил Москву от заразы, жи-

телей ее от крестьянского грабежа, а крестьян от греха».²⁰⁴

В эти же дни вернулся в Москву и будущий писатель Иван Лажечников: «Сердце трепетало в груди, как голубь. В Москву въехали мы поздно вечером. Неприятель уже оставил город: у заставы на карауле были изюмские гусары; они грелись около зажженных костров. Русские солдаты, русский стан были для нас отрадными явлениями. Мы благоговейно перекрестились, въезжая в заставу, и готовы были броситься целовать караульных, точно в заутреню светлого Христова воскресения. И было чему радоваться, было с чем братьям поздравлять друг друга: Россия была спасена!

Москва представляла совершенное разрушение; почти все дома были обгорелые, без крыш; некоторые еще дымились; одни трубы безобразно высились над ними; оторванные железные листы жалобно стонали; кое-где в подвалах мелькали огоньки. Мы проехали весь город до Калужской заставы, не встретив ни одного живого существа. Только видели два-три трупа французских солдат, валявшихся на берегу Яузы. «Великолепная гробница! — сказал я, обратившись к московским развалинам. — В тебе похоронены величие и сила небывалого от века военного гения! Но из тебя восстанет новая могущественная жизнь,

тебя оградит новая нравственная твердыня, чрез которую ни один враг не посмеет отныне перейти; да уверится он, что для русского нет невозможной жертвы, когда ему нужно спасти честь и независимость родины».

Именно армии принадлежит большая заслуга в нормализации жизни в городе в первые дни после освобождения Москвы. «Стараниями и умными распоряжениями г. м. Бенкендорфа порядок в городе совершенно восстановлен. Почти все мертвые тела и лошади похоронены, отчего миновалась бывшая в городе сильная вонь. Город — под управлением трех временных полицмейстеров: полковников Гурича, Оленина и майора Гельмана до прибытия московских чиновников. Все те, кои служили Французам, числом 53 человека, взяты под надзор. Сперва резал народ остававшихся Французов, но теперь говорят: не стоит рук марать. Мужики отдают их живых казакам на руки», — докладывал Булгаков Ростопчину.

Майор московской драгунской команды И. Гельман временно исполнял должность полицмейстера по поручению генерал-майора И.Д. Иловайского, до возвращения в город 15 октября московского обер-полицеймейстера генерал-майора П.А. Ивашкина и назначенного новым комендантом Г.Г. Спиридова.

Полицейский пристав Вороненко, с уходом французов больше не находившийся на нелегальном положении, также участвовал в наведении порядка в Москве: «И в тот

²⁰⁴ Шаховской А.А. Первые дни в сожженной Москве. Сентябрь и октябрь 1812 года. По запискам кн. А.А. Шаховского // Пожар Москвы. По воспоминаниям и запискам современников: Ч. 2. — Москва: Образование, 1911. С. 93–95, 97–99.

же день (11 октября – авт.), получив от означенных генералов (Бенкендорфа и Иловайского – авт.) 22 чел., как помнится, каргопольских драгун и изюмских гусар, я занялся управлением и очищением 5 частей города: Сретенской, Мясницкой, Яузской, Рогожской и Таганской – до прибытия полиции, и никаких неприятных происшествий не было, кроме одного пожара, случившегося ночью в доме Савеловой близ Смоленского переулка».

Об итогах своего короткого, но эффективного командования Москвой генерал-майор Иловайский 15 октября докладывал Александру I:

«В краткое пребывание войск ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в Москве, после бывших смятений, ныне-таки водворилась тишина, и жители обеспечены от всяких беспокойств. Вышедшие из плена и скрывающиеся в разных частях города Русские раненые около 700 нижних чинов и 18 Офицеров призрены и помещены большею частью в странноприимном доме Графа Шереметьева. Оставшиеся в главном Госпитале наши 4 Обер-Офицера и 648 нижних чинов получили все должное вспоможение, и к ним определены явившиеся здесь два городских купца, под надзором отставного Подполковника Курпша. Пленные Французы, приводимые во множестве от всех частей города и отрядов, находящихся в окрестностях оного, помещаются под присмотром отставного Майора Оленина

в сохранившейся от пожара части Петровского дворца, из коих уже 550 человек препровождено в Тверь. К раненым Французам, помещенным при воспитательном доме, прикомандирован взятый в плен Французский лекарь и отпущены нужные жизненные припасы, которых хотя найдено в разных местах города Москвы и получено из Клина; но по недостатку в оных у обывателей, нашел я нужным послать за находящимся провиантом в Клину.

Пожары и грабительства ныне прекратились. Улицы от мертвых тел и множества падших лошадей, лежащих долгое время и производивших заразительный смрад, почти совсем очищены. Московской воинской команды Майор Гельман, исправляющий должность Полицмейстера, отыскал назначенного неприятелем в Москве головою купца Находкина, у которого взяты все его бумаги и книги, кои при сем ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ представляю с именным списком всех определенных Французами в разные должности чиновников, с коих, кроме скрывшегося Бестужева-Рюмина, взяты объяснения и за ними приставлен надзор. Наконец, с помощью Генерал-Майора Бенкендорфа и Действительного Статского Советника Князя Шаховского, равно определенных к разным должностям Штаб и Обер-Офицеров, я успел довести все части до возможного в настоящих обстоятельствах порядка».²⁰⁵

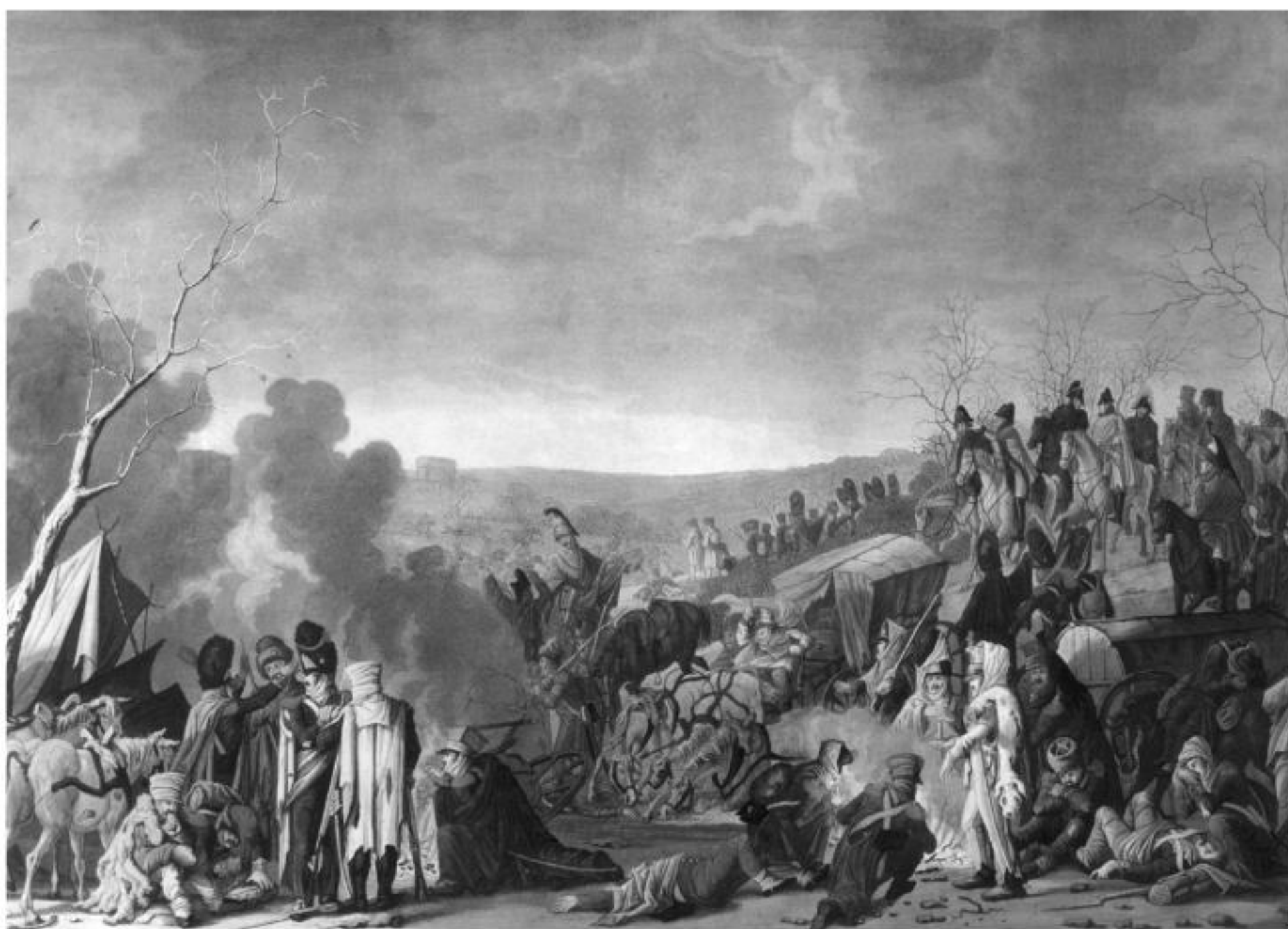
²⁰⁵ Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям» №86 от 25 октября 1812.

Из этого документа мы вновь узнаем о Бестужева-Рюмине, отсутствие которого в Москве в эти дни было истолковано как желание укрыться от правосудия. Он был вынужден оправдываться перед министром юстиции Дмитриевым: «12 октября, в 10 часов утра, поставлен был вокруг Кремля караул, и никого в оной не впускали, а в пять часов пополудни я оставил Москву, ибо был совершенно наг и со всем семейством, в чем засвидетельствовать может его превосходительство Иван Акинфиевич Тутолмин, с которым я простился, поблагодаря его за квартиру. Пребывание мое было в деревне братьев моих и в волостях графа Бобринско-

го, к которого великодушию прибегнул я, прося о вспомоществовании.

Я не знаю, почему г. генерал-майор Иловайский 4-й, в рапорте своем к Государю Императору, написал касательно меня «скрылся»; равно не знаю, почему о себе написал, что он «вытеснил неприятеля из Кремля». Донесение совсем несправедливое, и разница большая в последствиях его рапортов; спросить надобно тех, кои были в то время в Москве, тогда и справедливость его донесения усмотреть можно будет, которого бы и следствия были совершенно противны». Но от службы в Вотчинном департаменте Бестужева-Рюмина все равно отстранили.

Отступление французской армии из Москвы в ноябре-декабре 1812 года.

Худ. И.Л. Ругендас. 1813 г.

«Вот она, наша спасительница!»

Вскоре, 24 октября, в Москву из Владимира вернулся и ее градоначальник Ростопчин, а также гражданский губернатор Н.В. Обрезков. Отцы города стали, насколько это было возможным, восстанавливать порядок в городе. Вместе с Ростопчиным приехал и Александр Булгаков. Лишь 28 октября 1812 года он взялся за перо: «Я пишу тебе из Москвы или, лучше сказать, среди развалин ее. Нельзя смотреть без слез, без содрогания сердца на опустошенную, сожженную нашу золотоглавую мать. Теперь вижу я, что это не город был, но истинно мать, которая нас покоила, тешила, кормила и защищала. Всякий русский оканчивать здесь хотел жизнь Москвою, как всякий христианин оканчивать хочет после того Царством Небесным. Храмы наши все осквернены были злодеями, кои поделали из них конюшни, винные погреба и проч. Нельзя представить себе буйства, безбожия, жестокости и наглости французов. Я непоколебим в мнении, что революция дала им чувства совсем особенные: изверги сии приучились ко всем злодеяниям... грабеж — единственное их упражнение. На всяком шагу находим мы доказательства зверства их».

Поначалу необходимо было накормить и обогреть переживших французскую оккупацию москвичей, по сведениям Ростопчина, в

Москве к его приезду находилось до полутора тысяч человек «из бедного состояния народа в величайшей нужде: они были помещены по квартирам, одеты и кормлены в продолжение целого года на счет Казны».

«В Москву стекается множество народа и привозят всего в изобилии, но продают довольно дорого еще... Из Чудова монастыря выгнали лошадь, которая тотчас издохла: видно, была там забыта Французами», — а это уже из свидетельств москвичей, вернувшихся в родной город в первые дни после бегства оккупантов. Довольно быстро открыли торговые ряды на Старой площади, в Охотном ряду, приехавшие крестьяне торговали прямо с возов — мясом, молоком, мукой, сапогами, одеждой и т.д.

А еще надо было похоронить убитых и падший скот (на это ушел целый месяц — всего силами пленных французов вывезли почти 12 тысяч трупов и столько же мертвых лошадей), предпринять меры к недопущению распространения эпидемий, к борьбе с мародерами.

Не все заложенные французами при отступлении мины взорвались, а посему необходимо было организовать еще и разминирование московских зданий. Этим занималась специальная воинская команда.

Была и еще одна задача – приструнить пораспустившихся без присмотра крестьян, тащивших все, что плохо лежало из разграбленных французами домов. Таких во все времена хватает. И ведь помногу брали – накладывали доверху чужим добром целые телеги. На это указывает в своем дневнике князь Волконский: «В Москве осталось от 10 т. и более домов до 2300, народу, полагают, на конец оставалось не более 10 т. при французах. Полиция пришла 3 дни после казаков, и продолжают грабить».

Осуждая мародерство, Ростопчин посвятил этому свою афишу от 20 октября: «Крестьянам Московской губернии. По возвращении моем в Москву узнал я, что вы, недовольны быв тем, что ездили и таскали, что попало на пепелище, еще вздумали грабить дома господ своих по деревням и выходить из послушания. Уже многих зачинщиков привезли сюда. Неужели вам хочется попасть в беду? Славное сделали вы дело, что не поддались Бонапарте, и от этого он околевал с голоду в Москве, а теперь околеваает с холоду на дороге, бежит, не оглядываясь, и армии его живой не приходить; покойников французских никто не подвезет до их дому. Ну, так Бонапарта не слушались, а теперь слушаетесь какого-нибудь домашнего вора. Ведь опять и капитан-исправники и заседатели везде есть на месте. Гей, ребята! Живите смирно да честно; а то дураки, забиячные головы, кричат: «Батюшка, не будем!»

Градоначальник занимался решением самых разных вопросов:

контроль за «нежелательными элементами», размещение возвращающихся в Москву учреждений и расселение их чиновников, борьба с хищением денег, направляемых на лечение раненых (он вывел на чистую воду врачей Главного военного госпиталя, клавших часть денег себе в карман), забота о французских военнопленных (их набралось до тысячи), расследование деятельности коллаборационистов (служивших в «новой», французской администрации), изъятие французского оружия у населения, поиск жилья для возвращающихся москвичей, оставшихся без крыши над головой (к середине 1813 года в Москву вернулось до 200 тысяч человек, т.е. в шестьдесят раз больше, чем было при французах), помощь купечеству в восстановлении торговли и прочее.

Французы оставили в Москве и своих тяжелораненых – тысячу триста шестьдесят человек, голодных и истощенных солдат, собранных в Шереметьевской больнице (ныне Институт им. Склифосовского – А.В.). Их тоже надо было откармливать и лечить.

Уже в октябре полиция получила приказ разыскивать пропавшее имущество москвичей. Вернувшись в город полицейские ходили по оставшимся домам, выискивая вещи и прочее добро. Ф. Беккер, переживший оккупацию вместе с другими московскими немцами, нашедшими убежище в доме Репнина на Маросейке (совр. дом 11), вспоминает: «Спустя несколько дней, когда отца не было дома, входит к нам так называемый квартальный

и с ним будочник. «Смотри все, что есть», – приказывает квартальный будочнику, и тот начал развертывать наши попоны, в которых завернуты были опойки и подушки. «Что прикажете?» – спросил солдат. «Бери ковры и кожи, подушку оставь», – сказал квартальный. Будочник свернул и взял. Надобно сказать, что опойки ни на что, кажется, были негодны. Они представляли ландкарты, дурно нарисованные! Потом пошли через комнату, в углу которой лежала большая куча картофеля. «Не прикажете ли развалить картофель?» – спросил солдат. «Чего там искать», – ответил квартальный, и они ушли, взявши с собою попоны и кожи. Помню, что при слове: «Не прикажете ли развалить картофель?» я чрезвычайно испугался, зная, что под ним зарыта риза. Я вообразил, что за церковную вещь отец может подвергнуться ответственности. Подобные

обыски делали во всех домах и все отбирали с тем, чтобы отыскать настоящих хозяев».

Объявления о поисках своего имущества горожане публиковали в «Московских ведомостях», но, кажется, что пользы от этого было немного. Вот что докладывал Бестужев-Рюмин в своей объяснительной записке министру юстиции И.И. Дмитриеву: «Товарищи мои, напротив, оставя в Москве только то, что вывезть не могли, сами удалились и возвратились опять в Москву в половине Февраля, и неприятель очистил оную 11-го Октября, и возвратились не с тем, чтоб сделать опись оставшимся делам, хотя имеют в отчете оных равное участие со мною, но в срок подать объявления о потере своей, которую могли претерпеть с разрушением Москвы».

Помощь погорельцам оказывалась масштабная, подспорьем

Вид улицы в развалинах в районе Воспитательного дома.

Гравюра Д.Т. Джеймса. 1814 г.

чему был высочайший рескрипт Александра I на имя Ростопчина от 11 ноября:

«Граф Федор Васильевич! Обращая печальный взор наш на пострадавшую от руки злобного неприятеля Москву, с крайним сожалением помышляем мы об участи многих, потерпевших и разоренных жителей ее; Богу так угодно было! Неисповедимы судьбы Его. Часто в бурях посылает Он нам спасение и во гневе являет милость Свою. Сколь ни болезненно Русскому сердцу видеть древнюю столицу нашу, большею частью превращенную в пепел; сколь ни тяжело взирать на опаленные и поруганные храмы Божии; но не возгордится враг наш сими своими злодействами. *Пожар Москвы потушен кровью его* (выделено авт.); под пеплом ее лежат погребенные гордость его и сила; из оскорбленных нечестивою рукою его храмов Божьих изникла грозная и праведная месть; уже руки, наносившие зло России, связаны. Уже обращенный в бегство неприятель предает на посечение тыл свой, льет кровавые потоки по следам своим. Голод и смерть текут за ним. Быстрота стоп не помогает ему. Долгота пути приводит его в отчаяние. Россия видит сие и в скорости с радостью увидит вся Европа. И так, хотя великолепную столицу нашу пожрал ненасытный огонь, но огонь сей будет в роды родов освещать лютость врагов и нашу славу; в нем сгорело чудовищное намерение всесветного обладания, приключившее только бедствий всему роду человеческому и приготовлявшее столько

же зол предбудущим родам. Россия вредом своим купила свое спокойствие и славу быть спасительницею Европы. Столь знаменитый и достойный храброго народа подвиг исцелит и не даст ей ран своих чувствовать. Между тем обращая попечительное внимание Наше на пострадавших жителей Московских, повелеваем вам немедленно приступить к призрению их и к поданию нуждающимся всевозможной помощи, возлагая на вас обязанность представлять Нам о тех, которые наиболее претерпели. Пребываем вам благосклонны». ²⁰⁶

О последовавшей реакции Ростопчина мы узнаем из его афиши от 27 ноября: «Главкомандующий в Москве, генерал от инфантерии и кавалер гр. Ростопчин, объявляет, что во исполнение высочайшего его императорского Величества рескрипта от 11-го ноября, для подания всевозможной помощи пострадавшим жителям московским, на первый случай учреждается в Приказе Общественного призрения особенное отделение, в которое будут принимать всех тех, кои лишены домов своих и пропитания; а для тех, кои имеют пристанище и не пожелают войти в дом призрения, назначается на содержание: чиновных по 25, а разночинцев по 15 коп. в день на каждого, что и будет выдаваться еженедельно по воскресным дням в тех частях, в коих кто из нуждающихся имеет жительство, по билетам за подписанием господина

²⁰⁶ «Исторический, статистический и географический журнал», 1812, ч.4, кн.2-3 (ноябрь-декабрь). – С.195–197.

главнокомандующего в Москве; на получение же билета должно представить свидетельство частного пристава, что действительно лишлись имущества, с означением числа особ, составляющих семейства, и находящихся служителей».

Купечество среди прочих сословий, больше всего пострадало от французского нашествия — лавки с товаром были разграблены, дома сожжены. Многие из них так и не успели в последний момент вывезти запасы своих товаров из Москвы. Недаром, как писал Лажечников, после Бородина «купцы содержали по пути к месту военных действий конных гонцов, которые беспрестанно сновали взад и вперед».

Главной проблемой в этих условиях стал поиск заемных средств для восстановления торговли. Но, несмотря на тяжелую финансовую ситуацию, уже к середине 1813 года «главнейшие заведения и мануфактуры московские возникли из-под пепла и развалин», «число фабрикантов противу прежнего нарочито увеличилось».

Об этом же Ростопчин рассказывал москвичам в афише от 25 декабря:

«По дошедшим до меня слухам, в разных местах думают, говорят, а иные и верят, что в Москве есть заразительные болезни. Доказательством, что их не было и нет, служит приезд ежедневно множества здешних жителей, занимающихся: иные поправлением, другие построением домов, коих число простирается до 70 000 человек. Уже выстроено до 3000

лавок, в коих торгуют, и на торгах нет проезду. Поставя обязанностью известить о сем всеместно, надеюсь, что Москва паки признана будет здоровым городом, а сим кончатся нелепые слухи, распространенные легковерием и выпущенные первоначально за заставу каким-либо лжецом, трусливым болтуном или из ума выжившим стариком».

А слухи, упомянутые Ростопчиным, действительно будоражили Россию. Например, находившаяся в эвакуации московская дама Мария Волкова 25 ноября писала из Тамбова: «Я одного боюсь, чтобы весной житье в Москве не сделалось опасным, так как во время шестинедельного пребывания в городе французы перебили множество народа. Не только город, но и окрестности усеяны трупами, заражающими воздух. Представь, что будет весной, когда растает снег. Николай пишет, что за пятнадцать верст от Москвы уже становится тяжело дышать: колодцы, овраги и рвы вокруг Кремля — все наполнено мертвыми телами; их даже трудно отыскивать, и потому меры, принимаемые против зла, недостаточны. К тому надо прибавить, что в начале ноября еще не похоронены были убитые 26-го августа; Бог знает, схоронены ли они теперь. За 25 верст слышно было зловоние».²⁰⁷

Хочется отметить, как быстро начала восстанавливаться жизнь в Москве. об этом мы узнаем из самых разных источников: «16-го числа ноября впервые получено

²⁰⁷ Русский архив. — 1872. — № 12.

Вид Красной площади у Никольских ворот Кремля.

Гравюра Д.Т. Джеймса. 1814 г.

Москве освещение по ночам, не вся, а частью Тверская и вал, от нее лежащий... В сей день цена на капусту 12 коп. здешняя талая», — писал современник.

А вот и М. Волкова, еще недавно боявшаяся возвращаться в Первопрестольную, 10 декабря пишет: «Москва теперь, как муравейник. В нее стекаются отовсюду. Туда идут транспорты даже из здешних мест; поэтому там жизнь дешевле прежнего. В Москве теперь можно все достать, даже предметы роскоши, как то: шелковые материи, вина, овощи и т. д.; даже общество... лучше прежнего. Все лица, которых дома уцелели, занимаются их устройством».²⁰⁸

И, наконец, Александр Булгаков сообщал брату 11 февраля

1813 года: «Москва все та же Москва, то есть золотое дно, город, в коем уже более 120 000 обитателей, 4000 заново отстроенных лавок и снабженных всем, что токмо можно вообразить; запасы еды изобильны, жизнь недорого, а главное, Москва есть почти единственный город, изъятый от болезней, кои свирепствуют во многих губерниях».

Ростопчин организовал подписку по сбору средств для раненых российских воинов: «Военные люди приносят свою наичувствительную благодарность попечителям Москвы, которая может утешить после войны. Здесь шатающихся воинов, кои привыкли оную любить, и проводить приятно время после всякого случая... Не худо бы если б ... богатые дворяне

²⁰⁸ Там же.

построили в Москве большое здание для калек наших, кои не имеют никакого содержания, где бы могли провести по милости почтенного дворянства остатки дней своих. Всякое же вспоможение изувеченным деньгами есть временное и бесполезное. А потому подписка у вас сделанная в пользу изувеченных могла бы с большею пользою употребится на таковую постройку и всякого рода прислугу. А дабы не могло произойти в постройке зла, то полезно бы было если б Граф Ф. В. взял сие на себя. Вот мысль моя касательно изувеченных, в прочем я пишу сие как человеку коего я люблю и почитаю. Если б другой был в Москве, а не Граф, то верно бы не было никакой подписки для вспоможения изувеченных, и прочее, и прочее».²⁰⁹

Но не все оценивали деятельность Ростопчина положительно: «Я решительно отказываюсь от моих похвал Ростопчину вследствие последней его выходки, о которой мне сообщили. Ты, верно, слышала, что мадам Обер-Шальме, бросив свой магазин, в котором находилось на 600 000 рублей товару, последовала за французской армией. Государь приказал продать весь этот товар в пользу бедных. Именитый же граф нашел более удобным поделиться им с полицией. Младшему из чиновников досталось на 5000 рублей вещей; сообрази, сколько пришлось на долю графа Ивашкина. Это сквер-

но до невероятности. Мой двоюродный брат, Волков, отказался от своей доли. Спиридов, московский комендант, и князь Борис Андреевич Голицын, которые также были приглашены к дележу, тоже не захотели в нем участвовать; неизвестно, чем кончится эта история, но она отвратительна».²¹⁰

Вот и всплыла опять-таки фамилия Обер-Шальме, только теперь уже Ростопчина обвиняли не в том, что он не выслал ее вовремя из Москвы, а в том, что присвоил имущество ушедшей француженки.

По заключению специальной комиссии, убытки, причиненные пожаром и военными действиями в Московской Губернии, составили 321 миллион рублей. Не меньше средств требовалось на восстановление разрушенных зданий. И, конечно, необходимо было время, долгие годы на отстройку Москвы заново. Например, несмотря на то, что восстановление колокольни Ивана Великого под руководством архитектора Д. Жилярди началось вскоре после освобождения Москвы, закончить его удалось лишь к 1818 году. А какова, кстати, судьба креста с колокольни? Наполеон мечтал водрузить крест на Соборе парижского Дома Инвалидов, построенного для содержания в нем увечных французских солдат еще при Людовике XIV. Комплекс зданий Дома Инвалидов и по сей день украшает французскую столицу – в его соборе находится гробница самого Наполеона (привлекающая, кажется, более туристов, чем самих

²⁰⁹ Закревский А. А. Письмо Булгакову А.А., 23 декабря 1813 года. Фрейбурх // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М., 2003. – С. 41–42. – [Т. XII].

²¹⁰ Письмо М. Волковой от 17 декабря 1812 года //Русский архив. – 1872. – № 12.

французов). Однако, эта версия французских мемуаристов вызывает сомнение – насколько уместен бы был купол католического собора для православного креста? Так или иначе, чтобы ответить на этот вопрос, бежавшим из России оккупантам необходимо было сначала довести крест до Парижа. Но, судя по свидетельствам самих французов, крест с колокольни Ивана Великого они потеряли при переправе через Березину. Московские вороны каркали не зря...

Но основной задачей все же было восстановление сгоревшей Москвы (кстати, собственный дом Ростопчина остался цел и невредим). Для решения этого вопроса 5 мая 1813 года император учредил Комиссию для строения Москвы во главе с Ростопчиным. Именно этой комиссии предстояло «способствовать украшению» Москвы, а не пожару, как утверждал грибоедовский Скалозуб. Для воплощения планов Москве была дана беспроцентная ссуда в пять миллионов на пять лет. В комиссии работали

лучшие зодчие – Бове, Стасов, Жиллярди и другие.

Постепенно отстроили и Московский университет, и новый театр, и многочисленные усадьбы. А вот одним из первых восстановленных после пожара 1812 года зданий стал Пашков дом. В 1818 году в Первопрестольную пожаловал сам прусский король Фридрих Вильгельм III с сыновьями, захотевший осмотреть город с самой высокой точки. Таковым на тот момент оказался бельведер Пашкова дома. Здесь и произошла пронзительная по своему содержанию сцена. Забравшись на крышу Пашкова дома и внимательно осмотрев тяжелораненую Москву, на теле которой еще зияли раны – огромные пустые кварталы, старый король, немало натерпевшийся от Наполеона, опустился на колени, приказав и своим сыновьям сделать то же самое. Не стеснясь присутствующих, он плакал. Трижды поклонившись Москве, коленопреклоненный монарх изрек: «Вот она, наша спасительница!»

«Пожар способствовал ей много к украшенью!»

Неудивительно, что решение большого числа проблем по восстановлению жизни в Москве негативно отразилось на здоровье Ростопчина, у него участились обмороки и затяжная депрессия. Он «занемог» еще в октябре 1812 года, увидев, во что превратилась Москва. Рассуждать о «русском правиле» — это одно, а увидеть его практическое воплощение — совсем другое.

Физические недуги обострялись нравственными. Москвичи всю вину за потерю своего имущества возложили на Ростопчина. Москвич-патриот уступил место москвичу-собственнику. В открытую бранили графа, независимо от сословной принадлежности, — на рынках и площадях, в салонах и в письмах. О том, чтобы использовать довоенные методы управления, не было и речи — он не мог уже без охраны ходить по улицам. Отпала надобность и в агентах, Ростопчин и так знал, что авторитет его у москвичей — минимальный.

Характерный пример — письмо той же Марии Волковой к своей петербургской родственнице Варваре Ланской от 8 Августа 1814 года: «Если бы ты знала, какое вы нам окажете одолжение, избавив нас от прекрасного графа! Все его считают сумасшедшим. У него что ни день, то новая выходка. Несправед-

лив он до крайности. Окружающие его клеветы, не стоящие ни гроша, действуют заодно с ним. Граф теперь в Петербурге. Как его там приняли? Сделайте одолжение, оставьте его у себя, повысьте еще, ежели желаете, только не посылайте его к нам обратно». А ведь еще в июне 1812 года та же Волкова писала, что «Ростопчин — наш московский властелин... у него в тысячу раз более ума и деятельности».²¹¹ Как быстро поменялось общественное мнение!

После пожара граф сделал для Москвы несравнимо больше, чем в те несколько месяцев, что он успел совершить до французского нашествия. Но москвичи не простили ему московского пожара, связав с ним все свои беды и горести: «У Ростопчина нет ни одного друга в Москве, и там его каждый день клянут все. Я получил сотни писем из Москвы и видел много людей, приехавших оттуда: о Ростопчине существует только одно мнение», — писал Н.М. Лонгинов из Петербурга 12 февраля 1813 года С.Р. Воронцову.²¹²

Мы не случайно привели мнение именно петербургского жите-

²¹¹ Из писем М.А. Волковой В.И. Ланской, 1812–1818 гг. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] А.К. Афанасьева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. — М., 2007. — [Т. XV]. — С. 558–569.

²¹² Русский архив. — 1912. — № 5. — С. 46.

ля, приближенного ко двору, где к этому времени уже сформировалось мнение о необходимости смены ряда ключевых политических фигур. Востребованная накануне войны консервативная идеология уже не отвечала политическим реалиям. Авторитет Александра, въехавшего в Париж победителем, был как никогда высок. Вспомним, что назначение Ростопчина и его соратников было вызвано именно политическими причинами. Теперь эти же причины повлекли и обратный процесс.

В августе граф приехал в столицу. Поначалу события не предвещали для Ростопчина ничего худого: «9-го августа 1814-го года Петербург. ...Граф Ф. В. прибыл сюда благополучно и принят у двора хорошо. Но и тут у него бывают минуты недовольные. Ар. Закревский из Петербурга в Вену 2-го или 3-го Сентября». ²¹³ Но уже 30 августа 1814 года Ростопчин сошел с политической сцены, а вместе с ним Шишков и Дмитриев.

При визите к императору, он, было, хотел просить у него о новом месте службы в Варшаве для сына Сергея, довольно часто огорчавшего его своим поведением и образом жизни, но отложил эту просьбу на определенное время. Куда уж тут просить о сыне — самому бы не остаться у разбитого корыта. Напоследок, правда, император наделил Ростопчина полномочиями члена Государственного совета,

²¹³ Закревский А.А. Письмо Булгакову А. Я., 9 августа 1814 года. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. — М., 2003. — С. 43–44. — [Т. XII].

впрочем, не имевшего почти никакого влияния. Кажется, что лишь один Закревский переживал по поводу отставки графа:

«Благомыслящие люди и Любящее свое отечество всегда должны жалеть о Графе, который доказал на опыте достоинства свои полезные весьма России; следовательно, можно ль смотреть на злоязычников, не стоящих никакого уважения, а заслуживающие одно только презрение. Всякого состояния люди, всегда ошибались в некоторых, что важна натурально». ²¹⁴

Получив отставку, Ростопчин не спешил выехать в Москву. Он нанял для проживания дом генерала Александра Петровича Торماسова, который, в свою очередь, был назначен на место Ростопчина в Москву.

Здоровье графа ухудшилось. Арсений Закревский пишет об участвовавших обмороках Ростопчина, впервые проявившихся у него еще в эвакуации во Владимире: «С Графом был обморок, подобный Владимирскому, но теперь Слава богу ему лучше, я его не видел более недели... Графу награда за ревностную службу не совсем лестная, быть членом Совета. О сыне ничего не просил и решился не просить, не знаю, по каким причинам». ²¹⁵

²¹⁴ Закревский А.А. Письмо Булгакову А. Я., 18 сентября 1814 года. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. — М., 2003. — С. 47. — [Т. XII].

²¹⁵ Закревский А.А. Письмо Булгакову А. Я., 15 сентября 1814 года. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. — М., 2003. — С. 46–47. — [Т. XII].

В следующем, 1815 году, граф решил отправиться за границу, мотивируя это необходимостью поправки расстроенного здоровья: «Мне надо было ехать, доктора посылали меня на воды. Это последнее средство гиппократов и последняя надежда больных. Я не был опасно болен, но целый год и семь месяцев не был здоров».²¹⁶

Многого насмотрелся за границей Ростопчин, в Германии и Великобритании, но основное внимание его вновь было отвлечено ненавистными французами. Неприязнь вызывал уже сам язык, который Ростопчин назвал «нравственной чумой рода человеческого», при том что сам он писал на французском! Во Франции осенью 1816 года он и осел. Живя в Париже, он продолжал общаться со своими друзьями, приезжавшими из России, принимал их у себя, так Александр Булгаков писал брату из Парижа 7 ноября 1819 года, что часто обедает «у графа Ростопчина».²¹⁷

Любопытно, что, находясь вне России, Ростопчин не забывал уделять мнение любимому занятию — разведению лошадей, интересовался, много ли сена запасено на будущую зиму. А тому же Александру Булгакову он велел передать из своего конезавода «славного жеребца и пять кобыл для заведения завода лошадиного». Благодарный Булгаков отмечал в письме к брату 5 октября 1820 года: «Спасибо!

²¹⁶ Ростопчин Ф.В. Из путевых записок 1815 года // Ф.В. Ростопчин Ох, французы! М., 1992.

²¹⁷ Братья Булгаковы: письма / Александр Булгаков; Константин Булгаков. В 3-х томах. Т.1.М., 2010.

Приятно брать и сохранять: у него лошади дивные, подарки султана Селима во время оно; это может сделать значительный доход со временем». А жене Булгакова Ростопчин тоже подарил «славного» но не коня, а быка, и четыре коровы голландских для разведения. Со стороны графа это было большой щедростью, ведь общая стоимость подарка была не менее пятнадцати тысяч рублей.²¹⁸

К своему удивлению, Ростопчин встретил на Западе очень теплый и радушный прием. Ему буквально не давали прохода. Насколько сильно не любили его на родине, настолько же крепкой была любовь к легендарному московскому генерал-губернатору за рубежом. Куда бы он ни приезжал, всюду с ним хотели встретиться первые люди государства. Аудиенцию ему давали французский, прусский и английский короли. Последний — Георг IV — прислал ему личное приглашение и даже подарил графу полотно великого Леонардо да Винчи.

В Лондоне в честь него назвали улицу, в Париже, как только Ростопчин входил в театральную ложу, зрители аплодировали ему. То, что не получил он от москвичей, в полной мере дали ему за границей. Но и здесь перо его не дремало. В изданной во Франции, а затем и в Москве в 1823 года, книге «Правда о пожаре Москвы» он благородно снимает с себя ответственность за пожар Москвы.

Чтение этой книги, к которой мы уже обращались, представляет собою крайне любопытное заня-

²¹⁸ Братья Булгаковы. Указ. соч.

Генеральный план столичного города Москвы, с назначением сгоревших домов под тушью и ныне существующих под пунктиром.

Гравюра из книги. А. Булгаков: *Русские и Наполеон Бонапарт*. М., 1813 г.

тие. С присущей слогу Ростопчина витиеватостью он буквально ставит с ног на голову всю историю Отечественной войны 1812 года, касающуюся эпизодов с его участием. Не давая Наполеону возможности оправдаться против обвинений, выдвинутых в этой книге, Федор Васильевич, тем не менее, написал ее по-французски. Перевод же на русский язык был сделан А. Волковым.

Одиннадцать лет понадобилось бывшему московскому генерал-губернатору, чтобы собраться с силами и написать в свое оправдание следующие строки:

«Протекло десять лет со времени пожара Москвы, и я всегда

представляю потомству и Истории как изобретатель такого происшествия, которое, по принятому мнению, было главнейшею причиною истребления неприятельских армий, падения Наполеона, спасения России и освобождения Европы.

Без сомнения, есть чем возгордиться от таких прекрасных названий; но, не присваивая себе никогда прав другого и соскучась, слышать одну и ту же басню, я решаюсь говорить правду, которая одна должна руководствовать Историей».

Насколько же витиевато излагает Ростопчин свои мысли! Уже в

первом абзаце звучит двойственность — с одной стороны — пожар, с другой — главная причина истребления неприятельских армий. Но ведь это не одно и то же. А как же армия, осуществившая под руководством Кутузова разгром Наполеона?

Ростопчин продолжает: «Когда пожар разрушил в три дня шесть осьмих частей Москвы, Наполеон почувствовал всю важность сего происшествия и предвидел следствие, могущее произойти от того над Русской нацией, имеющей все право приписать ему сие разрушение, по причине его бытности и ста тридцати тысяч солдат под его повелениями. Он надеялся найти верный способ отклонить от себя весь срам сего дела в глазах Русских и Европы и обратить его на Начальника Русского правления в Москве: тогда бюллетени Наполеоновы провозгласили меня зажигателем; журналы, памфлеты наперерыв один перед другим повторили сие обвинение и некоторым образом заставили авторов, писавших после о войне 1812 года, представлять несомненным такое дело, которое в самой вещи было ложно.

Я расположу по статьям главнейшие доказательства, утвердившие мнение, что пожар Москвы есть мое дело; я стану отвечать на них происшествиями, известными всем Русским. Было бы несправедливо этому не верить; ибо я отказываюсь от прекраснейшей роли эпохи; сам разрушаю здание моей знаменитости».

Действительно, Наполеон в своих бюллетенях неоднократно

утверждал, что пожар Москвы «был выдуман и приготовлен правлением Ростопчина».

Далее автор пишет: «Дабы выдумать и исполнить предприятие столь ужасное, каково есть сожжение столичного города Империи, надлежало иметь причину гораздо важнейшую, чем уверенность во зло, могущем от того произойти для неприятеля». Иными словами, по мнению Ростопчина, нет такой причины, которая могла бы заставить его поджечь Москву, потому как занятие ее французами как раз такой причиной не является. Интересно, что и Наполеон в своих воспоминаниях также не мог понять: какую же цель надо преследовать, чтобы поджечь свою древнюю столицу, ради чего, собственно?

Ростопчин приводит довод крайне неуместный: «Хотя шесть осьмих частей города были истреблены огнем, однако оставалось еще довольно зданий для помещения всей армии Наполеона». Но ведь дневник Стендаля показывает иное: крайне трудно было найти приемлемое здание, поскольку слишком много было желающих, а также и те дома, что не сгорели, находились в неудовлетворительном состоянии: разграбленные, с выбитыми окнами и дверями, закопченные.

Наконец, граф называет имя главного виновника страшного пожара — ветер: «Совершенно было невозможно, чтобы пожар мог распространиться по всем частям города, и если бы не случилось жестокого ветра, огонь сам бы по себе остановился по причине садов,

пустых мест и бульваров. Таким образом, истребление жизненных припасов, находящихся в домах, которые могло бы пожрать пламя, было б единственным злом для неприятеля и горестным плодом меры, сколь жестокой, столько же и неблагоприятной».

Сергей Глинка находил причиной московского пожара и вовсе... Суд Божий: «При Наполеоне Москва отдана была на произвол Провидения. В ней не было ни начальства, ни подчиненных. Но над нею и в ней ходил Суд Божий. Тут нет ни Русских, ни Французов: тут огонь небесный». Потомство же, по его мнению, «не станет из пучины пожара Московского выкликать имен...» Однако произошло наоборот, нашлись желающие выкликнуть имена, среди которых первым стояло имя Ростопчина.

Есть один интересный момент в этой книге: «Столица вновь выстроилась, — доказательство, что ее жители не разорились. Она заключает в себе столько же жителей, как и прежде пожара, с тою только разницей, что все выстроено из камня. Великолепные дворцы, улицы совершенно новые и превосходные публичные площади делают ее прекраснейшим городом в Европе, благодаря попечению и отеческим заботам ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА; и Россия, вместо того чтобы отстать целым веком назад, узнала

свои силы, свое богатство и чрезвычайные свои пособия». Тем самым Федор Васильевич как бы отвечает неблагодарным москвичам выжавшим его из Москвы: действительно, ведь отстроились же заново, значит, есть, на что строить! Здесь вспоминается незабвенный грибоедовский Скалозуб с его девизом: «Пожар способствовал ей много к украшенью!» В данном случае Ростопчин и Скалозуб — единомышленники.

Заканчивается книга откровений так: «Таков был 1812 год! Хотя Россия сделала большие потери в людях, но вместе с тем приобрела уверенность, что никогда не может быть покорена, и скорее будет гробом для врагов, чем послужит завоеванием. Ее обитатели, слишком малообразованные для эгоистов, будут уметь защищать свое Отечество, нимало не тщеславясь своею храбростью. Наполеон, в сем походе, успех которого сделал бы его обладателем всей Европы, пожертвовал отборными воинами союзных армий и храбрыми Французами, сражавшимися в продолжение двенадцати лет для честолюбия того, которого вознесли они даже на трон. Триста тысяч пало в сражениях от переходов и болезней, и сто тысяч погибло от голода, стужи и недостатка. Я сказал правду, и одну только правду. Граф Федор Ростопчин. Париж, 5 Марта 1823».

«Француз – самое тщеславное существо в мире»

Федор Васильевич Ростопчин.

Худ. Хейгель. 1818 г.

Мы начали книгу с портрета Ростопчина, им же мы и закончим наш рассказ.

Ненависть к французам стала для графа неизлечимой болезнью. Свои критические мысли относительно французской нации Ростопчин сформулировал в записке «Картина Франции 1823 года», направленной автором Александру, который вряд ли в ней нуждался. Читая записку, приходишь к выводу, что в мировоззрении Федора Васильевича ничего не изменилось: нет на свете более худшего народа, чем французский: «Француз – самое тщеславное и корыстное существо в мире» и т.д. И как только он выдержал, прожи-

вая среди треклятых галлов почти семь лет!

Ростопчин вернулся на родину в середине 1823 года. Москва уже начала залечивать раны и отстраиваться при новом генерал-губернаторе князе Дмитрие Владимировиче Голицыне (ему затем будет оказана величайшая честь – за свои заслуги по восстановлению города государь присвоит ему титул Светлейшего). А в Первопрестольной уже успели позабыть о претензиях к бывшему градоначальнику. Многие чиновники пришли засвидетельствовать ему свое почтение. Узнававший Ростопчина простой народ на улицах подходил к нему, жалел своего состарившегося бывшего градоначальника. В декабре того же года было удовлетворено и его прошение об отставке с государственной службы.

Последние годы жизни графа были связаны в основном с потерями. К сожалению, семья вряд ли могла стать подспорьем в борьбе с тяжелыми жизненными обстоятельствами. Да и семьи-то как таковой уже не было. Немало хлопот давно уже доставляла Ростопчину его жена, Екатерина Петровна. Вот уж от кого не ожидал он поддержки перед ударами судьбы. Они стали чужими людьми. Началось это еще в 1806 году,

Победоносное вступление союзников в Париж 19/31 марта 1814 года.

Худ. И.Ф. Югель с оригинала У.Л.Ф. Вольфа

когда графиня перешла в католичество, а затем пыталась обратить в чужую веру детей: трех дочерей, Наталью, Софью и Елизавету и двух сыновей, Андрея и Сергея.

Сын Сергей, к слову сказать, служил в армии, участвовал в военных походах 1813–1814 годов, но моральной устойчивостью не отличался. Много пил, играл в карты, был в долгах. Опекавший Сергея во время войны Закревский всячески пытался наставить его на путь истинный: «Не желаю опечалить г. Федора Василича при приезде сына его в Москву; нужным считаю вас уведомить, Любезный друг, при случае сказать Г. Ф. В., что лечение сие сыну его необходимо и уплата долгов, также кои, по мнению моему, простираются до 25 т., а может стать, и больше;

сын может откровеннее ему во всем признаться».²¹⁹

В дальнейшем Сергей Ростопчин не радовал отца, расстроив свое здоровье постоянными кутежами. Находясь после 1815 года за границей, он и вовсе попал в долговую тюрьму из-за отказа отца оплатить очередной долг в 75 тысяч рублей.

Ростопчин боролся с супругой за влияние на детей. Но даже и здесь сил ему не хватало. В 1825 году умерла его младшая дочь Елизавета. Перед смертью дочери мать почти насильно склонила ее к принятию католической веры. Ростопчин, узнав об этом, уже после кончины Елизаветы упросил мос-

²¹⁹ Закревский А. А. Письмо Булгакову А.Я., 28 апреля 1814 года. Париж // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М., 2003. – С. 42–43. – [Т. XII].

ковского митрополита, несмотря на открывшиеся обстоятельства, похоронить ее на православном кладбище.

«Ростопчина вела пропаганду; она давала мне разные католические книги, не просто благочестивые. Ростопчина основала при Московской католической церкви богадельню, которая до сих пор существует. Я слышала от нее самой, что в доме их в 1812 году у нее было много колибри в оранжерее, которых французы зажарили и съели. Дом их был на Лубянке и очень хорош и великолепен. Мы в 1837 году обедали у нее и бывали несколько раз», — вспоминали мать и дочь Елагины.

Нужно ли говорить о том, каким тяжким бременем лежала на душе у Ростопчина невозможность устройства своей собственной семьи по «русским правилам», жить по которым он наставлял всю остальную Россию. Ненависть к французам была вызвана и тем обстоятельством, что именно французские проповедники влияли на его близких больше, чем он сам. Он призывал изгонять из России французов, а из собственного дома не волен был их выдворить.

А здоровье Ростопчина становилось все хуже. Он реже и реже выезжал в свет. Из «Последних страниц, писанных графом Ростопчиным» в конце ноября 1825 года узнаем мы о подробностях московской жизни, изменившийся с получением известия о смерти Александра. Принимать присягу Константину в Успенский собор Ростопчин не поехал, сославшись

на нездоровье. Взгляд его на происходящие вокруг события был по-прежнему скептичен: «Народ равнодушен и несколько доволен, ибо ожидаются милости при коронации. Видно несколько горести напоказ... Дворянство, раздражаемое, разоренное и презираемое, довольно. Военные надеются, что их менее будут мучить».

За месяц до своей смерти Ростопчин узнал о восстании на Сенатской площади, высказавшись по этому поводу вполне остроумно: «В эпоху Французской революции сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями; у нас графы и князья хотели сделаться тряпичниками и сапожниками».

Скончался Федор Васильевич Ростопчин 18 января 1826 года, похоронили его на Пятницком кладбище Москвы.

Кем же был Федор Васильевич Ростопчин в большей степени — политическим деятелем или писателем? Сам граф писал про себя, что кем бы его не назвали, но лакеем он никогда не был. Действительно, он относился к той немногочисленной породе политиков, что всегда отстаивали свое мнение, не взирая на лица. Но это же отсутствие гибкости и превратило его политический опыт в забег на короткие дистанции: пять лет при Павле, два года при Александре. А он-то рассчитывал на большее, не считаясь с политической конъюнктурой, которая и является главным двигателем карьерного роста во все времена. Просидев десять лет в отставке, он потерял время, оставшись все тем же вельможей павловской эпохи.

Его взгляд на мир и убеждения не поменялись. В 1812 году Ростопчин вернулся, но эпоха-то была уже другая! Похоже, граф не понял этого и продолжал с упорством, достойным лучшего применения, не только отстаивать свои принципы, но и воплощать их на практике в Москве. Это и подвело его к пожару, как единственному и быстрому выходу из сложившейся ситуации. Хотя, как мы могли убедиться, не меньшую ответственность несет за это и Кутузов. Но Кутузов скончался через год после окончания Отечественной войны, в 1813 году, и тем самым получил право войти в категорию лиц, о которых и плохо не говорят и как победителей не судят.

Наиболее точная характеристика Ростопчина принадлежит его современнику Петру Вяземско-

му: «Между тем в графе Ростопчине было несколько Ростопчиных. В Ростопчине, сверх русским свойственной восприимчивости и гибкости, была еще какая-то особенная и крепко выдающаяся разноплеменность. Он был коренной русский, истый Москвич, но и кровный Парижанин. Духом, доблестями и предубеждениями был он того закала, из которого могут в данную минуту явиться Пожарские и Минины; складом ума, остроумием, был он, ни дать ни взять, настоящий Француз. Он французов ненавидел и ругал на чисто Французском языке; он поражал их оружием, которое сам у них заимствовал. В уме его было более блеска, внезапности, нежели основательности и убеждения». Только такой человек и мог поджечь Москву.

Панорама Кремля. Начало XIX века. Гравюра Э. Финдена.

«Пожар Москвы потушен кровью русского сердца»

Слова из рескрипта Александра I, обращенного к графу Ростопчину, вынесенные в название этой главы, довольно точно и красноречиво характеризуют произошедшие два века назад события. Московский пожар 1812 года стал трагедией, не имеющей аналогов в мировой истории. Но вероятная победа Наполеона над Россией обрела бы все возможные черты еще большего горя, и даже катастрофы.

Что и говорить, и французы, и русские оказались не слишком изобретательны в выборе средств борьбы с неприятелем в городских условиях. А ведь выбор был – бои на улицах города, превращение каждого дома в крепость – таких примеров было во множестве уже в дру-

гую Отечественную войну, которую зовем мы Великой. А в Отечественную войну 1812 году Москву просто предпочли спалить. Отличие лишь в том, что русские сожгли свою Москву сначала, а французы хотели ее взорвать в конце, и притом Москву чужую. Еще одно важное обстоятельство – когда в 1814 году великая справедливость восторжествовала, и русские войска добрались до окрестностей Парижа, французам даже в голову не пришло подпалить свою столицу. Они боялись другого – русские в отместку запалят столицу Франции. Но русский народ показал свое великодушие. Потому столь торжественным был въезд императора Александра I в побежденный город.

Могла ли Москва остаться в живых? Конечно, могла. Другой вопрос, каким был бы исход Отечественной войны, и закончилась бы она в 1814 году. Но главнокомандующим русской армии был Кутузов, который (хоть и одним глазом) видел стратегический выигрыш в том, что Москва должна быть пожертвована ради спасения России. Он рассчитывал, что в то время, пока наполеоновские солдаты будут грабить Москву, русские получают передышку и сумеют перегруппироваться. Также как Ростопчин отдал Верецагина на растерзание толпе, так и Москву

*Император Александр I,
российский самодержец. 1815 г.*

Кутузов кинул на расправу французам. Может быть, другой на его месте придумал что-нибудь иное, но другого главнокомандующего у России в то время не было.

То, что Москва сгорела, — это уже следствие стратегии Кутузова. И не для того оставлял он Москву французам, чтобы они в ней перезимовали. Вот почему ответственность за пожар Москвы несут два человека — генерал-фельдмаршал Кутузов и генерал от инфантерии Ростопчин. Один не защитил Москвы, другой — оставил ее. Спорить здесь можно лишь о степени вины каждого и о том, насколько вина одного повлекла вину другого.

А как же Александр I? В споре на тему, кто виноват в поджоге Первопрестольной, главнокомандующий армии или Москвы, как-то не находится место для государя. В этой связи к месту будет вспомнить еще одну интересную версию происхождения пожара. Д.П. Рунич указывает нам на то, что главным инициатором сожжения Москвы был не кто иной, как лично государь император Александр I. Это довольно интересное предположение не лишено оснований, ведь, в самом деле: кто еще мог взять на себя такую историческую ответственность? Пожар, полагает осведомленный Рунич, мог быть задуман «только самим императором», его приказано было исполнить лишь в последней крайности, когда опасность угрожала бы всей Империи». Условия наступления этой «крайности» и могли обсуждать Ростопчин и Александр во время монаршего визита в Москву. Ска-

жем больше: зная Ростопчина, то, как в самых разных случаях граф спешил залезть «вперед батьки в пекло», предлагая царю сначала приговорить Верещагина к высшей мере, а затем заменить ее ссылкой, мы можем с большой вероятностью предположить, что он сам и мог сгитировать царя на пожар Москвы. Недаром государь оставил его полным хозяином положения, переложив на Ростопчина весь груз принятия тяжелого решения.

Александр самоустранился от принятия главного решения. Это ему было вполне свойственно. Вспомним, трагическую гибель Павла I, который был ему, прежде всего, отцом, а уж затем монархом. Александр сыграл в этой позорной истории крайне отрицательную роль, за что его и осуждал Ростопчин. Александр не был среди заговорщиков, совершивших той ночью 1801 года свое черное дело в Михайловском замке. Но он был с ними духовно, особо не препятствуя воплощению коварного замысла, направляемого, по словам того же Ростопчина, из английского посольства. А после смерти отца он взошел на престол, как ни в чем не бывало. И вроде как и не при чем. Так же получилось и в Москве. Всех собак повесили на Ростопчина. Русская пословица «победителей не судят» в этот раз не сработала.

Фигура Ростопчина до сих пор выглядит настолько зловещей, будто это он, Федор Васильевич, допустил французам до Москвы, проигрывая сражение за сражением. Но ведь это не так. Сначала «лавы» главного виновника до-

Триумфальные ворота у Тверской заставы. Худ. Ф. Бенуа. 1845–1850 гг.

стались Барклаю. Затем все ликвидировали от назначения Кутузова, не остановившего отступления и давшего сражение почти у самой Москвы, при Бородине. А когда в итоге битвы стало ясно, что никаких сил не хватит дать следующее сражение – за Москву, то Кутузов и задумал ее оставить. Для Кутузова как профессионального военного главной ценностью была армия, а не Москва. Он даже царя не считал нужным поставить в известность: «Князь Михаил Илларионович. С 29-го августа не имею Я никаких донесений от вас. Между тем, от 1-го сентября получил Я через Ярославль от Московского главнокомандующего печальное известие, что вы решились с армией оставить Москву. Вы сами можете вообразить действие, какое произвело сие известие, а молчание ваше усугубляет Мое удивление...»²²⁰ Кутузов был настолько высокого мне-

ния о себе, что ни Александр, ни Ростопчин не смогли бы изменить его решения.

Ну а Ростопчин еще в 1807 году предупреждал об опасности слишком тесного сближения с Францией, о все растущем влиянии французской колонии в России, со временем превратившейся в пятую колонну. И как итог – куча французов, ждущих Наполеона, как отца родного, в опустевшей Москве. Много ли мог успеть сделать Ростопчин за месяц с небольшим, получив назначение в Москву? Сделал немного, а вот написал достаточно.

Самоустранение Александра, самонадеянность Кутузова и многолетняя государственная невосребованность Ростопчина и послужили вкупе своеобразным запалом московского пожара, разом уничтожившего все имеющиеся у Наполеона преимущества и навсегда похоронившие его планы по созданию огромной империи от Ла-Манша до Урала.

²²⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война: юбилейное издание, 1812 – 1912. – СПб, 1912. – С. 111.

Именной указатель

- Акинфов, Ф.В. 164
 Александр I 10, 13, 15, 18, 20-22, 26, 32-37, 40-41, 44, 47, 49, 52, 55, 57-66, 72, 75, 77-79, 83-84, 86, 89, 103-104, 107, 115, 117, 126, 130, 140, 148, 151, 156, 158-159, 161-162, 197, 206-208, 214-220, 222-223, 229, 238, 258, 264, 275, 287, 292, 297, 303-304, 308, 310, 313-314
 Алопеус, Д.М. 117
 Анненков, П.В. 29
 Апраксин, С.С. 106
 Аракчеев, А.А. 21-22, 55, 60, 63, 140
 Багратион, П.И. 64, 108
 Баженов, В.И. 188
 Балашов, А.Д. 34, 38, 55, 60, 62-63, 70, 119
 Барклай-де-Толли, М.Б. 64-67, 83, 89, 98, 164, 314
 Бартенев, П.И. 91, 129, 184
 Бассано, Ю. Маре, герцог 94, 259
 Баташев, И.Р. 150
 Безбородко, А.А. 14, 17, 20
 Беккер, Ф.В. 130, 143, 145, 248, 266, 295
 Белинский, В.Г. 30
 Бенкендорф, А.Х. 212, 278, 286-287, 290-292
 Беннигсен, Л.Л. 25, 221
 Бертье, А., князь Невшательский 161, 164, 216, 274
 Бестужев-Рюмин, А.Д. 42-43, 45, 58, 62, 68-70, 97, 110-111, 118, 126, 133-134, 159, 174, 201, 224-225, 229, 232, 236, 286, 292-293, 296
 Бецкой, И.И. 198
 Бланк, К.И. 188, 198
 Богарне, Э.Р., принц 151
 Бочкарев, В.Н. 33
 Брокер, А.Ф. 69, 79-80
 Брусье, Ж.Б. 262
 Булгаков, А.Я. 41, 44, 67, 83-84, 120, 232, 261, 281, 291, 294, 299, 304
 Булич, Н.Н. 23
 Бургонь, А.Ж.-Б. 103, 121, 137, 139, 144, 151-152, 154-155, 161, 163, 166, 175-180, 187, 190, 238, 241, 250, 254, 261, 263, 265, 273-274
 Бурсе, А. 255
 Бутковский, Н.Я. 122
 Бутурлин, Д.П. 22
 Быковский, М.Д. 198
 Верещагин, М.Н. 46, 63, 68-71, 75-80, 83, 125-130, 150, 184, 221, 312-313
 Вигель, Ф.Ф. 131
 Виллерс, Ф.Н. 136, 237-239
 Вильгельм I, король Вюртембергский 117
 Вильсон, Р.Т. 25, 221
 Винцингероде, Ф.Ф. 221, 277, 278, 286
 Вюртембергский А., принц 122
 Витгенштейн, П.Х. 96
 Власов, А. 70
 Волкова, М. 298-299, 302
 Волконский, Д.М. 43, 47, 55, 59-61, 67, 84, 95, 98, 103, 108-109, 112, 115, 119, 122, 128-129, 197, 295
 Вороненко, П. 165, 187, 262, 291
 Воронцов, С.Р. 13-14, 108-119
 Вяземский, П.А. 11, 22, 32, 53, 140, 311
 Вязмитинов, С.К. 236
 Гейм, И.А. 231
 Гельман, И.А. 287, 291-292
 Георгиев, Е. 267
 Герасимов, А. 269
 Герцен, А.И. 30, 215
 Гильбер, М. 255
 Глинка, С.М. 60-61, 307
 Голицын, А.Б. 107-109, 181
 Голицына, Н.П. 28
 Голицын, Б.А. 28, 300

- Голицын, Д.В. 308
 Голицын, С.М. 201
 Григорьев, А.Г. 198
 Гудович, И.В. 39, 41-46, 73, 86
 Гурич 291
 Гурьев, Д.А. 251
 Даву, Л.Н., принц Экмюльский 151, 215, 259, 262
 Дамплу 256
 Дарю, П. 169-173, 222, 230
 Дедем де Гальдер, А. 222, 255
 Д'Изарн Вильфор, Ф.Ж. 91, 211, 221, 230, 238, 254, 260, 264, 286
 Дмитриев, И.И. 34, 293, 296, 303
 Дмитриев, М.А. 32
 Домерг, А. 86-89, 115
 Дубровский, П.П. 44
 Дурасов, Е.А. 75, 76, 247
 Душенкевич, Д.В. 100-101
 Дюма, М. 230-231
 Дюрок, Ж.К.М. 231
 Дюронель, А.Ж.О. 202
 Екатерина II 11, 14, 16-18, 28, 36, 44, 188, 197
 Екатерина Павловна, княжна 35, 37
 Ермолов, А.П. 25, 102
 Жиллярди, Д.И. 198, 202, 300
 Жуковский, В.А. 31
 Загряжский, И.А. 181
 Закревский, А.А. 89, 300, 303, 308-309
 Ивашкин, П.А. 76, 91, 291, 300
 Измайлов, Л.Д. 62
 Иловайский, В.Д. 195, 212, 276, 278, 284, 286-287, 291-293
 Казаков, М.Ф. 198
 Кампореци, Ф. 188
 Карамзин, Н.М. 34, 53-54
 Кваренги, Д. 188
 Ключарев, Ф.П. 63, 69-80, 130
 Коленкур, А.О.Л. 158, 180-181, 217-220, 226-227, 256, 260, 264, 273
 Колчугин, Г. 232, 236
 Комаровский, Е.Ф. 55
 Компан, Ж.Д. 151
 Константин I, император 310
 Кривцов, Н.И. 211
 Кутузов, М.И. 25, 43, 64-67, 72, 74, 78, 82-83, 93, 95-96, 102-106, 109, 130-131, 140, 146, 151, 158-159, 164, 186-187, 192, 200, 216, 219, 223, 240, 245, 306, 311-314
 Лажечников, И.И. 244, 291, 298
 Ламур 136, 137
 Ларрей, Ж.Д. 193
 Лебедев В.И. 198
 Делорн де Девиль 160, 205-206, 224
 Леппих, Ф. 115-118, 131, 223, 227, 239, 248, 261-262, 276-277
 Лессепс, М. 203, 206, 210, 212, 217, 226-229, 231, 247, 286
 Липранди, И.П. 167
 Лопухина, А.П. 21
 Лористон, Ж.А.Б. 25, 151, 192-193, 219-264, 279
 Ложье, Ц. 139, 143, 241
 Магнитский, М.Л. 70
 Мария Федоровна, императрица 199, 202, 207, 212-213
 Мережковский, И. 165, 244, 286
 Местр, Ж. 273
 Мешков, П. 68, 70-71, 77, 79, 130
 Мещеряков, А.О. 14
 Милорадович, М.А. 82, 95, 164, 248
 Мордвинов, Д.М. 73, 74
 Мортье, А.Э.К.Ж., герц. Тревизский 90, 151, 203, 216-217, 225-227, 238, 265, 276-278
 Мутон, Ж. 125, 130, 184
 Мюрат, И., король Неаполитанский 92, 142, 146, 149-150, 158, 172, 248
 Наполеон, Бонапарт 5-9, 20, 28-37, 40-51, 57-63, 67-71, 76-80, 86, 89-96, 102-107, 113, 117, 128-142, 148, 151, 155-169, 174, 180-182, 186, 193-194, 200-230, 236-266, 272-280, 284, 290, 295, 300, 306, 314
 Нарышкин, А.Л. 35, 165
 Нарышкина, Н.Ф. 165
 Нахоткин, П. 229, 232, 252
 Ней, М. 216, 231
 Нелидова, Е.И. 20-21
 Новиков, Н.И. 36, 72, 98
 Нордберг, И. 275

- Норов, А.С. 192-194, 279
 Обер-Шальме, М. 90-92, 257, 300
 Обрезков, Н.В. 58, 294
 Оленин 291-292
 Ольденбургский, Г.П., принц 35, 122-221
 Орлов, А.Г. 18
 Павел I, император 6, 10-11, 16-22, 25-26, 32, 33, 36, 40, 44, 46, 65, 74, 181, 199, 246, 310, 313
 Пален, П.А. 21
 Переплетчиков, И. 234
 Пернетти, Ж.М. 175
 Петр III 18
 Платов, М.И. 118
 Платонов, П. 269
 Поздняков, П.А. 255
 Позняков, И.Г. 233, 236
 Понятовский, Ю.А. 266
 Протасова, А.И. 16
 Протасова, А.С. 16
 Протасов, Е.П. 273
 Протасов, П.С. 16
 Пушкин, А.С. 52
 Пушкин, В.Л. 28
 Пыляев, М.И. 255
 Разумовский, А.К. 74, 150, 281
 Рейнгард, Ф.Х. 94
 Ринальди, А. 188
 Робе, Ф. 234
 Ростопчина, Е.П. 17, 308
 Ростопчин (Растопчин), Ф.В. 5-314
 Ростопчин, С.Ф. 309
 Румянцев, Н.П. 28, 36
 Рунич, Д.П. 74, 79, 81, 99, 127-128, 313
 Салтыков, Н.И. 47, 79, 281
 Салтыков, П.С. 170
 Сальватори 46, 86
 Свербеев, Д.Н. 58
 Свиридов, А. 71
 Сегюр, Ф.П. 59, 115, 135, 138, 146, 160, 164, 186, 220, 241, 256
 Сен-Сир, Л.Г. 260
 Снегирев, И.М. 119
 Соков, М. 149-150
 Сперанский, М.М. 36, 38, 70, 74, 79
 Спиридов, Г.Г. 291, 300
 Спиридонов, А.П. 71
 Стендаль, Ф. (Бейль А.) 169-170, 173, 255, 306
 Суворов, А.В. 13-14
 Тарквинио, М.А. 256
 Тарле, Е.В. 26, 71, 78, 79, 221, 259, 262
 Толстой, Л.Н. 29, 52, 54-55, 101, 114, 125, 131, 173, 259
 Тончи, Н.И. 126-128
 Торкель, К.К. 182
 Тормасов, А.П. 82, 303
 Турне 86
 Тутолмин, И.В. 73, 112, 197, 200-213, 286, 293
 Уваров, А.С. 91
 Фельтон, Ю.М. 198
 Фэн, А.Ж.Ф. 205-207
 Харузин, Е. 147, 159, 183, 229, 237, 250, 265-266, 270, 272, 284
 Христиани, П.Х. 202, 205
 Христиани, Х.Х. 202, 209
 Чернышев, А.И. 74, 278
 Чихирин, К. 48-49
 Чичагов, П.В. 21, 82
 Шаликов, П.И. 208, 214, 227, 251-252, 272, 277, 284
 Шаховской, А.А. 181-182, 287, 291-292
 Шишков, А.С. 31, 38, 55, 60-61, 303
 Штельцер, Х. 230, 231
 Щербачев, И. 92, 234
 Яковлев, И.А. 215, 217
 Янькова, Е.П. 106, 283

Содержание

Муравьев В.Б. Память двенадцатого года.....	3
Крестовый поход на Россию?	5
Граф Ростопчин как предвестник войны	10
Франция как объект для подражания, или «Долго ли нам быть обезьянами?»	28
«Недовольство императором усиливается».....	34
«В Москву, в Москву!»	39
Москва в ожидании перемен	42
Война началась, или Афиши графа Ростопчина	47
Приезд Александра I	55
Ростопчин и Кутузов: двое в одной лодке	64
Начало дела Верещагина.....	68
Ключарев: изверг с московского почтамта	72
«Закидаем шапками французов!»	82
«Сибирь» – самое страшное слово для московских иностранцев.....	86
Москва в шпионской сети.....	90
Московские купцы: «Кому война, а кому мать родна!»	95
Эвакуация раненых и казенного имущества.....	98
Кутузов: «Москва – это губка, которая поглотит французов»	105
После Бородина: последние дни перед сдачей Москвы.....	108
История с воздушным шаром.....	115
Паника и отъезд москвичей: «Ученая тварь едет из Москвы».....	119
2 сентября: «Последний день Москвы»	122
«Вот изменник! От него погибает Москва!»	125
Защитники Кремля	133
Наполеон на Поклонной горе.....	135
Русские офицеры: «До чего дошла Россия!»	140
Французы: «Москва пуста?!»	142
Москвичи: «Англичане нам помогут!».....	147
Французы хозяйничают в Первопрестольной	149
3 сентября: Наполеон в Кремле.....	156

«Жги Москву! Спасай Россию!»	164
Горящая Москва глазами Стендаля	169
Огненный ад вместо райской жизни	174
Как французы Москву тушили	178
Борьба с поджигателями	187
Тяжелая участь русских раненых. Миска с бульоном от Лористона	192
Как москвичи Воспитательный дом отстояли	197
Сидение Наполеона на Москве: поиски мира продолжаются	214
Наполеон создает муниципальный совет	224
Процесс над поджигателями. Так кто же поджег Москву?	240
Повседневная жизнь при французах	247
Наполеон на подмостках московской сцены	255
Наполеон как проводник демократии в России	257
Варвары-французы и Иван Великий	261
Глумление над православными святынями	267
Октябрь: последние дни французов в Первопрестольной	275
Печальные итоги	281
«Москва очищена...»	285
«Вот она, наша спасительница!»	294
«Пожар способствовал ей много к украшению!»	302
«Француз – самое тщеславное существо в мире»	308
«Пожар Москвы потушен кровью русского сердца»	312
<i>Именной указатель</i>	315

Васькин Александр Анатольевич

**“Москва,
спалённая пожаром”**
**Первопрестольная
в 1812 году**

Корректор:
кандидат филологических наук
М.Ю. Баринова
Компьютерная верстка:
О.Н. Якушина
Дизайн обложки:
Е.В. Курмесо́ва

На обложке: репродукция картины художника Г.Э. Опица
«Казачи на улице, ведущей к Вандомской площади» 1814 г.

Издательство «Спутник +»
109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8а
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9.00 до 18.00)
www.sputnikplus.ru E-mail: sputnikplus2000@mail.ru
Формат 70×108/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20.
Тираж 1000 экз. Заказ